

6.

ЗАПИСКИ

О

Ю Ж Н О Й Р У С И .

І .

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

Публикация Г. С. Соловьева.
ИЗДАТЕЛЬ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С¹.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

XLK 759.50 (1-2)
~~27233.43~~

ОСТ 131883.

Hindland.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Марта 1856 года.

Ценсоръ *Н. Фоль-Крузе.*

KULISH
=
"ZAPISKI
1-2"

Въ Типографіи Александра Яковсона.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ КНИГИ.

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ Сѣверно-Русскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію, или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ Южно-Русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать, въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ, *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный Русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣденій о народѣ; говорящемъ языкомъ

Южно-Русскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны, какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ Записокъ занятъ преимущественно историческими воспоминаніями Малороссійскаго, или Южно-Русскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и снабжены необходимыми поясненіями. Съ одной стороны, это — лѣтопись былого, незаписаннаго старинными людьми; съ другой — это вѣрное отраженіе внутренняго образа Южно-Русскаго племени, какимъ оно было въ-старину и какимъ видимъ его теперь.

О ПЕРЕВОДѢ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДУМЪ И ПРЕДАНІЙ.

Такъ какъ языкъ нашихъ Малороссійскихъ думъ и преданій доступенъ не всѣмъ Великорусскимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ приложить къ нимъ возможно точный переводъ. Я говорю *возможно точный* потому, что передать въ-точности характеръ Южно-Русской рѣчи на Сѣверно-Русскомъ языкѣ нѣтъ никакой возможности, по недостатку многихъ соотвѣтственныхъ формъ въ языкѣ Сѣверно-Русскомъ. Часто то, что по-Малороссійски выражается нѣжно и живописно, по-Великорусски выходитъ грубо и вяло. Поэтому многое надобно было оставлять безъ перевода, а иное переводить оборотами, далекими отъ дословной точности. Вообще я долженъ сказать, что весь мой переводъ есть только средство къ

уразумѣнію подлинника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводаемо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлюсь на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, прозведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописаніе и пріиспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *прійшли*, *минули*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы*, *мы*, и. т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми*, *ви*, но никогда не скажетъ *вы*, или *ми*, такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образ-

помъ служить для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно Полтавско-Чигиринское, — вовсе нѣтъ звука *ы*, а потому я и исключилъ его изъ своего правописанія. Напримѣръ слово *волы* произносится Малороссіянами похоже на то, какъ еслибы написать это слово Французскими буквами (*voly*). Мягкое *и*, заключающееся въ этомъ словѣ, я выражаю, за неимѣніемъ въ Русскомъ алфавитѣ болѣе соотвѣтствующаго ему звука, осьмеричнымъ *и*; а острое *и* (напримѣръ въ словахъ *кони*) я выражаю десятиричнымъ *і*.

Буква *е* въ Малороссійскомъ языкѣ произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ Великорусскомъ словѣ *дерево*, а близко къ тому, какъ во Французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерево* по-Малороссійски надобно произносить такъ, или почти такъ, какъ еслибы оно было напечатано Французскими буквами (*dé-révo*). Но есть въ Малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ Великорусскомъ словѣ *денегъ*. Это *е* я выражаю буквою *є* (напримѣръ въ словѣ *зілє*).

Къ этому надобно еще прибавить, что буква *о* никогда не произносится какъ *а*, но всегда такъ чисто, какъ во Французскомъ языкѣ.

Многія Малороссійскія слова различаются отъ Великорусскихъ только удареніемъ, и потому Великороссіянинъ, взявшись читать по-Малороссійски, безпрестанно

IX

впадаетъ въ такія непріятныя для слуха ошибки, какъ еслибы кто по-Великорусски читалъ такимъ образомъ: *Прішла служанка отъ сѣзда*. Для устраненія этого важнаго неудобства, я ставлю надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ острое удареніе. А чтобы показать повышеніе и пониженіе голоса рассказчика, или декламатора (пѣвцы, читая свои думы, декламируютъ ихъ какимъ-то особеннымъ, какъ-бы заученнымъ способомъ), я ставлю надъ нѣкоторыми словами удареніе тяжелое. Если въ словахъ, имѣющихъ букву *i*, удареніе не поставлено, это значить, что его надобно сдѣлать на этой буквѣ. Но въ словахъ, имѣющихъ два раза букву *i*, я ставлю надъ одной изъ нихъ удареніе.

ИЗДАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Важность изученія народной словесности. Стр. 1.

Старосвѣтскіе нищіе-пѣвцы и нищіе нашего времени. Стр. 2.

Кобзарь Архипъ Никонѣнко 'Оржицкій. Стр. 7 — 14.

Нищіе въ Малороссійскомъ протонародѣ занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Стр. 43. *Они играютъ роль воспитателей народа.* Стр. 45.

Кобзарь Андрей Шуть Александровскій Стр. 43—51, 63—65.

Разсказчикъ Семень Юрчѣнко Мартыновскій. Стр. 65—73.

Лирникъ Дмитро Погорьлый Звенигородскій. Стр. 81, 95.

Думы уцѣляли только на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Это объясняется не столько событіями Колійвщины, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Стр. 82.

Заселеніе праваго берега Днѣпра стараніями Польскихъ пановъ. (Народонаселеніе начало быстро уменьшаться во время войнъ Хмѣльницкаго. — Два послѣднія переселенія. — Запустѣніе западной Украйны. — Новыя поселенія: старосты и магнаты; дворяне; права шляхтѣ на »заложеніе осадъ«; военные колонизаторы. — Зазывы на »слободу«. — Повинности. — Чѣмъ обогащалась шляхта. — Враждебные жизненные элементы. — Сосѣдство Запорожцевъ. — Набѣги гайдамакъ.) Стр. 82 — 93.

Тождество гайдамацкихъ набѣговъ съ войнати Богдана Хмѣльницкаго. Стр. 94, 245, 285.

Когда жилъ и умеръ сотникъ Харкó? Стр. 96 — 99.

Разсказчикъ Кондратъ Таранúха Смилянскій. Стр. 99.

Трудность собиранія пѣсень и преданій. Стр. 100.

Равнодушіе народа къ исторіи Малороссіи. (Загадочность настоящаго состоянія его духа.) Стр. 121 — 122.

Сбивчивыя понятія нашихъ историковъ о Паліи. (Онъ былъ одинъ изъ колонизаторовъ западной Украйны.) Стр. 128 — 131.

Думы, забытыя народомъ, продолжаютъ иногда существовать въ формѣ прозаическихъ расказовъ, со стихотворными отрывками. Стр. 169 — 170.

Воспоминанія народа объ отдаленнѣйшей Кіевской старинѣ. (Преданіе о морскихъ походахъ первыхъ Кіевскихъ князей, сохранившееся въ формѣ думы.) Стр. 171 — 172.

Историческія думы и пѣсни складываемы были не по воспоминаніямъ о старинѣ, а по свѣжимъ слѣдамъ событій. (Одиссей слушалъ рапсодію о себѣ самомъ. — Рапсодіи народовъ новаго образованія. — Невѣста Тимоея Хмѣльницкаго слушала думу о немъ. — Епископъ

ХІІІ

Львовскій сложи́лъ думу о гетманѣ Самойловичѣ. — Пѣсня о Паліи въ Сибири выражаетъ моментъ сочиненія.) Стр. 178 — 180.

Поэтическое творчество Малороссійскаго народа перешло къ его литературнымъ представителямъ. (Аналогія между Гомеровыми ропсодіями и Малороссійскими думами. — Гомеръ и Вальтеръ Скоттъ. — Раздѣленіе народа цивилизаціею есть залогъ высшаго духовнаго развитія. — Виѣсто бандуристовъ, цивилизованному Малороссійскому обществу нужны поэты.) Стр. 180 — 185.

Сочинителями историческихъ думъ и пѣсень были не нищіе слѣпцы, а очевидцы и участники воспѣтыхъ происшествій. (Разборъ думы о смерти козака бандуриста. — Палій въ Сибири игралъ на бандурѣ. — Популярное изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ. — Слѣпцы — нищіе учились думамъ у козаковъ-воиновъ.) Стр. 185—193.

Эпосъ былъ въ большомъ ходу въ княжеской, а потомъ и въ козацкой Южной Руси. (Молчаніе лѣтописцевъ о думахъ и пѣсняхъ. — Памятникъ эпическаго развитія народной Южно-Руской поэзіи, «Слово о Полку Игоревѣ». — Кѣмъ онъ могъ быть написанъ и какимъ измѣненіямъ могъ подвергнуться. — Остатки славословія князьямъ уцѣлили донынѣ въ «щедривкахъ». — Высокое совершенство языка Малороссійскихъ женскихъ пѣсень. — Старосвѣтскіе бандуристы пѣли послѣдовательно рядъ историческихъ думъ, подобно Гомеру. — «Послѣдній менастрель» козацкій продаетъ слѣпцу свою бандуру и учитъ его думамъ.) Стр. 193—199.

«Невольницкія» думы сложены самими невольниками. (Въ Турціи образовалась какъ-бы цѣлая нація невольниковъ. — Они безпрестанно мѣнялись ролями съ вольными козаками.) Стр. 211 — 215.

Заслуги собирателей народныхъ пѣсень. Стр. 221.

Самъ народъ есть лучший памятникъ своей прошедшей жизни. Стр. 135.

XIV

Малороссіяне—простолюдины не называютъ себя ичае, какъ «люде». Стр. 235.

Неумькье нашихъ этнографовъ взяться за допросъ народа о его умственныхъ сокровищахъ. Стр. 236.

Разсказчикъ Василь Суддѣнко Черкасскій. Стр. 238 — 240.

Разсказчикъ Харко Цехмістеръ Черкасскій. Стр. 240, 251, 267.

Путешествіе пьшкомъ изъ Чигирина въ Суботово. Стр. 268. 270.

Разборъ пьски о войнахъ Хмельницкаго, записанной въ Суботовь. Стр. 271 — 273.

Разсказчикъ Омѣлько Каплаужій Суботовскій. Стр. 274 — 275.

Монастырскій разсказчикъ. Стр. 279.

Старосвятскіе Малороссійскіе балагуры-самонасмьшники. Стр. 288.

Старики и старухи, разсказывающіе, подобно Данту, о видѣніяхъ своихъ на томъ свѣтѣ. Стр. 303 — 304.

В.

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

О Золотыхъ Воротахъ. (Кіевскія Золотыя Ворота перенесены «лицаремъ» Михайликомъ въ Цареградъ; но будетъ такое время, когда они воротятся на прежнее мѣсто.) Стр. 3.

Жидовскіе откупы до Хмельницкаго. (Церковные ключи хранились у Жида-откупщика.) Стр. 166.

Пограничные схватки жолнѣровъ съ козаками. (Жолнѣры и Запорожцы сходились въ одинъ шинкъ и, заспоривъ между собой, дрались на сабляхъ. Отсюда началась козацкая война.) Стр. 110.

Хмельницкій и Барабашъ. (Ляхи притѣсняли козаковъ. Козаки жаловались королю. Король далъ козакамъ »права«; но Барабашъ утаилъ ихъ отъ земляковъ. Хмельницкій хитростью добылъ отъ Барабаша »права« и ушелъ съ ними въ Сѣчь.) Стр. 166.

Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи. (Жолнѣры стояли на Запорожьи и брали десятую рыбу на рыбныхъ козацкихъ ловляхъ. Хмельницкій истребилъ ихъ.) Стр. 275.

Плата Хмельницкаго за плънныехъ. (За Ляха платилъ онъ по рублю, а за ксенза по три полтины.) Стр. 276.

Хмельницкій надъ Случью. (Отобралъ у своихъ козаковъ все деньги.) Стр. 148.

Легенда о Богданѣ Хмельницкомъ. (Прогнавши Ляховъ за Случь, онъ поставилъ надъ Случью, на страхъ имъ, вѣтряные барабаны, а самъ поѣхалъ къ королю просить прощенія. — Онъ долженъ былъ узнать короля между двѣнадцатю палачами. — Свиданіе съ королемъ). Стр. 114.

Преступленія и казнь Юрія Хмельницкаго. (За разореніе отцовской церкви, онъ осужденъ, до второго пришествія, скитаться въ горахъ и питать своею кровью змѣю.) Стр. 277.

Легенда о Мазепѣ и Паліи. (Мазепа заложилъ Палія кирпичомъ въ столбѣ. Царь Петръ освободилъ Палія, и Палій очаровалъ Мазепино войско.) Стр. 115.

Вторая легенда о Мазепѣ и Паліи. (Степанъ Плаха [Палій]

предсказавъ Царю Петру возстаніе Мазепы. — Петръ заключилъ Палія въ темницю. Если правду онъ пророчилъ, то будетъ жить тридцать лѣтъ однимъ нюхательнымъ табакомъ. — Когда Мазепа дѣйствительно оказался врагомъ Царя Петра, Царь освободилъ Палія изъ темницы, и тотъ очаровалъ приверженцевъ Мазепы. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Малороссіи.) Стр. 117.

Третья легенда о Мазепѣ и Паліи. (Царь Петръ освободилъ Палія изъ Сибири. — Палій ввелъ Царя въ непріятельскій лагерь, и они подслушали, о чемъ совѣщается Мазепа съ Шведомъ и Туркомъ. — Потомъ Палій такъ зарядилъ пушки, что непріатели тотъ-часъ были разбиты. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Гетманщинѣ.) Стр. 123.

Преданіе о сотникѣ Харькѣ. (Онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ нѣчто, напомнившее Полякамъ Хмѣльницкаго. Его вызвали въ Павлочъ и казнили.) Стр. 96.

Легенда о сотникѣ Харькѣ. (Поляки сперва приковали коня Харькова цѣпями и тогда только осмѣлились лишить его жизни. Но и тутъ должны были рубить ему голову собственною его саблею, потому что никакое другое орудіе не взяло его.) Стр. 95.

Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 года. (Изъ Запорожской Сѣчи вышло сперва трое гайдамакъ: Шелестъ, Лусконігъ и Гніда. Они поселились въ Украинскихъ монастыряхъ, и каждый составилъ свою партію между поселянами. — Появленіе «Сѣчи» въ окрестностяхъ Мотренническаго монастыря. — Взятіе Уманя. — Прощанье Зализняка съ чурою. — Гайдамаки захвачены въ-расплохъ. — Воспоминаніе о казни гайдамакъ.) 293.

Максимъ Шило. (Гайдамаки казнили своего товарища за убіеніе Черкаскаго «губернатора». — Приѣздъ Максима Шило въ Черкасскій замокъ. — Униженіе предъ нимъ губернатора. — Смѣлость городского козака.) Стр. 241.

О гайдамакѣ Швачкѣ. (Гайдамаки атакованы въ болотѣ близъ Смилой. — Пѣсня о Швачкѣ.) Стр. 135.

XVII

Ночной набѣвъ гайдамакъ. (Отаманъ, предъ вступленіемъ въ городъ, »характерствовалъ« на успѣхъ. — Вторгнувшись въ домъ Дригъ, гайдамаки пыткой заставили его выдать имъ червонцы.) Стр. 246.

Наймуть-гайдамака. (Выраженіе благодарности къ бывшему хозяину.) Стр. 249.

Положенія гайдамакъ въ Смилой. (Въ первый набѣвъ разграбили замокъ и увели съ собой »панну« и »хлопца«, но потомъ отпустили. Во второй—разбили, подъ предводительствомъ Вовчка. Польскій отрядъ.) Стр. 132.

Встрѣча пасичника съ гайдамакою. (Пасичникъ отдалъ гайдамакъ свою сорочку и накормилъ его. За это гайдамака указалъ ему зарытыя въ землѣ деньги.) Стр. 133.

Местъ за имя Жиды. (Одинъ гайдамака назвалъ Жидомъ другого и былъ убитъ имъ за это. Товарищи нашли убійцу правымъ.) Стр. 284.

Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ. (Устройство Съчи. — Поляки ищутъ гайдамакъ въ монастырѣ. — Гайдамаки отвлекаютъ ихъ слухами о нападеніи на села. — Трусость Польскаго наместника при извѣстіи, что гайдамакъ не беретъ пуля.) Стр. 279.

Пребываніе Максима Зализняка въ Черкасахъ. (Наружность Зализняка. — Въѣздъ въ замокъ. — Гайдамаки разливаютъ водку по базару. — Зализнякъ требуетъ »сапѣянцева.« — Гайдамака овладѣваетъ чужими сапогами.) Стр. 251.

Бѣгство гайдамакъ. (Донцы захватываютъ гайдамакъ въ-расплохъ. — Гайдамаки, уходя по Дѣбру на Запорожье, казнятъ Черкаскаго писаря.) Стр. 259.

О Золотой Грамотѣ. (Преслѣдованіе »благочестія« и сожженіе ктиторы въ Маіевѣ. — Игуменъ Мотренинскаго монастыря пишетъ Золотую Грамоту). Стр. 149.

XVIII

Положенія гайдамакъ въ Каневъ. (Гайдамака овладѣваетъ конемъ поселянна. — Неживый вознаграждаетъ его мѣднымъ котломъ. — Крещеніе Жидовки въ Каневъ.) Стр. 151.

Происхожденіе и конецъ гайдамаки Неживого. (Онъ былъ Сѣботовскій горшечникъ. — Его схватилъ обманомъ панъ Шѣрба.) Стр. 278.

Гайдамаки въ Жаботинь. (Причиною гайдамачества въ Жаботинь былъ Жидь-арендаторъ, насчитавшій на городскихъ козаковъ плутовскіе проценты.) Стр. 285.

Гайдамаки въ Умань. (Передъ началомъ »Уманской рѣзни«, гайдамаки велѣли Базиліанамъ пройти по улицамъ и отправить торжественныя похороны.) Стр. 285.

Воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ Украинь. (Католики обращаютъ »благочестиваго« священника въ уніятство. — »Благочестивые« монахи внушаютъ народу, какъ уничтожить унію. — Жалобы Переяславскому архіерею. — Поляки пыткой принуждаютъ »благочестиваго« священника къ Уніи. — Возвращеніе »благочестія« на мѣсто уніи.) Стр. 261.

Объ уніи и »благочестіи.« (Гоненія противъ »благочестиваго« духовенства. — Принужденіе народа къ уніи.) Стр. 137.

Взглядъ простолюдина на ярмарки по воскреснымъ днямъ и праздникамъ. (Посредствомъ ярмарокъ лукавый отвлекаетъ народъ отъ »благочестія«, такъ точно, какъ прежде посредствомъ уніи.) Стр. 138.

Обезоруженіе поселянъ послѣ Каливщины. (Десяти хатамъ позволялось имѣть одинъ ножъ и одинъ топоръ.) Стр. 139.

О Базиліансахъ. (Они преподавали по-Польски катихизисъ; а паны пошряли учениковъ деньгами.) Стр. 101.

Воспоминанія о Запорожцахъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. (Запорожцы возвратились изъ Турціи потому, что ихъ мертвецовъ не принимала земля. — Надпись Царя Петра на камнѣ близъ Савурь-Моги-

лы. — О томъ, какъ возили изъ Украйны въ Сѣчь для продажи горилку, и какъ Запорожцы покупали. — Возвращеніе Запорожцевъ съ добычею изъ Польши. — Разбой Запорожскихъ »гультаевъ на шляхахъ.« — Воровство вѣжнялось въ обязанность Запорожцу, разумѣется, не дома. — Казнь за волокитство. — Насмѣшливость. — Судъ за насмѣшки. — О томъ, какъ Запорожцы ѣли въ Польшѣ сметану, не пачкая усовъ, и какъ одинъ Запорожець натянулъ лукъ, присланный Полякамъ отъ непріятелей, въ знакъ вызова на войну. — Запорожцы были великіе силачи. — Слухъ о томъ, что Запорожье »зруйнують«. — Предсказанія самихъ Запорожцевъ. — Бѣгство въ Турцію). Стр. 154.

О комышникахъ. (Вариантъ разсказа о разбояхъ Запорожскихъ гультаевъ на шляхахъ.) Стр. 75.

О Запорожцѣ Васюринскомъ. (Вариантъ разсказа о томъ, что Запорожцы были великіе силачи.) Стр. 141.

Искусъ предъ вступленіемъ въ Запорожское братство. (Запорожцы испытывали сметливость новичковъ въ пониманіи ихъ настоящаго, а не кажущагося, характера.) Стр. 286.

Поединки у Запорожцевъ. (Стрѣлялись изъ пистолетовъ черезъ бурку.) Стр. 302.

Запорожское щегольство. (Появляясь въ Украйнѣ, Запорожцы расточали весь блескъ нарядовъ, для привлеченія къ себѣ новичковъ. — Вольтижерскіе штуки. — Лукавое сватовство для попоекъ и постоевъ gratis.) Стр. 139.

Запорожцы на своихъ рыбныхъ ловляхъ. (Каждо, кто приходилъ къ нимъ, сперва кормили и поили, а потомъ уже распрашивали, кто и зачѣмъ. — Сидя въ палаткахъ, пировали, играли въ карты и въ шашки; слушали игру на кобзѣ; танцовали и катались колесомъ.) Стр. 111.

Запорожское цѣломудріе. (Запорожская совѣть позволяла любезничать только съ молодимицами, но отнюдь не съ дѣвушками.) Стр. 113.

Торговля невольницами на Запорожьи. (Запорожцы увозили иногда изъ Украины дѣвушекъ и потомъ, не зная, куда съ ними дѣваться, продавали Татарамъ). Стр. 102.

О Запорожскихъ хѣмородникахъ, или каверзникахъ. (Нѣсколько Запорожцевъ сидѣло въ Кіевѣ подъ арестомъ за переманиваніе къ себѣ карабинеровъ. Отъ скуки, они дурачили своихъ сторожей разными фокусъ-покусами, которые принимались за колдовство. — О томъ, какъ Запорожець рыдалъ, услышавъ отъ сторожа пѣсню о гайдамакахъ.) Стр. 77.

Преданіе о Козарахъ. (Народъ, въ своихъ преданіяхъ, производитъ Запорожцевъ отъ Козаръ.) Стр. 150.

Хлѣбосольство на Запорожьи. (Никто не смѣлъ попрекнуть пришельца туеядствомъ.) Стр. 151.

Очаковская блда. (Юмористическій разсказъ о томъ, какъ у козаковъ не стало сала, и какъ они воевали, подъ предводительствомъ Потемкина съ Турками.) Стр. 289.

О Татарскихъ плѣнникахъ. (Татары гоняли плѣнныхъ, привязавъ руками къ длинной жерди по нѣскольку чѣловѣкъ. — Лѣсъ Перегонь.) Стр. 5.

Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга. (Воспоминаніе объ Артицармакѣ, который выводилъ въ Украину Орду. — Поселяне гнались за Татарамъ; козаки, встрѣтивъ ихъ, ограбили по-непріятельски.) Стр. 102.

Тревога по случаю Татарскаго набѣга. (Народъ бросился изъ Черкасъ уходить за Днѣпръ. Сторожевые козаки не пустили его на Русскій берегъ.) Стр. 267.

О козацкомъ ополченіи въ 1790-хъ годахъ. (Воспоминаніе о Потемкинѣ, Кречетниковѣ, Нащокинѣ и Леонидовѣ. — Погребѣ Выдубицкаго монастыря, подрѣзанные Днѣпромъ. — Утайка трети жалованья.) Стр. 67.

О войнѣ съ Польшою въ 1793—1795 годахъ. (Костюшка былъ волшебникъ. — Умыселъ Поляковъ противъ постояльцевъ. — Пленные Поляки въ Кіевѣ на работахъ.) Стр. 73.

О новомъ козацкомъ герое, Гладкомъ. (Когда онъ родился, земля затрепетала.) Стр. 165.

Объ урочищахъ въ Звенигородкѣ. (Воспоминаніе о древнемъ Звенигородѣ. — Битвы между помѣщиками за границы. — «Грець» въ видѣ кулачнаго боя.) Стр. 104.

Объ урочищахъ въ Смилой. (Юрась, Домна и Мотря, старинные колонизаторы Украины. — Турецкое поселеніе.) Стр. 142.

Воспоминанія о прежнихъ повинностяхъ, урожаяхъ и цѣнахъ въ западной Украинѣ. Стр. 143.

Странствованіе по тому свѣту. (Обмиравшая старуха видѣла на томъ свѣтѣ, въ раю, дѣтей своей госпожи. — На ея распросы, рассказываетъ рядъ другихъ видѣній. — Братья-чумаки, превращенные за вражду въ собакъ. — Всѣ подаянія и пожертвованія, сдѣланныя на этомъ свѣтѣ, возвращаются «помершимъ душамъ» на томъ. — Богатые и бѣдные люди, превращенные въ тощихъ и жирныхъ воловъ. — Грѣшникъ страдающій отъ холода посреди пламени. — Грѣшникъ, томящійся жаждою въ источникѣ. — Скупая богачка въ кипящей смолѣ. — Грѣшникъ по поясъ въ раскаленныхъ угольяхъ — Разбойникъ переносящій змѣй изъ одной ямы въ другую. — Перекладина надъ бездною. — Завѣтъ возвращающейся на этотъ свѣтъ душъ.) Стр. 303.

3.

Думы и пѣсни.

О морскомъ походѣ «старшаго князя» - язычника въ «Христіанскую Землю». Записалъ А. Шяцацкій-Иличъ. Князь предлагаетъ дружинѣ назначить по немъ преемника, на случай его смерти. — Дру-

жина совѣтуетъ князю ѣхать за море жениться. — Снаряженіе въ походъ. — Молитва богу Посвѣстачу. — Отплытіе Варяго-Русскаго флота. — Предчувствіе Князя. — Бура у Христіанскаго берега. — Сомнѣніе въ могуществовъ и истинности языческаго Бога. — Увѣрованіе въ Бога Христіанскаго. — Возвращеніе домой. — Совѣтъ о принятіи Христіанской вѣры. — Посольство за море для познанія истинной вѣры. — Возвращеніе посольства и торжество.) Стр. 172.

Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ. Записалъ Э. О. Руликовскій. Стр.

Дума о Фескѣхъ Андыбѣрѣхъ, записанная П. Кулишемъ и дополненная вариантомъ М. В. Нѣговскаго. (Козакъ-нетяга гуляетъ одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году приходитъ къ степной кабачницѣ, Настѣ-Горовой. Тамъ застаётъ трехъ Ляховъ, дукъ-сриблѣнниковъ. — Насмѣшки ихъ надъ козакомъ и совѣтъ прогнать его въ-зашей. — Настя, степная кабачница, исполняетъ этотъ совѣтъ въ-точности. Но козакъ упирается, руками въ косяки, ногами въ порогъ, а головою въ полку для мисокъ надъ дверью, и даетъ понятіе о своей силѣ. — Двое изъ Ляховъ-дукъ простодушно смѣются надъ комикомъ-великаномъ, но третій хватился за умъ и покупаетъ для него кѣнву пива. — Степная кабачница велитъ служанкѣ принести самаго негоднаго пива; но та налила самаго лучшаго, называвшагося »пьяное чолѣ« и подала козаку, отворачивая носъ отъ кѣнвы съ притворнымъ отвращеніемъ. — Когда у него зашумѣло въ головѣ, онъ началъ гремятъ кѣнвою объ полъ такъ сильно, что въ кабакѣ развалилась печка и помрачила сажею весь воздухъ. — Насмѣшки Ляховъ-дукъ надъ необразованностью козака-нетяги. — Козакъ тѣснитъ ихъ изъ-за стола къ порогу и садится съ лаптами на покуртѣ. — Потомъ вынимаетъ изъ-подъ полы »позолотистый недолимокъ«, гремятъ имъ объ столъ и поетъ пѣсню, на которую являются козаки съ богатыми одеждами. — Дуки поняли тогда, что передъ ними не козакъ-нетяга, а Фескѣ Гѣнжа Андыбѣрѣхъ, гетманъ Запорожскій, и принялись его угощать. Но онъ проливаетъ напитки на свое дорогое платье, и велитъ козакамъ проучить ихъ по-козацки. Только пощадилъ того, который купилъ для него пива. — Козаки мстятъ дукамъ-богачамъ за то, что они захватили всѣ поля и »лѣвки.«) Стр. 200.

О козачкой жизни. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Козакъ идетъ на войну. — Жена проклиняетъ его. — Козакъ смѣется надъ ея проклятіями. — Въ домѣ у него между тѣмъ все приходитъ въ беспорядокъ и запустѣніе. — Онъ возвращается и обходится жестоко съ женою. — Сосѣдки смѣются надъ ихъ жизнью; но жена козака скрываетъ пороки мужа. — Онъ идетъ въ корчму и грустно смѣется надъ домашней жизнью козака.) Стр. 215.

О смерти козака-бандуриста. Записалъ А. С. Аванасьевъ. (Козакъ, вышедъ изъ битвы въ жалкомъ положеніи, выражаетъ свои чувства игрою на бандурѣ и пѣснею. Онъ тоскуетъ о своихъ товарищахъ, предчувствуетъ близкую смерть и прощается съ бандурою.) Стр. 185.

О Марушь Богуславкѣ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Невольники томятся у Турокъ въ темницѣ. — Плѣнная дѣвушка изъ Богуслава объявляетъ имъ, что сегодня праздникъ Воскресенія Христова. — Это извѣстіе усиливаетъ ихъ горестъ, и они проклинаютъ вѣстницу. — Но она обѣщаетъ освободить ихъ и, исполнивъ обѣщаніе, съ горестью рассказываетъ о своемъ отступничествѣ. — Молитва невольниковъ.) Стр. 210.

О бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Записалъ П. Кулишъ. (Изъ Азова уходило трое братьевъ-невольниковъ, двое на коняхъ, а третій пѣшкомъ. — Этотъ послѣдній проситъ конныхъ взять его между лошадей; но старшій братъ сурово отвергаетъ просьбу. — Пѣшій братъ проситъ по крайней мѣрѣ лишить его жизни и похоронить его тѣло; но эта просьба такъ-же отвергнута. — Пѣшій братъ проситъ оставлять для него по степи примѣты. — Конные братья рубятъ по пути вѣтви съ терновника. — Пѣшій находитъ ихъ и перевозитъ доброту братьевъ. — Вытхавъ изъ зарослей на голую степь, средній братъ предлагаетъ старшему бросать для примѣтъ куски одежды по пути. — Старшій отвергаетъ предложеніе. — Средній одинъ рветъ свою одежду и разбрасываетъ по степи. — Меньшой, пѣшій, подбираетъ ихъ и оплакиваетъ участь братьевъ, которыхъ полагаетъ изрубленными въ куски. — Отдыхаетъ въ изнеможеніи на Осавуръ-могилѣ. — Обращеніе его къ волкамъ и орламъ, которые собрались къ нему на «темный похоронъ». — Обращеніе къ своей участи и смерть. — Раскаваніе старшаго брата. —

Упрекъ средняго. — Ночлегъ надъ рѣчкою Самаркою. — Совѣщаніе, что говорить отцу и матери. — Погоня и смерть.) Стр. 32.

О буря на Черномъ морѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Буря разбила козацкія суда на три части, изъ которыхъ въ третьей потопають два брата и каются въ своихъ грѣхахъ. Богъ ихъ спасаетъ отъ смерти; они приплываютъ къ пристани, хватаются руками за камни и признають вліяніе молитвы отца и матери на судьбу дѣтей.) Стр. 28.

О козакъ Голотъ. Записалъ П. Кулишъ. (Дополненія и отмѣны противъ списка г. Лукашевича: ⁽¹⁾ Начало сходно съ началомъ думы Андрея Шута о Феськѣ Ганжѣ Андыбѣрѣ. — Въ городѣ Киііи Татаринъ хвалится передъ Татаркою будущою побѣдою надъ козакомъ Голотою. — Козакъ не осмѣиваетъ, какъ въ списокѣ г. Лукашевича, наряда Татарина, потому что Татаринъ здѣсь по богатству одежды и вооруженія, представляетъ съ нимъ противоположность [пѣвецъ г. Лукашевича очевидно потерялъ изъ виду это важное обстоятельство и смѣшалъ двѣ отдѣляющія одна другую фигуры.] — Хвастовство Татарина передъ козакомъ. — Битва. — Козакъ одѣвается въ богатыя одежды убитаго врага и воспѣваетъ хвалу Киііинскому полю.) Стр. 15.

О Жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ. Записалъ П. Кулишъ. Жиды взяли на откупъ все козацкіе шинки, шляхи, церкви и рѣчки. — Слухъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ. — Походъ Хмѣльницкаго. — Бѣгство Жидовъ въ Полонне. — Хмѣльницкій требуетъ выдачи Жидовъ. — Отказъ. — Пушка-Сирота. — Взятіе и разграбленіе Полоннаго. — Дѣлежъ добычи.) Стр. 56.

О побѣдѣ подъ Корсунемъ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Отмѣны противъ списка г. Кошутко ⁽²⁾: Упоминается Стеблевъ. — Козаки поймали Потоцкаго, связали какъ барана и привезли къ Хмѣльницкому. — Ему говорятъ: «Не вми́въ ти еси въ Камѣанськѣмъ Подіільці пробува́ти» и пр. — Ляхи упрекають Жидовъ въ возмущеніи козаковъ. — Жиды уходятъ за рѣчку Случь. На Случи обломился мостъ. — Жидъ,

⁽¹⁾ У г. Максимовича этотъ списокъ перепечатанъ въ «Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень», на стр. 15.

⁽²⁾ Въ «Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень», изд. М. Максимовичемъ, стр. 67.

торговавшій мелкимъ крамомъ, не съ зозаками, а «*козакамъ* пятами на-
квивавъ.») Стр. 223.

О Бьлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ списка г. Мурзакевича, напечатаннаго въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 74. Поляки присвоили себѣ козацкихъ женъ. — Хмѣльницкій откладываетъ войну до весны. — Ляхи называютъ козаковъ родными братьями и просятъ выпустить ихъ за Вислу хоть въ однихъ сорочкахъ. — На Вислѣ ломается подъ бѣгущими ледь. Козаки топятъ Ляховъ, посмѣваясь ихъ нѣжнымъ названіямъ родными братьями, и выражаютъ иносказательно невозможность братства между двумя враждебными политическими обществами.) Стр. 54.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинающей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ Украинскихъ поселянъ въ неволю. Записалъ П. Кулишъ. Стр. 322.

О войнахъ Хмѣльницкаго. Записалъ П. Кулишъ. (Слухъ о битвѣ за Дашевымъ подъ Сорокою. — Сравненіе Ляха съ козакомъ. — Рѣшимость не допустить Ляха господствовать самовластно въ Польшѣ.) Стр. 274.

О гайдамакѣ Швачкѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Запрождевъ за-
хватываютъ въ распlochъ. — Швачка связанъ вмѣстѣ съ эсауломъ. — Все
миущество гайдамакъ разобрано по рукамъ.) Стр. 135.

О Васюринскомъ, по поводу разоренія Сьчи. Записалъ П. Ку-
лишъ). Воззваніе къ спокойному великому гетману. — Напрасная прось-
ба къ Царюцѣ. — Горестъ Запорождевъ. — Предложеніе Васюринска-
го.) Стр. 324.

*Надпись на популярномъ изображеніи Запорожца-кобза-
ря.* Записалъ П. Кулишъ. — Воззваніе къ струнамъ. — Неизвѣст-
ность происхожденія Запорождевъ. — Похвала Запорожской жизни. —
Глубокая грусть, въ видѣ шутокъ.) Стр. 345.

О вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны
противъ думъ, помѣщенныхъ съ сборникѣ г. Метлинскаго: Достигнувъ

совершеннотѣтя, 'сыновья вдовы гуляютъ по Крыловскому рынку. — Вдова просить Бога покарать ихъ тремя несчастіями: неурожаемъ, неуваженіемъ и нелюбовью добрыхъ людей и несогласіемъ съ женами. — Все это исполняется.) Стр. 19.

О сестрѣ и братѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Пополненія противъ думы, помѣщенной въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича: Братъ иносказательно представляетъ невозможность пріѣхать къ сестрѣ въ гости. — Сестра объясняетъ иносказаніе. — Сравненіе тягости одиночества съ разными явленіями природы.) Стр. 24.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные рассказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ падохъ на простонародные рассказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе рассказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которую назывался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною рассказчика, которое могло бы служить для меня опорой въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ рассказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводиря*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ земляного цвѣта да

обрывки свитки, недоношенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ въ науку безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учить его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и все неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсенъ и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ осѣдлой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братіею великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредаясь во все стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на дѣпровскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волини и въ Слободской Украинѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе гении, которымъ присвоивалось титло *старѣчихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли. Слепые пѣвцы давно ужъ измельчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу исчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хомѣ и Еремѣ*, о *Дворянкѣ*, вышедшей замужъ за *хлѣбороба*, и тому подобнымъ. Мой кievскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недвѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бываетъ. Я долго приучалъ его къ себѣ исправною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморщенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то есть — человекъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами.

на свое убожество, а звуками и содержанием пѣсень, которыхъ не въ-силахъ была удержать память пѣвца-пахаря, пѣвца-работника, занятая иными заботами. Нище нашего времени добываютъ себѣ подачу однообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства.

Такъ перебывался на свѣтѣ и мой старикъ съ своимъ поводитиремъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ нѣсколько разъ; я слѣдилъ за его рѣчью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его рѣчи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

.... Якъ лихолітте було, то прийшовъ чужоземець, Татаринъ, и отó вже на Вышгородъ бѣе, а далі вже й цідь Кіевъ підступае. А тутъ Михайликъ лицаръ бувъ, да якъ зійшовъ на башту да пустивъ зъ лука стрілу, то стріла и впала у миску томú Татарину. Той скóро сівъ коло скамьи обідати, тілько що поблагословивъсь істи, ажъ та стріла такъ и востромилась у печеню.

»Э«, каже, »се жъ тутъ е сильний лицарь!... Подайте«, каже, »мині тогó Михайлика, то я одступлю.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихолѣтье*, пришелъ чужеземець, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь⁽¹⁾ Михайликъ. Какъ взомель на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сълъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ *печеню* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кіевлянамъ, »выдайте мнѣ Ми-

(1) Великорусское слово *богатырь* не вполне соответствуетъ малороссій-

Отъ Кіяне шуму-шуму, и радятца: А щò жь? оддѣймо!«
А Михайликъ каже: »Якъ оддастè ви менé, то въ остáнный
разъ будете бачить Золотіи Ворота.«

Да сівши на коня, обернувьсь до їх да й промовивъ:

»Ой Кіяне, Кіяне, панòве громада!

Погана вáша рáда:

Якъ-бй ви Михайлика не оддавали,

Пòки світь сòнца, вороги бь Кіева не достáli!«

Да взявъ на рáтище ворòта, — такъ якъ отъ свіпъ свято́го
жйта вйзвешъ, да й похавъ у Царіградъ черезъ Татарське вйй-
сько. А Татаре ёго й не бачать. Отъ, якъ одкрывъ ворòта, то
чужозёмци ввалились у Кіевъ да й пішли пòтоптомъ.

А лицарь Михайликъ и досй живé въ Царіграді; передь нимъ

хайлика, такъ отступлю.« Вотъ Кіевляне шуму-шуму, и совѣтуются:
»Чтò же? выдадимъ!« А Михайликъ говорить: »Какъ выдадите меня, то
въ послѣдній разъ вйдѣтъ вамъ Золотыя Ворота.« Сѣлъ на коня, обер-
нулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кіяне, Кіяне, честная громада!* (¹)
неразумень совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдавали, — *пожа*
свѣтъ солнца, не добытъ бы врагамъ Кіева!« И поднялъ онъ копьемъ
ворота — такъ вотъ, какъ поднимешъ спòтъ святого *жйта* (²) — и по-
вхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его.
И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и *пошли*
пòтоптомъ.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передь нимъ
стаканчикъ воды да просфорка: больше ничего не ѣсть. И Золотыя Во-

скому *лицарь* (рыцарь). Слово *витязь* подходитъ къ *лицарю* ближе; но Ве-
ликорусскій *витязь* не имѣетъ почти непремѣннаго свойства Малороссійска-
го *лицаря*, именно — сверхъестественнаго могущества, независащаго отъ
физической силы и удачи.

(¹) Мйръ, мйрская сходка. — (²) Житомъ называется въ Малороссіи рожь.

стоить стаканчикъ води, и прѣскурка лежить; бѣльшъ ничѣго не ість. И Золотіи Ворѣта стоять у Царіграді. И бѣде, кажутъ, колись такѣ время, що Михайликъ вѣрнетця въ Кіевъ и поставитъ ворѣта на своѣ мѣсто. И, якъ, идучі хто мѣмо, скаже: »О Золотіи Ворѣта! стоять вамъ изновъ тамъ, де стояли«, то зѣлото такъ и засяе. А якъ же не скаже, абѣ подѣмае: »Ні, вже не бѣуть вамъ у Кіеві!« то зѣлото такъ и помѣрхне. (1)

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленнѣйшей Татарцины, въ умѣ моего Кіевскаго нищаго сохранилось воспоминаніе и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь. Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНІЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Колісь-то, ще якъ Польша пановала, — бо тепѣрь ужѣ Польши тѣлько рукавъ, увесь свѣтъ — свѣта, а Польши тѣлько рукавъ, — Польша хуторъ, — такъ Татарѣ набѣгали. Було на-

рѣта стоять въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, илучи нию, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворота! стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли«, то золото такъ и засінетъ. Если жъ не скажетъ, или подумаетъ: »Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!« то золото такъ и померкнетъ (1).

(*) *Переводъ.* — Когда-то, еще какъ пановала Польша — теперь вѣдь отъ Польши остался только рукавъ: весь свѣтъ — свѣта, а Польша — только рукавъ, Польша — хуторъ, — такъ набѣгали тогда Татары.

(1) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кіева вѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на нее должнаго вниманія. Помнитъ только, что въ ней герой преданія называется *Михайломъ Семилеткомъ*. Извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гвѣздовѣ, подѣ Кіевомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

вѣже люде́й рука́ми до же́ртки нѣзку да ѡ́ женѣ. О́тъ же е́сть и га́й *Перегонъ*.

Та́къ то́ди-то разъ Та́таринъ та́къ нагна́въ то́го мѡ́ру, що́ ѡ́ землі ва́жко. О́то но́чуютъ во́ни въ сте́пу. Та́къ тѣ́и вѣ́же до люде́й гово́рятъ: »Чи вѣ́же жѣ́ ми́жъ на́ми не́ма́ тако́го си́льного, що́бъ о́цѡ́ си́рѣцю по́рва́въ, а́бо тако́го, що́бъ ру́жже за́мѡ́вивъ, а́бо-що́? По́даваймо ми о́цѡ́ мо́ву по всѣ́му о́бществу́ изъ ко́нця въ кѡ́нецъ, що́бъ та́къ я́къ о́це....«⁽¹⁾

По́дали тѣ́ю мо́ву, о́динъ по о́дному́, о́динъ по о́дному́. А́жъ о́динъ и ка́же: »Я́, ка́же, »розвя́жѹ́ и со́бі, ѡ́ вамъ ру́ки, тѣ́лько не ви́дайте ме́не«.

»Не бѣ́йся,« ка́жуть, »а́би то́бі Бо́гъ помага́въ.«

О́то ви́нъ ста́въ на́вкѡ́лишки, сте́нѹ́вся, — си́рѣця та́къ и трѣ́снула.

»Те́перъ же« ка́же, »о́динъ о́дному́ розвя́зуйте ру́ки да за́бѣга́йте зъ усѣ́хъ бо́ківъ по ча́стямъ та́ ѡ́ кричи́тъ: «Сю́ди на́ші! сю́ди на́ші! За́бѣрай Тѹ́рка! бѣ́й Тѹ́рка!«

Ко́ли та́къ я́къ на́рѡ́блять кри́ку, — Тѹ́рки не ста́мились да

Бы́вало Та́таринъ на́вѣжетъ къ же́рдѡ́ люде́й и го́нитъ. О́того и лѣ́съ зо́вется *Перегонъ*.

Во́тъ о́днажды Та́таринъ на́гналъ сто́лько наро́ду, что́ и землѣ́ бы́ло та́жко. Но́чуютъ о́ни въ сте́пи; плѣ́нники и гово́рятъ ме́жду со́бою: »Неужели́ ме́жду на́ми нѣ́тъ тако́го, что́бъ разо́рва́лъ э́тотъ ре́мень, за́говори́лъ ру́жье, или́ что́ дру́гое? Пу́стимъ - ка́ мы э́ту рѣ́чь по́ все́му сво́ему о́бществу́, изъ ко́нця въ ко́нцѣ, что́бъ та́къ ка́къ во́тъ...«⁽¹⁾ Пу́стили рѣ́чь о́динъ че́резъ дру́го́; во́тъ и гово́рятъ кто́-то: »Я́, гово́рить, »развя́жу и се́бѣ, и ва́мъ ру́ки, то́лько не ви́дайте ме́ня.« — »Не бойся,« гово́рятъ; »ли́шь бы тебѣ́ Бо́гъ по́мощь.« Во́тъ о́нъ ста́лъ на ко́лѣ́ни, встрихну́лся — ре́мень та́къ и тресну́лъ. »Ну, те́перь,« гово́рить, »развя́зывайте о́динъ дру́гому́ ру́ки, за́бѣга́йте со́ всѣ́хъ сто́ронъ по ча́стямъ да кричи́те: «Сю́ды на́ші! сю́ды на́ші! Бе́ри Тѹ́рка! бе́й Тѹ́рка!« И ка́къ э́такъ по́дняли кри́къ: го, го! го, го! ка́къ по́дняли

(1) Разска́щикъ по́ наше́мъ э́дѣ́сь сло́въ для́ вы́раже́нія сво́ей мы́сли.

въ-ростичь, а наші за ними; побили й порубали, а самі додому вернулись.»

Заговоривъ о нищихъ слѣпцахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никонѣнкѣ. Бѣдный! его уже нѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человекъ, истинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ степномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы (¹). Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худощавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ акомпанировалъ себѣ на *ліръ* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскихъ пѣвцовъ, на *кѣбзль*, или *банду́ръ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голосить и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простонародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандурныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣнялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни нравоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслужать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ шесть, или семь и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій вслухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а наши за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

(¹) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что онъ зналъ, или помнилъ. Мнѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и рассказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ брѣжницкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, *о козакѣ Голотѣ*, ненапечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (1)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я такой бувъ зь-малечку, що разъ хай проспіваеть, то я й перейму.

Перше було нашому брату добре: якъ узять палицу да струментъ, то й пішовъ собі куди хочъ; ніхто не питавъ, хто ти такой и звідки. А теперъ, то вже за свій станъ не ходи, атó за калавуромъ приставлять. Тоді не було сего, щобъ женітьця,

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взялъ палку и инструментъ (т. е. кобзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

(1) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникахъ г. Лукашевича и г. Метлинскаго, состоитъ только изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ стиховъ.

абó-що: нашъ братъ увесь вікъ ходивъ сѣтйи и вкрѣтйи. А те-перѣ хибá въ свою хату сховаѣеся...

Перша жінка въ менѣ була добра людина. Було, що зароблю, то вона й заховає. Отъ и назбѣравъ рублівъ пѣтораста (¹), та оцѣ хату и грунтъ (²) купивъ. Хата въ менѣ добра....

При тій жінці однихъ сорочокъ изъ тридцять наживъ. И не питавъ, и не знавъ, дѣ вони и скількі. Скажешъ тѣлько було: »Дай білу сорочку« — вона знайде й дасть. А цѣ вже ледá-що! (³) Поки сижу́ дома та стережу́, то й ціле; а скоро горѣлки вкїнувъ, абó одлучивъ, такъ усѣ й переводить. Сорочокъ изъ тридцять було — усѣ попропивала, тó-що. Оцѣ чвѣртку соли купивъ (¹), то за недѣлю й нема. Богъ ёго знає, якъ мшнѣ й віку доживать. Станешъ лаять, — »Я«, каже, »тебѣ, сякій, такій сїну, запалю!« Такъ цуръ тобі й пекъ! »Я«, каже, »тебѣ, сякій, такій

ато представлять за карауломъ. Тогда не нужно было намъ ни жениться, ни что: нашъ братъ весь вѣкъ ходилъ сытъ и покрытъ. А теперь развѣ въ своей хатѣ укроешья отъ непогоды....

Первая жена была у меня добрая душа. Бывало, что заработаю, она и спрячетъ. Вотъ и собралъ рублей полтора (¹), да вотъ и хату, и грунтъ (²) купилъ. Хата у меня славная....

При той женѣ однихъ рубахъ нажилъ я до тридцати. И не спрашивалъ, и не зналъ, гдѣ онѣ и сколько. Скажешь только бывало: »Дай чистую рубаху« — она сыщеть и дасть. А это ужъ такая дрань! (³) Пока сижу дома да сторожу, то все и цѣло; а только лишнее выпьешь, или отлучишься, такъ и пошла транжирить. Рубахъ до тридцати было — все пропїила, а не то — другимъ путемъ запропастила. Недавно вотъ купилъ четверку (⁴) соли; смотрю — черезъ недѣлю ужъ и нѣту! Богъ знаетъ, какъ мнѣ и вѣкъ свой доживать. Станешъ бранить, — »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, подожду!« Такъ ну тебя къ не-

(¹) Разумѣется, ассигнаціями. — (²) Земля подъ хатой, дворомъ, огородомъ и садомъ. Пахотная земля въ полѣ *грунтоме* не называется. — (³) Т. е. вторая жена. — (⁴) Четверть пуда.

сину, повину!» Да й покине ледащіяца. Отъ и тепёръ ужé шість недѣль nemá.... А тепёръ зновъ прятелішуецця до мене. Пришла оцѣ вчора: »Очині!»

»А що«, кажү »небóго? ищѣ не все рознесла? Изновъ до менѣ, щобъ изновъ цю потягті?»

Мовчѣть, якъ сатана.

Такъ я взявъ, двѣрі. очинивъ: »Дѣ ти була?»

»У дочкѣ.«

»Що жъ ти тамъ робила? дѣ пробула, цю ти своё время проходила? А тепёръ на зиму до мене? Мині nemá ні зимі, ні літа — я завжди въ работі. Поздоровъ, Бóже, мѣръ — пропитає менѣ. А ти дѣ валасалася?»

Прійде та овалашить цю-небудъ, та й піїде. Сижү самъ собі въ хаті, граю-граю — ніхтó не слухае. Хибá віжечкѣ, верёвочку звить унесѣ. А тепёръ, якъ одробились у полі, до й того nemáе.

Надобно замѣтити, что Архипъ Никоненко пособлялъ своему пѣнію ремесломъ, болѣе нужнымъ для поселянъ: онъ оцупню вилъ веревки. Узнавъ объ этомъ, я отпустилъ ему нѣсколько фунтовъ пеньки и заказалъ свить для меня длинную веревку. Когда работа была представлена, оказалось, что въ ней не до-

чистому! »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, брошу!» И точно бросить негодная. Вотъ и теперь ужъ шесть недѣль, какъ ея нѣту..... А теперь опять присосѣживается ко мнѣ. Приходитъ вчера: »Отвори!» — »А что«, говорю, »голубушка? еще не все растаскала? Опять ко мнѣ, чтобъ опять, что-нибудь стащить?» Молчить, какъ сатана. Вотъ я дверь отворилъ: »Гдѣ ты была?» — »У дочкѣ.« — »Что же ты дѣлала тамъ? гдѣ ты все это время пробродила? А теперь на зиму ко мнѣ? У меня нѣтъ ни зимы, ни лѣта — я всегда въ работѣ. Дай Богъ здоровье міру — прокормить меня. А ты гдѣ шлялась?» Придетъ, стащить что-нибудь да и была такова. Сижү одинъ себѣ въ хатѣ, играю на кобзѣ — никто не слушаетъ. Развѣ что-нибудь возжи, или веревку свить принесеть. А теперь, какъ окончили въ полѣ работу, такъ и того нѣту.

ставало одной трети вѣсу противъ пеньки. Бѣдный Архипъ былъ этимъ до-того встревоженъ, что не могъ пропѣть думы, безъ того чтобы не останавливаться и не размышлять для себя и для слушателя въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ :

(*) Хто жъ се въ мене їх підчистивъ? (1)...Вонó й берè, да не заразóмъ, а потрóшку. Видно, берè, да не дурень — розумний: щобъ я й не пзнавъ ще. Саме менше, а жмíнь шість пропало. Ой сугинвої шельми собака необашної! Колибъ мині ёго пиймать да провчить — вонó бъ тоді одсахнулося. Одного я провчивъ. Отъ, якъ о святому Миколаї... дай, Бóже, дождать на той годъ... украдено въ мене не багато — пудъ три сала! Давай я ськати, дай ськати, — людей поить та випитувати; бо такъ нельзя: дурно нхто не признаетца.... Послiднi тешетки розббрано.... Отъ и найшовъ. Такъ вінъ хату та горóдь продавъ, та мнi й заплативъ....

Богъ ёго знае, до чого мене Богъ доведè. Якъ не зароблю, то лежатиму, поки й опухну. На Бóга надiйся, а Богъ ничого не дасть. Правда, вонó й сказано, що, каже, роби, небоже, то й

(*) *Переводъ.* — Кто жъ это ихъ у меня подчистилъ? (1) Кто-то беретъ, да не разомъ, а понемножку. Не дуракъ, видно, беретъ, а умникъ: чтобъ я и не узналъ. По малой штрѣ, горстей шесть пропало. А, безсовѣстная собака! когдабы мнѣ поймать да проучить — такъ онъ бы отсталъ отъ меня. Одного такого я проучилъ. Вотъ, дай Богъ дождать на тотъ годъ, о святомъ Николаѣ, украли у меня — пустяки — пуда три сала! Ну я искать, ну искать, людей поить да выспрашивать: даромъ, вѣдь, никто не признается.... Последнее рубище растаскали.... Ну, и нашель. Продалъ онъ хату да огородъ, и заплатилъ мѣ....

Богъ знаетъ, до чего доведеть Онъ меня. Какъ не заработаю, то буду лежать, пока и опухну. Правда, оно и сказано: *Роби, небоже, то й Бóгъ помóже.* Было у меня небольшое хозяйство, и то распол-

(1) Кто украсть *контрiлi* (пеньку)?

Бо́гъ помо́же. Хазя́йствечко бу́ло, и те́ ростекло́ся.... До́бре, якъ кому́ е пригле́дїть, а якъ нема́, то не тре́ба то́бі нічо́го, якъ на то́бі сорочка. Ходї́, по́ки съ хребта́ спадé, да то́ді дру́гу ськай....

Тутъ дїтки малéнькі, а тутъ ще й тѣмъ пристязáють: хлопéць бу́въ годъ чотирна́дцяти, тогó взяли́, наняли́ за поду́шне. Ось остáлась оцá Явдо́шка; пятї́й годо́къ.... Малé, та якъ що гру́бе ска́жешъ, то ці́лий день и нема́е. Вонó й тутъ бу́де, два ступні́ одъ мéне, та не озвéтця. Тре́ба й тутъ терпїть. Лю́де сердáтимъ менé рóблять. »Сли́пїй«, ка́жуть, »та сердáтїй.« Пéрше годъ двáдцять чужї́хъ найма́въ, щобъ водїли; ну, а вонї́ не бу́ли такі, якъ свої. Хлопéць бу́ло мї́й у рї́въ у такї́й уво́прé, що ста́ну — са́жень косо́вій, та й руко́ю не доста́ну....

Чи вонó такъ и спéршу бу́ло, якъ Хрїсто́съ не наро́дївся? Ка́жуть, то́ді ні пісе́нь, нічо́го не зна́ли. А якъ наро́дївся Хрїсто́съ, то котóрі дога́дливі бува́ли та хрїстї́лись, такъ святи́ми ста́ли; котóрі жъ плюва́ли, то ка́мінемъ ста́ли. Звїсно, жи́ли якъ звїрѣ; то які́ тутъ піснї?... ..

злось. Хорошо, когда есть кому присмотреть, а какъ некому, то не нужно чело́вѣку ничего, кромѣ рубахи. Ходи, пока свалится съ хребта, а тогда ищи друго́й....

Тутъ малéнькія дѣтки, а тутъ еще и тѣмъ прїжимаю́ть: былъ мальчикъ лѣтъ четырна́дцати — взяли да наняли за поду́шное. Тенерь оста́лась вотъ Явдо́шка; пятї́й годо́къ.... Малю́тка, а ска́жешъ чо́-нибудь гру́бое, такъ и исче́знетъ на цѣ́лый день. Она́ здѣсь же бу́детъ, въ двухъ шагахъ отъ мéня, да не откликнется. На́до и тутъ терпѣть. Лю́ди мéня сердиты́мъ считаю́ть. »Слѣ́пой«, гово́рятъ, »да сери́той.« Пре́жде, лѣтъ двáдцать нанима́лъ я чужї́хъ дѣтей водить мéня, но тѣ́ не были такъ злы, какъ свои. Мой мальчикъ бывало́ затащитъ мéня въ такой ровъ, что ста́ну, подниму́ руку — ко́саю са́жень, да и руко́ю не доста́ну....

Такъ ли оно́ было́ и пре́жде, когда Хрїсто́съ не роди́лся? Гово́рятъ, тогда́ не зна́ли ни пѣсень, ничего́. А какъ роди́лся Хрїсто́съ, тогда́ — кто

Про всё мині байдуже, а кобзи якъ-би на неділю не було, такъ я и гори топлю. А за жінкоюб айдуже. Иноді и въ-ночі встаю — граю собі, граю.....

Теперь, ба́chte, малі старці настали — нічо́го не тямлять. Стань ёго вчи́ть, то воно́ и слухать не хо́че. »Се«, ка́же, »все брехня́ (¹). Ва́ши панотці брехали, и ви брешете.« А якъ коли́, то, по́павши на́шого брата на шляху́, и попо́бью́ть. Яка́ жь воно́ брехня́, коли́ воно́ такъ и́менно було́? а во́ни не тямлять, та ще и́ насъ собива́ють. Коли́сь та́къ було́, що́ намъ ка́зано на глума́, а ми беремо́ на у́мъ: що́ на́че бь то на шу́тку, а ми все́ замича́емо.... А те́перь прѣйде до тебѣ вчи́тыця.... Якъ же ёго вчи́ть, коли́ воно́.....? Ото́ до́бре було́, якъ ми покѣрни́ буди́: що́ намъ ска́же на глума́, а ми беремо́ на у́мъ. Ато́ якъ вѣвчи́тыця, якъ хлѣба́ ви́просить, то и́ потя́гне собі... Поса́дить було́ коло́ се́бе ...такъ якъ о́це сиди́ть, такъ и́ я сяду́. Хоть и́ не га-

понял дѣло да крестился, тотъ свѣтымъ сдѣлался; а кто плевалъ, тѣ обратились въ камни. Извѣстно, жили, какъ звѣри: какія жь тутъ пѣсни?

Все миѣ ни по чемъ, а кобзы пусть только недѣлю при миѣ не будетъ, такъ я и горы топлю (Богъ знаетъ что́ готовъ дѣлать). А о жель мало миѣ заботы. Иногда встану и ночью, и всё наигрываю себѣ....

Теперь, видите, малые нищѣ настали — ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочеть. »Это«, говорятъ, »все вздоръ (¹). Ваши отцы врани, и вы врете.« А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ. Какой же это вздоръ, коли оно именно такъ было? А они не смыслятъ, да еще и бьютъ насъ. Когда-то водилось такъ, что намъ говорили шутиа, а мы мотали на усь.... А теперь придесть учиться къ тебѣ.... Какъ же его учить, когда онъ...? То́ было хорошо, что мы были послушны: намъ скажутъ на глума́, а мы беремъ на у́мъ. Ато, лишь только выучится, какъ выпросить хлѣба, такъ и побрелъ себѣ... Посадить бывало кобзарь меня возлѣ себя... такъ вотъ какъ Явдошка сиди́ть, такъ и́ я сяду́. Хоть и́ не хотѣлось тогда слу-

(¹) Говорится о думахъ и историческихъ пѣсняхъ.

рідь було слухать (¹), а теперъ и тѣ добре, и тѣмъ заробишь копійку. Чи скаже що, чи ні — терпишь; а теперъ дитини рідної не навчишь, такъ у свѣті настало. Одинъ Богъ, одні люде, да не однаково становитця.»

Вотъ вамъ живая, хоть очень краткая, повѣсть объ одномъ изъ вымирающаго всё болѣе и болѣе поколѣнія пѣвцовъ, которыхъ Архипъ почитаетъ великими, называя своихъ современниковъ *малыми*. Смерть его нанесла великій ущербъ Малороссійской этнографіи. По немногимъ записаннымъ мною отрывкамъ его рѣчей можно предполагать, сколько добра скрывалось въ его головѣ, сокрушенной горемъ и нуждою.

Я записалъ отъ него не одну, а нѣсколько думъ, но только всѣ онѣ, кромѣ одной, извѣстны уже печатно. Впрочемъ Архипъ цѣль ихъ съ весьма интересными измѣненіями и дополненіями, и потому я помѣщаю ихъ здѣсь всѣ.

1.

ДУМА О КОЗАКѢ ГОЛОТѢ. (*)

Ой полемъ, полемъ Килиіньскимъ,
То шляхомъ бітимъ Гординськимъ,
Ой тамъ гулявъ козакъ Голота.

шать, а теперъ и тѣ хорошо, и тѣмъ копійку заработкаешь. Скажетъ ли суровое слово — терпишь бывало; а теперъ родного дитяти не научишь, — такъ стало на свѣтѣ. Всѣ тотъ же Богъ, всѣ тѣ же люди, да не попрежнему идетъ все на свѣтѣ.

(*) *Переводъ*. — По Килиійскому полю, по Ордынской дорогѣ гулялъ козакъ Голота. Не боится онъ ни огня, ни меча, ни болота. На козакѣ

(¹) Т. е. скучно. Говорится о думахъ, которыя и для самого Архипа были уже темны, и потому казались чѣмъ-то страннымъ.

Не боїтця ні огніа, ні мечя, ні третєго болота.
Правда, на козаківі шати дорогії —
Три семірязі ляхії:
Однá недобра, другá негѡжа,
А третя й на хлївъ незгѡжа. (¹)
А ще, правда, на козаківі постолі вязові,
А унучи китайчані —
Щірі жіночькі ридяні;
Волоки шовкові —
Удвоє жіночькі щірі валові. (²)
Правда, на козаківі шапка бйрка,
Звѣрху дїрка,
Травѡю пошита,
Вітромъ підбїта,
Кудї віє, тудї й провіває,
Козакá молодого прохоложає.

То гуляє козакъ Голота, погуляє,
Щі гóрода, ні селá не займає, —
На гóродъ Килію поглядає.

У гóроді Киліі Татаринь сидїть бородатий,
По гірнидахъ похажáє,

одежа дорогая — три ветхія сермяги: одна негодная, другая дрянная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не стóитъ. На козакѣ лапти вязовые, а онучи китайчатая — изъ настоящей женской дерюги; оборы шелковыя — изъ чистаго женскаго *валу* вдвое. На козакѣ шапка баранья — сверху дыра; травѡю шапка сшита, вѣтромъ подбита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодого козака прохлаждаетъ.

Гуляетъ козакъ Голота, погуливаетъ, ни гóрода, ни селá не трогаетъ, на гóродъ Килію посматриваетъ. Въ гóродѣ Киліі Татаринь сидитъ бородатый. Онъ по горницямъ похаживаетъ, съ Татаркой разровари-

(¹) Ужé й закинуть неспособна. *Примѣчаніє п'явца.*

(²) Козакъ приборáвъ на прочудо; славу свою пускаєть на весь свѣтъ. *Пр. п.*

До Татарки словами промовляє:

«Татарко, Татарко!

Ой чи ти думаєш те, що я думаю?

Ой чи ти бачиш те, що я бачу?»

Каже: «Татарине, ой, сидий, бородатий!

Я тільки бачу, що ти передо мною по гірницях поможашь,

А не знаю, щò ти думаєш да гадаєш.»

Каже: «Татарко!

Я те бачу: вь чистімь полі не орель літає:

То козакъ Голота добримь конемь гуляє.

Я ёго хочу живцёмь у рўки взяти

Да вь городъ Килию запрода́ти,

Ищё жь нимь передь великими панами башами вихваляти,

За ёго много червонихь не лічачи брати,

Дорогий сукна не мірачи почитати.»

То тее промовлявь, — дорогё платте надіває,

Чоботи обуваеть,

Шликъ бархотний на свою голову надіває,

На коня сидаеть,

Безпечно за козакомь Голотою ганяеть.

То козакъ Голота добре козацький звичай знае, —

Ой на Татарина скрива, якъ вòвкъ, поглядає.

ваеть: «Думаєш ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я думаю? видишь ли ты, что я вижу?» — «Нѣтъ, сѣдой, бородатый Татаринъ, я вижу только, что ты по горнищамъ похаживаешь, да не знаю, что замышляешь.»

«Я вижу, Татарка, не орель вь чистомь полѣ летаеть: то козакъ Голота на добромь конѣ гуляеть. Хочу я живьемь его взять и вь городъ Килию продать, хочу похвастать нимь передь великими панами пашами и набрать за него червонцевь безь счету и дорогихь суконь безь мѣры.»

Сказалъ, и вь дорогое платье одѣвается, вь сапоги обувается, на голову надѣваеть бархатную шапку, садится на коня и безопасно гоняет-ся за козакомь Голотою.

А козакъ Голота хорошо козацький обычай знаетъ; онъ посматри-

Кáже: »Татáрине, Татáрине!
На віщо жъ ти вáжяшъ:
Чи на мою ясненькую збрюю,
Чи на мого коня вороного,
Чи на менѣ, козакá молодого?«

»Я«, кáже, »вáжу на твою ясненькую збрюю,
А ще лучче на твого коня вороного,
А ще лучче на тебѣ, козакá молодого.
Я тебѣ хочю живцемъ у руки взяти,
Въ городъ Килию запродати,
Передъ великими панями башами вихвалати
И много червонихъ не личачи набрати,
Дорогій сукна не мiрячи пощитати.«

То козакъ Голота добре звичай козацький знаѣ,
Ой на Татáрина скрива, якъ вовкъ, поглядаѣ.

»Ой«, кáже, »Татáрине, ой сидий же ти, бородатий!
Либонъ же ти на рдзумъ небагатий:
Ще ти козакá у руки не взявъ,
А вже за ёго й грóшнi пощитавъ.
А ще жъ ти мiжъ козакáми не бувавъ,

знаєть съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говоритъ: »На что ты, Татаринъ, мѣтишь: на мою ли блестящую сбрую, на моего ли вороного коня, или на меня самого, козака молодого?«

»Я«, говоритъ, »мѣчу на твою блестящую сбрую, а еще больше на твоего коня вороного, а еще больше на самого тебя, козака молодого. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килию, хочу похвастать тобой передъ великими панами пашами и набрать за тебя червонцевъ безъ счету, а дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

А козакъ Голота хорошо козацкій обычай знаетъ: онъ посматриваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина: »Эй ты«, говоритъ, »сѣдой, борода-тый Татаринъ! не богатъ, видно, ты умомъ-разумомъ: еще ты козака въ руки не взялъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѣрно, ты еще между козаками, не ѣдалъ козацкой каши и не знаешь козацкихъ обычаевъ.«

Козацької каші не ідавъ
И козацькихъ звичаївъ не знаєшь.»

То тее промовлявъ,
На присішкахъ ставъ,
Безъ міри пороху підсипає,
Татарину гостинця въ грѹди послає.
Ой ще козаць не примірювся,
А Татаринъ икъ лихий матері съ коня покотився.
Винъ ёму віри не допімає,
До ёго прибуває,
Келепомъ міжъ плечи грімає,
Коли жъ огледитця, ажъ у ёго й дѹху немає.
Винъ тоді дѹбре дбавъ,
Чѹботи Татарські истягавъ,
На свої козацькі нѹги обувавъ;
Одежу истягавъ,
На свої козацькі плѹчи надівавъ;
Бархотний шлікъ вдіймає,
На свою козацьку гѹлову падіває;
Коня Татарського за поводі взявъ,
У гѹродь Січі припавъ, (1)
Тамъ собі пье-гуляє,

Сказавъ и привставъ на стременахъ; подсыпавъ пороху не мѣрючи и пославъ въ грудь Татарину гостинець. Еще козаць и не прицѣлялся, а ужъ Татаринъ къ нечистому съ коня свалился. Тотъ однакожь ему не довѣряеть, приближається и бьетъ его чеканомъ въ спину; посмотрѣлъ— съ него и дѹхъ вонъ. Тогда онъ принимается за дѣло: сапоги съ него стацилъ и на свои козацкія ноги надѣлъ; одежду съ него стацилъ и на свои козацкія плечи натянулъ; бархатную шапку снялъ и на свою козацкую голову надѣлъ. А Татарскаго коня взялъ за поводя и прибылъ въ въ гѹродь Сѣчь (?). Тамъ пьетъ, гуляетъ и Килійское поле славить :

(1) Бѹже! дѣ ті гѹроді, не знаємо, а бачъ, слава ажъ ѹтъ до хѹдить! *Пр. ж.*

По́ле Килі́нське хва́лить-вихва́ляє :

»Ой по́ле Килі́нське !

Бода́й же ти лі́то й зи́му зеле́ніло ,
Якъ ти мене́ при неща́сливій годи́ні сподоби́ло !
Да́й же, Бо́же, щобъ коза́ки пи́ли та гуля́ли ,
Хоро́ші ми́сли ма́ли ,
Одъ мене́ більшу до́бичу бра́ли ,
Іґ неприя́теля підъ но́зі топта́ли !«

Сла́ва не впре́, не поля́же,
Отни́ні до ві́ка !
Дару́й, Бо́же, на мно́гі лі́та !

2.

ДУМА О ВДОВѢ И ТРЕХЪ СЫНОВЬЯХЪ. (*)

Ой якъ на сла́вній Украї́ні,
Та въ сла́внімъ горо́ді у Кры́лові,
Тамъ жи́ла ста́ра же́на удо́ва
И ми́ла въ себе́ три сини́,
Якъ я́сні соко́лі.

Зъ ма́лихъ лі́тъ до вели́кого зросту (¹) коха́ла-годува́ла,

»О, будь же ты, Килійское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливилось на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ козаки пи́ли да гуля́ли, добро замышля́ли, еще больше добычи добывали, неприя́теля ногами топтали!«

(*) *Переводъ.* — На славної Украйні, въ славному городѣ Крыловѣ, жи́ла старушка вдова, и было у ней три сына, какъ три ясныхъ сокола. Съ ма́лыхъ и до соверше́нныхъ лѣтъ она ихъ лелѣ́яла, кормила, чужимъ

(¹) Ба́чте, до соверше́нного ума́ бѣ то. Та́къ пошро́сту воно́. *Пр. п.*

Чужимъ рукамі на потиранне не давала,
Слави-пам'яті сподівалась.

Скоро сини поросли,
Усі три до розуму дойшли,
Усі три коні посідляли
И на ринокъ Крилівський гулять поїжджали.
По ринку Крилівському проїжджали.
Ні доброго, ні худого не видали; (¹).
У домівку приїжджали,
Ой у домівці не велику зазнобку счинили —
Матку стареньку зъ двора вигонили:
»Иди ти, мати, де йнде пробувати,
Хліба-сѳли спокійно вживати,
Бо будуть, мати, въ насъ, жѳни молоді,
Дітки малѳнькі,
Будешъ ти їхъ проклинати —
Ой не будуть вони щастя й долі собі мати.
Атѳ ти йди де йнде пробувати,
Хліба-сѳли спокійно вживати.»

То мати се зачуває,

рукамъ прикасаться къ нимъ не давала, надѳалась оставить по себѳ добрую славу и память.

Когда сыновья выросли и всѳ трое достигли полнаго разума, сѳдлали они коней и выѳзжали гулять на Крыловскій рынокъ. Проѳхавъ по Крыловскому рынку, не видали ни добра, ни худа и воротились домой; а воротясь, не больно старую мать огорчили — только со двора прогнали: »Ступай, матушка, въ иное мѳсто проживать и спокійно хлѳбъ-сѳль кушать: будутъ у насъ молодья жены и малыя дѳти, а ты станешъ ихъ проклинать, и не будетъ имъ ни счастья, ни доли. Такъ лучше ступай себѳ въ иное мѳсто проживать и спокійно хлѳбъ-сѳль кушать.»

Слышитъ это мать, идетъ со двора, спотыкается, за слезами Божьяго

(¹) Не знайшли, видно, съ кимъ ні бѳтьця, ні боротьця. *Пр. п.*

Иде зъ двора, спотикаетца,
За слезами світа Божого не видае,
Синивъ своїхъ кленє-проклинае:

Бодай же васъ, сини мої, бідні вдовиченки, у полі

Побило разомъ три недолі:

Щобъ васъ перва доля побіла —

Щобъ Богъ хліба не вродивъ;

А друга доля щобъ побіла —

Щобъ не стали васъ люде знати,

Добримъ словомъ покликати;

Трєта доля щобъ побіла —

Щобъ ви у своїй домівці на промешканны щастя й долі не мали!»

То десь узявся близький сусіда,
Матку старєньку изъ землі підіймає,
Хустку своєю зъ кишєні винимає,
Вдови старій слєзи втирає:
»Иди ти, мати, до мене пробувати,
Хліба-соли спокійно вживати.
Будеш ти насъ на все добре научати,
Будемъ ми тебе шанувати й поважати.«

То мати иде, спотикаетца,

свѣта не видитъ, сыновей своихъ проклинаетъ: »Пускай васъ, дѣти мои бѣдныя, постигнутъ въ полѣ три бѣды: первая бѣда — чтобъ вамъ Богъ хлѣба не уродилъ; другая — чтобъ люди перестали съ вами знаться и съ добрымъ словомъ къ вамъ отзываться; а третья — чтобъ вы дома въ своемъ житѣ - бытѣ счастья - доли не знали!«

Какъ вотъ откуда ни возьмись близкой сосѣдъ; онъ поднимаетъ старую мать съ земли, вынимаетъ изъ своего кармана платокъ и отираетъ ей слезы: »Подя, матушка, ко мнѣ на проживанье; ты будешь у меня спокійно хлѣбъ - соль кушать, будешь насъ учить всему доброму, а мы будемъ тебя почитать и уважать.«

Идетъ мать, спотыкается, за слезами Божьяго свѣта не видитъ. А

За слезами світа Божого не видає.
А синь сидить найменший, у кватірку поглядає,
Изъ матки старенької насміхаєтца.
»Ой двітца«, каже, »братця:
Либонь же наша мати старá попередь насъ у Жйда-рандаря пробувала,
Добру горілку попивала:
Не дурно йде, спотикаєтца: (¹)
Підь плечемъ пляшку несé, абó, може, й другу.« (²)

То живуть сини годь, або два, або й три.
Заразъ імъ Богъ погодивъ —
У полі хлѣбъ не вродивъ.
Заразъ друга їхъ доля побила —
Не стали їхъ люде знати,
Добримъ словомъ покликати.
Третя доля ихъ побила —
Ой не стали вони въ домівці на промешканні зъ молодими женами щастя
й долі собі мати.

То въ неділю рано-пораненьку,

меньшой сынъ сидить да посматриваетъ въ *кватірку* (форточку) и подсмѣивается надъ старой матерью: »Посмотрите«, говоритъ, »братцы: видно, наша старуха прежде насъ гостила у Жйда-арендатора и пила добрую водку: не даромъ идучи спотыкается. Вѣрно, подь мышкой тащитъ фляжку, а пожалуй и двѣ.«

Живутъ сыновья годь, два, или три. Тотъ-часъ Богъ ихъ наградила — въ полѣ хлѣбъ не уродилъ; тотъ-часъ другая бѣда ихъ постигла — не стали съ ними люди знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться; и третья бѣда ихъ постигла — не было у нихъ дома счастья съ молодыми женами.

И вотъ рано утромъ въ воскресенье не буйный вѣтеръ шумѣлъ, не

(¹) Вінъ-то думавъ, що до сусіди йде, то вже зъ пляшкою. *Пр. п.*

(²) Опъ за що їмъ стало запно! *Пр. п.*

Не буйні вітри шуміли,
Не дрібні дощички накрапали,
Якь бідні вдовиченки у своєму дворі гомоніли.
»Ходімо,« каже, »ми, братте, у чужий двірь
Да ушадемо матері старенькій крижём до нігь.

Поки ми матірь свою поважали,
Поти намъ Богъ годивъ;
А не стали ми матки старенької знати,
Заразъ насъ перва доля побіла —
Богъ хліба не вродивъ;
А друга доля насъ побіла —
Не стали насъ люде знати,
И добримъ словомъ поклика́ти;
Третья насъ доля побіла —

Не стали ми въ домівці на промешканні зъ молодими жéнами щастя
й долі собі мати.

То йди ти, мати, до насъ, старая, пробувати,
Спокойно хліба-сòли вживати.
Ми своїхъ будемъ женъ наущати,
Щобъ на тебе не нарікали.»

То мати старая, ой, до Бога руки здіймає:
«Ой не услишай, Господи, клятьби моєї,

частый дождикъ кропиль: то бѣдные вдовины сыновья на своемъ дворѣ
говорили: »Пойдемъ, братцы, на чужой дворъ да надемъ старой матери
крестомъ къ ногамъ. Пока мы свою мать уважали, до тѣхъ поръ и Богъ
намъ помогаль; а какъ отреклись мы отъ своей матери, тотъ-часъ насъ
первая бѣда постигла — Богъ хлѣба не уродиль; и другая бѣда насъ по-
стигла — перестали съ нами люди знаться и съ добрымъ словомъ къ
намъ отзываться; а третья бѣда насъ постигла — нѣтъ намъ дома
счатья съ молодыми женами. Такъ воротись ты, старушка матушка,
къ намъ на проживанье, кушай спокойно нашу хлѣбъ-соль, а мы ста-
немъ наставлятъ своихъ женъ, чтобъ тебя не попрекали.«

Тогда старушка мать къ Богу руки подымаеть: »Боже! не внимай

Що я своїх синів кляла-проклинала :
У своїй голові великий прасунок ма́ла .»

Зараз їм Богъ погодивъ —
У полі хлібъ уродивъ .
Зараз їх стали люде знати ,
Добримъ словомъ поклікати .
Стали вони въ домівці на промешканні щасте й долю собі мати .

3.

ДУМА О СЕСТРѢ И БРАТѢ. (*)

Ой у неділю рано-пораненьку,
Ой то ранніми зор'ями,
То не сіва зозулька закувала,
То не дрібна пташка щебетала,
Якъ сестра до брата на чужу чужину
Добримъ здоров'ямъ поклонялася ;
Ой кватірочку очиняла,
Словами промовляла,
Слєзами ридала :
»Братіку мій рідний ,

моей клятвѣ, что проклинала я своихъ сыновей : у меня въ головѣ была тогда великая досада .«

И тотъ-часъ Богъ ихъ наградивъ—въ полѣ хлѣбъ уродивъ ; тотъ-часъ люди стали съ ними знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться , и счастливо зажили они дома .

(*) *Переводъ*. — Въ воскресеньє рано поутру, на зарѣ, не сѣрая кукушка куковала, не мелкая пташка щебетала : то сестра брату на чужую сторону привѣтъ посылала . Отворила окно и говорить со слезами : »Братецъ мой родной , голубчикъ мой сизокрылой ! навѣсти меня на чужой сторонѣ, при моемъ горькомъ гореваньи .«

Якъ голубонько сизий!
Прибуди ти до мене,
Одвідай ти мене
На чужій чужині,
При злій хуртовині,
При нещастявій годині.»

»Сестро«, каже, »мила,
Родино сердешна!
Не могу я до тебе прибувати:
Я проживаю за темними лугами,
За широкими полями,
За бистрими ріками.»

»Братіку мійий,
Якъ голубонько сизий!
Прибуди же ти до мене.

Темні луженьки ясненькимъ соколенькомъ перелети,
Широкі поля малимъ-невеликимъ перепелонькомъ перейди,
Бистрії річеньки й озера білимъ лебедонькомъ переплыви;
Сядь-пади у моїмъ дворі сівимъ голубонькомъ,
Головку склоні,
Жалібненько загуди. (1)

»Сестра моя милая, сестра родная, сердечная! не могу я тебя навѣстить: я живу за темными лѣсами (2), за широкими полями, за быстрыми рѣками.»

»Братецъ мой милый, голубчикъ мой сизокрылой! темные лѣса яснымъ соколомъ перелети, широкія поля малымъ перепеломъ перейди, быстрыя рѣки бѣлымъ лебедемъ переплыви; пади сизымъ голубемъ на

(1) Богъ ёго знае, якъ би то: затужить? *Пр. н.*

(2) Въ подлинникѣ *лугами*; но лугомъ называется въ Украинской народной поэзіи и то, что мы разумѣемъ подъ Великорусскимъ словомъ *лузъ*, и гѣсь, растуцій на низменныхъ, прирѣчныхъ мѣстахъ. Здѣсь слово *лугами* употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Пехай я буду вихождати,
Ой по голосу познавати,
Родиною сердешною називати,
И на хліб на сіль закликати,
И на здоров'є тебе, брате, буду питати.»

»Сестро«, каже, »мила,
Родино сердешна!
Ой сподівайся мене тоді в гості,
Як будуть о Пётрі бистрій ріки-озера замерзати, (1)
Объ Різді калина въ лузі процвітати.
Пойди ти, сестро, до тихого Дунаю.
Возьми ти, сестро, піску у білу ручку,
Посій ти, сестро, на каміню:
Коли той буде пісок на білому каміні зіхожати,
Синімъ цвітомъ процвітати,
Хрещатимъ барвінкомъ біленький камінь устилати,
Разними красними цвѣтами украшати,
Тоді, сестро, буду до тебе въ гості прибувати,
Твогo життѣ при бідности доглядати.»

• »Братіку«, каже, »милий,

моемъ дворѣ, головку склони, жалобно заворкуй. Я выйду, узнаю тебя по голосу, назову близкимъ сердцу роднымъ, зазову на хлібъ на соль и стану спрашивать тебя о здоров'и.»

»Сестра«, говорить, »милая, сестра родная, сердечная! тогда ожидай меня въ гости, когда о Пётрѣ быстрыя рѣки и озера стануть замерзати, а о Рождестѣ калина на лугу расцвѣтати. Поди, сестра, къ тихому Дунаю, возьми, сестра, въ бѣлую руку песку, посій его на камнѣ: какъ взойдетъ песокъ на бѣломъ камнѣ, зацвѣтетъ синімъ цвѣтомъ, устелетъ камень крещатымъ *барвінкомъ* и украситъ разными цвѣтами, — тогда, сестра, прибуду я къ тебѣ въ гости и стану заботиться о твоей убогой жизни.»

(1) А Богъ ёго знає, коли того й дожидати. А будуть, кажуть, колись, замер-

Якь голубонько сязий!

Не тешєрь я на ногахъ стала,

Одъ старихъ людєй пришовєсти такої не чувала,

Щобъ о Пєтрї бистрїї рїки-озєра замерзали,

Щобъ объ Рїздвї калина въ лўзї процвітала,

Щобъ жовтий пєсокъ на бїлому каменї зїхожавъ,

Щобъ синїмъ цвїтомъ процвітати,

Хрещатимъ барвинкомъ бїленький каминь устїлати,

Разними красними цвїтати украшати :

А лишъ, братїку, тебє до вїку не сподівати!

Якь на прїзникъ хвалєбєнь люде до цєрки йдуть,

Якь бжїлкї гудуть,

Чужї братїки зїхожаютьца,

Братъ изъ братомъ,

Сватъ изъ сватомъ, ⁽¹⁾

Кумъ изъ кумомъ,

Сестра зъ сестрою,

Однє зъ однїмъ схожаєтца

И прїзникомъ хвалєбнимъ поздоровляєтца;

А менє плечє зъ плечємъ, полá зъ полою торкає,

И въ вїчи не видає. ⁽²⁾

»Братецъ мой милой, голубчикъ сизокрылой! не сей-часъ я встала на ноги, но не слыхала отъ старыхъ людей, чтобъ о Пєтрѣ быстрыя рѣки и озера замерзали, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтала, — чтобы желтый песокъ всходилъ на бѣломъ камнѣ, расцвѣталъ синимъ цвѣтомъ, устилалъ бѣлый камень крещатымъ барвинкомъ и украшалъ разными цвѣтами. Никогда мнѣ, мой братецъ, тебѣ не дожждаться! На *хвалєбный* прїзникъ люди въ церковь идутъ, какъ пчелы гудутъ, схолятся братъ съ братомъ, сватъ съ сватомъ, кумъ съ кумомъ, сестра съ сестрою и поздравляютъ другъ друга хвалєбнымъ прїзникомъ, а меня —

затъ рїчки о Пєтрї. Бўде, та тїлько не за сїхъ людєй; тодї бўде, якъ свїтъ перемїнятца. Людє перемїнятца, и свїтъ перемїнитца. *Пр. п.*

(¹) Бачъ, якá бъ ужє тамъ — подўмать — рїднїя: сватъ изъ сватомъ! *Пр. п.*

(²) Помїсь би то не бачить. *Пр. п.*

Ой якъ у нашого отця та й матки пили та ідали,
Тоді насъ и куми, й побратими добре знали;
А якъ насъ прийшла недобра година,
Одцуралась насъ близькая й далёкая, вся названа, сердёшная родина!
Тяжко«, каже, »братіку!...
Якъ птиці пернатій въ чистімъ полі безъ дрёва ночувати,
Якъ тяжко та важко живій рибі безъ води проживати,
Якъ тяжко та важко білий камінь зъ сиріоі землі проти себе знати, —
Ой такъ тяжко та важко на чужій чужині безъ крѣвної родини помірати!«

4.

ДУМА О БУРЬ НА ЧЕРНОМЪ МОРЬ. (*)

Ой якъ на Чорному морі,
Та на білому каміні,
Тамъ сидить ясень соколенько,
Смутно має,
Жалібноенько квилить-проквиліє,
На Чорнее море сїє,
Далёко поглядіє,
Що на Чорному морю не добре вчиніє:

хоть плечо плечомъ, полуолой задѣнетъ, — будто и въ глаза не видятъ. Какъ бывало у нашего отца и матери пивали, ѣдали, тогда насъ и кумовья, и приятели знали, а какъ пришла злая беда, — отрекалась отъ насъ близкая и далекая, вся названная, задушевная родня. И какъ пернатой птицѣ трудно въ чистомъ полѣ безъ дерева ночевать, какъ трудно живой рыбѣ безъ воды дышать, какъ тяжело бѣлый камень съ сырой земли на грудь поднять, такъ тяжело, такъ трудно на чужбинѣ безъ кровнаго родного умирать!«

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, сидитъ ясный соколъ; сидитъ онъ смутенъ, жалобно стонетъ и смотритъ вдаль на Черное море, что на Черномъ морѣ не добро творится: поднимается

Противну філю зо дна моря знімає,
Судна козацькі на три часті розбиває.
Перву часть ввірвало,
Въ гърло Дунайське замчало;
Другу часть увірвало,
У землю Орабську замчало; (¹)
Третю часть увірвало,
Ой не знало, де подіти,
Середь Чорного моря утопило.

У тій часті потопало два брати ридненькі,
Товариші сердешні.
Що ні до кого приплинути,
Опрощення прийняти.
Ті два брати одинъ до одного припливали,
Опрощення приймали
И словами промовляли,
Слезами ридали :

Ой не ёсть то насъ, брате, на Чорному морі супротивна філя потопляе,
А ёсть то отцева-матчина молитовъ побивае-карае.
Намъ отецъ-мати позволяли одному въ військо виступати.
А другому дома хліба пахати.

противная волна со дна морского, разбиваетъ козацкія суда на три части. Первую часть оторвало и въ Дунайское устье умчало; другую часть оторвало — въ Арабскую землю унесло; третью часть оторвало и, не зная, куда дѣвать, среди Чернаго моря потопило.

Въ той части потопало два родныхъ брата, два сердечныхъ товарища, и не къ кому имъ приплыть, некому принести исповѣдь. Другъ къ другу они подплывали и со слезами исповѣдь творили: »Это, братъ, не противная волна на Черномъ морѣ насъ потопляетъ, — это насъ отцовская и материнская молитва караетъ. Отецъ и мать одному изъ насъ

(¹) Въ другой разъ онъ пѣлъ:

По-за моремъ розимчало.

А то ми, брата, недобре вчиняли —
Обидва коні посиділали,
У військо виступали,
Зь отцемъ, зь маткою опрощення не приймали,
Ще матку стареньку зневажали,
Стременемъ у груді одъ коней одшихали.
То ще ми, брата, недобре вчиняли —
Мімо церкви святої проїжджали,
За гордостю, за пішністю зь главі шликá не здіймали,
На себе хрестá не покладали
И Бóга милосердного на помічъ не благали.
То ще ми, брата, недобре вчиняли —
По улицямъ добримъ кіньми гуляли,
Дітки маленські кіньми розбивали, (¹)
Кровъ Християнську безневинно проливали.
Іхали ми городомъ-улицею,
Тамъ стояли три жéни старенькі;
Може, думали та й гадали противъ насъ що добре сказати,
Да ми й тамъ за гордостю, за пішністю противнимъ словомъ одказали.

позволяли въ войско вступитъ, а другому велѣли дома землю пахать : а мы, братъ, нехорошо поступили : осѣдали коней, выѣхали въ войско, не простились съ отцомъ и матерью, да еще старую мать оскорбили — стременимъ въ грудь оттолкнули. И то нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что мимо святой церкви проѣзжая, по гордости и спѣси шапки съ головы не сняли, креста на себя не положили и милосердаго Бога на помощь не призвали. И то нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что по улицамъ на добрыхъ коняхъ гуляли, малыхъ дѣтей топтали, кровь Християнскую безъ вины проливали. Ъхали мы городомъ-улицей ; тамъ стояли три старушки, и, можетъ быть, онѣ хотѣли сказать намъ что-нибудь хорошее, но мы по гордости и спѣси отвѣтили имъ грубымъ словомъ. Не спрашивали мы, гдѣ святая церковь, а спрашивали, гдѣ новая корчма. Другіе ко-

(¹) Колись рóскошь булá й такимъ. *Ир. п.*

Не пита́ли цѣркви свято́и
Да пита́ли корчми́ нові́и.
Чужі́ козаки́ по цѣрква́хъ моле́бніи найма́ли,
А ми у шинку́ пьемъ-гуля́емъ,
Та́нці-музи́ки найма́емъ.
Коли́бъ да́въ Богъ на суходо́ль виступа́ти,
Вже́ бь те́перь мо́гли зна́ти,
Якъ свято́і цѣркви не забува́ти,
Отця-ма́тку шти́ть и поважа́ти.»

Ста́ли вони́ отце́ву й ма́тчину моли́тву сохваля́ти,
Ста́ла на Чорно́му мо́рю супроти́вна фі́ля утиха́ти,
Ста́въ Госпо́дь ми́лосѣрдний і́хъ визволя́ти.
Вони́ тоді́ до приста́ні прибува́ють,
За бі́лий ка́мінь рука́ми хвата́ютця,
На суходо́ль виступа́ють
И слова́ми промовля́ють :
«Кото́рий чоло́вікъ отца-ма́тір шану́е-поважа́е,
Богъ ё́му ми́лосѣрдний помага́е ;
Кото́рий чоло́вікъ отця́-ма́тери не шану́е, не поважа́е,
Нешча́сливий той чоло́вікъ бува́е,
Та́къ вінъ а́би-де ма́рне пропада́е.»

закї по цѣрквамъ молебны нанимали, а мы въ корчмѣ пили, гуляли, да музыку нанимали. Когдабы Богъ намъ помогъ выйти на сушу, то те-перь мы святой цѣрквы никогда бь не забывали, а отца и мать почитали.»

Какъ начали они прославлять отцовскую и материнскую молитву, стала на Черно́мъ морѣ противная волна утихать, сталъ ихъ ми́лосердый Госпо́дь спасать. Прибываютъ они къ пристани, хватаются они рука-ми за бѣлые камни, выходятъ на суходоль и говорятъ : »Кто отца и мать уважаетъ и почитаетъ, тому ми́лосердый Богъ помогаетъ ; кто жь отца и матери не уважаетъ и не почитаетъ — и́тъ счастья тому чело-вѣку! погибаетъ онъ безъ пути на свѣтъ!«

5. (1)

ДУМА О ВБГСТВЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА. (*)

Якъ изъ землі Турецької,
Да зъ віри бесурменської,
Изъ гóрода изъ Озова не піли-тумані вставали:
Тікавъ повчóкъ,
Малій-невелічокъ, (2)
Тікало три братіки рідненькі, (3)
Три товариші сердешні.
Два кіннихъ, третій піший-піхотинець,
За кінними біжить-підбігає,
Чорний пожаръ підь білі ноги підпадає,
Кровъ сліді заливає,
За стремєна хватає,
Словами промовляє:
»Братте мїле, братте любе!
Хоть одїнь ви милосерде майте,
Опрáни кульбаки (4), дóбичь изъ коней скидайте,
Менé, брата піхотинця, мїждó коні берїте,
Хочь мїлю версть увезїте
И дорїженьку укажїте.

(*) *Переводъ.* — Изъ земли Турецкой изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пылъ, не туманъ вставалъ: то уходилъ малый отрялецъ—три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третій за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливаетъ. Хватаетъ онъ за стремєна, говоритъ онъ братьямъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одїнь надо мною сжалится: сбросьте вы съ коней дорогїя сѣдла, возьмите меня, пѣ-

(1) Се все стародавні, неволницькі. *Пр. н.* — (2) Отò вже Богъ ёго знає, щò воно значить. *Пр. н.* — (3) Колись-то було охóтне вїйсько, такъ їхъ усїхъ трохъ и забрано. *Пр. н.* — (4) Хтò ёго звáє, щò то було такé! *Пр. н.*

Нехай я буду знати,
Куди за вами вь городі Християнські зь тяжкої неволі втікати.»

То старший брать згórда словáми промовляе :

»Чи подобенство, мій брате,
Щобь я своє добро Турецьке на шляху покидавъ,
Тебѣ, трупъ, на коня бравъ?
Однáче ми самі не втечемо,
Ні тебѣ не ввеземо.

Будуть Крымци та Нагайци, безбóжні бусурмени,
Тебѣ, пішого-піхотинця на спочинкахъ минати,
А насъ будуть кіньми догавяти
И назадь у Турещину завертати.»

То брать піший-піхотинець за кінними бижить-підоїгае,

Чорний пожаръ підь білі нóги підгортае,

Словáми промовляе :

»Братте любе, óратте миле!

Хочь одинъ же ви милосердее мáйте,
Назадь коней завертáйте,
Зь піховъ шаблi виймáйте,

Мнi, брату мёншому, пішому-піхотинцю, зь плiчъ голову здиймáйте,

шаго, на коня, провезите меня хоть одну милю и укажете дорогу, чтобъ я зналъ, куда мнѣ завами уходитъ изъ тяжелой неволи въ города Християнскіе.»

На это старший братъ гордо отвѣчаетъ : »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свое Турецкое богатство по дорогѣ разбросалъ, а тебя, ни къ чему годнаго, на коня посадилъ? Равно мы и сами тогда не уйдемъ, и тебя не увеземъ. Быть можетъ, тебя, пѣшаго, безбожные бусурманы, Крышцы да Ногайцы, минуютъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, а насъ, конныхъ, догонятъ и воротятъ въ Турецкую землю.»

Снова пѣшій братъ за конными подбѣгаетъ, по черной выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ : »Братья мои милые! пусть хоть одинъ изъ васъ надо мною сжалится : поверните назадъ коней, выньте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ, пѣшему, голову съ плечъ, похороните въ чистомъ полѣ, не оставьте на поживу звѣрю да птицѣ.»

У чистому полі поховайте,
Звіру-птиці на поталу не подайте.»

То братъ старший згорда словами промовляє:

»Чи подобенство, брате, тебе рубати?

Одначе шабля не візьме,

Рука не зведетьця,

Серце не осмілитця

Тебе рубати! (¹)

А якъ ти живъ-здоровъ будешъ,

Самъ у землі Християнські увійдешъ.»

То братъ найменший, піший-піхотинець, за кінними біжить-підбігає,

Словами промовляє:

»Братте мїле, братте любе!

Хочь одинъ же ви милосердее майте,

Будете до тернівъ, до байраківъ прибігати,

Такъ у боки забігайте,

Віти тернові рубайте,

По шляху покидайте,

Мині, брату пішому-піхотинцю, на признаку давайте.»

То ставъ братъ старший та середульший до тернівъ, до байраківъ прибігати, —

У боки забігали,

Опять старший братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, рубить тебѣ голову? и сабля тебя не возьметъ, и рука не поднимется, и сердце не осмѣлится. А какъ ты живъ останешься, то самъ придешь въ города Християнскіе.»

Снова меньшой братъ, пѣшій, за конными подбѣгаетъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мной сжалится! Какъ прибудете вы въ терновые буераки, то заѣзжайте по сторонамъ, рубите терновыя вѣтви, разбрасывайте по дорогѣ, оставляйте мнѣ, пѣшему брату, примѣты.»

(¹) Звісно, одна кровъ. *Пр. п.*

Віти тернові зелєні рубали,
Брату мєншому, пішому-піхотинцю, признаку давали.

Да ставъ же братъ найменшій, піший-піхотинець, до байраківъ при-
бігати,

Ставъ віти тернові знахожати,
У рўки берє,
Къ сєрцю кладє,
Словāми промовляє
И слєзāми ридāє :

»Божє мій милий, Сотворитєлю небєсний!

Видно, то мої братіки сюдā зъ тяжкої неволі втікали,
Объ мині велике старāнне мāли.

Колибъ мині Господь помігъ зъ снї тяжкої неволі Озївської втікати,
Могъ би я своїхъ братіківъ при старості лїтвъ шановати й поважати!»

То ставъ же братъ старшій та середўльшій на полівку избігати,
На степі високі, на великі дорogi росхїдні, — (¹)
Не стало тернівъ да байраківъ рубати ;
До ставъ же братъ середўльшій до старшого промовляти :

Приближаються старшій и середній братья къ терновымъ буеракамъ, заїзжають по сторонамъ, рубая зеленя вѣтви, оставляють меньшому, пѣшему брату примѣты.

Вотъ меньшой братъ, пѣшій, подходитъ къ буеракамъ и начинаетъ на-ходить терновыя вѣтви. Онъ беретъ ихъ въ руки, прижимаетъ къ серд-цу и говоритъ со слезами : »Боже мой милый, Творецъ небесный! сю-да-то, видно, мои братья изъ тяжелой неволи уходили и обо мнѣ заботи-лись. О, еслибы мнѣ помогъ Господь уйти изъ тяжелой неволи Азовской, — почиталъ бы и уважалъ я своихъ братьевъ въ ихъ старости!»

Выїзжають старшій и середній братъ на поля, на высокія степи, на большія *расходныя* дороги, гдѣ уже не было больше терновника. Тогда середній братъ говоритъ старшему : »Снимемъ-ка, братъ, мы съ себя

(¹) Въ другой разъ онъ пѣлъ :

На вишчїи степі Самарські, на шляхї Муравські избігати.

»Нумъ, брате, ми зъ себѣ зелѣні жупани скидати,
Червону та жовту китайку видирати,
Пішому брату, мѣншому, на признаку покладати;
Нехай вінъ бідний знає, куди за нами, кінними, тікати.«

До ставъ же братъ старший згорда словами промовляти :
»Чи подобѣнство, брате, щобъ я свое добро Турецьке на шматкі дравъ,
Брату мѣншому на признаки дававъ?
Якъ вінъ живъ-здоровъ буде,
Такъ самъ у землі Християнські, безъ нашихъ признаківъ усякихъ,
прибѣде.«

До братъ середѣльший милосѣрде має,
Изъ свого жупана червону та жовту китайку видирає,
По шляху стѣле-покладає,
Мѣншому брату признаки даває.

То ставъ братъ найменший, піший-піхотинець, на полівку избігати,
На степі високі, на великі дорогі росхідні, —
Нема ні тернівъ, ні байраківъ,
Ніякихъ признаківъ.

зеленые жупаны, станемъ мы изъ-подъ нихъ обрывать красную и желтую китайку и оставляютъ меньшому брату примѣты; пусть онъ знаетъ, куда за нами, конными, уходитъ изъ неволи.«

На это старший братъ гордо отвѣчалъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свою Турецкую одежду въ куски рвалъ, для примѣтъ меньшому брату? Когда останется живъ и здоровъ, то и безъ примѣтъ придетъ въ города Християнскіе.«

Но средній братъ умилосердился, — обрываетъ изъ-подъ своего жупана красную да желтую китайку, стелеть ее по дорогѣ, оставляеть меньшому брату примѣты.

Всходитъ меньшей, пѣшій братъ на поля, на высокія степи, на большія расходныя дороги, — нѣтъ ни терновника, ни буераковъ и никакихъ примѣтъ; а находитъ онъ красную да желтую китайку, — беретъ ее

Ставь червону кита́йку да жо́вту знахожа́ти.

У ру́ки берè,
Къ се́рцю кладé,
Слова́ми промовляе
И слéзàми рядáе :

»Що не дурно жь ся червона да жо́вта кита́йка по шляху валя́етця :

Либóнь мо́ихъ бра́тiкiвъ на свiтi нема́е :

'Альбо iхъ порубано ,

'Альбо iхъ пострéляно ,

'Альбо у гордú тяжкú позáймано !

Коли́бъ я мо́гъ до́бре знáти ,

Що iхъ порубано , альбо пострéляно ,

Мо́гъ би я вь чiстому по́ли тiла шука́ти ,

Вь чiстому по́ли поховáти ,

Зви́ру-птици́ на потáлу не да́ти.«

Однó жь бра́та найме́ншого , однó безви́ддя ,

Дру́ге безхлiбья ,

Трéте те , що ти́хий ви́теръ зь ни́гъ валя́е. (¹)

До Оса́вурь-моги́ли прибува́е ,

На Оса́вурь-моги́лу зiхожа́е ,

Тамъ собі безпéчне де́вятого́ дня спочiво́къ ма́е ,

ь руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами : »Не даромъ красная да желтая кита́йка по дорогѣ валяется : видно, нѣтъ моихъ братьевъ на свѣтѣ: или ихъ изрубили, или перестрѣляли, или въ тяжкую неволю снова угнали ! Когдабъ я зналъ, что ихъ изрубили, или перестрѣляли, я бы сталъ искать ихъ тѣла въ чистомъ полѣ, я бы похоронилъ ихъ, не далъ бы въ пищу звѣрю да птицѣ.«

Межь тѣмъ его самага и жажда, и голодъ одолѣвають, и даже тихой вѣтеръ съ ногъ валить. Наконецъ приближается онъ къ Савурь-моги́лѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ на девятой

(¹) Що ти́хий ви́теръ, да й то́й валя́е: що вже хочь би тамъ и тiло iхъ було́ (т. е. братьевъ), такъ винъ не должéнь ничóго ра́ди да́ть. *Пр. п.*

Дев'ятого дня изъ неба воді-погоди вижидає.

Мало-немного спочивавъ,

Къ ёму вѡвці-сірохманці нахождали,

'Орли-чорнокрыльці налітали, ⁽¹⁾

Въ головкахъ сидали, —

Хотіли задалегоді животá темний похоронъ одправляти. ⁽²⁾

Тоді вінъ словáми промовляє:

»Вѡвці-сірохманці, орли-чорнокрыльці,

Гості мої милі!

Хоть мало-немного обождіте,

Поки козацька душа зъ тіломъ розлүчитця.

Тоді будете мині зъ либа чорні очи висмикати,

Біле тіло коло жѡвтої кѡсті оббїрати,

И комишáми вкривáти.»

Мало-немного спочивавъ...

Отъ, руками не візьме,

Ногáми не піде,

И ясно очїма на небо не згляне...

На небо взирає,

день бѣгства—въ девятый день ждетъ дожда небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чорнокрыльцы, садялись въ-головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить *темныя похороны*. И говорятъ онъ: »Волки сѣрые, орлы чорнокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока козацкая душа разлүчится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черные очи выклеивать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости оббѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами.«

Прошло еще немного времени... уже онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и ясно неба не видитъ... На небо взираетъ, тяжело взды-

(1) Я не бачивъ, чи чорні крила въ орлівъ. *Пр. п.*

(2) Бѡже, твоя воля! хто ёго повигадувавъ, хто ёго тее! Що не можна вїдумать би такъ вікому въ свѣті. — (О словъ *темний*;) Се, бачъ, тайний: то зирь да птиця. *Пр. п.*

Тяжко воздихає :

»Голово моя козацькая !

Бувала ти у землях Турецькихъ,

У вірахъ бесурменськихъ ;

А теперъ припало на безвідді, на безхлібі погібати.

Дев'ятий день хліба въ устахъ не маю,

На безвідді, на безхлібі погібаво !«

Тутъ тее промовлявъ... не чорна хмара налітала, (1)

Не буйні вітри вінули,

Якъ душá козацька-молодецька зъ тіломъ розлучалась.

Тоді вовці-сірохманці находжали

И орли-чорнокрыльці налітали,

Въ головкахъ сидали,

Зъ либа чорні очи висмикали,

Біле тіло коло жовтої кісті оббірали,

Жовту кість по-підъ зеленими яворами розношали

И комишами вкривали. (2)

А ще ставъ братъ старший да середульший до річки Самарки прибігати, (3)

аєть : »Голова моя козацкая ! бывала ты въ странахъ Турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ ; а теперъ пришлось тебѣ погібать на безводи, на безхлѣбьи. Девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погібаво !«

Сказалъ... и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули : то козацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки сѣгались, и чернокрылые орлы налетали, въ-головкахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

А между тѣмъ старшій и средній братья приблизились къ рѣчкѣ Са-

(1) До смерті балакавъ! Пр. п. — (2) Оце вже одного поховали. Пр. п.

(3) Що тутъ річка Самарка, чи вже далеко? Ну, да все то чужа земля колись була. Пр. п.

Стала їх темна нічка обіймати,
Ставъ братъ старшій до середульшого промовляти :
»Станьмо, братіку, тута, коні попасімо :
Тутъ могили великі,
Трава хороша
И вода погджа.
Станьмо тутечка подождімо,
Поки сонце обітріе, (sic)
Чи не прибуде якъ намъ нашъ піший-піхотинець.
Тоді на ёго велике усёрдие маю,
Усю добичь скидаю,
Ёго, пішого, міждо коні хватаю.»

— »Було бы тоді, брате, якъ я казавъ, хватати!
Теперь девятый день мивувъ,
Якъ хлібъ-сіль івъ,
Воду пивъ,
Досі й на світі немає.»

Тоді вони коней пустопашъ попускали,
Кульбаки підъ себѣ послали,
Ружья по комишахъ поховали,
Безпечно спать полягали,
Світові зорі дожидали.

маркѣ, и захватила ихъ темная ночь. Говоритъ старшій братъ среднему: »Остановимся, братъ, здѣсь да попасемъ лошадей. Тутъ могилы большія, трава хорошая, вода здоровая. Обождемъ здѣсь до свѣта, не прибудетъ ли къ намъ нашъ пѣхотинець. Я бы о немъ позаботился : бросилъ бы всю свою добычу и посадилъ бы его на коня съ собою.»

»Тогда было его взять, когда я говорилъ! А теперь ужъ девятый день, какъ онъ не ѣлъ и не пилъ; вѣрно, ужъ его нѣтъ на свѣтъ.»

Пустили они коней на пастьбу, положили себѣ сѣдла подъ головы, а ружья спрятали въ камышахъ и спокойно, въ ожиданьи зари, уснули.

Ставъ Божий світъ світати,
Стáli вони на коні сідати,
Черезъ річку Самарку у Християнські землі утікати, —
Ставъ братъ старшій до середульшого промовляти:
»Якъ ми будемъ, братіку, до отця, до матки прибувати,
Якъ ми імъ будемъ повідати?
Будемъ ми, брате, по правді казати, —
Буде насъ отець-мати проклинати;
А будемо ми, брате, передъ отцемъ, передъ маткою олгати, —
Такъ буде насъ Господь милосердний и видимо, и невидимо карати.
А хибá, брате, такъ искажемо:
Що не въ одного пана пробували,
Не одну неволю мали,
И ночної доби зъ тяжкої неволі втікали,
Такъ ми й до ёго забігали:
»Устань, брате, зъ нами, козаками, зъ тяжкої неволі втікати!«
Либонь-то вінъ такъ исказавъ:
»Тікайте жъ ви, братця,
»А я буду тутъ оставатьця,
»Чи не буду собі луччого доли-щастя мати.« (1)

Когда жъ стало свѣтати, они осѣдлали коней и пустились уходить въ Християнскія земли черезъ рѣчку Самарку. Говоритъ старшій братъ среднему: »Когда мы, братъ, воротимся къ отцу и матери, то какъ станемъ имъ рассказывать? Скажемъ правду — проклянуть насъ отецъ и мать; а солжемъ передъ отцомъ и матерью — покараетъ насъ милосердный Господь и видимо, и невидимо. Ужъ развѣ скажемъ такъ, братъ: что не у одного господина, не въ одинаковой неволѣ мы были и уходили изъ неволи ночью; заѣзжали и къ нему: »Вставай, братъ, уходи съ нами, козаками, изъ тяжелой неволи.« А онъ будто-бы такъ отвѣтилъ: »Уходите, братцы, а я останусь здѣсь; не лучше ли мнѣ здѣсь посчаст-

(1) Другой кобзарь въ Лубенскомъ уѣздѣ, Александра Михайлюкъ, пѣлъ такъ:

Не хѣчу, мой велика неволя,
А трѣте — й коня не маю.

А буде отець-мати помірати
И будемъ грунті-худобу на дві часті паювати, —
И трете міжъ нами не буде мішати.»

Тутъ тее промовляли,
И не сізі орлі заклекотали,
Якъ їхъ Турки-яниченьки изъ-за могїли вациали, —
Постреляли, порубали,
Кони зъ добиччу назадь у городъ, у Турещину позавертали.

Полегла двохъ братівъ голова вище річки Самарки,
Трета у Осаурь-могили.
А слава не вмрє, не поляже
Одвині до віка!
А вамъ на многая літа! (1)

(*) Отакі старці колись бували (говорилъ Архигъ, пропѣвъ свои думы и покивая печально главою), такїхъ співали; такъ и люде їхъ любили! А теперъ єму співай, а воно ї не слухає. Бу-

»ливится.« А когда умруть отецъ и мать и мы станемъ дѣлиться на слѣдствомъ, то между насъ не будетъ третьяго.»

Лишь только онъ сказалъ, какъ вдругъ — не сизокрылые орлы заклекотали—Турки-янычары изъ-за могилы напали, изранили ихъ пулями, изрубили, а коней съ добычею завернули въ Турецкой городъ.

Легли головы двухъ братьевъ выше рѣчки Самарки, а третьяго — у Саворь-могили; но слава не умреть, не погибнетъ отнынѣ и до вѣка. А вамъ многая лѣта!

(*) *Переводъ.* — Такіе-то нищє когда-то бывали, такія пѣсни пѣли, вотъ и люди ихъ любили! А теперь поешъ, и не слушаютъ. Бывало,

(1) Александра Михайлюкъ пѣлъ :

Даруй, Боже, милости вашій и всѣму війську Запорозькому на многая літа.

Этотъ стихъ переноситъ воображеніе въ то время, когда думы пѣлись «Гетманскимъ» и «Запорожскимъ» козакамъ.

вало, въ когѣ ё снага, обійде чи двадцять хатъ, чи тридцять. а посли вернетця додому: »Запряжи, хлѣпче, коня, отъ до такогѣ пойдъ, до такогѣ пойдъ; тамъ мині общали.« Поиде хлѣпечъ, такъ повень визъ усѣгѣ наберѣ.

Нищяя братія въ Малороссіи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Будучи послѣдними въ народѣ по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, Малороссійскіе нищіе занимають первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти всѣ слѣпы. Немногіе поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть, собирателей милостыни, по какому-нибудь калѣчеству; еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ каждый знаетъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищаго.

Я расскажу здѣсь о моемъ знакомствѣ съ Андреемъ Шутомъ, слѣпымъ пѣвцомъ народныхъ думъ (въ мѣстечкѣ Александровкѣ, Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи), слѣдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдѣлалось мнѣ извѣстно изъ статьи священника Базилевича, напечатанной въ »Этнографическомъ Сборникѣ«. Помѣщенная въ этой статьѣ дума Андрея Шута дала мнѣ высокое понятіе о достоинствѣ его пѣсенъ въ историческомъ отношеніи, и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобы познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомятой статьи. Естественно, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андрѣ Шутѣ. Мнѣ отвѣчали, что Александровскій бардъ явится тотъ-часъ къ моимъ услугамъ, что онъ близкій сосѣдъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ другъ дома. Дѣйствительно, не прошло нѣ-

кто въ силахъ, обойдетъ двадцать, тридцать хатъ, а потомъ воротится домой: »Запрягай, хлѣпче, коня да поѣзжай къ тому и тому; тамъ общали мнѣ.« Поѣдетъ мальчикъ и наберетъ всякаго добра полонъ возъ.

сколькихъ минутъ, какъ Андрей Шуть отворилъ дверь въ гостиную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

Это былъ сѣдой старикъ съ клинообразной бородою, въ сѣрой, новешенькой свитѣ и въ свѣжихъ *постолахъ* (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкой и живыми движеніями, показывающими челоуѣка, постоянно занятого работой.

Андрей Шуть, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашелъ для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такой усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда правъ предъ козацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе — онъ обзавелся женою и зажилъ не хуже зрящаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ на свой счетъ обучилъ грамотѣ.

Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и философской, Андрей Шуть едва ли имѣетъ себѣ равнаго между нищей братіей. Слепота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, и онъ, обладая превосходною памятью, усваивалъ себѣ все, что слышалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему не трудно было добыть себѣ бандуру и перенять искусство подыгриваться на ней подъ голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во всемъ Сосницкомъ округѣ, а можетъ быть и далѣе, и выпускалъ изъ рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, болѣе скромнымъ ремесломъ.

Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣсняхъ и въ заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли наполнить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ

храмъ Божиємъ, къ которому естественно прилѣпляется человекъ въ его положеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его душу надъ нуждами и бѣдствіями преходящей жизни и устремляли ее къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше удѣлялъ времени для посѣщенія заутренъ, обѣденъ, вечеренъ, всенощныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній и пѣснословій, безпрестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за спиною изъ дому на промыселъ, отвергъ всѣ тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были шутки, или страстныя движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ честь Іисуса и святыхъ да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и совсѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только рукодѣльемъ да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты своей.

Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели. Вступая въ этотъ классъ народа, онъ тотъ-часъ научился молитвамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не зналъ, и первая его наставница въ пѣсняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣстѣ съ пѣснями изустныя преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

Малороссійское простонародье большею частью погружено въ насущныя нужды свои, до такой степени, что по-видимому теряетъ и самое расположеніе къ умственнымъ созерцаніямъ. На пѣсни подмываетъ его сердце въ періодъ живой молодости, или въ пору случайнаго веселья и горя, а преданія и повѣрья переходятъ у него изъ рода въ родъ только по неотступному требованью врожденной способности къ фантазированью. Нищіе исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій сельскаго быта, какъ-будто для того, чтобы, развивъ, въ своемъ неизбѣжномъ сомоуглубленіи, мыслительныя способности, вносить въ общество поселянъ религіозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной

высотѣ. Напримѣръ, Андрей Шутъ такъ разсказываетъ о своемъ участіи въ распространеніи познаній о Богѣ и поклоненія Ему молитвою.

РАЗСКАЗЪ АНДРЕЯ ШУТА ОБЪ УЧЕНИКѢ ЕГО. (1)

(*) Есть тутъ у насъ у Верховиссі козакъ Мыць у пріймахъ. Багата вдова тамъ живѣ, такъ вінъ до її дочкі у прійми й приставъ. Парень роботящий, такъ вона й приняла ёго у прійми. Да скупа собі баба, такъ, щобъ не наймать наймита, посилае зятя пасти коні. Отъ вінъ и пасе. А тамъ у Верховиссі обіднівъ одинъ чоловікъ, а въ ёго два сині и дві дочкі; такъ одинъ синъ у людѣй служить, а другога нищий, кобзарь узявъ, Гордій изъ Ядутъ. За годовище півтора цілкового поступивъ. Вінъ и живъ при тому нищому два годі. Да старшині треба було погонича, такъ вінъ изискавъ того хлопця да й нанявъ на годъ. Отъ вінъ и па-

(*) *Переводъ.* — Есть тутъ у насъ въ Верховьсьи козакъ Мыць, въ пріймахъ. Живетъ тамъ богатая вдова и приняла его къ себѣ въ пріймы (зятень). Парень работящій, такъ она и приняла его. Только такая скупая баба, что не хочетъ нанимать батрака, да и посылаетъ зятя пасти лошадей. Пасетъ онъ. А тамъ въ Верховьсьи обѣднѣлъ одинъ человекъ, и у того человека два сына и двѣ дочки; вотъ одинъ пошелъ служить къ хозяину, а другого взялъ къ себѣ нищій, кобзарь, Гордій изъ Ядутъ. Далъ ему на годъ полтора цѣлковыхъ. Мальчикъ и жилъ при томъ пищемъ два года. Но старшинѣ нуженъ былъ погонщикъ, такъ онъ отыскалъ этого мальчика да и нанялъ на годъ. Вотъ и пасетъ онъ

(1) Здѣсь приводятся подлинныя слова его; но должно замѣтить, что говоръ Сосницькаго уѣзда отличается произношеніемъ о на а (напр. вмѣсто *коня*, тамъ говорятъ *каня*) и острого і на уэ (напр. вмѣсто *вилъ* — *вуэлъ*). Звукъ ъ произносятся тамъ почти такъ, какъ въ Великороссіи, а не за і, какъ пишу я здѣсь, согласно съ общимъ Малороссійскимъ выговоромъ. Есть и еще особенности, но о нихъ распространяться здѣсь не мѣсто. Нѣкоторыя изъ нихъ, непротивныя слуху *степовиківъ*, удержаны мною, какъ въ разсказахъ, такъ и въ думахъ Андрея Шута.

сѣ коней. И Оникій Мыць у-купі зъ нимъ пасѣ, да ѣ питаѣ въ хлѣнца: »Ты въ старцѣхъ бѣвь?

»Бѣвь«, каже.

»Тебѣ старці навчѣли Бѣгу молѣтьця?»

»А якъ же?»

»Які жѣ ты молитвѣ знаѣшь?»

»Знаю«, каже, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрю...*«

»А *Помилуй мя, Боже?*«

»И *Помилуй мя, Боже*, знаю,«

»Навчѣ менѣ *Помилуй мя, Боже.*«

»Дѣбре.«

Отъ и давѣи учѣтъ: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предѣ Тобою сотворихъ: яко да оправдишия во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши....* По се мѣсто: *и побѣдиши.* И далось ѣмѣ пѣйти на косовѣцѣ. Кѣсятъ и горѣлку пѣють, вѣже звѣсно. И трѣба ѣмѣ похвалѣтьця томѣ старшинѣ!

лошадей. И Оникій Мыць пасетъ вмѣстѣ съ нимъ, и спрашиваетъ мальчика: »Ты въ нищихъ былъ?« — »Былъ«, говоритъ. — »Учили тебя нищѣ молиться Богу?« — »А какъ же?« — »Какія жѣ ты молитвы знаешь?« — »Знаю«, говоритъ, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрю....*« — »А *Помилуй мя, Боже?*« — »И *Помилуй мя, Боже*, знаю.« — »Научи меня *Помилуй мя, Боже.*« — »Хорошо.«

Вотъ и началъ учить: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предѣ Тобою сотворихъ: яко да оправдишия во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши....* До сихъ поръ: *и побѣдиши.* И случился ему

»Твій«, каже, »челядінець великого стоїть: вінъ уміє Богу моли́тьця, и менé навчівъ.«

Що жъ? давай изъ ёго и зъ того хлопця сміятьця: »Кони пасуть, и Богу моли́тьця учатця!« ...Хлопець послé сёго годі да й годі вчить, и не сідáе коло ёго — стиді́тьця. Такъ и зостáвсь Оникій: и побіді́ши, а більшъ и не вмівъ Богу моли́тьця; моли́всь тілько кусочокъ.

Отъ я разъ пришовъ до ёго тещи за мѣлостинею, а вінъ сидіть на лаві да вовну б'є. Вінъ и кушнірську роботу знае. Поздоровівъ днёмъ.

«Спасибу, діду. Сядь, погомони; давнó я тебе бачила.»

Я сівъ.

»Чи не гріхъ«, кажуть, сёгодні робить?« [А тоді чи Сорока Мучениківъ булó, чи Олексія Божого Чоловіка.]

»Да може«, кажú, »не б'уде Олексій гнiвaтьця.«

Изняли якúсь рiчъ про святé. А Оникій у Чепіги, вь козака, у Киселівці вовну бивъ: а вь Чепіги синъ и онукъ пись-

быть на косовицѣ. Косятъ, ну, извѣстно, и водку пьютъ. И похвались онъ тому старшинѣ: »Твой«, говоритъ, »челядинецъ дорогой человекъ: онъ умѣетъ Богу молиться, и меня научилъ.« Чтò же? всѣ принялись надъ нимъ и надъ тѣмъ мальчикомъ смѣяться. »Лошадей пасутъ, и Богу молиться учатся!« ... Мальчикъ послѣ этого полно и полно учитъ, и сѣсть подлѣ него стыдится. Такъ и остался Оникій: и поблдиши, а больше и не умѣлъ Богу помолиться; молился только немножко.

Вотъ однажды пришелъ я къ его тещѣ за милостинею, а онъ сидитъ и перебиваетъ шерсть. Онъ и овчины умѣетъ выдѣлывать. Поздравилъ я ихъ днёмъ. »Спасибо, дѣдушка (говоритъ теща). Сядь, поговори съ нами; давно я тебя не видала.« Я сѣлъ. »Не грѣшно ли«, говорятъ, »сегодня работать?« [А былъ тогда день Сорока Мучениковъ, или, кажется, Алексія Божьяго Человѣка.] »Да, можетъ быть«, говорю, »Алексій не будетъ гнѣваться.«

Завели рѣчь о разномъ святомъ. А Оникій у козака Чепіги

мѣнни, дакъ вінъ одъ їхъ де-що чувавъ, да й почавъ розсказувать.

Я слухавъ—слухавъ... »Ні« , кажү, »Оникію, се не такъ було, а ось якъ. Ось якъ Богъ свѣтъ создавъ, ось які святіи були. Ти думаешъ, я на те кажү, щобъ ти мині милостиню білшу давъ? Ні, воно именно такъ було. Отъ спитай и въ отця Георгія.«

Тоді вже вінъ годі розсказувать да давай питать у менѣ. Да идучи у неділю до цѣркви, и зайде до менѣ въ хату, и давай просить менѣ: »Навчи менѣ *Помилуй мя, Боже*. Я знаю тільки ось поки: *и побідіши*.«

»Вонó« , кажү, »велике, не скоро навчися.«

»Да може такі навчимось.«

[А ёму вже літъ тридцять буде.] Давай я ёго вчить. Прокажү стихъ. словъ дѣсять, чи що, вінъ ихъ и твердїть цілий тїждень; а въ неділю зновъ до менѣ зайде. Оце було осиннѣго врѣмя, Пилипкою, прійде изъ Верхолїсся — полемъ да горóдами навпростецъ — ще й півни не проспівують: »Ищѣ не дзвонили до ўтренї?«

въ Киселевкѣ перебивавъ шерсть; а у Чепїгя сынъ и внукъ грамотные, такъ онъ кое-чтò слыхавъ отъ нихъ, — вотъ и началъ розсказывать. Я слушалъ, слушалъ... »Нѣтъ« , говорю, »Оникій, это не такъ было, а вотъ какъ. Вотъ какъ Богъ свѣтъ создалъ, вотъ какіе были святые на свѣтѣ. Ты думаешъ, я для того тебѣ розсказываю, чтобъ ты мнѣ большую милостиню далъ? Нѣтъ, оно именно такъ было. Спроси хоть и у отца Георгія.« Тогда ужъ онъ полно розсказывать, да началъ у меня распршивать. Вотъ, идучи въ цѣрковь, въ воскресенье, и заходитъ ко мнѣ въ хату, и давай просить меня: »Научи меня *Помилуй мя, Боже*. Я знаю только вотъ до какихъ поръ: *и побѣдиши*.« — »Она« , говорю, »длинна, эта молитва; не скоро научишься.« — »Да, можетъ, какъ-нибудь и научусь.« [А ему уже будетъ лѣтъ тридцать.] Началъ я учить его. Скажу ему стихъ, словъ дѣсять, что ли, — онъ и твердитъ ихъ цѣлую недѣлю, а въ воскресенье опять ко мнѣ заходитъ. Бывало осенью, въ Филипповъ постъ, придетъ изъ Верхолїсся — полемъ да напрямикъ огородами — и пѣтухи еще не пропоютъ: »Еще не звонили къ зау-

»Ищё не скоро ѱ будуть. Сідай.»

И я встану. Я на лавці сплю, — такъ, направо.

»Ну, діду, проказуй *Помилуй мя, Боже.*»

Отъ я ѱ проказую, поки до церкви задзвонять. И до церкви идучи, усё про се самое говоримо.

И вже тепёръ не пропуститъ не одноі службы, не утрені. Иноді теща ёго ѱ лае: «Чого такі тобі знай до церкви ходитъ? Ми жъ такі не ходили разъ у разъ. Тільки було понесё паску. Да ѱ то жили и хлѣбъ їли.»

»А на що жъ«, каже, »сі церкви и все те служеніе и слава Господня, коли намъ не ходитъ того дивитьця да слухать?«

То-то не дармо, мабуть, читається: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.*

Такъ проповѣдываль Андрей Шуть, сидя на креслѣ, которое стоитъ именно для него у двери гостинной добраго отца Георгія. Онъ говоритъ скороговоркой, и я не успѣлъ записать многихъ характерныхъ его выраженій, а потому долженъ былъ выбросить изъ своей стенографіи всѣ отступленія, въ которыя онъ любитъ вдаваться по пути главнаго разсказа. Само собою разумѣется, что, съ своей стороны, я помогаль ему моими вопросами высказы-

тренѣ?« — »Не скоро еще будутъ и звонить. Садись!« И самъ я встану. Я на лавкѣ сплю, — такъ, направо. »Ну, дѣдушка, говори мнѣ *Помилуй мя, Боже.*« Я и говорю ему, пока начнутъ звонить къ заутренѣ. И въ церковь идучи, всѣ объ одножъ и томъ же толкуемъ.

И ужъ теперь не пропуститъ онъ ни одной обѣдни, ни заутрени. Иной разъ теща и бранитъ его: »Зачѣмъ тебѣ то и дѣло въ церковь ходитъ? Мы не ходили же всякой разъ. Только бывало снесетъ мужъ освятить паску, и довольно. Однакожъ жили и хлѣбъ їдали.« — »А для чего же«, говоритъ, »церкви и все служеніе, и слава Господня, если не ходитъ намъ смотрѣть и слушать?« То-то, не даромъ, видно, читается: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.*

ваться. Въ этомъ старинѣ мнѣ полюбилась довѣрчивая свобода обхожденія, чуждая впрочемъ и тѣни нахальства. Ему сказали уже, что я изъ Петербурга; онъ очень хорошо понималъ, что съ нимъ говорить, какъ бы онъ выразился, не простой человѣкъ; но при всемъ томъ, въ его манерахъ и словахъ не было замѣтно никакого смущенія, которое часто встрѣчаешь въ людяхъ, считающихъ себя Богъ знаетъ почему существами очень ничтожными. Онъ выражалъ только удовольствіе, что съ нимъ бесѣдуютъ люди столичные, люди, по его понятіямъ, не *селюкамъ* чета, и, отвѣчая на мои вопросы, онъ не упускалъ случая освѣдомиться кой о чемъ и у меня. Разумѣется, мы скоро съѣхали на историческія думы. Андрей Шутъ отзывается съ пренебреженіемъ о пѣсняхъ любовныхъ, обрядныхъ и т. п., но на думы онъ смотритъ, какъ на изустныя сказанія о томъ, что творилось на свѣтѣ въ старину, и хранить ихъ въ памяти съ уваженіемъ. Онъ очень охотно продиктовалъ мнѣ слѣдующіе драгоценные памятники народной словесности: о *Вдовѣ и ея сыновьяхъ*; о *Ганжѣ Андыбѣрѣ*; о *Хмьльницкомъ и Барабашѣ*; о *Хмьльницкомъ и Василь Молдавскомъ*; о *смерти Богдана Хмьльницкаго* и объ *Ивасѣ Вдовиченкѣ (Коновчѣнкѣ)*. Эти шесть думъ помѣщены мною въ сборникѣ А. Л. Метлинскаго ⁽¹⁾. Здѣсь помѣщаю седьмую думу Андрея Шута, еще нигдѣ ненапечатанную.

ДУМА О БѢЛОЦЕРКОВСКОМЪ МИРѢ И О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЯКАМИ. (*)

Эй чи гараздъ, чи добре нашъ гетьманъ Хмьльницькій учинивъ,
Що зъ Ляхами, зъ мостивими панами, у Білій Церкві замиривъ?

(*) *Переводъ.* — Хорошо ли нашъ гетманъ Хмьльницькій поступилъ, что съ Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой Церкви помирился? Онъ

(1) Народныя Южнорусскія Пѣсни, стр. 352, — 354, 377 — 399, 413 — 424.

Да велів Ляхамъ, мостівнимъ панамъ, по козакахъ, по мужикахъ стацію
стояти,

Да не велів великої стації вимисляти.

То ще жь то Ляхи, мостівні пані, по козакахъ и по мужикахъ стацію
постали,

Да великую стацію вимисляли.

Одъ ихъ ключі поодбирали,

Да стали надъ ихъ домами господарями.

Хазііна на конюшню одсилає,

А самъ изъ ёго жонюю на подушкахъ почиває.

То козакъ, альбѣ мужикъ изъ конюшні прихождає,

У кватірку поглядає —

Ажъ Ляхъ, мостівний панъ, ищє зъ ёго жонюю на подушкахъ опочиває.

То вінъ оди́нь осьма́къ у кармані має,

Пійде зъ тоски да зъ печалі у каба́къ да й той прогулає.

То Ляхъ, мостівний панъ, одъ сна усталає,

Юлицею йдє,

Казавъ би якъ свиня нескрєбена попереду ўхомъ ведє,

Ищє слухає-прослухає,

Чи не судить ёго де козакъ, альбѣ мужикъ...

вельгъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у козаковъ и мужиковъ стоять постоемъ, только не вельгъ имъ вымышлять большихъ поборовъ. Вотъ и разиѣстились Ляхи, вельможные паны, у козаковъ и мужиковъ постоемъ, и начали вымышлять большіе поборы. Отобрали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. Хозяина Ляхъ на конюшню отсылаетъ, а самъ съ его женой на подушкахъ почиваетъ.

Приходитъ козакъ, или мужикъ съ конюшни, смотреть въ окно и видитъ — Ляхъ, вельможный панъ, всё еще съ его женой на подушкахъ почиваетъ. Такъ онъ и послѣдній *осьма́къ* (восемь злотыхъ) въ каба́къ съ тоски, съ печали пропиваетъ.

Встаєтъ отъ сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ и, какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо: слушаетъ, не осуждаетъ ли его гдѣ-нибудь козакъ, или мужикъ. Входитъ въ каба́къ, и кажется ему, что

У кабаць ухаждає, —

То ёму здаётца, що ёго козаць мѣдомъ шклянкою, або горілки чаркою
витає,

Ажъ ёго козаць межѣ очѣ шклянкою шмагає,

Ищѣ сти́ха слова́ми промовляе:

»Эй Ляхи́ жъ ви, Ляхи́,

Мостивѣ пани́!

Хотя́ жъ ви одѣ насъ ключѣ поодбира́ли,

И ста́ли надъ на́шими дома́ми господа́рами....

Хотя́ бѣ ви на на́шу кунпа́ню не нахожда́ли.»

Тогди́ жъ козаки ста́ли у ра́ді, якъ мали́и діти;

Одѣ своі́хъ рукъ листѣ писа́ли,

До гетьма́на Хмельни́цкого посла́ли,

А въ листа́хъ прои́сували:

»Па́не гетьма́не Хмельни́цкий,

Ба́тьку Зиновѣ́ нашѣ Чигири́нский!

За́ що ти на насъ та́кий гні́въ положи́въ?

На́ що ти на насъ та́кий яси́ръ наслáвъ?

Уже́ жъ ми тепе́рь не въ чо́мү во́лі не ма́емъ:

Ляхи́, мостивѣ пани́, одѣ насъ ключѣ поодбира́ли

И ста́ли надъ на́шими дома́ми господа́рами.»

Тогди́-то Хмельни́цкий листѣ чита́є,

козаць привѣтствуетъ его стаканомъ меду, или чаркой водки; а козаць выливаетъ ему стаканъ въ глаза и спокойно приговариваетъ: »Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ вы у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господами, но хоть бы въ нашу компанію не гдѣли!«

И собрались козаки на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали *отъ своихъ рукъ* письма и посылали къ гетману Хмельницкому: »Панъ гетманъ Хмельницкій, отецъ нашъ Зиновій Чигиринскій! за что ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ такое плѣнение? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.«

Стиха словами промовляе :

»Эй козакі, діти, друзі, небожата !

Підождіте ви ма́ло, трòхи, небага́то, —

Якь одь свято́ї Покро́ви до світлого триднєвного Воскресє́ннн.

Якь дасть Богь, що прийде весна́ красна́,

Бúде на́ша вся голòта ясна́.»

Тогді-то пань Хмелницький дóбре дбáвъ,

Козаківь до сходь сòнца у похòдь випровожáвъ

И стíха слова́ми промовля́въ :

»Эхъ, козаки, діти, друзі!

Прошú васъ, дóбре дбáйте,

На сла́вну Україну прнбува́йте,

Ляхівь, мостівнихъ панівь, у пєнь рубáйте,

Кровь ихъ Ля́дську у полі съ жòвтинь пескòмъ мешáйте,

Віри свято́ї Христия́нської у порúгу не пода́йте!»

Тогді Ляхі, мостівні пані, дога́дливи бувáли.

Усі по ліса́хъ, по куща́хъ повтека́ли.

То коза́къ и лісомъ бежнть,

А Ляхъ за куще́мъ и лежачи дрнжнть.

То коза́къ Ляхá за куще́мъ знажо́ждає,

Кєлепомъ межн плечи наганяє

Чнтаєть Хмєльницькій письма и говорнтъ: »Эй, козаки, дєти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ Покрова до свєтлаго трехдневнаго Воскресєнн. Дасть Богь, наступитъ красная весна, тогда вся наша голь прюдѣнется.«

Тогда пань Хмєльницькій выслаъ въ похòдь козаковь до восхода солнца и говорилъ имь: » Эхъ, козаки, дєти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь, — ступайте на славную Украину, рубите Ляховь, вельможныхъ пановь, до остатка, мѣшайте съ желтымъ пескомъ ихъ Ляцскую кровь, не давайте имь ругаться надъ святой Християнскою вѣрой!«

Спохватились тогда Ляхи, вельможные паны, и всѣ разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Козакъ и въ лѣсъ бѣжить, а Ляхъ и лежа за кустомъ дрожить. Находитъ козакъ Ляха за кустомъ, бьетъ его чека-

И стіха словами промовляе :

»Эй Ляхі жь ви, Ляхі,
Мостівні пані !

Годі жь вамъ по-за кушамі валатьця,
Порá до нашихъ жінóкъ на омочивокъ ити.
Ужé наши жінкі и подушкі поперебивáли,
Вась, Ляхівъ, мостівнихъ панівъ, ожидали.«

Тогді-то Ляхі козаківъ рідними братами узивáли :

»Эй, козакі, рідні братці!
Колибъ ви добре дбáли,

Да насъ за Віслу річку хоть у однихъ сорочнахъ пускали !«

Оттогді-то Ляхамъ Богъ погодівъ,
На Віслі річці лідъ обломівъ.

Тогді козакі Ляхівъ рятовáли —
За пáтли хватáли

Да ще й далі підъ лідъ піднихáли,

И стіха словами промовляли :

»Эй, Ляхі жь ви, Ляхі!
Мостівні пані !

Колісь наши діди надъ сією річкою козаковáли
Да въ сій річці скарби поховáли.

ножь въ спину и тихо приговариваетъ: »Эй вы Ляхи, вельможные паны!
полно вамъ за кустами валаться; пора вамъ идти почивать къ нашимъ
женамъ. Уже наши жены и подушки приготовили, васъ, Ляховъ, вель-
можныхъ нановъ, поджидаючи.«

Тогда Ляхи козаковъ родными братьями называли: »Эй козакі, род-
ные братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло, пустите насъ за Віслу рѣку
хоть въ однихъ рубашкахъ.«

Тутъ Ляхамъ Богъ помогъ — на рѣкѣ Віслѣ ледъ обломалъ. Тогда
козакі Ляховъ спасали, за волосы хватали да еще дальше подъ ледъ пи-
хали и тихо приговаривали: »Эй вы, Ляхи, вельможные паны! когда-то
наши дѣды надъ этой рѣкой козаковали и въ ней свои скарбы спрятали.

Якъ будете скáрби находѣти,
Будемъ зъ вами пополамъ дѣлити,
Тогді́ будемъ зъ вами за рідного брата жити.
Ступайте! тутъ вамъ дорога одна —
До сáмого дна.»

Дума Андрея Шута, помѣщенная въ «Этнографическомъ Сборникѣ», напечатана съ нѣкоторыми пропусками и погрѣшностями противъ языка, а потому я, записавъ ее со всею точностію въ Александровкѣ, помѣщаю въ своихъ Запискахъ.

ДУМА О ЖИДОВСКИХЪ ОТКУПАХЪ И О ВОЙНѢ ИЗЪ-ЗА НИХЪ. (*)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелніщини,
Якъ одъ Хмелніщини да до Брянищини,
Якъ одъ Брянищини да й до сѣгò жь то дня,
Якъ у землі кралевській да добра не було:
Якъ Жиди-рандари
Всі шляхи козацькі заравдовали,
Що на одній милі
Да по три шинкі становили.
Становили шинкі по дольнахъ,
Зводили щогли по високимъ могїлахъ.
Ищѣ жь то Жиди-рандари
У томú не перестали:

Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна — до самого дна.»

(*) *Переводъ.* — Отъ Кумівщини до Хмельниччины, отъ Хмельниччины до Брянищины, отъ Брянищины до нашихъ дней не было добра въ королевской землѣ. Взяли въ аренду Жиды все козацкія дороги, и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по долинамъ, ставили шести по высокимъ курганамъ.

На сла́вній Україні всі коза́цьки торги́ заорандова́ли

Да бра́ли мито́-проміто́ :

Одъ возово́го

По півъ-золото́го,

Одъ пішого-пішени́ці по три дене́жки мита́ бра́ли,

Одъ небо́рака ста́рця

Бра́ли ку́ри да я́йця,

Да ще́ пита́е :

»Чи нема́, ко́ткь, сце́ цого́?«

Ище́ жъ то Жи́нди-ранда́ри

У то́му не переста́ли :

На сла́вній Україні всі коза́цьки церкві́ заорандова́ли.

Кото́рому бѣ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дити́ну появѣти,

То не йди́ до попа́ благослови́тьця,

Да пийди́ до Жи́нда-ранда́ра, да по́ложъ шоста́къ, щобъ позво́ливъ це́ркву
одчи́нити,

Ту́ю дити́ну охрести́ти.

Ище́ жъ то кото́рому бѣ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дити́ну одружи́ти,

То не йди́ до попа́ благослови́тьця,

Да поиди́ до Жи́нда-ранда́ра да по́ложъ бити́й та́рель, щобъ позво́ливъ
це́ркву очини́ти,

Ту́ю дити́ну одружи́ти.

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славної Украй-
нѣ всѣ козацкіе рынки, и брали мыть отъ воза по полу-злоту, отъ
пѣшаго по три денежки, у бѣдняги нищаго забирали куръ и яицы, да
еще спрашиваетъ: »Нѣтъ ли, голу́бчикъ, еше́ цего́?«

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славної Украй-
нѣ всѣ козацкія церкви. Дастъ Богъ козаку, или мужику́ дитя, то не хо-
дя къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жи́нду-арендатору да положи
шеста́къ (шесть злотыхъ), чтобъ позволялъ церковь отворить, дитя окре-
ститъ. А кому изъ козаковъ, или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить,
дочь замужъ выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай
къ Жи́нду-арендатору да положи битый талеръ, чтобъ позволялъ церковь
отворить, молодыхъ обвѣнчать.

Ище жь то Жиди-рандари

У томѹ не перестали :

На славної Україні всі козацьки рѣки зарандовали.

Перва на Самарі,

Друга на Саксани,

Трѣтя на Гнилій,

Четверта на Пробойній,

Пята на річці Кудесці.

Которий би то козакъ, альбо мужикъ исхотивъ рѣби вловити,

Жінку свою зъ дѣтьми покормити,

То не йди до пана благословитьця,

Да шийди до Жйда-рандара да поступи ёму часть одать,

Щобъ позволивъ на річці рѣби вловити,

Жінку свою зъ дѣтьми покормити.

Тогди жь то одинъ козакъ мимо кабацькѣ иде,

За плечима мушкетъ несє,

Хоче на річці утѣ вбѣити,

Жінку свою зъ дѣтьми покормити.

То Жидъ-рандаръ уквартирку поглядє,

На Жидівку свою стѣха слѣвами промовляє:

»Эй Жидівочко жь мой Раса!

Що сей козакъ дѹмає, що вивъ у кабацькѣ не вступитъ,

Но и того еще Жидамъ-арендаторамъ было мало: взяли они въ аренду на славної Украинѣ всѣ козацкія рѣки. Первая аренда была на Самарѣ, другая на Саксани, третья на Гнилой, четвертая на Пробойной, пятая на рѣчкѣ Кудескѣ. Кто изъ козаковъ, или мужиковъ вздумаетъ поймать рыбы, покормить жену и дѣтей, то не ходи къ пану за позволеніємъ, а ступай къ Жиду-арендатору да посули ему часть, чтобъ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей покормить.

Вотъ одинъ козакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него мушкетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить. А Жидъ-арендаторъ въ окно посматриваетъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Раса! что этотъ козакъ вздумалъ? что онъ не зайдетъ

За денежку горілки не кúпять,
Мене, Жіда-рандара, не перепрósить,
Щобъ позволивъ ёму на річці утá вб́йти,
Жінку свою зъ д́тьми покорм́ити.»

Тогді-то Жидь-рандаръ стиха підхождає,
Козакá за пátли хватає.

То коза́къ на Жіда-рандара скóса, якъ ведмідь, поглядає,
Ище́ Жіда-рандара мостівнимъ паномъ узиває:
»Эй Ж́иду«, ка́же, »Ж́иду-рандаре,
Мостівний па́не!

Позво́ль ми́ні на річці утá вб́йти,
Ж́инку свою зъ д́тьми покорм́ити.»

Тогді Жидь-рандаръ у каба́къ вхождає,
На Жидівку свою ст́иха словáми промовля́є:
»Эй Жидівочко ж́ моя Ра́ся!

Бу́ть ми́ні тепе́рь у Білій Це́ркви на́ставнимъ раво́мъ:
Назва́в мене́ коза́къ мостівнимъ па́номъ.»

Тогді-то у свя́тій божественний де́нь у четве́рто́къ,
Якъ Жиди-рандари у Бі́лую Це́ркву на сей́мъ збира́лись,
Оди́нь до одно́го ст́иха словáми промовля́ли:

въ каба́къ купити за денежку водки и меня попросить, чтобъ я позволилъ
ему на рѣкѣ утенка застрѣлять, жену и дѣтей покормить?»

Потомъ Жидь-арендаторъ подрадывается къ козаку и хватаєть его
за волосы. А коза́къ на него съ-искоса, какъ медвѣдь, посматриваєть и
Жіда-арендатора вельможнымъ паномъ называєть: »Эй Жидь-аренда-
торъ, вельможный панъ! позво́ль ми́ѣ на рѣкѣ утенка застрѣлять, жену
свою и дѣтей покормить.»

Воротился Жидь-арендаторъ въ каба́къ и говоритъ своей Жидовкѣ:
»Эй Жидовка моя Ра́ся! Бу́ть ми́ѣ тепе́рь въ Бѣлой Це́ркви на́став-
нымъ раво́мъ: назва́л меня коза́къ вельможнымъ паномъ.»

И собирались Жиды-арендаторы, въ святой божественный де́нь чет-
верто́къ, на сей́мъ въ Бі́лую Це́рковь, собирались и говорили меж-

»Эй Жиди жъ ви, Жиди-рандари!
Що теперь у васъ на славній Україні слышно?»

»Слышенъ«, говорять, »теперь у насъ гетьманъ Хмельницький :
Якъ одъ Білої Церкви да до славного Запорѣжа
Не така стоить Жидівська сторожа.«

Тогді озовѣтца оди́нь Жидъ Оврамъ
[У того бувъ невеликий крамъ, —
Тільки шпильки да голки,
Що ходивъ по-за Дніпромъ да дурѣвъ козацьки жінки] :
»Эй Жиди жъ ви, Жиди-рандари!
Якъ изъ Низу тихий вітеръ повіне,
Вся ва́ша Жидівська сторожа погіне.«

Тогді жъ то якъ у святій день божественній у вѣторникъ
Гетьманъ Хмельницький козаківъ до сходу сонця у походъ виправлявъ
И сти́ха слова́ми промовлявъ :
»Эй козакі ви, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
Одъ сна вставайте,
Руській *Очинішь* читайте,

ду собою: »Эй, Жиды-арендаторы! что слышать у васъ на славной
Украинѣ?»

»Слышно«, говорятъ, »у насъ про гетмана Хмельницкаго: уже отъ
Бѣлой Церкви до славнаго Запорѣжья не по-прежнему стоятъ Жидовская
сторожа.«

Отозвался тогда Жидъ Аврамъ [у него былъ мелкій товаръ, — толь-
ко шпильки да иголки; ходилъ онъ съ ними за Днѣпромъ и обманывалъ
козацкихъ женъ]: »Эй Жиды-арендаторы! какъ подуеъ изъ Низу (т. е.
изъ Запорѣжья) тихий вѣтеръ — погибнетъ вся ваша сторожа.«

Въ святой Божій день вторникъ гетманъ Хмельницкій до восхода
солнца высылалъ козакѣвъ въ походъ и говорилъ имъ: »Эй козаки, діти,
друзья! прошу васъ, постарайтесь: вставайте отъ сна, читайте Русскій

На славному Україні прибувайте,
Жидів-рандарів у пень рубайте,
Криві їх Жидівську у полі з жовтим песком мешайте,
Віри свої Християнської у поругу не подайте,
Жидівському шабашу не польгуйте.»

Отоді-то всі Жиди-рандари догладливи бували,
Усі до города Полонного повтекали.
Тоді-то Хмельницький на славному Україні прибував,
Не одного Жида-рандара не заставав.
Тоді-то Хмельницький не пишний бував,
До города Полонного прибував,
Од своїх рук листи писав,
У город Полонного подавав,
А в листах прописував:
«Эй Полоняне, Полонянська громада!
Колиб ви добре дбали,
Жидів-рандарів мні до рук подали.»

Тоді-то Полоняне йому одписали:
«Пане гетьмане Хмельницький!

Отче нашъ, приходите на славному Украину, рубите Жидов-арендаторов до остатка, мешайте в поле с желтым песком их Жидовскую кровь, не допустите ругаться над своей Християнской вѣрой, Жидовскаго шабашу не уважайте.»

Спихватились Жиды-арендаторы и все ушли в город Полонное. Пришел Хмельницкий на славному Украину и не застал в ней ни одного Жида-арендатора. Он не возгордился, пошел и к городу Полонному. Там писал письма и посылал в город, а в письмах говорил: «Эй, Полоняне, *Полонянская громада!* хорошо бы вы сдѣляли, когдаб Жидов-арендаторов мнѣ выдали.»

На это Полоняне ему отвѣчали: «Пань гетмань Хмельницкий! хоть

Хоть будемъ одинъ на одному лягати,
А не можемъ тобі Жидівъ-рандарівъ до рукъ подати.»

Отогді-то Хмельницький у другий разъ листі писавъ,
У городъ Полонного подававъ:
»Эй Полоняне, Полоняньска громада!
Нехорòша ваша рада.
Есть у мене одна пушка Сиротá —
Одчинятця ваши залізни шірокі воротá.»

Тогді-то якъ у святій день божественний четвертокъ
Хмельницький до сходу сонця устававъ,
Підъ городъ Полянòе ближей прибувавъ.
Пушку Сироту упереду постановлявъ,
У городъ Полянòго гостинця подававъ.
Тогді-то Жиді-рандари
Горкимъ гòлосомъ заволали:
»Эй Полоняне, Полоняньска громада!
Колибъ ви дòбре дòбали,
Одъ Польщи ворòта одбивали,
Да насъ за Вислу ричку хочъ у однихъ сорочкахъ пускали!
То бъ ми за ричкою Вислою пробували,

ляжемъ трупами одинъ на другомъ, а Жидовъ-арендаторовъ тебѣ не вы-
дадимъ.»

Хмельницькій написавъ къ нимъ въ другой разъ: »Эй Полоняне, По-
лонянская громада! неразумень советъ вашъ. Есть у меня пушка Си-
рота — отворятся ваши желѣзныя широкія ворота.»

И вотъ въ святой Божій день четвертокъ всталъ Хмельницькій до вос-
хода солнца, подошелъ ближе къ городу Полонному, поставилъ впереди
пушку Сироту и послалъ Полонянамъ гостинець. Тогда Жиды-аренда-
торы горькимъ воплемъ завопили: »Эй Полоняне, Полонянская громада!
сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ Польской стороны и вы-
пустите насъ за рѣку Вислу хоть въ однѣхъ рубашкахъ. Будемъ мы жить

Да собі дітєй дожидали,
Да їх добрими ділами наущали,
Щобъ на козацьку Україну и кривимъ окомъ не поглядали.»

Тогді-то козакамъ у городі Полонозі дана воля на три часа съ половиною:
»Пійте-гуляйте,
Коло Жидівъ-рандарівъ собі здобу хорошу майте.»

Тогді-то козаки у городі Полонозі пили-гуляли,
Здобу хорошу собі коло Жидівъ-рандарівъ мали;
Обратно на славну Україну прибували,
Очертомъ сидали,
Сребро й злато на три часті паєвали: •
Первую часть на Покрову Січовую да на Спаса Межигорського оддали,
Другу часть на меду да на оковитій горільці пропивали:
Третью часть междо собою, козаками, паєвали.
Тогді-то не одинъ козацьк за пана гетьмана Хмельницького Бѣга просивъ,
Що не одинъ Жидівський жупанъ зносивъ.»

Я провель двое сутокъ въ Александровкѣ и почти во все это время былъ неразлученъ съ Андреемъ Шутомъ. Пересказать всѣ

за рѣкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то станемъ ихъ учить добру, чтобъ они на козацкую Україну даже не взглянули косо.»

И дана была тогда козакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: »Пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ Жидовъ-арендаторовъ.»

И козаки въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ Жидовъ арендаторовъ хорошую добычу получили; потомъ пришли обратно на Україну, сядились въ кружокъ и дѣлили серебро-золото на три части; первую часть на *Съчевую Покрову* и на Межигорскаго Спаса отдали, другую на меду да на хорошей водкѣ пропили, а третью между собой раздѣлили. Не одинъ козацьк тогда молилъ Бога о панѣ Хмельницкомъ, одѣваясь въ Жидовскіе кафтаны.

наши бесѣды нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что записано мною очень мало. Но не могу умолчать, что было одно время, когда я привелъ Андрея Шута въ изумленіе и восторгъ. Перебирая по начальнымъ стихамъ извѣстныя мнѣ думы — не знаетъ ли онъ ихъ варіантовъ — я прочелъ ему лучшія наизусть. Онъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ человѣкъ, живущій въ Петербургѣ, человѣкъ не его ремесла, знаетъ такія думы, о которыхъ онъ даже и не слышалъ! Потребовались объясненія, и мы незамѣтно перешли къ преданьямъ старины, которыя въ его умѣ были перепутаны съ новѣйшими событіями. Тутъ ужъ мнѣ стоило большого труда отвѣчать на его вопросы. Мнѣ предстояла очень длинная лекція, которую не легко прочитать понятнымъ образомъ для простолюдина, хотябы этотъ простолюдинъ былъ и Андрей Шуть. Я держался въ предѣлахъ времени, близко подходившаго къ началу жизни старика, и сѣдой, но неграмотный, Андрей очутился въ положеніи ребенка, слушающаго воспоминанія дѣдушки. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось. Часто онъ не былъ въ состояніи усидѣть на своемъ мѣстѣ, быстро расхаживалъ сюда и туда, какъ-будто ища чего-то, потомъ останавливался съ полуразинутымъ ртомъ на нѣсколько минутъ и потомъ снова начиналъ ходить, потиралъ руки, упирался въ бока, то садился, то вставалъ и дѣлалъ множество невыразимыхъ движеній. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться долѣе въ Александровкѣ, и мы не успѣли наговориться вдоволь, или лучше сказать — наслушаться другъ друга. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, ибо у меня, какъ и у всякаго другого, есть свои помѣхи; но я знаю, что Андрей Шуть здравствуетъ донинѣ и, судя по крѣпкому его сложенію и по трезвой, примѣрной жизни, будетъ здравствовать долго. Этому пожелають, вмѣстѣ со мною, всѣ цѣнители Малороссійской народной поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоценныхъ памятниковъ былого.

Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество слѣпцовъ, и надобно сказать, что почти всѣ они — по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ мнѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоя-

ня высшимъ настроеніемъ ума, или рѣдкимъ благодушіемъ, или наконецъ способностью къ фантастическимъ представленіямъ. Я вспомню здѣсь нѣсколькихъ слѣщовъ, съ которыми удалось мнѣ познакомиться.

Одинъ изъ нихъ, козакъ Семень Юрчѣнко, восьмидесяти-лѣтній старикъ въ селѣ Мартыновкѣ, Борзѣнскаго уѣзда Черниговской губерніи, лишась зрѣнія въ пожилыхъ лѣтахъ, продолжалъ управлять своимъ хозяйствомъ съ помощью пріемыша, такъ какъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ милостынѣ. Въ-послѣдствіи онъ прозрѣлъ безъ пособія медицины, но мнѣ не случилось послѣ того его видѣть. О его душевныхъ свойствахъ можно получить понятіе изъ слѣдующихъ его словъ, записанныхъ мною во время долгой бесѣды съ нимъ.

(*) Ми зъ жінкою — нехай лѣтко її душі! — прожили до старостей своїхъ. А дідізни було доволі — вічний покой предкамъ и дідамъ! — и къ тому́ уже прижили. А дітѣкъ намъ Богъ не давъ. Дакъ отѣ ми зъ бабою и порадились. Такъ вона и каже: »Щѣ жъ то, старій? тоби є помічъ, а мині нема.«

»Постій, бабо, оженю, такъ и тоби помічъ буде.«

Да отѣ и оженили. Отъ и бабі е помічъ. Правду кажутъ: *Що рада, то не зрада*. А вони, слава Бѣгу, добри — ищѣ не огризаютця. А якъ що не такъ, то не я втерплю да и скажѣ; а якъ

(*) *Переводъ*. — Мы съ женой — легко будь ея душѣ — прожили до старости. Дѣдовскаго добра было довольно — вѣчный покой предкамъ и дѣдамъ — да къ тому и сами нажили. А дѣтѣкъ намъ Богъ не далъ. Такъ вотъ мы съ бабой и посоветовались. Она и говоритъ: »Что жъ это, старикъ? тебѣ есть помочь, а мнѣ нѣтъ.« — »Погоди, баба, женю пріемыша, такъ и тебѣ помочь будетъ.« Вотъ и женили. Есть и бабѣ помочь. Правду говорятъ: »Умъ хорошо, а два лучше.« А молодые, слава Бѣгу, добрыя дѣти — еще не огрызаются. А что не по-шоему, то я не вытерплю и скажу; а какъ заспорятъ между собой,

між собою заведуться, то я їй цшуру покажу; »Ось я«, кажу,
»вась помирю!«

А умремó, то їй буде їмъ худібчина.

*

Спасїбі вамъ за ягідки! Понесу для внукївъ. (1)

»Чи вони жъ тебе жалують?« (2)

А якъ же? Приде до мене да сяде на колїнахъ :

»Дїдусечку, голубчику! слїпесенький!« да їй обниме.

»Да ну, йдїть!«

»Э, нї, дїдусечку, ми тебе жалуемъ.«

Да якъ сяде на колїнахъ, то їй сєрце радїе.

А другї дурнї: »Чогó вінъ їхъ жалує? чи вони єго дїти?

А я їмъ: »Дурáчество ви говорите! Чоловїкъ пташку поїме,
на рúку посадить да їй радуетця; а то жъ такі Христїянинъ, своє
рїдне.«

такъ я и палку покажу: »Вотъ я вась помирю!« А умремъ, такъ їмъ
и останется хозяйствецò.«

*

Спасибо вамъ за ягоди! Снесу внукамъ (1). »А они тебѣ любятъ?« (2)
— Какъ же? Придетъ комнѣ, сядетъ на колѣняхъ: »Дѣдушка, голуб-
чикъ! слѣпенькой!« и обниметъ. »Да ну, подите прочь!« — »Нѣтъ, дѣ-
душка, мы тебя любимъ.« И какъ сядетъ на колѣняхъ, то и сердце ра-
дуется. А глухие люди: »Зачѣмъ онъ любитъ ихъ?« говорятъ: »развѣ
они его дѣти?« А я їмъ: »Что за вздоръ вы говорите! Чоловѣкъ пой-
маетъ птичку, посадить на рукѣ и радуется; а это вѣдь Христїянинъ,
свое родное.«

(1) Внуками онъ называетъ дѣтей своего прїсмысла.

(2) Вопросъ собесѣдника.

Исторія прошедшей его жизни, характеризующая вообще добрую натуру Малороссійскаго поселянина, выразилась отъ-части въ слѣдующемъ полу-историческомъ его разсказѣ.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАЦКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ ВЪ 1790-ХЪ ГОДАХЪ. (*)

Діялось се въ 1790-му року. Тогді въ Полщі зробилась завиріха. Міжъ Полщакáми и добри люде есть, да часомъ діло нишкомъ рóблять. Отъ и вийшовъ указъ зобрать Малороссійськихъ козаківъ. То насъ и зобрали въ Чернігові въ 1790-му годі; а 1791-го и 1792-го у Києві вже лагерами стояли. Изъ трѣхъ губерень насъ набрано девять тисячъ. Я й знаю, якъ Потѣмкинъ набирáвъ насъ. Вінъ бувъ первымъ совітчикомъ у Госудáрині; а Речѣтниковъ бувъ начáлникомъ. Ну, такъ оцѣ насъ бувáло що недлі смóтрить. На стражені вінъ багáцько вйсьска потерявъ; про ёго пролóжена й пісня:

Ой Потѣмкинъ генерáль
Много вйсьска потерявъ....

(*) *Переводъ.* — Это было въ 1790 году. Тогда въ Польшѣ подналась сумятица. Между Поляками есть и добрые люди, только иногда изподтишка дѣло затѣваютъ. Вотъ и вышелъ указъ собрать Малороссійскихъ козаковъ. Насъ и собрали въ Черниговъ въ 1790 году, а 1791-го и 1792-го мы ужъ стояли лагеремъ въ Киевѣ. Изъ трехъ губерній набрали насъ по девяти тысячъ. Я и помню, какъ Потемкинъ набиралъ насъ. Онъ былъ первымъ совѣтникомъ у Государыни; а Кречетниковъ былъ начальникомъ. Ну, вотъ бывало и дѣлаетъ намъ смóтрь каждую недѣлю. Онъ потерялъ много войска въ сраженіи, такъ про него сложили и пѣсню:

Ой Потемкинъ генерáль
Много войска потерялъ....

А Государиня — сказано жіночина — вона ёму те й простила. Вінъ еказавъ їй: »Государиня Екатерина Алексіевна! нехай друти командують їми, а позволъте изъ трѣхъ губерній чистихъ мині Малороссіянь набратъ.« Отъ вона—нехай царствуйе— и позволіла. Вінъ изъ трѣхъ губерній и набравъ дѣвять тисячъ, и изъ Хвастовець тисячу. Отъ ми вишли въ Кіевъ. А тамъ Дніпръ манастіръ Видубський підризавъ, и погребі булі одкрити. То старшіі їй кажутъ: »А що, козаки! каша остіла—до буряківъ« Отъ ми тогді до буряківъ, да въ котлі. Тогді жъ я заслабівъ и остався въ обозі. Отъ Потёмкинъ першъ смотрівъ у Чернігові все військо. Піхота жъ махнула, а поки ми прибулі, вінъ ужé пересмотрівъ и махнувъ у Петенбурхъ. Ёго потрібували туді. Ажъ ось—трѣба!—указъ и пришовъ: »Померъ Потёмка, померъ!« А Леванидовъ же теперъ владіе військомъ, и Речётниковъ, и говорять: »Що намъ робить изъ оцїмъ корпусомъ? Чи ёго по полкамъ розбитъ — такъ велика сила — чи що« ? И послали указъ до Цариці. А вона їй одписала: »На васъ отдаюсь, на ваше сум-

А Государыня — какъ женщина — и простила ему. Онъ ей сказалъ: »Государыня Екатерина Алексѣевна! пускай командуютъ ими другіе, а мнѣ позволите набрать изъ трехъ губерній чистыхъ Малороссіянь.« Она — царство ей небесное — и позволила. Онъ и набралъ изъ трехъ губерній девять тысячъ, и изъ Хвастовцовъ тысячу. Вотъ и вышли мы въ Кіевъ. А тамъ Днѣпръ подрѣзалъ Выдубицкій монастырь, и погреба были открыты. Такъ начальники и говорятъ: »А что, козаки? каша наскучила — къ буракамъ!« Вотъ мы за бураки да въ котлы. Тогда же я заболѣлъ и остался въ обозѣ. Потемкинъ сперва смотрѣлъ все войско въ Черниговѣ. Пѣхота поспѣшила къ нему, а пока мы прибыли, онъ ужъ кончилъ смотръ и махнулъ въ Петербургъ. Его туда потребовали. Какъ вотъ — нужно же такъ случиться! — указъ и пришелъ: »Померъ Потемка, померъ!« Тогда ужъ войскомъ стали командовать Леонидовъ и Кречетниковъ, и говорятъ: »Что намъ дѣлать съ этимъ корпусомъ? Разбить ли его по полкамъ — такъ сила велика — или какъ-нибудь иначе?« И послали докладъ къ Царицѣ. А она отвѣчала: »Отдаюсь на

леніе. Того вже нема, кому я дозволила зобратъ. « А вони й розсудили — нехай царствують: »Пустить ихъ у господу. Пани одслужили, теперъ пустить ихъ на свободу, де хотя прожитъ, — тилько однодворцівъ; а наймитівъ по повкамъ, бо скаже: »Я свое одслуживъ.»

Ото жъ ми й пришли у Кіевъ 1793-го году... уже не треба, замирилось усє. Тилько Нащокинъ... Я его знавъ и на рундуку стоявъ на часахъ. Разъ идє у виступцахъ и сертуку — а бувъ чоловічок собі невеличкий, старєнький — я и зробивъ на калавуръ, а вінъ говорить: »Не нада, голубчикъ.« А вінъ не при кавалєрії, не що. Отъ, якъ распустили насъ, то вінъ и зложивъ муніцію въ магазини. А тогдї жъ то потребували въ Пблцу и попівъ, щобъ править по *благочєстїю* для Поляківъ, скілько ихъ привернулось. Ми жъ ото вїшли нічку на майданъ, щобъ позводно... А противъ насъ Астраханський повкъ. Отъ и пішли командувать: »Пали!« ... Трісь! тамъ трісь! Астраханський повкъ трісь! До того дотріскались, що за рудю неможна було взятця, такъ розогрілась. Ми

васъ. на вашу совѣсть. Нѣтъ ужъ того на свѣтѣ, кому я дозволила зобратъ.« Вотъ они и разсудили — царство имъ небесное: »Отпустить домой. Послужили Царицѣ, теперь отпустить ихъ на свободу; пускай живутъ, гдѣ пожелаютъ, — но только однихъ однодворцовъ; а наемниковъ — по полкамъ, ато скажетъ иной: »Я свое отслужилъ.«

Вотъ и пришли мы въ Кіевъ въ 1793 году... уже не нужно, все утихло. Только Нащокинъ... Я его зналъ и стоялъ на крыльцѣ у него на часахъ. Разъ онъ идєтъ въ туфляхъ и въ сертукѣ — а былъ онъ чоловічекъ небольшой, старєнькой — я и сдѣлалъ на караулъ, а онъ говорить: »Не надо, голубчикъ.« На немъ не было ни кавалєрії, ничего. Вотъ, какъ распустили насъ, то онъ и сложилъ аммуницію въ магазини. А въ то время потребовали въ Польшу и поповъ, чтобъ служили по *благочєстїю* для Поляковъ, сколько ихъ обратилось. Вышли мы на выгонъ ночью, чтобы позводно... А противъ насъ Астраханскій полкъ. Вотъ и пошли командовать: »Пали!« ... Хлопъ! тамъ хлопъ! Астраханскій полкъ хлопъ! До того дохлопались, что нельзя было взять рукою за

жъ холостими зарядами стреляемо, а изъ Астраханскаго якійсь бойнимъ— тільки зззъ! зззъ! почала зизгати кўля. Якъ холостимъ зарядомъ, то воно тільки трісне; заразъ вже знать. Отъ ми стоимо да й думаемъ: »Тутъ ужé додому бъ то скоро йти, а тутъ ось якé лихо!« Тутъ заразъ начальники постерегли да: »Полно! полно!« Отó ми й розийшлись. А и тогди не безъ заидивъ було: не дали намъ за треть гóда жалованья.

Пришовъ же я додому. Ну, нічого таїть гріха: треба засвѣтатця одружитця. Богъ же зна, коли буде треба, бо одновóрці повинни були, якъ указъ пріде, зновъ быть на місті. А братъ каже: »Я за тебе послужу.« Така соглѣска вже.

А тутъ донесли Госудáрини — нехай царствѣе — що стрілкамъ не óдано жалованья. Отъ вона й приписала: »Оддѣть жалованне!« Ажъ тутъ Леванидовъ кричить: »Подай стрілковъ! подай Малоросійскихъ стрілковъ!« То тутъ кїдай и печене, й варене. Леванидовъ: »Подай стрілковъ! въ Пóлци зновъ закувдилось.«

стволь, — такъ разогрѣлся. Мы же стрѣляемъ холостыми зарядами, а изъ Астраханскаго кто-то боевымъ — только зззъ! зззъ! засвѣтили пули. Когда выстрѣлишь холостымъ зарядомъ, то только треснетъ, а пулю тотъ-часъ узнаешь. Вотъ мы стоимъ и думаемъ: »Скоро и домой бы ийти, а тутъ вонъ какая бѣда!« Но начальники тотъ-часъ замѣтили и закричали: »Полно! полно!« Вотъ мы и разошлись. И тогда было не безъ плутней: не выдали намъ жалованья за треть года.

Пришелъ я домой. Ну, нечего таить грѣха: нужно было засвѣтаться, *одружиться*. Но Богъ знаетъ, когда опять понадобятся козани: вѣдь одновóрцы обязаны были опять быть на мѣстѣ, лишь только придетъ указъ. А братъ и говоритъ: »Я послужу за тебя.« Такъ, видите ли, условились.

А тутъ и донесли Государынѣ — царство ей небесное — что стрѣлкамъ не отдали жалованья. Она и предписала: »Отдавать жалованье!« Какъ тутъ Леонидовъ кричитъ: »Подавай стрѣлковъ! подавай Малоросійскихъ стрѣлковъ!« Такъ тутъ ужъ бросай и печеное, и вареное. Леонидовъ: »Подавай стрѣлковъ! въ Пóльшѣ опять заварил кашу.« Вотъ

Отъ же й мойму брату ити бѣ служить, такъ немѡжна: Леванидовъ приписавъ: »Безъ моєї відоми щобъ не перемінялись. Чи сліпій, чи кривій, щобъ були налічно«. Баба моя — тогді ще молодя — кланяетця: »Братіку, сокоблику! иди ти переміні!« А я єму й тогді ще казавъ: »А що жъ, якъ не пійдешъ? хазяйку за-смутішъ и вигонишъ. Вона на тебе бѣде плакатыця.«

Отъ и списали на бумагу да въ Борзню. А въ Борзні Михайло Васи́льевичъ Часнікъ комисаромъ бувъ. Пришли до єго зъ бумагою. А вінъ бувъ невеличкий, да грубненький. »Голубчики«, каже, »не наша сила. Сохранъ Бѡже перемінятыця! Генерали кажутъ — немѡжна.«

Мы й пішли — нічого робить — пішли въ Черніговъ. Намъ и переключка есть, а браті за нами йдуть, якъ бурлаки. Губернаторъ каже: »Не могу я изробить нечѡго.«

Отъ ми зъ Чернігова повернули въ Кіевъ. Браті кажутъ: »Э, братця! ви насъ до убитку доведете. Ми додому пійдемъ.«

моєму бы брату и ийти, да нельзя: Леонидовъ предписалъ: »Безъ моего вѣдома чтобы не перемѣнялись; слѣпой, или хромой — чтобы всѣ были на лицо.« Баба моя — тогда еще молодая — кланяется: »Братецъ, мой соколъ! ступай ты вмѣсто мужа!« А я и прежде говорилъ ему: »Что же, если ты не пойдешъ? хозяйку мою опечалишь, а потомъ и изъ дому выгонишь. Она вѣчно будетъ на тебя плакаться.«

Вотъ написали бумагу, да въ Борзню. А въ Борзнѣ Михайло Васильевичъ Часнікъ былъ комиссаромъ. Пришли къ нему съ бумагою. А онъ былъ небольшого росту, да толстенькой. »Голубчики мои«, говоритъ, »не наша сила. Боже сохрани перемѣняться! Генералы говорятъ — нельзя.«

Мы и пошли — нечего дѣлать — пошли въ Черниговъ. Намъ есть и переключка, а братья идутъ за нами, какъ бурлаки. Губернаторъ говоритъ: »Не могу я ничего сдѣлать.«

Вотъ мы съ Чернигова повернули въ Кіевъ. Братья говорятъ: »Этъ, братцы! вы насъ введете въ убытокъ. Пойдемъ мы лучше до-мой.« — »Ступайте«, говоримъ. »Что же дѣлать? мы васъ не нево-

»Идіть«, кажемъ. »Що жъ робіть? ми васъ не сілуемъ.«

А въ мого брата нови чоботи. »На«, каже, »брате, тобі сі чоботи, а міні дай стареньки.«

»Ні«, кажѹ, »брате; ти дома не роздобудешъ, а я тутъ безъ чобіть не бѹду.«

Інши жъ пішли, а другі остались зъ нами. А мій братъ каже такі: »Учі менѣ свого артикулу, щобъ менѣ послі не били.«

Ажъ отó почѹли, що можна змня́тьця. Питають мого брата: »Радъ Бо́гу и Государині служитъ?«

»Радъ, ваше високопроисходітелство.«

И записали ёго.

Отъ ми вже бѣ то й розходітьця, ажъ тутъ даганяють: »Постойте жъ, ищѣ не йдіть, бо такъ не дійдете.«

И дали намъ бума́гу.

Якъ дали ту бума́гу, тогді у насъ изъ братомъ се́рце зомліло. И радъ, и смѹтно на душі. Самъ угóру пішовъ, а ёго на́че притоптавъ. Се́рце отта́къ и отта́къ! Питаю: »Що, братко? який я?«

»Білий. А я, братко?«

»И ти білий.«

лимъ.« А у моего брата новые сапоги. »Возьми«, говорятъ, »братъ, себѣ эти сапоги, а мнѣ дай старенькіе.« — »Нѣтъ«, говорю, »братъ, ты дома не добудешъ, а я тутъ безъ сапогъ ходитъ не буду.« Иные ушли, а другіе остались съ нами. А мой братъ говоритъ: »Учи меня своему артикулу, чтобъ меня потомъ не били.« Какъ воть услышали, что можно одному ийти вмѣсто другого. Спрашиваютъ моего брата: »Радъ Богу и Государынѣ служить?« — »Радъ, ваше высокопревосходительство.« И записали его. Вотъ пришлось намъ и разставаться, какъ тутъ догоняють: »Погодите, не уходите еще: такъ не дойдете домой.« И дали намъ бумагу. Какъ дали бумагу, у насъ съ братомъ сердце и заныло. И радъ, и грустно на душѣ. Самъ словно выросъ, а его притопталъ къ землѣ. Сердце такъ и колотится! Спрашиваю: »Что, братецъ? каковъ я?« — »Блѣдень. А я, братецъ?« —

Ну, що жь робить? Пішли до Дніпра, взяли горілки, поцілувались, попрощались: »Идіть собі зь Богомъ!«

А тутъ (дома) люде сказа́ли, що обоихъ візьмуть; то ма́ти ледві ходить, а жінка тільки що жива. Ска́зано, баба́мъ повірили.«

Онъ же сообщилъ мнѣ слѣдуюція интересныя подробности о ~~поса́днихъ~~ годахъ XVIII столѣтія, показываюція, какъ историческія событія, лица и явленія вѣка представлялись уму простолюдина.

1.

ПРЕДАНІЕ О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1792 — 1795 ГОДАХЪ. (*)

Костю́чка бувъ кроле́мъ у По́льщі. И старій бувъ, ка́жуть, да ка́верзникъ вели́кий. А який ка́верзникъ? Поса́дять у клітку, а вінъ и втече́. То давъ прика́зъ: »Сю нічъ поріза́ть або поколо́ть постояльці́въ; а хто не згубить, тому́ само́му го́лову зруба́ть.«

А въ одно́го бувъ кумъ изъ на́шихъ. Пришо́въ до́дому... зві-

»И ты блѣденъ.« Шу, чо́ же дѣла́ть? Пошли къ Днѣпру, кушили водки, и цѣловались, простились. »Идите себѣ съ Богомъ!«

А тутъ (дома) люди сказали, что обоихъ насъ запишутъ въ службу; такъ мать едва движется, а жена чуть жива. Извѣстно, баба́мъ повірили.

(*) *Переводъ.* — Костюшко былъ королемъ въ Польшѣ. И старъ ужъ былъ, говорятъ, да большой прохода. Посадятъ его въ клітку — онъ и уйдетъ. Такъ онъ-то далъ приказъ: »Въ эту ночь перерѣзать, или переколотъ постояльцевъ; а кто своего постояльца не истребитъ, тому самому срубить голову.«

А у одного Поляка былъ кумъ изъ нашихъ. Пришелъ домой... из-

сно вже, замрилось, то бувъ на гулянци або—що, — ажъ хазяїнъ смутній, все здихає.

»Чого се ти, куме, смутній такий?»

»А що жъ?» каже, »намъ всімъ приказано оттакъ и такъ зробіть. То повечерай, збирай муніцію да и втїкаймо обїдва.»

То той положивъ ложку — уже наївсь! — да до свого товариша: Оттакá й такá річъ!

»Що ти кажешъ! ходімъ до порутчика.»

Отъ заразъ барабанъ зборъ. Хто вечеравъ, ложку кїдавъ, за муніцію. Хто спать лігъ, встававъ; хто кудї гулять пішовъ, и той прибігъ. Отъ, примїрно, Більмачівка недалєко, то й почула барабанный галасъ; Ивангородъ, або Хвастовці недалєко, и тамъ чують, що тревога, збираются и собі въ походъ; а Борзна, такъ тридцять верстовъ, такъ тамъ нечутно було барабана, то и вирізано всіхъ нашихъ.

Отъ тутъ уже давай збирать козаківъ. Приходимъ у Кїевъ, ажъ тамъ уже повни шпаковні. Де Андрій Первозванный, то и тамъ ихъ повно у лєхахъ. Отó, щó імъ робить? Стáли вони рещ-

вѣстно, смиренное время, такъ онъ былъ на пирушкѣ, что ли; приходитъ — хозяинъ что-то невеселъ. »Что это ты, кумъ, такъ невеселъ?» — »Что же?» говоритъ, »намъ всемъ приказано то-то сделать. Такъ поужинай, собирай амуницію и уйдемъ оба. »Тотъ положилъ ложку — ужъ и наѣлся! — да къ своему товарищу: такое и такое дѣло. »Что ты говоришь! пойдѣмъ къ поручику.« Вотъ тотъ-часъ забилъ сборъ. Кто легъ спать, вставалъ; кто куда гулять ушелъ, и тотъ прибѣжалъ. Вотъ, примѣрно, Бѣльмачовка недалєко, то и услышала барабанный бой; Ивангородъ, или Хвастовцы недалєко — и тамъ слышатъ тревогу, собираются и себѣ въ походъ; а Борзна, примѣрно, въ тридцати верстахъ — тамъ ужъ не слышно барабана — и вырѣзали всехъ нашихъ.

Давай наши собирать козакów. Приходимъ въ Кїевъ — тамъ ужъ полны казематы. Гдѣ Андрей Первозванный, и тамъ ихъ (Поляковъ) полны погреба. Что съ ними дѣлать? Обратили ихъ въ арестантовъ.

ташами. Було поженуть чоловіка п'ятнадцять на Дніпръ палі битъ, піде жъ п'ятнадцять чоловіка, а чоловіка сімъ приде. Тягнуть залізну бабу, щобъ убивать палі, а далі й самі бовтъ у воду своєю волею! бо вмирать — вмирать. Генераламъ кажутъ, що оттакъ и такъ: Поляки тóлпятця; а вони: »Кать їх бери, нехай тóлпятця.«

Іхъ брали на допрось (¹). »А щò жъ?« кажутъ, »ми не по своїй волі: король велівъ, шляхта.«

2.

ПРЕДАНІЄ О КОМЫШНИКАХЪ. (*)

Комышники тїи жили по комышахъ и очеретахъ. Було идє чумаць, то вискочать, обдеруть да й були такіи. Отò разъ идуть чумаки, отъ їхъ два вискакує. Одїнь ратище на дорозі встромивъ и кричитьъ: »Одъ возивъ, чортя!«

Бывало ногонять ихъ человекъ п'ятнадцать къ Днѣпру битъ свая; человекъ п'ятнадцать туда пойдетъ, а человекъ только семь воротится назадъ. Тянуть желѣзную бабу, которою вколачиваютъ свая, а потомъ буютъ въ воду, по своей волѣ; потому что, какъ ни умирать, все равно умирать. Докладываютъ генераламъ, что Поляки бросаются въ воду, а тѣ: »Кать ихъ бери, пускай бросается.«

Призывали ихъ къ допросу(¹). »Чтò же?« говорятъ, »мы взбунтовались не по своей волѣ: король, шляхта велѣли.«

(*) *Переводъ.* — Камышники жили по камышамъ и очеретамъ. Идєть чумаць, они выскочать, ограбятъ и были таковы. Вотъ однажды идуть чумаки, какъ и выскочили двое. Одїнь воткнулъ копыє на дорогѣ и кричитьъ: »Прочь отъ возовъ, чертенята!« Всѣ молодцы такъ и разбѣ-

(¹) По дѣлу возстанія.

Усі парубкі такъ и порозбігались; а отаманъ и зоставсь.

»Тї отаманъ?»

»Я«, каже.

»Давай гроши.«

»Що жъ«, каже, »люде добри? ми йдемо підъ хуру, то де въ насъ тї гроши?»

«Брешешъ, вражий сїну!»

И ставъ шукать, шукать у возахъ. Однѹ шкуру піднявъ — нема. Вінъ до другої. А отаманъ чумацький, Товстуха, собі умѹ прибирає, що єму робить. Винявъ двїло, а гайдамака до єго. Дакъ и тò не худопахолокъ: якъ ударить! »Эй«, каже, »сюди!»

Отъ хлопці позбігались, потрощили їмъ нòги на гáмузь да ї покидали.

»Ой, братці, доколїть насъ!»

»Нї, якъ заробїли, такъ и одвїчайте.»

У чумаківъ колеса товстїи; то въ колесахъ було попродавбуе диркї, да тудї гроши полòжить, да ї позабиває гвїздками; то єго хоть якъ хочъ нехай разбиває, а гроши є.

жались, а отаманъ и остаяся. »Ты отаманъ?» — »Я«, говорить. »Давай деньги.« — »Что же«, говоритъ, »добрые люди? мы веземъ кладъ, такъ что у насъ за деньги?» — »Лжешъ, вражий сынъ!» И началъ искать, искать въ возахъ. Приподнял одну шкуру — нѣту. Онъ къ другой. А чумацїй отаманъ, Товстуха, придумываетъ, что бы съ нимъ сдѣлать. Вынулъ дышло, а гайдамака къ нему. Но и тотъ не плохой парень: какъ хватилъ его! »Эй«, говоритъ »сюда«! Тогда молодцы сбѣжались, изломали имъ ноги въ мязгу и бросили. »Эй, братцы, приколите насъ!» — »Нѣтъ, какъ заслужили, такъ и терпите.«

У чумаковъ колеса толстыя, и они въ колесахъ долбили дыры, клали туда деньги и заколачивали гвоздями; такъ ужъ какъ ни ограбитъ чумака камышникъ, а деньги цѣлы.

3.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖСКИХЪ ХИМОРОДНИКАХЪ, ИЛИ КАВВЕРЗНИКАХЪ. (*)

Якъ стояли ми въ Києві, то я зъ другими стражъ державъ. Міжъ нами були Запорозці въ холодниці. Старшій Запорожецъ у залахъ сидить, а товариство въ колодкахъ. Старшій здоровий, оттакий! да й то не худобабли.

А Запорозці волни люде були. Каже: »Хочъ до крови нехай бьютца, а коли до насъ нема прозьби, то ми й не помагемъ«. За те, що ихъ изъ степивъ проганяли и добувать не позволяли, то кошовий розсердився, що одъ ихъ увесь степъ одбирали и завоєвувать не позволяли. Тогді имъ таки и тиснійше стало, бо вередовать почали. А вони нашіи Цариці служили. До ихъ и зъ нашихъ утікали, бо тамъ вольнійшъ було:

Отъ оцей старшій и товариство підмовляли до себе Москóвско-го карабинера; а той не пішовъ, да своимъ офицерамъ и объявивъ, то ихъ и позабирали. То було говорить: »У насъ оттакъ, батьгови

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли мы въ Києвѣ, то я съ другими казаками бывалъ на часахъ. Въ арестантской сидѣли Запорожцы. Старшій Запорожець сидитъ въ желѣзахъ, а его товарищи въ колодкахъ. Старшій былъ вотъ такой толстый, да и другіе не плохіе молодцы.

А Запорожцы были люди вольные. Говорятъ: »Хоть до крови пуская дерутся, а когда къ намъ нѣтъ просьбы, то мы и не помогаемъ.« Кошевой разсердился за то, что ихъ гнали изъ степей и не позволяли воевать. Тогда имъ тѣснѣе таки стало, потому что начали бунить. А они нашей Царицѣ служили. Къ нимъ уходили и изъ нашихъ, потому что тамъ больше было воли.

Такъ зтотъ-то старшій и его товарищи переманивали къ себѣ Московскаго карабинера, а тотъ не поддался да своимъ офицерамъ и объявилъ, — вотъ ихъ и арестовали. Бывало онъ говоритъ намъ: »У насъ вотъ такъ, *батьковы дѣти*, водилось: коли пожелаешь — ступай къ

діти, діялось: коли зажелавъ, ступай до насъ; а ні, сказавъ: »Мині й тутъ добре служити Бóгу и Цариці за віру »Християнську, « а не підвóдь!»

А на ёму одѣжа славна: штани оксамитни чóрни, кóртка зелена, а шапки не бачивъ, — и не надівавъ (вінъ), правду сказати.

Оце за нимъ ходимо, калауримо, а вінъ намъ каже: »Що ви, бáтькови діти, ходите за мною? Ви бъ три дні надо мною стояли, ви бъ думали, що я передъ вами, а я Богъ знає, де бувъ би!»

Да було своїму товариству, що въ холоднику, гласъ и оддає: »Сидить«, каже, »хлопці; ви шуткуйте, шуткуйте, да ждiть ладу, поки бумага прийде зъ пóвкву. Побáчимъ, хто виноватъ: чи ми, що підмовляли, чи вінъ, що насъ підъябедивъ. Не погане море, що собáки хлѣпчуть: не погани й люде, що підъ приказомъ сидять.»

А вони, сказано, сидять у калаурні; їхъ и на роботу зъ рештáнтами не виганяли. Тутъ и лóжечко для прапорщика. То який Запорожець: »Отъ увяжіть мене«, каже, »въ мiшокъ, чи встержете мене, що мене бережете?»

намъ, а нѣтъ — говори: »Миъ и тутъ хорошо служити Богу и Цариці за Християнскую вѣру, а не вводи въ бѣду.«

А одѣжа на немъ славная: штаны бархатные черные, куртка зеленая, а шапки не видалъ я, — и не надѣвалъ онъ, правду сказать. Ходимъ бывало за нимъ, караулимъ, а онъ намъ говорить: »Чтò вы, бáтьковы дiти, ходите за мною? Еслибъ я захотѣлъ, то вы три дня стояли бы надо мною, вы думали бы, что я передъ вами, а я Богъ знаетъ гдѣ былъ бы!» И откликается бывало къ своимъ товарищамъ, чтò сидѣли въ холодной: »Сидите« говорить, »ребята; шутите себѣ да дожидаетесь порядка, пока придетъ бумага изъ полка. Посмотримъ, кто виноватъ: мы ли, что подговаривали, или онъ, что наябедничалъ на насъ.« Не осквернять моря собаки тѣмъ, что пьють изъ него воду: и людамъ то не въ укору, что сидятъ они подъ арестомъ.« А они, извѣстно сидятъ въ арестантской; ихъ и на работу съ арестантами не гоняли. Тутъ и кровать для прапорщика. Вотъ иной Запорожець и говоритъ: »Завяжите меня въ мiшокъ; убережете ли меня?» — »А почему же?» — »Давайте сюда

»Чомъ?»

»Кѣте мішо́къ.»

Да и влізе въ мішо́къ, да до свілока ёго и притягнувъ за
трамки; а вінъ изъ-за дверей и іде да: »Здорови, вражи синні!
устерегли?»

Абó котóрий-небудь Запоро́жець: »Що, ви думаєте, я не
знаю, що ви вмієте красти?»

Да разъ до менé: »А на що ти пятака́ вкравъ?»

Я й не бачивъ пятака́!»

»А ну, скинь чо́ботъ!»

Скинувъ, ажъ у чо́боті пята́къ.

А вінъ: »А, ідять васъ му́хи!»

Да й сміетця вра́жий Запоро́жець. А то вінъ хімородою хімо-
родивъ. Сказано — каверзники.

А старший бу́ло лежить да: »Гуляйте, хлопці, гуляйте да
заспівайте лишъ пісню!»

»А які́», кажú, »вамъ пісеньки заспівать? мо́же, оттакóі,
дядьку, оттакóі?»

А я й не знавъ, що вінъ Запоро́жець: на ёму́ неяко́і кавалеріи
нема́, а въ залізахъ, да думаю: »Такъ служачій», да й заспі-
вавъ ёму́ Запоро́жскоі:

мішо́къ.» И влізеть въ мішо́къ, и подтянуть мішо́къ къ перекладні; а
онъ, какъ тутъ, и вде́ть изъ-за двери: »Здравствуйте, вражи дѣти! а что́,
уберегли?» А иной изъ Запоро́жцевъ: »Вы думаете, я не знаю, что вы
уѣдете красть?» Да разъ ко ми́: »А зачѣмъ ты укравъ пята́къ?» —
»Что вы? я и не видалъ пятака!» — »А сними-ка сапогъ!» Снялъ, а
въ сапогѣ пята́къ. Тогда онъ: »А, чтобъ васъ ѣли мухи!» и смѣется,
проказникъ. А вѣдь это онъ не съ-проста дѣлалъ: колдовалъ. Извѣстное
дѣло — колдуны. А старший бывало лежить да и скажетъ: »Гуляйте,
молодцы, гуляйте да спойте-ка пѣсню!» — »А какую,« говорю, »спѣть
вамъ пѣсню? не хотите ли, дядя, спою вотъ эту?» А я не зналъ, что онъ
Запоро́жець: на немъ нѣтъ никакой кавалеріи, и въ желѣзахъ; думаю:
»Такъ служачій», и спѣлъ ему Запоро́жскую:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка...

То вінъ слухавъ-слухавъ, слізми облився да менé за голову: »Ахъ, синочку мій! се жъ наша батьківщина! се жъ наша отцевська пісня! Се не пісенька, се щірая правдонька! Такъ ми у своїхъ батьківъ служили, да оце про їхъ и пісню пролôжено!«

Причинъ частой слѣпоты между Малороссійскими простолюдинами я не берусь объяснять. Но приведу коротенькой рассказъ слѣпца Бориса Запáры (въ Богуславѣ, Кіевской губерніи) о томъ, отъ-чего, по его убѣжденію, онъ ослѣпъ. На вопросъ мой: »Чи ти сліпімъ и родивсь?« онъ отвѣчалъ:

»Ні, менé мати прокляла. Пришли до насъ разъ за подушнимъ. А я тоді ще маленькимъ бувъ та кажú: »Мáмо, дай хлѣба!«

А вона росердилась та каже: »Вража дитино! я тобі якъ дамъ хлѣба, то въ тебé й очи повилáзять!«

Отъ зъ того часу якъ почали, якъ почали болить у менé очи! а далі й зовсімъ ставъ небáчить. (*)

Замѣчательна его благодарность за сорочку, которую для него купили:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка...

Долго онъ слушалъ, потомъ залился слезами и схватилъ меня за голову: »Ахъ, сынокъ ты мой! вѣдь это наше отцовское наследіе! это отцовская наша пѣсня! Не пѣсня это, а истинная правда! Такъ мы у своихъ отцовъ, служили, и пѣсня эта про нихъ сложена!«

(*) *Переводъ.* — Нѣтъ, меня прокляла мать. Разъ пришли къ намъ за подушнымъ. А я тогда былъ еще мальчишкой и говорю: »Матушка, дай хлѣба.« А она разсердилась и говоритъ: »Чортово дитя! какъ дамъ я тебѣ хлѣба, такъ и глаза у тебя вылѣзутъ.« Съ того времени и начали болѣть у меня глаза, а потомъ я и совсѣмъ ослѣпъ.

Нехай васъ такъ Сынъ Божій прикріе, якъ ви оцѣ менѣ прикріете. (*)

Вообще Малороссійскіе простолюдины благодарятъ иногда въ оборотахъ, истинно краснорѣчивыхъ. Одна старуха сказала молодому человѣку:

Нехай тобі Господь помóже, де ти ступнѣмъ ступишь и зъ речами обѣрнешся! (**)

Ему же сказалъ однажды старикъ нищій:

Паночку лебѣдочку! щóбъ тебѣ Господь такъ узривъ, якъ ти менѣ вздривъ! Тільки, пане, се й твогò, що ти своєю рукою дасі; ато всё не твоє. Господи! постави се передъ твоєю душею! (Въ-сторону:) А, людина жъ предóбра! (***)

Но возвращаюсь къ слѣпцамъ. Въ Звѣнигородѣ, Кіевской губерніи, я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ лирникомъ Дмитромъ Погорѣлымъ, который объяснялъ свои пѣсни самыми фантастическими разсказами, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Это былъ первый изъ Заднѣпровскихъ пѣвцовъ-нищихъ, котораго я услышалъ. Мнѣ долго не удавалось проникнуть въ глубину Кіевской губерніи, въ мѣста, памятные исторіи по упорной борьбѣ козаковъ съ Польскою шляхтою. Я не сомнѣвался, что, если на лѣвой сторонѣ Днѣпра поютъ думы о временахъ Хмѣльницкаго,

(*) Пускай васъ такъ Сынъ Божій прикроетъ, какъ вы меня прикрѣете.

(**) Помогни тебѣ Господь, гдѣ бъ ты ногой ни ступилъ и съ рѣчью ни озвался.

(***) Господинъ мой, лебедушка мой! пусть тебя такъ Господь призритъ, какъ ты меня призрѣлъ! только и твоего, что ты своей рукою подашь, а остальное все не твое. Господи! поставь все это передъ твоей душою! (Въ-сторону:) А, человѣкъ-то добрый!

то на его родинѣ должны существовать первообразы этихъ думъ и многія другія, намъ неизвѣстныя. Вышло напротивъ: въ Кіевской губерніи я не записалъ ни одной думы, хотя преданія о Хмѣльницкомъ живуть въ устахъ народа.

Это объясняется не столько недавними событіями *Колівошчины*, которыя вытѣснили изъ памяти Украинскихъ поселянъ картины отдаленнаго времени, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра, начавшимся во времена Хмѣльницкаго и кончившимся при Самойловичѣ. Правый берегъ, преимущественно предъ прочими частями Малороссіи, былъ театромъ войнъ Хмѣльницкаго и чрезъ то, мало-помалу, наконецъ почти совсѣмъ обезлюдѣлъ. Въ продолженіе этихъ войнъ, многія тысячи людей пали на поляхъ битвъ, въ которыхъ участвовали не одни козаки, но и огромныя массы призванныхъ къ оружію поселянъ; другія истреблены Поляками въ селахъ и мѣстечкахъ, взятыхъ приступомъ, а третьи погибли отъ самихъ козаковъ, которые мстили землякамъ своимъ за приверженность къ Полякамъ. Въ то же самое время правый берегъ Днѣпра пустѣлъ отъ переселенія жителей въ другія мѣста, то небольшими, но безпрестанно выходившими партіями спокойныхъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, или на лѣвомъ, сравнительно безопаснѣйшемъ берегу, то многочисленными «громадами» козаковъ, которые, послѣ какого-нибудь всенароднаго бѣдствія, искали себѣ новыхъ земель для поселенія и такимъ образомъ основали Острогожскія, Сумскія, Ахтырскія и другія слободы. Но въ конецъ обезлюдѣла Западная Украина въ то время, когда она по-видимому была успокоена отъ потрясавшихъ ее такъ долго войнъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, то есть, когда отдѣленный отъ Польши лѣвый берегъ Днѣпра образовалъ, подъ протекціей Царя Московскаго, новую «Гетманщину». Туда перешли съ праваго берега вооруженные полки козацкіе; туда переселялись недовольные Польскимъ правительствомъ и невѣрившіе его обѣщаніямъ — забыть давнишнія обиды; туда наконецъ гетманъ Самойловичъ по разореніи Чигирина, а гетманъ Скоропадскій на возвратномъ пути отъ береговъ Прута, переселили всѣхъ, какихъ могли захватить, жи-

телей со всѣмъ ихъ имуществомъ и даже съ деревянными церквями, которыя были разобраны и увезены на возахъ. Эти переселенія сдѣланы были на основаніи Андрусовскаго договора, по которому не только каждый получилъ право переходить со всею движимостію на лѣвый берегъ Днѣпра, но признано даже средствомъ къ сохраненію мира между двумя государствами, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Народъ до сихъ поръ помнитъ эти переселенія и говорить: »Се було ще до збѣгу«, или: »Се було вже після збѣгу«, а весь періодъ войнъ козацкихъ, названный въ Польскихъ хроникахъ *hosticum*, онъ называетъ въ своихъ преданіяхъ *руїною*.

Такимъ образомъ прекраснѣйшія побережья Днѣпра, почти цѣлыя нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, какъ будто были обречены на вѣчное запустѣніе. Да и весь почти этотъ край превратился въ пустыню, какъ объ этомъ мы знаемъ изъ »Лѣтописи Величка«, который, проходя съ Малороссійскими козаками отъ Кореуна и Бѣлой Церкви на Волюнь въ 1705 году, былъ пораженъ безлюдьемъ Западной Малороссіи.

»Поглянувши паки (говоритъ онъ), видѣхъ пространные тобочніе Украинно-Малороссійскіе поля и розлеглыя долины, лѣсы и обширныя садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлыя, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослыя. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, только небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшись, поболѣхъ сердцемъ и душою, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украинно-Малороссійская во область пустынь Богомъ оставленна и насельницы ея, славныя предки наши, безвѣстны явишася.« (1)

Было бы однакожь дѣломъ неестественнымъ, еслибы страна,

(1) -Лѣтопись Самойла Величка», т. I, стр. 5.

Такъ щедро надѣленная природою, оставалась долго пустынею. Лишь только перестала въ ней свирѣпствовать война, лишь только зазеленѣли пепелища, тотъ-часъ появился на нихъ опять чело-вѣкъ. Всѣ прежніе обитатели Западной Украйны, неотдѣленные отъ нея Днѣпромъ и неударжимаемые какимъ-нибудь насиліемъ, возвращались на дорогую для сердца *батьковщину* и *матеріизну*. Владѣтели Украинскихъ старобствъ и помѣстій вспомнили о своихъ правахъ и присылали отъ себя урядниковъ — «губернаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ» — сперва только для завятія земель, а потомъ и для заботъ объ ихъ заселеніи. Нѣкоторыя дворянскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, уцѣлѣвшія или въ глубинѣ Польши, или въ безопасномъ Полѣсьи, возвращались на родину не только сами, но приводили съ собою и подданныхъ, которые состояли какъ изъ Украинскихъ переселенцевъ въ Полѣсье, такъ и изъ природныхъ *Польшуковъ*, — и ихъ-то деревушки появились прежде всего на Днѣпровскомъ побережьи. Здѣсь разумѣются преимущественно мѣстности въ верхней Украйнѣ, вокругъ Кіева и Бердичева, гдѣ издавна владѣли землями дворяне средней руки: Залѣскіе, Бѣжинскіе, Проскуры, Олизары, Тышовы-Быковскіе и другіе. Южная же и восточная части Западной Украйны состояли изъ однихъ старобствъ и владѣній магнатскихъ. Уманщина перешла отъ Струсей къ Потоцкимъ, Смилянщина отъ Коцепольскихъ къ Любомирскимъ; и въ этихъ огромныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ «дѣдичи» никогда сами не жили, заселеніемъ земель и устройствомъ ихъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные, такъ точно, какъ въ верхнихъ повѣтахъ — сами владѣльцы-дворяне. Въ староства, крулевщины и волости южной и восточной части Западной Украйны такъ-же мало-помалу собирався народъ, то изъ разныхъ скрытыхъ мѣстъ, то изъ дворянскихъ сель верхней Украйны. Это мы знаемъ изъ процессовъ, часто возникшихъ здѣсь по подобнымъ случаямъ.

Самымъ дѣятельнымъ моментомъ такой колонизаціи была середина XVIII вѣка, и быстрѣе всего развивалась она въ Уманщинѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Салезія Потоцкаго, вое-

воды Русскаго. Въ имѣніяхъ Любомирскихъ и въ старобствахъ Сан-гущковъ, Яблоновскихъ, Потоцкихъ и другихъ, лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на «заложеніе осадѣ» (1). Такія права получались безъ всякаго затрудненія, и всегда было много на нихъ охотниковъ — то изъ самихъ управителей тѣхъ же владѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной предприимчивой шляхты, приливавшей въ Украину изъ глубины Польши, то наконецъ изъ военныхъ людей отряда, постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *Украинскою партією*. Эти военные люди, привыкнувъ къ здѣшнему краю, не желая возвращаться въ родныя мѣста и пользуясь свободой заниматься внѣ служебныхъ обязанностей чѣмъ угодно, основывали обыкновенно дома и заводили постоянное хозяйство невдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Всѣ вообще основатели новыхъ поселеній должны были больше всего стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе, какъ на правахъ *слободы*, то есть увольненія отъ всѣхъ почти повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали влечь въ разныхъ сборныхъ пунктахъ — на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ — и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, зажиточный селянинъ не соблазнялся зовомъ *на слободу*. Но во всякомъ селѣ были сироты, обиженные старшими родичами, были бродяги, спустившіе съ рукъ послѣдній достатокъ, были любовники, опасавшіеся разлуки, или страдавшіе отъ преслѣдованій, — много было людей, желавшихъ перемѣнить обстановку жизни. Все это внимало обѣщаніямъ льготъ, какъ сигналу къ освобожденію отъ житейскихъ нуждъ и горестей. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смиллянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что, кто придетъ къ

(1) Osadzić — заселить.

нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, и за такого будетъ стоять.

Когда такимъ образомъ вдоль береговъ Днѣпра, на старыхъ пожарищахъ и развалинахъ, въ углубленіи прохладныхъ, напоенныхъ водою долинъ, застрѣли землянки, мазанки и срубленные на живую руку хаты, за Днѣпромъ такъ-же нашлось много людей, которые пожелали пользоваться сравнительно бѣльшими льготами у новыхъ владѣльцевъ Западной Украйны. А эти, съ своей стороны, посылали къ нимъ зазвы и облегчали имъ средства къ переселенію. При тогдашнемъ состояніи земскои управы и пограничнаго дозора на лѣвомъ берегу Днѣпра, переходъ въ Польскую Украйну былъ такъ же не труденъ, какъ теперь въ другую губернію, и Каневскія, Черкасскія, Чигиринскія пустыни наполнялись всё болѣе и болѣе выходцами изъ противулежащихъ селъ и городовъ Гетманщины. У Днѣпровскихъ рыбаковъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о *фигурахъ*, то есть крестахъ съ повѣшенными на нихъ снопомъ жита, цѣпомъ и серпомъ. Такія фигуры выставались на береговыхъ возвышенностяхъ въ знакъ того, что нѣкто заселяетъ слободу и приглашаетъ къ себѣ поселянъ на извѣстныхъ льготахъ. Льготами было увольненіе »подданныхъ« отъ чиншей и всякихъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, что собственно и называлось *слободою*. Чтобы всякому прохожему и проѣзжему было ясно, на сколько именно лѣтъ дана »слобода« какому-нибудь селу, на выгонѣ становили столбъ, на-подобіе креста, въ котораго перекладину вколачивались деревянные колышки. По истеченіи каждаго года, одинъ колышекъ выбрасывался, а по прошествіи всѣхъ лѣтъ, слобожане обязаны были платить чиншъ владѣльцу земли и отбывать повинности. ⁽¹⁾

Повинности Украинскимъ »подданныхъ« были довольно легкія: въ казну вносились только *подымное*; панщины назначали:

(1) На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* и *вулыками*, отъ воли, а въ Украинѣ *слободами* отъ свободы. («Opis Powiatu Wasylkowskiego», przez E. Rulikowskiego, str. 27.)

лось не болѣе двѣнадцати дней въ году съ хаты, такъ какъ тогдашняя система хозяйства не требовала болѣе рабочихъ дней. Хлѣба съѣли мало, ибо Черноморская торговля хлѣбомъ не существовала вовсе, и панскіе доходы извлекались преимущественно изъ выкармливанія скота, изъ меду, воску, сала, винокурения въ небольшихъ размѣрахъ и т. п. Губернаторы и другіе панскіе урядники обогащались подарками, которые народъ имѣлъ дѣлать, по стариннымъ обычаямъ, всякой разъ, когда имѣлъ какую-нибудь надобность во «дворѣ», а такъ-же разнаго рода торговлею, болѣе, или менѣе позволительною, — преимущественно доставкою фуража Русскимъ войскамъ, которыя въ то время постоянно находились на границахъ, или въ самыхъ предѣлахъ Турціи. Они посылали такъ-же на Запорожье разнаго рода жизненные потребности, которыя покупались за бездѣнокъ въ краю, почти баснословно плодородномъ, а продавались, или промѣнявались на лошадей дорого и потому приносили огромныя выгоды. Шляхта обогащалась такимъ образомъ сама собою и не имѣла побужденій ни въ обычаяхъ, ни въ какой-либо нуждѣ обременять поселянъ работами. По-этому новыя села достигали цвѣтущаго состоянія довольно скоро, а въ-слѣдствіе того народонаселеніе края росло какъ-бы какимъ чудомъ. Все способствовало здѣсь благосостоянію народа. Но, подобно всякому юному обществу, Украинцы отличались беззаботностію касательно будущаго, не собирали хлѣба въ прокъ, полагаясь на плодородіе почвы, даже не пахали на зиму ⁽¹⁾, и потому иногда неурожайный годъ вдругъ поражалъ ихъ всеми ужасами голода. Въ исторіи земледѣлія на Украинѣ представляются намъ двѣ противоположности: или необыкновенно низкія цѣны, или совершенный недостатокъ хлѣба, голодъ и даже моръ отъ голоду. Но эти бѣдствія происходили единственно отъ тогдашняго состоянія этой страны и ни коимъ образомъ не относятся къ Польскимъ дворянамъ, которые уже въ другой разъ были ея колонизаторами.

(1) Пахать на зиму начали Украинцы только съ XIX столѣтія.

Изъ мѣстныхъ документовъ отдаленнаго времени, когда Польское дворянство безразлично состояло изъ Русскихъ «благочестивыхъ» и Польскихъ католическихъ фамилій, мы видимъ, до какой степени этотъ край былъ безлюденъ. Короли Александръ и Казиміръ Ягеллонъ, даруя какому-нибудь князю во владѣніе здѣшнія земли на разстояніи отъ Сивюхи до Тѣкича и отъ Роси до устья Тѣсмина, именовали на этихъ земляхъ всего только какихъ-нибудь двоихъ, троихъ подданныхъ; а лѣтъ черезъ сто, или полтораста, мы находимъ Западную Украину уже очень многолюдною областью, и самыя войны Богдана Хмѣльницкаго служатъ тому доказательствомъ. Пятидесяти-лѣтній періодъ *hosticum*, или *руины*, съ изложенными выше обстоятельствами, превратилъ снова Западную Украину въ пустыню; а черезъ поль-вѣка Польское, уже чисто католическое дворянство сдѣлало ее опять многолюдною областью. Въ смыслѣ колонизаторовъ, магнаты и шляхтичи дѣйствовали безукоризненно: они и не могли дѣйствовать иначе, ибо въ такомъ случаѣ земли ихъ оставались бы незаселенными пустынями. Но, вводя начала гражданственности въ новое населеніе Украины, они неизбѣжно должны были ввести въ нее и латинскую, или по крайней мѣрѣ уніятскую Церковь. Собственно говоря, это было явленіе очень обыкновенное, а не какая-нибудь систематическая пропаганда. Польскіе колонизаторы Украины, привлекая народъ на свои земли, должны были наконецъ позаботиться и о религіозныхъ его нуждахъ. Они строили въ селахъ церкви и водворяли при нихъ уніятскихъ священниковъ. Можетъ быть, единственный изъ колонизаторовъ Украины, занимавшійся ея заселеніемъ съ серьезными и обдуманнми видами, Салезій Потоцкій, видя совершенный недостатокъ духовенства въ новыхъ «осадахъ», вызвалъ сюда викарія уніятской митрополіи, ксенза Рыло, и велѣлъ ему посвятить разомъ шестьдесятъ священниковъ. Въ другихъ селеніяхъ устраивались парафіи сами собою, и въ нихъ водворялись приходскіе священники, то уніятскіе, то «благочестивые». Появлялись такъ-же — хотя очень рѣдко — и монашескія общества католическія, то возвращаясь на развалины —

часто только на мѣста — прежнихъ своихъ монастырей, основанныхъ еще до Хмѣльницкаго, то будучи вызваны вновь кѣмъ-нибудь изъ колонизаторовъ. Такъ въ Смилой существовалъ маленький монастырь Капуциновъ, въ Ржищевѣ — Тринитаръ, въ Лысянкѣ — Францисканцевъ. Многочисленнѣе и многолюднѣе другихъ были монашескія общества Базиліанъ, которые почти исключительно завѣдывали всѣми школами на Украинѣ. Эти школы, открытыя для каждаго безъ исключенія, соединяли въ себѣ молодежь всѣхъ сословій и состояній. Сюда приходили и «паничи», сыновья помѣщиковъ, земскихъ урядниковъ и панскихъ управителей, и поповичи, и дѣти убогой шляхты, мѣщанъ и даже сельскихъ мужиковъ, которые имѣли средства и желаніе приготовить своихъ сыновей какъ-бы къ чему-то высшему. Такія школы естественно были самою сильною пропагандою униатскаго вѣроисповѣданія. А между тѣмъ на Украинѣ и въ то время было не безъ «благочестиваго» духовенства, которое съ своей стороны имѣло на нее вліяніе. Выше уже сказано, что нѣкоторыя парафіи заняты были священниками «благочестивыми». Основатели сель, не смотря на то, что сами были католики, ни мало тому не противились; а нѣкоторые, желая понравиться народу и внушить ему къ себѣ особенную приверженность, выбирали ему священниковъ по его желанію. Владѣтель Смилянщины былъ до такой степени благосклоненъ къ Греко-Русскому духовенству, что униатскія консисторіи постоянно жаловались на его пристрастіе. Греко-Русскіе монахи пустынно-жительствовавши во многихъ мѣстахъ на Украинѣ, или занимая старинные монастыри, по лѣсамъ и Тясминскимъ островамъ, или разсѣявшіеся небольшими обществами по уединеннымъ пустынямъ. Все свѣтское и монашеское духовенство «благочестивое» находилось подъ властью Киевскихъ митрополитовъ и Задніпровскихъ архіереевъ; отъ нихъ оно было сюда присылаемо (1), къ нимъ обращалось по дѣламъ

(1) Впрочемъ много приходило священниковъ изъ Молдавіи и Валахіи, и надобно сказать, что между этими пришельцами были люди весьма сомнитель-

своимъ, хотя въ то же время не могло не признавать власти Польскаго правительства, живя въ Польской провинціи.

И вотъ на Украинской почвѣ, столько разъ облитой кровью, стали опять одинъ въ виду другого непріязненные жизненные элементы: народности Польская и Русская, вѣроисповѣданія латинское и «благочестивое». Нетрудно дагадаться, что отсюда неизбежно должны были возникать ежедневные столкновенія и споры. Народъ здѣшній, не смотря на то, что едва только поселился на своихъ давнихъ пепелищахъ, принесъ съ собою неблагоприятныя для Поляковъ воспоминанья и понятія; преданіе о войнахъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, было свѣжо; поводы къ козацкимъ возстаніямъ не только не были позабыты, но еще усилены очарованіемъ прошедшаго. Все это оживало при всякомъ удобномъ случаѣ и поддерживало чувство природнаго разъединенія между шляхтою и простонародьемъ. Собранное въ села и мѣстечка населеніе не могло все, до одного человѣка, быть спокойнымъ и земледѣльческимъ обществомъ. Въ немъ отзывались привычки къ бродячей и своевольной жизни; а недостатокъ *полиціи*, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, вообще въ Польшѣ и особенно въ провинціяхъ, столь отдаленныхъ и вновь организующихся, способствовалъ какъ нельзя болѣе ко всякаго рода беспорядкамъ. Гайдамачество, то есть открытый грабежъ, было въ Украинѣ явленіемъ весьма обыкновеннымъ, и такъ какъ оно совершалось въ смыслѣ нѣкоторой какъ-бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ, то не знало никакого стыда, ни узды въ своихъ нештествахъ. Въ наше время странно это слышать, но внутреннія и внѣшнія обстоятельства Западной Украины XVIII вѣка сами породили — и должны были неизбежно породить — такое явленіе. Господствующій классъ ея населенія состоялъ изъ католиковъ; чернорабочій — изъ послѣдователей Греко-Рус-

ныхъ качествъ. Поселяне вѣрили имъ на слово, что они посвящены тамъ-то и тамъ-то; но участіе, какое они принимали въ возбужденіи черни противъ католиковъ и униатовъ, заставляетъ догадываться, что это были за люди.

ской Церкви; между ними посредствующій, торговый, факторскій классъ, простиравшій свои жадныя руки ко всѣмъ предметамъ сбыта и потребления, ко всѣмъ ввознымъ и вывознымъ товарамъ, состоялъ исключительно изъ Евреевъ. Шляхетство подчинялось нравственному влиянію ксензовъ, въ то время какъ многочисленный чернорабочій классъ, говорившій на своемъ языкѣ, имѣлъ свое собственное духовенство. Это духовенство посвящалось большею частію въ подвластномъ Россіи городѣ Кіевѣ, или въ Переялавѣ за Днѣпромъ и переносило оттуда въ народъ идею объ отроженности отъ братій, живущихъ подъ державою Царя православнаго, подъ гетманствомъ единородца и единовѣрца, подъ управленіемъ старшинъ и пановъ, молящихся въ одной и той же церкви съ народомъ. Поселяне простодушно называли своихъ священниковъ *попами благочестивыми*, а свою вѣру *благочестіемъ*, и этимъ не говоря говорили, что католическіе и униятскіе попы нечестивы, а католическая вѣра и униа — нечестіе.

Всѣ эти обстоятельства отразились самымъ неблагоприятнымъ образомъ въ сосѣдней области, подвластной безженному Запорожскому *кошу* и населенной разсѣянными на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ *паланками* и хуторами, которые образовались изъ выходцевъ Польской и Московской Малороссіи, недовольныхъ житьемъ на родинѣ. Эти выходцы унесли съ собою въ степи воспоминанія о всеобщей войнѣ «благочестивыхъ» съ католиками и угнетенныхъ съ угнетателями, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго. Для нихъ не существовалъ новый порядокъ вещей на поприщѣ побѣдъ «козацкаго батька», между Черкасами и Чигириномъ, между Бѣлою Церковью, Корсунемъ и Уманемъ. Къ нимъ доходили вѣсти только о томъ, что на берегахъ Роси и Тясмина, которыхъ обогрѣнная кровью воды воспѣты бандуристами въ энергическихъ думахъ, по-прежнему господствуетъ Ляхъ, или — что все одно у нихъ значило — панъ, по-прежнему верховодитъ ксензъ, по-прежнему обираетъ «добрыхъ людей» Жидъ, и сердце одичалыхъ степныхъ рыболововъ, пасичниковъ и чабановъ билось такою жъ фанатическою ненавистью

къ этимъ тремъ классамъ Украинскаго населенія, какъ и во времена Перебійноса. Между Украиной Польскаго государства и Запорожьемъ никогда не прекращались сношенія, и «добрые молодцы» являлись почти на каждой ярмаркѣ въ Уманѣ и въ другихъ городахъ съ произведеніями своихъ зимовниковъ, хуторовъ и паланокъ. Они пригоняли туда лошадей, привозили рыбу, мѣха и тому подобныя товары, и не всѣ выручаемыя деньги пропивали на Украинскимъ рынкахъ. За свою выручку они добывали въ *Польшу*, какъ называли они этотъ край, хорошее оружіе и богатую конскую сбрую, порохъ, свинець, водку, сукно, одежду и прочая, а остальное серебро и золото увозили въ кожаныхъ *черекахъ* (поясахъ) на Запорожье, чтобы было что оставить по себѣ на похороны и поминовеніе козацкой души, у которой бывало не безъ грѣховъ, или про запасъ на черный день. Это оружіе, эти одежды и деньги, вывезенныя изъ «Польшы», возжигали въ душахъ Запорожскихъ гультаевъ чувство, которое превращало ихъ религіозную ненависть къ католикамъ и Жидамъ въ фанатизмъ и подстрекало ихъ всего сильнѣе къ удалому набѣгу на помѣщичьи, старостинскія и церковныя имущества, въ подражаніе Хмѣльницкому.

Такимъ-то образомъ начались набѣги Запорожской вольницы, извѣстной подъ именемъ *гайдамакъ*, на земли, едва только заселенныя стараніями Польскаго дворянства. Письменныя преданія не сохранили воспоминаній о первыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ; но можно смѣло утверждать, что эти набѣги совпадаютъ съ началомъ колонизаціи Уманскаго, Чигиринскаго, Черкаскаго и другихъ округовъ. Старосты, губернаторы и помѣщики Украинскіе противопоставляли имъ свои надворныя хоругви, въ которыхъ начальствовала шляхта, а рядовые набирались какъ изъ шляхты, такъ и изъ простыхъ поселянъ, и которыя составляли гарнизоны по крѣпостямъ, подъ названіемъ городовыхъ козаковъ. Кромѣ того Польская «юнацкая» молодежь, любя военное ремесло по духу тогдашней жизни, приходила на Украину со всей Польшы, чтобы участвовать въ борьбѣ здѣшнихъ хоругвей съ гайдамака-

ми. Лишь только получалось извѣстіе о соединеніи гайдамакъ въ большую толпу и появленіи Запорожцевъ, надворные козаки и то, что называлось Украинскою партією, предпринимали противъ нихъ экспедицію и пускали въ ходъ свои военныя хитрости. Но у гайдамакъ всегда были на Украинѣ тайные доброжелатели, дававшіе имъ во время вѣсть о засадахъ, о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ, а подь-часъ и убѣжище въ своихъ домахъ и даже монастыряхъ. По-этому почти каждый гайдамацкій набѣгъ увѣнчивался кровавыхъ успѣхомъ, и иногда въ одну ночь исчезали многочисленныя семейства католиковъ и Жидовъ, а ихъ замки и дома превращались въ кучи пепла. Съ своей стороны Польскія ополченія, преслѣдуя гайдамакъ въ самую глубь Запорожскихъ степей, набѣжали на Запорожскія паланки и убивали кого могли, не находя явно виновныхъ. Это влекло за собой обоюдныя жалобы Русскаго и Польскаго правительствъ. Наряжались, какъ обыкновенно водится, комиссіи для рѣшенія спорныхъ пунктовъ; но, пока судебная процедура совершалась съ торжественной своей медленностью, молодцоватые Польскіе дворяне съ одной стороны и неумогонные гультайи съ другой расправлялись собственными средствами; а потому мелкая война, можно сказать, кипѣла безпрестанно на Польскомъ пограничьи. Запорожскій кошъ, мстя Полякамъ за ихъ *подтѣзды*, потакалъ «добрымъ молодцамъ» въ ихъ *промыслахъ* и, безъ сомнѣнія, самъ направлялъ эти промыслы; а старосты, губернаторы и пограничные паны, не признавая надъ собой никакой власти, поступали безъ всякихъ оглядокъ и даже не оправдывались, подобно кошу, невозможностью обуздать своевольныя партіи удалцовъ. Такъ подготовлена была кровавая драма 1768 года, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Коливщини....

Заведя рѣчь о Дмитрѣ Погорѣломъ и его склонности къ фантастическимъ представленіямъ, я незамѣтно зашелъ въ область недавней исторіи края, и сдѣлалъ не лишнее дѣло. Безъ этого взгляда на прошедшее, многое въ моихъ разсказахъ о Звенигородскомъ

слѣпомъ пѣвцѣ и о другихъ пѣвцахъ и расказчикахъ правой стороны Днѣпра было бы понятно не для всѣхъ моихъ читателей. Преданіями о набѣгахъ гайдамакъ полны всѣ головы въ Западной Малороссіи, способныя удерживать преданія. Тамошніе простолюдины, потерявъ въ своихъ бѣдствіяхъ и переселеніяхъ цѣль старинныхъ воспоминаній, ставятъ *Хмельницину* рядомъ съ *Колівещиною* и, презабывъ патріотическія думы о первыхъ козацкихъ войнахъ, воспѣваютъ стариннымъ складомъ пѣсень и старинными ихъ напѣвами подвиги новыхъ героевъ козачества, Харка, Швачку, Зализняка, Гонту и другихъ. Еслибы эти герои успѣли въ своихъ препріятіяхъ такъ какъ Хмѣльницкій, духъ пѣсенности проявился бы здѣсь, безъ сомнѣнія, въ болѣе роскошныхъ и самостоятельныхъ формахъ, и предшественники Зализняка и Гонты на поприщѣ гайдамачества непременно явились бы въ такомъ же поэтическомъ свѣтѣ, какъ Наливайко, Сомко-Мушкетъ и Острияница. Но какъ этого не случилось и возстаніе Зализняка и Гонты было напраснымъ порывомъ Украинцевъ къ самодѣятельности, то въ пѣсняхъ о гайдамакахъ послышался только какъ-бы отголосокъ музы прежняго козачества, а изъ дѣйствующихъ лицъ кровавой гайдамацкой драмы блескомъ поэзіи озарились только немногія. Остальныя, извѣстныя намъ по преданіямъ, какъ напри-мѣръ Чуприна и Чортоусъ, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ римованнымъ двустишіемъ. Зато нѣкоторые лица, неписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ сотникъ Жаботинскій Харкѣ, о котораго подвигахъ мы не знаемъ ровно ничего, воспѣтъ не хуже самого Зализняка въ пѣснѣ, записанной Черноморцемъ Вареникомъ въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ (1). Эту самую пѣсню

(1) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 425.

піль мнѣ въ Звѣнигородкѣ лирникъ Дмитро Погорѣлый съ нѣкоторми отмиѣнами (1). Но его комментарий интереснѣе самой пѣсни. Именно :

ЛЕГЕНДА О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

....У Павлолчи булá у ёго хрещѣна мáти, зъ великого поколiння пáни; то вінъ-то надiвся, що ёго тамъ не зáймуть, та напiвшились дóбре, якъ лигъ спáти, тогдi та пáни: »Теперъ«, кáже, »Ляхкi, мáете часъ, остунáйте Харкá!« То Ляхi за ёго.

Отъ же щѣ бъ вони ёго не стрáтили, колибъ ёго коня не приковáли: кiнь би ёго визволивъ, не давъ би ёму пропáсти; вінъ би й губи, й зуби усiмъ порозбивáвъ и будiнокъ розвалiвъ, бо то кiнь бувъ лицáрський. Ато взяли бiсовi Ляхi та й приковáли за чотiри ногi у стáни. То кiнь, якъ почувъ Харкову кровъ, то давáй ржáти; та вже ничóго не врáдивъ. А Ляхi, якъ стáли Харкá рубáть, то рубáли ажъ три днi, та вiякъ не порубáють; и

(*) *Переводъ.*—....Въ Павлолчи была у него крестная мать, госпожа знатнаго рода; онъ и надiялся, что его тамъ не тронуть, да, хорошенько подгулявши, какъ уснулъ, она и говоритъ: »Теперь«, говорить, »Ляхи, самая пора, окружите Харка!« Ляхи и бросились къ нему. Но и тутъ еще не сгубили бы его, еслибъ не приковали его коня: конь бы его выручилъ; онъ бы и губы, и зубы всѣмъ расшилъ и домъ разрушилъ бы, затѣмъ что то былъ конь богатырской. А то чортовы Ляхи взяли да и приковали его по всѣмъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, какъ почувалъ кровь Харкову, началъ ржать, но ужъ ничего не сдѣлалъ. А Ляхи, какъ стали рубить Харка, то рубили цѣлыхъ три дня, да ни какъ не изрубятъ; и сабля иззуборилась пуще желѣза: наконецъ догада-

(1) См. тамъ же, стр. 427. Еще одинъ вариантъ, записанный Зорiаномъ Ходаковскимъ, напечатанъ въ «Укр. Нар. Пѣсняхъ», изд. Максимовичемъ. М. 1834; стр. 121.

шабля позубілася гіршъ, якъ залізо; та вже дорозумовались, щобъ рубать ёго ёго жъ шаблею. А въ ёго шабля була лицарська; то та шабля ёго й побідила.

Сотникъ Харко представляеть загадочное явленіе въ исторіи Польской Украйны. Н. А. Маркевичъ въ своей «Исторіи Малоросіи» (т. II, стр. 659) упоминаеть о его возстаніи подъ 1765, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича о Колиивщинѣ. Г. Скальковскій въ «Наѣздахъ Гайдамакъ» не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ вниманія уже по одному тому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы думать, что сотникъ Харко былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ незадолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Но въ мѣстечкѣ Смилой я встрѣтилъ старика, Кондрата Тарануху, который зналъ его лично и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ десять послѣ Колиивщины. Вотъ этотъ разсказъ.

ПРЕДАНІЕ О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

Я самъ знавъ Харка. Вінъ бувъ сотникомъ у Жаботині. Вони зъ Лелёкою виішли сюді, якъ Москаль розруйновавъ Січь, та й поженілись у Жаботині. Лелёка жъ ставъ господаровать: млини

лись, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и побѣдила.

(*) *Переводъ.* — Я самъ зналъ Харка. Онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ. Онъ да Лелека вышли изъ Сѣчи, когда ее разорили, и женились въ Жаботинѣ. Лелека сталъ хозяйничать: держалъ на откупѣ

державъ, скотъ продававъ, то-що; а Харко зробивсь сотникомъ у Жаботині, и у ёго було сорокъ чоловікъ козаківъ. То було до панівъ послає: »Я вась«, каже, »заслоняю й стережю, а ви мині дайте кошту и провізії.« То пани було й присилають ёму въ Жаботинъ.

Бравий бувъ козаць! Було іде — жупанъ голубий на-версі, красній на-споді, чоботи сафьянци, шапка чорна, похилиста; самъ чоловікъ плечистий, русявий, повновидий. Було разъ проїде сивимъ конёмъ, у другий воронимъ, у третій буланнимъ, у четвёртый білимъ... той же еднораль! а козаць! А було до війни такий жвавий, що вже зъ нимъ козаки нічого не бояця. Назадъ *Отче нашъ* переговоривъ — ступай сміло: кўля не візьме.

И пішла вже така слава, що супротивъ ёго ніхто не встоїть. То Ляхи й думаютъ собі: »Отъ же ми ёго, вражого сїна, годуємо, та вигодуємо такого гайдамаку, якъ Хмельницький. То була Хмельниччина, а ще буде Харківщина!«

Да й прислали до ёго въ Жаботинъ: »Просить панъ до Павлочи въ гості.«

мельницы, торговалъ скотомъ и тому подобное; а Харко сдѣлался сотникомъ въ Жаботинѣ, и у него было сорокъ козаковъ. Онъ бывало посылаетъ къ панямъ: »Я вась«, говоритъ, »заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провизію.« Паны и присылають бывало все это ему въ Жаботинъ.

Славный козаць былъ! Бывало ѣдетъ — жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-исподю, сапоги сафьянцы, шапка черная на-бокъ, самъ онъ человекъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на ворономъ, въ третій на буланномъ, въ четвертый на бѣломъ... точно генераль... а козаць! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ козаки ничего не боялись. Проговорить навзворотъ *Отче нашъ* — ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ.

И пошла ужъ такая слава, что противъ Харка не устоятъ никто. Вотъ Ляхи и думаютъ: »Кормимъ мы этого вражьего сына, да пожалуй выкорпимъ такого разбойника, какъ Хмельницький. Тогда была Хмельниччина, а теперь будетъ Харківщина!« И прислали къ нему въ Жа-

Вінъ и поїхавъ....

А я зъ Лелекою добре знавсь такі. Зъ Харкомъ — нічого хва́стать, а зъ Лелекою ми такі добре гуля́ли. То вінъ самъ ми́ні розка́зувавъ: »Я«, ка́же, »ёму́ й ка́завъ: »Эй, не ідь, бга́-те!« [А Леле́ка той корта́вивъ тро́хи] »Эй«, ка́жү, »не ідь, »бга́те! бо не дү́рно кінъ на ворóтяхъ спотика́етця.« [А Харко́ якъ ви́їздивъ до Па́волочи, то кінъ на ворóтяхъ спіткну́вся].

»Ні, якъ такі не слү́хать панівъ? Вони́ менé й годю́ють, и все.«

Ну, бу́ло-жъ ёму́ хочъ не напива́тьця, бу́ло ёму́ литъ у кишéню; хустки́ въ ёго́ бу́лі — бу́ло ёму́ въ хустки́ литъ, то бъ ёго́ такі не взяли́. Ато́ якъ напивсь, то ёго́ п'яно́го взяли́ къ чо́рту та й стра́тили.

Какъ ни обстоятельно определено здѣсь время появленія Харка въ Жаботинѣ, но я не совсѣмъ довѣряю Кондрату Таранухѣ. Онъ знаваль сотника Харка послѣ 1775 года (годъ разоренія Сѣчи), а со мной бесѣдовалъ въ 1843 году. Если онъ былъ въ какомъ-нибудь 1776 году хоть двадцатилѣтнимъ парнемъ, для того чтобы послѣ *гулять добре* съ Лелекою, товарищемъ Харка, то во время знакомства со мною ему должно было быть не менѣе 87 лѣтъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь. Правда, мнѣ

ботинъ: »Просить тебя панъ въ Паволочъ въ гости.« Онъ и поѣхалъ. А мы съ Лелекою были хорошіе пріятели. Съ Харкомъ — нечего хва́стать, а съ Лелекою мы такі славно кутили. Такъ онъ самъ рассказы́валъ мнѣ: »Я«, говори́тъ, »и говори́лъ ему: »Эй, не їзди, бгать!« [А Леле́ка то́тъ немно́го карта́вилъ] »Эй«, говори́ю, »не їзди, бгать! не да́ромъ конь твой въ ворота́хъ спотыка́ется.« [Какъ вы́їзжалъ Харко́ въ Па́волочъ, то конь въ ворота́хъ споткну́лся.] »Нѣтъ, ка́къ можно ослу́шаться пановъ? Они́ меня и кормя́тъ, и все.« Ну, хоть-бы онъ не напива́лся! надобно́ было ему́ выли́вать вино́ въ карма́нъ; были́ у него́ платки́ — надобно́ было въ платки́ выли́вать, такъ его́ всё бы еще не взяли́. Ато́ какъ напился, такъ его́ сонна́го и отпра́вили къ чо́рту.

указали въ Смилоѣ на Кождрата Тарануху, какъ на человѣка *древняго*, но, войдя къ нему въ хату, я нашель его за шитьемъ какой-то одежды, и на мой взглядъ ему было не больше 60 лѣтъ. По своему обыкновению, я развязаль ему языкъ и заставиль смотрѣть на себя благоеклонно штофикомъ водки, вынутымъ изъ кармана. Тутъ явился пріятель Таранухи, по ремеслу бондарь. Они кулякнули вдвоемъ очень исправно, и, подкуражившись, старикъ, вѣроятно, присвоиль себѣ, для большаго эффекта, разсказъ своего отца, или другого старожила, который точно могъ знать Харка и добре гулять съ Лелекою даже и гораздо прежде разоренія Сѣчи. Приурочить же преданіе о Харкѣ къ этому событію онъ могъ потому, что послѣ него появилось въ Украинѣ много Запорожцевъ, и разказы о томъ, какъ они содержали въ наймѣ мельницы и торговали скотомъ, были, вѣроятно, въ числѣ первыхъ воспоминаній юности Таранухи. Какъ бы то ни было, только сотникъ Харко долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разоренія Сѣчи, и вотъ тому доказательства. Во первыхъ, тогда уже наступило спокойствіе въ Украинѣ, невозмущаемое никакими возстаніями со стороны городскихъ, или надворныхъ козаковъ и казнями со стороны Поляковъ. Во вторыхъ, въ преданіи Таранухи Ляхи опасаются, чтобы Харко не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ было бы ближе и естественнѣе сравнивать его съ Зализнякомъ и Гонтою, еслибы онъ существовалъ послѣ Коліивщины. Наконецъ въ третьихъ, пѣсня о Харкѣ, сложенная послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы сдѣлаться народною пѣсней въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Ее занесли туда Запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ *батькахъ*, какъ это видно изъ словъ Запорожскаго химородника, приведенныхъ въ разказѣ Семена Юрченка (1).

(1) См. выше, стр. 80.

Я думаю, немногіе изъ тѣхъ, кто самъ не пробоваль соби-
рать въ народѣ пѣсни и преданія, знаютъ, съ какими препятстві-
ями сопряжено это по-видимому не очень мудреное дѣло. Захо-
дите вы въ какую угодно хату и попросите спѣть самую общеиз-
вѣстную пѣсню, — вамъ будутъ отвѣчать: »Хибá ми п'яні, щобъ
співали?« или что-нибудь подобное. Нищій же пѣвецъ, встрѣчен-
ный на дорогѣ, попотчиваетъ поэтически настроеннаго путеше-
ственника семинарскими псалмами, или какою-нибудь »Чечоточ-
кою«; пѣсни *козацкія* и *невольницькія* онъ оставитъ для прія-
теля, а на распросы о старинѣ навѣрное будетъ отвѣчать: »Якъ
намъ, пане, тее знать, що діялось у старовину? ми люде недав-
ніі«. Но какимъ образомъ сблизиться съ каждымъ бродягою,
распѣвающимъ свои пѣсни на *пріспавъ* мужичьихъ хатъ, и съ
каждымъ сѣдоусымъ, недовѣрчивымъ старикомъ, который, можетъ
быть, въ молодости самъ былъ гайдамакою? Не каждый приметъ
за благо вашу чарку горилки, какъ Тарануха, не каждый пус-
тится тотъ-часъ въ раздобары о томъ, что не относится къ *дльу*.
Нужно имѣть въ запасѣ много времени, чтобы пріучить къ себѣ
простолюдина и ему понравиться. А между-тѣмъ почти всѣ мы,
антикваріи, этнографы и любители сельскихъ нравовъ, вырыва-
емся изъ городовъ на короткій срокъ; намъ некогда даже нады-
шаться воздухомъ полей, луговъ и лѣсовъ; безконечныя заботы
сложной цивилизованной жизни преслѣдуютъ насъ всюду и от-
влекаютъ отъ самыхъ пріятныхъ предприятий. Мы дѣлаемъ на лету
свои наблюденія, торопливо записываемъ пѣсни отъ старой ключ-
ницы въ родномъ домѣ, или думу случайно сблизившагося съ на-
ми нищаго пѣвца, и тѣмъ оканчиваемъ свою попытку къ этногра-
фическому изслѣдованію своей родины. Я самъ долженъ сознаться
со стыдомъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи только сотую часть
того, что имѣлъ бы возможность сдѣлать, еслибъ не гонялся за
разными, менѣе важными интересами жизни. Цѣлыхъ двѣнадцать
лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ собралъ я главную массу сво-
ихъ записокъ. Въ-теченіе этого долгаго періода человѣческой
жизни я былъ, волею и неволею, занятъ иного рода дѣлами и

только изрѣдка прибавлялъ что-нибудь къ своимъ этнографическимъ матеріаламъ. Но я надѣялся, что въ это время кто-нибудь изъ Малороссіянъ приготовить къ печати подобный трудъ, къ которому и я могъ бы примкнуть съ своимъ только лишь начатымъ сборникомъ. Ничего подобнаго однакожь между собирателями народныхъ преданій и повѣрій не случилось, или по крайней мѣрѣ до меня не дошелъ слухъ о такомъ трудѣ. Видя, какъ медленно идетъ разработка нашей этнографіи и надѣясь оживить своимъ примѣромъ другихъ, я рѣшился издать эти Записки, не держась въ нихъ никакого плана, ни системы, которые были бы возможны только при несравненно большемъ накопленіи матеріаловъ. Я включаю сюда все, что нахожу въ своихъ записныхъ книжкахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено туда, предоставляя каждому рыться въ моемъ несортированномъ скарбѣ и находить между множествомъ для него ненужнаго что-нибудь и пригодное, — подобно тому, какъ я рылся въ памяти стариковъ, старухъ, пахарей, чабановъ, старосвѣтскихъ, почти неграмотныхъ пановъ и престарѣлыхъ монаховъ.

На основаніи такого объясненія, я помѣщу здѣсь безъ связи нѣсколько выписокъ изъ книжки, которая была у меня въ рукахъ во время моихъ бесѣдъ съ Дмитромъ Погорѣлымъ.

1.

О БАЗИЛІЯНАХЪ. (*) -

Базиліане учать було по-Польскій, и которій хлопчикъ, абó дівочка скаже Бóже приказаніе, то стросціна (1) дасть пятака, грив-

(*) *Переводъ.* — Базиліане бывало учать народъ вѣрѣ по-Польски, и который мальчикъ, или дѣвочка, проговорить заповѣдь, тому жена ста-

(1) Жена старосты.

ню, або хрестикъ. Сказано — маніла. У одного хлопчика спитала: »На щод тебе Богъ создавъ?«

А вінъ каже: »Щобъ паящину робивъ.«

Тому дала срібного злотого.

2.

ТОРГОВЛЯ НЕВОЛЬНИЦАМИ НА ЗАПОРОЖЬІ. (*)

Тоді такъ було, що оцѣ підмовить дівку, завезе на Запорозжя, продасть, а самъ вернетця. Мині оди́нь признавався: »Я«, каже, »продавъ Варку, то й каюся, и не б́уду до віку женітьця.«

И не женився.

3.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ТАТАРЪ ПОСЛѢ НАБѢГА. (**)

....А той Артипармакъ такий бувъ, що водивъ Орду по всій Україні. То де позволено було ясиръ братъ, то й брали. Була тая

р́осты давала по пятаку, по гривнѣ, или по крестику. Извѣстное дѣло — заманивала. — У одного мальчика спросила: »На чтѣ тебя создалъ Богъ?« А онъ отвѣчалъ: »Работать на пановъ.« Такъ этому дала она серебряный злотый.

(*) Въ то время водилось такъ, что подобеть какой-нибудь повѣса дѣвущку, увезетъ на Запорожье, продасть (Татарамъ), а самъ воротит-ся доиой. Миѣ одинъ человекъ признавался: »Я«, говоритъ, »продалъ Варвару, и до сихъ поръ каюся, и ужъ никогда не женюсь.«

И не женился.

(**)... Тотъ Артипармакъ водилъ Орду по всей Українѣ, и гдѣ позволено было ей братъ плѣнныхъ, тамъ и брала она. Была та Орда въ

Ордá въ Кауустиннїи, и въ 'Іркахъ, и въ Калнїболотахъ. А тутъ народъ зійшовся зъ цїпами: »Ходїмо, виб'ємъ вражу Ордѹ, щобъ їй дїху не було!»

А Артипармакъ сказавъ: »Не займайте, бо пушки на васъ наведуть и всїхъ виб'ю, а Ордá zostанетця цїла.«

Та й повернѹвъ на Кривї Колїна, да тамъ ужé не знаю, де вінъ їй дївъ. Мабуть, де взявъ, тудї й вївївъ.

А въ насъ тогдї бувъ козакъ Кўзубъ. Той и каже: »Поїдемо, братці, за Ордю, чи не достанемо по червїнцю.«

Отъ мїй бáтько, да щé одїнъ чоловікъ, да той Кўзубъ сїли на коней та й поїхали. Приїхали въ 'Ірки, ажъ тїлько въ одній хатї три Татарюги сидять посередь хатї гóли и грїютця коло огня, бо се було въ-зїмку, и люлькї кўрять. Отъ наші їхъ побиввали та, не знайшовши при нихъ ничóго — бо сказано голóта — и повернѹли додóму. Коли жъ зустрічають ватагу козаківъ: тé-жъ їдуть на чáти.

»Здоровї, козакї!»

»Здоровї!» кажуть наші.

Капустной, и въ Іркахъ, и въ Кальнїболотахъ. Народъ собрался съ дѣлами: »Пойдемте, переб'ємъ вражью Орду, чтобъ и духу ея не осталось!» Но Артипармакъ сказалъ: »Не троньте, ато наведу на васъ пушки и всѣхъ перестрѣляю, а Орда останется цѣла.« И повернулъ на Кривыи Колѣна, и не знаю ужъ, гдѣ онъ тамъ ее дѣвалъ. Видно, откуда взялъ, туда и вывелъ.

А у насъ былъ тогда козакъ Кўзубъ. Онъ и говоритъ: »Поѣдемъ, братцы, въ погоню за Ордой, не добудемъ ли по червонцу.« Вотъ мой отецъ, да еще одїнъ человекъ, да тотъ Кўзубъ сѣли верхомъ и поїхали. Приїхали въ Ірки, смотрятъ — только въ одной хатѣ три Татарина сидятъ голые среди хаты, грѣются у огня — это было зимою — и курятъ трубки. Наши ихъ перебили и, не найдя при нихъ ничего — известно, голъ — воротились домой. Какъ встрѣчаютъ ватагу козакów: тоже їдутъ на поиски. »Здравствуйте, козакї!» — »Здравствуйте!» говорятъ наши. »А гдѣ вы были?» — »Да вотъ«, говорятъ, »їздали за

»А дè ви були?«

»Та оцè«, кáжуть, »іздили за Ордою.«

»А щò ви тамь бáчили?«

»Ничòго. Трохь гóлихь Татарь убили та й вернулись зь порóжними руками.«

»Дава́йте жь сюди, вражі сини, и своїхь ко́ней!«

Та й побрали вь нихь ко́ней. А вони сердéшнии мýсили йти додому пішки. То сміху, сміху опісля зь того було! Оттакь вою́й Орду! Дóвго сміялись, якь було зберу́тця у купанні.

4.

ПРЕДАНИЯ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ. (*)

Черезь Звенигородку течé невеличка рíчка *Погибна*. Та и ввесь байра́къ зовéтця Погибна. Колись тамь були великки лóзи. Оть Татарва́ якь набíгла, то кíлько чоловікь сховáлось та й сидять у тихь лóзахь. Коли́ жь дивлятця, ажь Татарю́га пійма́вь чоловіка та й веде́ черезь мíстокь. То вони́ й кáжуть: »Оть погибне чоловікь нí за соба́ку!«

Ордой.« — »Чтò жь вы тамь видѣли?« — »Ничего. Тройхь голыхь Татарь убили и воротились съ пустыми руками.« — »Подавайте жь намь, вражьи сыны, и своихь лошадей!« И забрали лошадей у нихь. А они бѣдняги принуждены были воротиться домой пѣшкомь. Такь ужь сколько было смѣху послѣ! Воть какь воюють съ Ордою! Долго смѣялись, какь соберутся бывало вь компаніи.

(*) *Переводъ.* — Черезь Звенигородку течетъ небольшая рѣчка *Погибна*. Да и весь оврагъ называется Погибною. Когда-то росли вь немь густыя лозы, и во время Татарскаго набѣга нѣсколько человѣкъ тамь спрятались. Смотрятъ — Татаринь поймалъ человѣка и ведетъ черезъ мостыкъ. Они и говорятъ: »Вотъ погибнетъ человѣкъ ни за собаку!« А

А оди́нь ка́же: »Побі́жу я ё́го оборо́ню; у мене́ ци́п є.«

Да зъ ци́помъ до то́го Тата́рина ви́скочивъ та и вби́въ Тата́рина, и чо́ловіка одня́въ.

То вже то́гді тії лю́де й ка́жуть: »Отъ же, якъ мавъ чо́ловік по́гибнути, то неха́й лу́чче рі́чка зо́ветця По́гибно́ю, щоби́ тутъ у́же ніко́ли лю́де не по́гиба́ли!«

А оцю́ді че́резъ го́ру єсть о́зеро *Топі́ло*. Тамъ хло́пець чи́що вто́пивсь, та й прозва́ли Топі́ломъ. А воно́ такъ, що якъ лі́то жарге́, то все й ви́сохне.

А за тією до́ліною, че́резъ стрі́лицю ⁽¹⁾—у́рочище *Коза́цький Ку́рні*. Якъ бу́ло ще тутъ ко́лись ста́рство, то бу́ло ста́ростянські́ коза́ки сте́режу́ть дубі́ни.

А ще єсть тутъ у Гудзі́вці моги́ла *Звени́городъ*. Бо́г її зна́є, чо́го вона́ такъ зо́ветця. Ті́лько ка́жуть, що Звени́городъ бу́въ ко́лись коза́чий го́родъ: одъ жа́дного дво́ра коза́к вихо́дивъ. И на са́мії отпії́ моги́лі су́дъ сто́явъ, бо го́родъ да́леко ро́сходився. А въ Гудзі́-

о́лий го́ворять: »По́бѣгу я оборо́ню его́; у мене́ ци́п єсть.« Ви́скочилъ є́сть ци́помъ къ Тата́рину и уби́въ Тата́рина, а чо́ловіка вы́ручилъ. То́гда тѣ лю́ди го́ворять: »Ви́место то́го, чо́тби́ чо́ловіку по́гибнути, пу́сть лу́чше рі́чка на́зывается По́гибно́ю, чо́тби́ у́ж ніко́гда въ не́й лю́ди не по́гибали!«

А зде́сь за го́рою єсть о́зеро *Топі́ло*. Тамъ ма́льчикъ, чо́-ли, уто́пъ, отъ-то́го и прозва́ли о́зеро Топі́ломъ. А оно́ въ жа́ркое ле́то вы́сыхаєтъ до дна́.

А за то́й до́линою, про́йдя ле́сокъ, — у́рочище *Коза́цький Ку́рні*. Ка́к бу́ло єще тутъ ко́гда-то ста́рство, то бу́вало ста́ростинські́ коза́ки сто́рожать дубо́вый ле́с.

А єсть єще тутъ въ Гудзі́евкѣ моги́ла *Звени́городъ*. Бо́г зна́єть, отъ-чо́го она́ такъ на́зывается. Го́ворять то́лько, чо́ Звени́городъ бу́лъ ко́гда-то коза́чий го́родъ: вся́кій дво́рь поста́вля́лъ коза́ка. И на са́мо́й это́й моги́лѣ сто́ялъ су́дъ: го́родъ да́леко раски́дыва́лся. А въ Гудзі́евкѣ

(1) Жи́дкий ле́сокъ.

івці живъ колісь чоловікъ Гудзь, то одъ ёго вже и вся слобода Гудзієвною прозв'ялась.

Ще *Шугайлова* могила есть. А назв'ялась вона Шугайловою ще тогді, якъ Україною князі правили (1). То було оцѣ якъ ст'ануть грянничитьця, то село на село йде. Той каже: »Сюді грянничя!« а той каже: »Сюді!« Такъ одинъ козакъ, Шугайло, вискочивъ конемъ на могилу, а ёго зъ того боку к'улею якъ дали, такъ вінъ зъ коня. Тамъ ёго й закопали, и могила зъ того часу якъ Шугайлова, то й Шугайлова.

А у са́мому гóроді, оцѣ са́ме, де городничий живѣ, зовѣтця *Натягайлівка*. Що було якъ б'ѣтця навкулачки парафія на парафію, то якъ доженуть до того мѣста, то вже дóбре за чуби натягають; отъ и Натягайлівка.

А де тепѣрь живѣ Головачѣвський, то зв'явся *Грецький Кутокъ*. Було якъ збираютця на грець, чи то, бачъ, навкулачки,

живъ когда-то человекъ Гудзь, такъ по немъ и вся слободка прозвалась Гудзиевкой.

Еще есть *Шугайлова* могила. А назвалась она Шугайловою еще тогда, когда Украиной управляли князья. Вотъ бывало какъ начнутъ спорить за границы, такъ село и идетъ на село. Одинъ говоритъ: »Тутъ граница!« а другой: »Тамъ!« Вотъ одинъ козакъ, Шугайло, взбѣжалъ верхомъ на могилу, а его какъ хватилъ пуля съ противной стороны, такъ онъ съ коня. Тамъ и погребли его, и могила съ того времени прозвана Шугайловой.

А въ самомъ городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ городничій, урочище *Натягайлівка*. Бывало, какъ выйдетъ одна парафія противъ другой на-кулачки, да какъ нагонять другъ друга на этомъ мѣстѣ, такъ ужъ за чубы порядкомъ натягають; вотъ и Натягайлівка.

А гдѣ теперъ живетъ Головачевскій, то мѣсто звалось *Грецькій Кутокъ*. Бывало, какъ соберутся на грець, то есть на-кулач-

(1) На вопросъ мой: »Якіі князі?« Дмитро отвѣчалъ: «Полякі».

то зійдуться на той кутіокъ саміі старіі та й розкладають раду, якъ зайти, чи зъ того, чи зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокахъ ити; и такъ собі тайно змовлятьца да вѣдѣть уже й пускають дѣвору, ажъ поки й до старихъ дїйде. Було оцѣ такій старій чоловікъ бѣде, якъ я, то бороду въ зѣби та й пішовъ гулять зъ кулаками; та часомъ старій бѣетца ще лѣтче молодого. Теперъ якъ гулять, то йдуть або на музики, або у шинкѣ, а тогдї — то все навкулачки. Оцѣ зострінутьца де-не-будь хлѣпці :

»Здоровъ, брате!«

»Здоровъ!«

»А давай навкулачки!«

»Давай!«

Той того въ груди, а той того. (¹)

А по сѣй бѣгъ Погїбноі — *Кучугурїжа*. Колись сѣе мїсто було зовсїмъ пустѣ. То якийся чоловікъ приишовъ, чи зъ Бердїчова, чи що, на слободу та й сївъ собі коло Погїбноі. Отѣ призивають єго панї: »Якъ тебѣ зовуть?«

ми, то самыя старыя бойцы сойдутся въ этомъ куткѣ и держатъ совѣтъ между собою, какъ заходить, съ той, или съ другой стороны, кому вперед, кому позади, кому по сторонамъ идти, и, условившись между собой, пускають сперва мальчишекъ въ драку, а потомъ доходитъ дѣло и до старшихъ. Бывало выйдетъ на-кулачки такой старикъ какъ я, — борода въ зубы и пошелъ гулять съ кулаками, и иной разъ старій деретца лучше молодого. Теперь собираются гулять туда, гдѣ музыка, или въ борчму, а тогда — все на-кулачки. Встрѣтятся гдѣ-нибудь мальчишки: »Здравствуй, братъ!« — »Здравствуй!« — »Давай на-кулачки! — Давай!« и тотъ-часъ одинъ другого въ грудь.

А по сю сторону Погїбноі — *Кучугуровка*. Мѣсто это было когда то совсѣмъ пусто; наконецъ приходитъ какой-то человекъ на слободу

(¹) Этимиъ поясняется примѣчаніе Архипа Оржицкаго на стр. 20.

»Олійникъ.«

»Ә, треба тобі друге прізвище дати, щобъ тебѣ твої панї звідти не взяли.« (1)

»Та я«, каже, »панове, на такихъ кучугурахъ сівъ, що ніхто не зайде, ні заїде«.

»Ну, будь же ти Кучугуромъ«.

»Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да опісля и весь той кутокъ назався Кучугурівкою.

А по той бікъ річки Звенигородки зовѣтця місто *Цяпівка*. Тодь була колись пустиня, а одинъ чоловікъ изъ жінкою прийшовъ на слободу жъ таки та й сівъ собі одинъ однимъ за річкою. Такъ було жінка ёго вийде въ-ранці та на курей: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люде зъ сего боку, сміютьця було та й прозвали того чоловіка Цяпомъ, а одъ Цяпа и весь кутокъ ставъ Цяпівка.

А ще, якъ їхати на Кальніболота, то, одъ горада верстовъ пять, стоить камень *Писанка*, що синї поставили колись надъ

изъ Бердичева, что ли, и поселяется возлѣ Погибной. Вотъ и призываютъ его къ себѣ паны: »Какъ тебя зовутъ?« — »Олійникъ.« — »Нѣтъ, надобно тебѣ дать другое прозвище, чтобъ твои господа не взяли тебя оттуда.« (1) — »Да вѣдь я«, говоритъ, »господа, поселился на такихъ *кучугурахъ* (2), что ко мнѣ нѣтъ никакого доступа.« — »Ну, будь же ты Кучугуромъ.« И пошелъ онъ называться Кучугуромъ, а потомъ и весь тутъ конецъ назвался Кучугуровкою.

А по ту сторону рѣчки Звенигородки зовется мѣсто *Цяпівка*. Тоже было когда-то пустошью, и пришелъ одинъ человекъ съ женой на слободу же и поселился особнякомъ за рѣчкою. Вотъ бывало жена его выйдетъ утромъ изъ хаты и зоветъ куръ: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люди съ этой стороны бывало смѣются и прозвали того человека Цяпомъ, отъ Цяпа и весь околотокъ началъ называться Цяпівкою.

А еще по дорогѣ въ Кальніболота, верстахъ въ пяти отъ города,

(1) Чтобы выразумѣть это мѣсто, надобно оглянуться на стр. 84 — 86.

(2) Мѣсто, гдѣ горы нагромождены кучами.

батькомъ. Писанка той бувъ родомъ изъ Стебного [дві версти одъ Звенигородки], старий, дідизний чоловікъ; и такой, кажутъ, бувъ козакъ, що нехай до ёго стреляе, то руку наставитъ да й кулі вертае назадъ. Якъ ще були козаки у старосцини Солтыковой, то вже було безъ ёго не пійдуть грянничитьця, бо не ихъ буде сила. А якъ же Писанка ё, то вже йдуть сміло. Такъ отъ надъ тимъ-то Писанкою и стоить той камінь Писанка.

Изучая воспоминанія нашихъ современниковъ о недавней старинѣ, мы получимъ возможность представить себѣ ясно положеніе дѣлъ въ эпохи отдаленнѣйшія, о которыхъ до насъ дошли только немногія лѣтописныя и архивныя извѣстія, въ смыслѣ живописи исторіи. Между положеніемъ Западной Украины въ концѣ прошлаго столѣтія и положеніемъ Украины Обѣихъ Сторонъ Днѣпра до возстанія Хмѣльницкаго существуетъ параллель, взаимно объясняющая обѣ одна отъ другой отдаленныя эпохи. Напримѣръ, изустныя разсказы о томъ, какъ въ-старину *граничилися* сосѣди помѣщики, или старосты (что въ этомъ случаѣ значило почти одно и то же) совпадаютъ съ документальными преданіями о пограничной войнѣ Адама Киселя съ Іеремією Вишневецкимъ. Документы объ этомъ у меня въ рукахъ, и я ихъ напечатая въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

стоитъ камень *Писанка*: когда-то сыновья поставили его надъ отцомъ. Писанка тотъ былъ родомъ изъ Стебного [въ двухъ верстахъ отъ Звенигородки], старий, дѣловскихъ временъ человекъ, и такой былъ козакъ, что ты стрѣлай въ него, а онъ руку подставитъ и возвращаетъ тебѣ пуля. Когда еще служили козаки у жены старосты, Солтыковой, то бывало безъ него никогда не выступять драться съ сосѣдями за границу: не на ихъ сторонѣ будетъ сила. А съ Писанкой идутъ смѣло. Такъ надъ тѣмъ-то Писанкой и стоитъ тотъ камень Писанка.

5.

ПОГРАНИЧНЫЯ СХВАТКИ ЖОЛНІРОВЪ СЪ КОЗАКАМИ. (*)

Есть десь річка Жовтєнька. То по одну сторону, на заходъ сонця, стояли жовніри, а протівъ сонця стояли Запорозці. **И**зійдутьца було въ шинкѣ на дешєву горілку. То жовніри, а то козаки; у ряду сидятъ собі. Та якъ напютьца горілки, то й заведутьца битьця за грانیцу, та часомъ которий которого й зарубає. А далі вже такъ завелись, що стали й дуже битьця, и проженуть бувало жовнірівъ ажъ геть за слободу, а въ слободі позабірають усє та й вернутця. То жовніри просили короля, щобъ поставлено імъ певну грانیцу. Отъ король и каже козакамъ: »Приженить тихъ жовнірівъ ажъ у Варшаву.« Отъ вони якъ пригнали, то король и каже отаману: »Чимъ тебє наградить? Отъ тобі награда: де побачишь Жїда, або багáтого мужика, то печи й дері.« Такъ оттогді-то бувъ Нечай и Хмельницький.

Отбросивши въ этомъ преданіи конецъ, въ которомъ грубїйшій смьслъ гайдамачества смѣшанъ съ неясными воспоминаніями

(*) *Переводъ.* — Есть гдѣ-то рѣчка Желтенькая (Желтые Воды). На западной сторонѣ стояли *жолнѣры* (Польскіе солдаты), а на восточной Запорожцы. Соберутся бывало въ кабакъ на дешєвую водку и сидятъ рядомъ; да напившись и начнутъ драться за границу и иногò на смерть изрубятъ. Наконецъ ужъ такъ раззадорились, что стали драться не на шутку, и прогоняютъ бывало козаки жолнѣровъ далеко за слободу, а слободу разграбятъ и воротятся. Такъ жолнѣры просили короля, чтобъ опредѣлил имъ точную границу. Тогда король и говоритъ козакамъ: »Гоните жолнѣровъ въ самую Варшаву«, и когда козаки ихъ пригнали, то король и говоритъ отаману: »Чѣмъ тебя наградить? Вотъ тебѣ награда: гдѣ увидишь Жїда, или богатаго мужика, жарь его и грабь.« И вотъ тогда-то были Нечай и Хмѣльницькій.

о Хмільницькомъ, обращу опять вниманіе читателя на параллель между концомъ и началомъ козачества, которая въ немъ высказывается. *Дикое Поле* было ареною борьбы между злоупотребленіями пановъ и реакціею козачества, стоявшаго за равновѣсіе сословія. Чтò разказано здѣсь Дмитромъ Погорѣлымъ въ сбивчивыхъ припоминаньяхъ слышаннаго, то въ думѣ о Ганжѣ Андыбѣрѣ⁽¹⁾ облечено въ поэтическія краски; но объ повѣсти, по характеру событій, могли бы имѣть мѣсто какъ во времена Наливайка, такъ и во времена Зализняка.

Отъ пребыванія моего въ Звенигородкѣ въ записной моей книжкѣ остались еще два разказа очевидца о Запорожцахъ, съ помѣткою: »Пасичникъ изъ Кременчуга.« Теперь уже я не могу припомнить, какъ я встрѣтился съ этимъ пасичникомъ; но разказы его не нуждаются въ характеристикѣ разказчика.

1.

ЗАПОРОЖЦЫ НА СВОИХЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ. (*)

Я служивъ два годѣ у Бериславі, а тамъ недалѣко рыбні заводи Запорозькі. То було якъ прийдешъ у заводъ, то вони тебе не стануть питать, щò ти за чоловікъ, а заразъ: »Дайте лишъ козаку попоісти, та й горілки чарку піднесіть, бо вінъ, може, здалека йде, то втомивсь.«

(*) *Переводъ.* — Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда недалеко были Запорожскіе рыбные заводы. Бывало, какъ придеши на заводъ, то Запорожцы не спрашиваютъ, что ты за человекъ, а тотчасъ: «Дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ.» А когда поѣшь, то еще ложись

(1) См. ниже.

Отъ якъ наісісь, то ще ляжъ одпочынь, да тогді вже питають: »Хто ти такий? Може, робіти шукаєшь?»

Отъ и скажешъ: »Шукаю.«

»Такъ и въ насъ е робота; приставай!»

То и пристанешъ, и часомъ за місяць рублівъ двадцять заробишь.

А народъ бувъ усё роскошный. Шии такі, що хочъ обідде гни. Уже вони до себе якого-небудь не приймуть. А ўси довгі, що ажъ за ўши позакладують. У неділю було зберўтця гулять; то багатіи осбо, а вбогіи осбо. Багатіи и шатеръ собі напнўть и справляють балъ: горілку пьють, у карти, а найбільше въ шашки, грають. На кобзі було лірникъ імъ грае, підобгавши ноги, а вони танцюють. Пійде було навприсядки, то геть обійде — чортъ знае де. То вже народъ, муштрований бувъ! Абó колесомъ пійде... то чортъ ёго знае, якъ вінъ тамъ котитця: зовсімъ якъ колесо! (1)

отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: »Кто ты таковъ? Не ищешь ли работы?» Ну, скажешь имъ: »Ищу.« — »Такъ и у насъ есть работа; приставай къ намъ.« Пристанешь бывало на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцать заработаешь.

Народъ былъ, эти Запорожцы, дородный. Шеи у нихъ — хоть ободье гни. Уже они въ свое общество какую-нибудь дрянь не примутъ. А усы такіе длинные, что за уши закладывались. Въ воскресенье соберутся бывало гулять: богатые особо, а бѣдные особо. Богатые разобьютъ палатку и дѣлаютъ балъ: водку пьютъ, играютъ въ карты, а всего больше въ шашки. Кобзарь бывало играетъ имъ на кобзѣ, поджавши подъ себя ноги, а они танцуютъ. Пустится бывало въ-присядку, то далеко, чортъ знаетъ какъ далеко, обойдетъ кругъ. Тò ужъ народъ былъ ученый! Или какъ пойдетъ колесомъ кататься... то чортъ его знаетъ, какъ онъ катится: ну, колесо да и только! (1)

(1) То, что рассказывается здѣсь объ отособленіи богатыхъ и убогихъ, воспѣто въ пѣснѣ, напечатанной въ сборникѣ г. Метлинскаго, на стр. 449.

Тёмна хмара наступає, ставъ дѣдицькы птти,
Благослові, отамане, намѣть напасті!

2.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЦЕЛОМУДРІЕ. (*)

Росказувала одна старá баба, що, каже, якъ була я дівкою, то, каже, Запорожець ставъ зо мною жартувать. А другій стоить да й каже: »Вражий сїну! на що ти зъ дівкою жартуєшь? хибá тобі нема молодїці?»

»Я«, каже, »тїлько такъ.«

Да вїнявъ зъ кишєні таку хорóшу шовкову хустку! да й каже: »На жъ тобі, бїсова дівко, носи. Се тобі за тє, що съ тобою пожартовавъ.«

(*) *Переводъ.* — Рассказывала одна старуха, что когда я, говорить, была дѣвучкою, то Запорожець началъ заигрывать со мною. А другой стоитъ и говоритъ: »Вражій сынъ! зачѣмъ ты съ дѣвучкою шалишь? развѣ мало тебѣ молодїцъ?» — »Я«, говоритъ, »только такъ.« Потомъ вынулъ изъ кармана такой славный шелковый платокъ! и говоритъ: »Возьми, чортова дѣвка, и носи. Это я за то тебѣ даю, что пошалилъ съ тобой немножко.«

Ой напаялі козачєньки червонїи намєть.
Беруть вони вино, пиво и солодкий медь.
Усі павї, усі дукї въ намєту сїли,
Наше браття сїромáшпшя та й не посміли,
Взялі кварту мєду зъ жарту, на доцї сїли.
Иде козáцький отамáнъ, стáло єму жáль;
Взявъ изъ сєбе голубїй жупáнъ, намъ намєть напьявъ —
Иде багáчъ, та йде дукáчъ, пьянъ валєтця,
Зъ козáцького отамáна насмїхáетця:
-За що тáя голотонька напьявєтця!- (Тутъ пропускъ.)
Одинъ ведє за чупрїну, другїй дýла бьє;
-Не йди туди, вражий сїну, де голота пье!-

А вже въ їхъ такъ (рассказывалъ мнѣ *Климе Биликѣ* въ Кумєйкахъ), що якъ садовїшъ, то садовї багáтого и вбóтого; а якъ же нї, то й хазїїна по грý-ляхъ: -Мáтерї твоїй бїсь! багáтого, такъ и трактуюєшь, а менє, такъ и нї!

Такъ какъ я, по поводу исторіи сотника Харка, розказаль уже о своемъ знакомствѣ съ древнимъ человекѣмъ мѣстечка Смилой, Кондратомъ Таранухою, то, чтобъ не возвращаться къ нему послѣ, завернемъ въ его низенькую хату и послушаемъ его разказовъ.

1.

ЛЕГЕНДА О БОГДАНѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ. (*)

Хмельницький первый піднявъ гайдамакъ. Написавъ такий листъ, що: »Гей! хто до мене пристаєне?« та й назбиравъ козаківъ. Якъ назбиравъ, то й почали різати Ляхівъ и Жидову. А якъ побачить було хорошу пані, або Жидівку, то змілується та й перехрестить у свою віру. И панівъ перехрещувавъ... Отъ, якъ ставъ воєватъ, якъ ставъ воєватъ, то повоєвавъ Ляхівъ ажъ по Случъ; одіславъ військо додому, а надъ Случчу поставивъ вітряніи барабани. Що подме вітеръ, то Ляхи думаютъ, що у козацькому війську въ труби грають, да й бояться йти за Случъ. А Хмельницький тимъ часомъ бачить, що багачко ліха наробивъ, та взявъ да й ползъ до короля прохати милости. А король нарядивъ одинадцять катівъ у королівське платте, а самъ дванадцятий

(*) *Переводъ.* — Хмельницький первый поднялъ гайдамакъ. Написалъ онъ такую бумагу, въ которой сказано: »Эй, ко мнѣ, молодцы!« и собралъ вокругъ себя козаковъ. Собралъ — и давай съ ними рѣзать Ляховъ и Жидовъ. Но когда увидитъ бывало красивую пани, или Жидовку, то умилосердится и перекреститъ въ свою вѣру. И пановъ перекрещивалъ.... Вотъ, какъ принялся воевать, то завоевалъ у Ляховъ землю по самую Случъ; потомъ отослалъ войско домой, а надъ Случью поставилъ вѣтряные барабаны. Вѣтеръ подуетъ, а Ляхи думаютъ, что въ козацкомъ войскѣ играютъ въ трубы, и боятся идти за Случъ. А Хмельницький между тѣмъ увидѣлъ, что надѣлалъ бѣды, и ползъ къ королю просить милости. Вотъ король нарядилъ одинадцать палачей въ

ставъ. Якъ прилізе Хмельницький до яко́го кáта, зáразъ ёму́ го́лову одтя́ть. Отъ же Хмельницький не полізъ и до одного́ кáта, да прýмо до короля́. Прилізъ до ёго́ рáчки и впáвъ у но́ги. То король́ підня́въ ёго́ за го́лову та й сказа́въ: »Ой ти, сваво́льнику! бага́цько ти невиннихъ ду́ш занапастивъ!«

2.

ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛІІ. (*)

Мазéпа боявся Палі́я, щобъ вінъ ёго́ не звоёва́въ, та взявъ ёго́ да й заму́ровавъ у стовб́ъ у такий, що тілько ма́леньке вікóнце, а то ввесь заму́рований; и якъ хто пода́сть у те вікóнце шма́токъ хлѣ́ба, то тілько вінъ и живъ. Отъ, заму́ровавши Палі́я, и ставъ Мазéпа воёва́ть зъ Царёмъ. А тогді́ ще Моско́вської землі́ бувъ тілько оди́нь рука́въ та й го́ді. А се вже тепе́рь такъ Госуда́рь розжи́вся: давъ Госпо́дь милосе́рдний, що позавоё́вувавъ со́бі и горо́дівъ, и зе́мель. А тогді́ Моско́вської землі́ бу́ло тілько такъ,

королевское платье, а самъ сталъ между ними двѣнадцаты́й, и велѣ́лъ — лишь только Хмѣльницкій прилѣ́зеть къ которому-нибудь пала́чу, тотъ-часъ отсе́чь ему́ голову. Но Хмѣльницкій не полѣ́зъ ни къ одному пала́чу, а прýмо къ королю́. Прилѣ́зъ къ нему́ на черверенькахъ и упалъ къ ногамъ. Тогда́ король́ подня́лъ его́ за го́лову и сказа́лъ: »Ахъ, ты, сваво́льникъ! много ты невинныхъ ду́ш погуби́лъ!«

(*) *Переводъ.* — Мазепа боялся Пали́я, чтобъ онъ его́ не побѣди́лъ, и заложилъ его́ въ каменномъ столбу́, въ которомъ было́ только ма́ленькое окошечко. Кто-нибудь пода́стъ кусо́къ хлѣ́ба въ окошко́ — тѣмъ только и пита́лся Пали́й. Засадивши Пали́я въ столб́ъ, нача́лъ Мазепа воёва́ть съ Царёмъ. А въ то время́ Московско́й земли́ былъ только оди́нь рука́въ. Это́ ужъ тепе́рь такъ Госуда́рь разжи́лся: помо́гъ Ему́ Госпо́дь милосе́рдный завоёва́ть горо́довъ и зе́мель. А тогда́ Московско́й земли́ бы-

якъ на рукавъ. Отъ зовсімъ ужé Мазéпа одолíвае Царя. А Царь якъ дочúвсь, що въ такíмъ и такíмъ мíстечку замурóванъ у стовбъ Палiй, заразъ, послáвть такíхъ, що розруiновáли геть чiсто той стовбъ. Отъ, якъ випустили Палiя, то вiнь ажъ тремтiть увесь, такъ ослабъ. То Царь мусивъ прохáти у Мазéпи на дванадцять день згóди, поки одхáявть Палiя. А якъ одхáявть, то Палiй сiвъ на коня да обiхавъ кругóмъ Мазéпине вiйсько, да якъ поставивъ оттáкъ⁽¹⁾ рáтище, то iмъ здалось, що то лiсь стоiть. Отъ вони и почали iхати черезъ той лiсь, схиляючись; а Палiєви козаки давай рубáть iмъ гóлови. А Мазéпа постерiгъ, що лихо, да якъ ударить у тарабáни: »Гей, братцi, втiкайте, бо ще старiй собáка живъ!«

Здéсь кстати привести другуу легенду о тiхъ же лицахъ, записанную мною со словъ П. Е. Чуйкевича, который слышалъ ее отъ чабана близъ Новой Басани, Переяславскаго уезда Полтавской губернии. Въ ней фантастическiй элементъ преобладаетъ надъ историческимъ еще въ сильнiйшей степени, и самыя имена переименены. Семень Палiй обращенъ въ Степана Плаху, а Мазéпа

ло не больше, какъ рукавъ. Вотъ Мазéпа совсiмъ одолъваетъ Царя. А Царь услышалъ, что въ такомъ—то мiстечкi заложень въ столбъ Палiй, и тотъ-часъ послалъ разорить тотъ столбъ дочиста. Какъ выпустили Палiя, то онъ весь дрожить, такъ ослабъ. Поэтому Царь принужденъ былъ просить у Мазéпы на двiнадцать дней перемирия, пока Палiй не оправился. А лишь только оправился, — сiлъ на коня, обiхалъ кругомъ Мазéпино войско и какъ поставилъ вотъ этакъ⁽¹⁾ коiбе, то iмъ показалось, что то лiсь стоiть. Вотъ и iдутъ они черезъ тотъ лiсь наклоняясь, а Палiєвы козаки давай рубить iмъ головы. Спохватился Мазéпа, что бiда, и ударилъ въ барабаны: »Эй, братцы, уходите: еще старiй песъ живъ!«

(1) Тутъ Таранúха протянулъ рúку такъ, какъ будто держалъ отвiсно, упертiй въ землю, копые.

является крестнымъ сыномъ царя Петра, Мазепенкомъ. Между г. Чуйкевичемъ и чабаномъ завязался какъ-то разговоръ о старинѣ, и молодой путешественникъ хотѣлъ прислужиться старому пастуху своими книжными свѣдѣніями. Но старикъ не повѣрилъ, чтобъ исторія Мазепы и Палія совершилась такъ просто и попотчивалъ его произведеніемъ народной фантазіи, которому не достаетъ только стихотворной формы, чтобы быть эпосомъ.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ. (*)

У Мазепи родився синь. Царь Петро́ бувъ кумомъ. Отъ, якъ ужé були на підпйтку, то Петро́ и призвавъ до себе козака Степана Пла́ху. [А той Степанъ Пла́ха такий бувъ чоловікъ, що знавъ усé, що́ буде наперéдь за сто лѣтъ.]

»Скажи« , ка́же, »Степа́не Пла́хо, що́ зо мно́ю буде?«

»А о́тъ що́ зъ тобо́ю бу́де, Ца́рю« , ка́же Пла́ха: »черезъ три́дцять рікъ тво́й хри́щени́къ во́вѣати́ме на те́бе.«

»Бре́шешъ, Степа́не!« ка́же Петро́: »чи мо́жна, що́бъ мо́є дѣтя́ підняло́ на мене́ ру́ки?«

Да й звелі́въ забі́тъ Пла́ху въ кайдани́ и посади́тъ у темни́цу, — не да́ють ё́му́ ні пи́ти, ні їсти, , тілько́ ріжо́къ зъ тоба́кою по́ложити́ біля ё́го.

(*) *Переводъ.* — У Мазепы родился сынъ. Царь Петръ былъ кумомъ. Вотъ, когда ужъ подгуляли, Петръ и призвалъ къ себѣ козака Степана Плаху. [А Степанъ Плаха былъ такой человекъ, что зналъ все, что будетъ за сто лѣтъ впередъ]. »Скажи«, говоритъ, »Степанъ Плаха, что со мною будетъ?« — »Вотъ что съ тобою будетъ, Царь«, говоритъ Плаха: »черезъ тридцать лѣтъ твой крестникъ будетъ воевать противъ тебя.« — »Лжешь, Степанъ!« говоритъ Петръ: »можно ли, чтобъ мое дитя подняло на меня руки?« И велѣлъ забить Плаху въ колодеи, посадить въ темницу и не давать ему ни пить, ни ѣсть, только положить возлѣ него рожокъ съ табакомъ. »Вотъ«, говоритъ, »тебѣ,

»Отъ же«, каже, »тобі, Степане, рижокъ табаки. Коли твоя правда, то ти въ темницѣ будешь жить тридцать лѣтъ одною табакою; а коли брехня, то згинешь.«

Посадивъ та й байдуже опісля на того Плаху.

А Мазепенко тимъ часомъ ростѣ, и, скоро сповнилось ему тридцать лѣтъ, заразъ зібравъ свою ватагу — гайда въ степь! да й забушовавъ. »Гей«, каже, »Царю! давай на погулянье!«

Петро жажнувся: знавъ, що ніякою силою не одоліе. Мазепенко бо сей такой бувъ ломуся, що поставивъ пушку на долоні та якъ стрѣливъ изъ Быкова, то досягъ ажъ у Остеръ и разбивъ у Острі церкву. И досі стоить та церква розбита.

Узялі Царя Петра думки та гадки; сумѣе на столиці, не може жадной ради приложити. Коли жъ де взявся старій салдатъ: »А що«, каже, »Царю! бачъ теперъ, що правду казавъ Степанъ Плаха?«

»Який Степанъ Плаха?«

»А забувъ христини въ Мазепи? Тамъ Степанъ Плаха тобі

Степанъ, рожокъ табаку. Коли твоя правда, то ты будешь жить въ темницѣ тридцать лѣтъ однимъ табакомъ; а коли ложь, то погибнешь.« Посадилъ и позабылъ о Плахѣ.

Между тѣмъ Мазепенко (сынъ Мазепы) растетъ и лишь только исполнилось ему тридцать лѣтъ, тотъ-часъ собралъ свою ватагу — гайда въ степь! и забушеваль: »Эй«, говорить, »Царь! выѣзжай на погулянье!« Петръ ужаснулся; зналъ, что никакою силою не одолѣетъ его. Этотъ Мазепенко былъ такой громадина, что поставилъ пушку на ладони да какъ выстрѣлилъ изъ Быкова, то достигнулъ до самого Остра и разбилъ въ Острѣ церковь. И до сихъ поръ стоитъ въ Острѣ разбитая церковь. Приздумался Петръ, горюетъ, сидя въ столицѣ, не можетъ ничего придумать. Какъ откуда ни возьмись старій солдатъ: »А что, Царь«, говорить онъ, »теперь видишь, что Степанъ Плаха говорилъ правду!« — »Какой Степанъ Плаха? — »А развѣ ты позабылъ крестины у Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха сказалъ тебѣ, точно въ глазъ попасть, что

сказавъ, якъ у око вліпивъ, що твої хрищеніхъ черезъ тридцять лѣтъ воєватиме на тебе.»

То Петро ажъ за голову захопивъ: »Заразъ, заразъ випустить ёго зъ темниці!«

Пришли до Степана царські слуги, та якъ глянули на ёго, то ажъ за сѣрце їхъ заколупило. На томү Степану Плаці вже тільки кожа да кости; увесь ажъ мохомъ обривъ, и борода до пояса. Біля ёго рожокъ, тільки въ рижку вже пусто. Якъ-би ще двѣмъ, або двомъ опізнився Петро, то тільки бъ и бачили Степана Плаху.

Отто заразъ розбили на ёмү кайдани, понесли на носилкахъ до Петра, бо куди вже самому ёмү йти! Принесли до Царя, то Царь ажъ слізми вмився. »Прости«, каже, »менѣ, Степане, за твою обиду! Пришлось и мині теперъ круто: Мазепенко гасає по степу та кличе на погулянье.«

То Плаха тогді: »Не журись, Царю; визволю тебе зъ біді, дай тільки мині вигулятьця на волі.

Отъ и пішовъ гулять. Пъє день, пъє другий, пъє третій; и якъ вигулявся, то берѣ зъ собою одинадцять козаківъ, а самъ два-

твой крестникъ черезъ тридцать лѣтъ будетъ воевать противъ тебя.» Тогда Петръ схватился за голову: »Тотъ-часъ, тотъ-часъ выпустить его изъ темницы!«

Пришли къ Степану царскіе слуги, взглянули на него, — у нихъ и сердце заболѣло.

На Степанѣ Плахѣ уже только кожа да кости; весь онъ обросъ мохомъ, и борода до пояса. Возлѣ него рожокъ, только въ рожкѣ ужъ пусто. Еслибъ еще днемъ, или двумя опоздалъ Петръ, то не застали бы въ живыхъ Степана Плахи. Тотъ-часъ разбили на немъ колодки и понесли на носилкахъ къ Петру — куда ужъ ему самому идти! Принесли къ Царю — Царь слезами облился. »Прости меня«, говоритъ, »Степанъ, за твою обиду. Пришлось и мнѣ теперь плохо: »Мазепенко развѣзжаетъ во степи и зоветъ на погулянье.« Тогда Плаха: »Не горюй, Царь, выручу я тебя изъ бѣды, дай только мнѣ оправиться на волѣ.« Вотъ и пошелъ гулять. Пьетъ одинъ день, пьетъ другой, пьетъ третій; и когда

надцятий, та й гайда въ степь. Скоро забачивъ Мазепенкову ватагу, заразъ узавъ та й обѣхавъ її кругомъ. Якъ обѣхавъ, то козаки Мазепенкови мовъ подуріли и стали оди́нь одно́го коло́ть да рубать. А Мазепенко навтікача; а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ. Скоро настигъ, заразъ ёго и проколовъ списомъ. Тільки то бісова тварь! Изожравъ оди́нь списъ, изожравъ дру́гий, изожравъ тре́тій, и такъ усі одина́дцять списівъ поівъ; та вже якъ ударивъ ёго Плаха своїмъ двана́дцятимъ, тогді вже ёму й капуть. А побітімъ узавъ Степанъ Плаха Мазепенка, спаливъ та й попелъ по степу розвіявъ.

Отъ за того-то вражого Мазепенка розгнівався дуже Царь Петро́ на Україну. Заразъ шле указъ, щобъ рубали въ пень увесь наро́дь.

Уже й шаблі повийма́ли, щобъ рубать. А тутъ усюди въ тру́би та въ жоломійки смутно та жалібно вигравяють, а по церква́хъ молебні праялять, щобъ одверну́въ Госпо́дь гнівъ царський.

Ажъ ось шле Петро́ дру́гий указъ: веліть всімъ го́лови здіи́ма́ть.

оправился, беретъ съ собой одина́дцать козако́въ, а самъ садится на коня двѣнадцатый, и гайда въ степь! Лишь только увидѣлъ Мазепенкину ватагу, тотъ-часъ и обѣхалъ ее кругомъ. Обѣхалъ—тогда Мазепенкины козаки словно обезумѣли и стали оди́нь друго́го коло́ть да рубить. Мазепенко — бѣжать, а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ, и лишь только настигнулъ, тотъ-часъ и прокололъ его копьёмъ. Да то была бѣсова тварь! Проглотилъ одно копьё, проглотилъ другое, проглотилъ третье, и такъ всё одина́дцать копій переѣлъ; но какъ ударилъ его Плаха своимъ двѣнадцатымъ, тогда ужъ ему и конецъ. А потомъ взялъ Степанъ Плаха Мазепенка, сжегъ и пепелъ развіялъ по вѣтру.

За того-то окаяннаго Мазепенка разгнівався крѣпко Царь Петро́ на Україну. Тотъ-часъ посылаеть указъ, чтобъ рубили до остатку весь наро́дь. Уже и сабли вынули, чтобъ рубить. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церква́хъ молебны служатъ, чтобъ отвратилъ Госпо́дь гнівъ царскій. Какъ воть, посылаеть

То вже й шаблі поодпускали, та ще такі голівъ не здіймають. А тутъ усюди въ трюби та въ жоломійки смутно та жалібно играють, а по церквахъ молібні правлять, щобъ помилувавъ Господь невинні дүши.

Коли жъ шле Петро третій указъ: прощає весь народъ. Тоді вже усюди скоки та музика. Звеселівся весь людъ Христіянський.

Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, уклоняясь отъ точныхъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менѣ интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другого, мы не проникнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи и, изображая событія народной жизни, будемъ, такъ сказать, скользить по поверхности. Каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторією Южно-Русскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣ противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ ⁽¹⁾ и историковъ. Народъ какъ-будто стоить въ сторонѣ и смотритъ на свою исторію (или на то, что называютъ его исторією), какъ на что-то внѣ его происходящее. Душа его всегда остается спокойною, о чемъ

Петръ другой указъ: велитъ всѣмъ головы снимать. Уже и сабли отпустили, но всё еще не снимаютъ головъ. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служать, чтобъ Господь помилувавъ невинныя души. Наконецъ посылаетъ Петръ третій указъ: прощаетъ весь народъ. Тогда ужъ всюду танцы да музыка. Возрадовался весь людъ Христіянський.

(1) Не такихъ, разумѣется, какъ Самовидецъ, этотъ Несторъ Малороссійской исторіи.

бы ни рассказывалъ онъ въ своихъ преданіяхъ. Вы не замѣтите въ немъ ни тѣни политическихъ страстей, волновавшихъ такъ долго Малороссію. Онъ даже не сохранилъ чувства, которое можно бы назвать героическимъ. Онъ простодушно славить сильнаго, онъ смиренно клонитъ голову передъ всякою бурей въ родѣ той, какую воздвигла его фантазія въ легендѣ чабана о Мазепѣ и Паліи, и чаеъ своего спасенія отъ Бога, а не отъ людей. Какъ все это произошло въ немъ? Ужъ конечно не отъ упадка моральныхъ силъ, ибо самыя сказанія и пѣсни его о самомъ себѣ исполнены поэтической свѣжести, показывающей, что это племя находится еще въ періодѣ возможности высокаго нравственнаго развитія. Состарѣлости въ немъ вовсе незамѣтно. Откуда же на почвѣ, сплошь напоенной кровью, усѣянной костями, стрѣлами и «переколотыми шаблюками», явилось племя такъ глубоко спокойное, хотя въ то же время оживленное неослабнымъ стремленіемъ къ лирическому выраженію своего настоящаго и эпическому — былого? Подобные вопросы неизбежно должны возникнуть въ умѣ этнографа въ-слѣдствіе изученія изустной словесности Малороссійскаго народа, а возникнувъ, они поведутъ его къ новому пересмотру всего, что ни происходило въ Малороссіи. Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало-помалу разложимъ массу Южно-Русской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ его прошедшемъ, въ связи съ жизнью политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе или менѣе замѣтное вліяніе.

Есть у меня еще одна легенда о Мазепѣ и Паліи, записанная въ селѣ Кумейкахъ, между Каневомъ и Черкасами, отъ глубокаго старика, *Клима Білика*. Въ ней Царь Петръ омалороссія-

всѣмъ народнымъ воображеніемъ еще болѣе, нежели въ двухъ пер-
выхъ, и ни одной чертой не отчужденъ отъ родныхъ героевъ.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛИИ. (*)

Бувъ-то такой Мазѣпа, такой-то гетьманъ, що и Царь ёго
батюшкою звавъ. А Кочубѣй да Искра довідались, що вінъ хоче
зъ Шведомъ бити на восточного Царя, та и пішли до Царя до во-
сточного: »Эй«, кажутъ, »Царю восточный! хоче Мазѣпа на тебѣ
битъ.«

А Царь не понявъ віри. »Чи можна«, каже, »щобъ вінъ на
менѣ бивъ?«

Отъ же и въ пісні співають:

»А Царь«, каже, »віри не понявъ
Та назадъ ихъ одіславъ.« (1)

Тількі що вони одішли, ажъ біжить гонецъ до Царя: »Стано-
випця«, каже, «на баталію, ато Мазѣпа битиме на васъ!»

(*) *Переводъ.* — Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и Царь
называлъ батюшкой. А Кочубей съ Искрой узнали, что онъ хочетъ вое-
вать съ Шведомъ противъ восточнаго Царя и пошли къ Царю восточному:
»Гой ты, Царь восточный!« говорятъ они, »хочетъ Мазепа воевать про-
тивъ тебя.« Но царь имъ не повѣрилъ. »Можно ли«, говоритъ, »чтобъ
онъ противъ меня воевалъ?« Поэтому и въ пѣснѣ поютъ:

А Царь віри не понявъ
Та назадъ ихъ одіславъ. (1)

Только-что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ Царю: »Готовь-
тесь къ битвѣ«, говоритъ: »Мазепа на васъ ударитъ!« Царь изумился:

(1) Пѣсня эта напечатана во второмъ сборникѣ г. Максимовича, 1834 года,
стр. 110 — 111.

То Царь тоді зумівся. »Біжи жь«, каже, »чи не наженешг їхъ! біжи якъ можна, щобъ вінъ їхъ не потративъ!«

Коли жь приближить, ажъ імъ уже й голови одтіто.

Отó, якъ ставъ битъ Мазéпа на Царя, то Богъ знае, що й робить. Ажъ на розділь на церкву постягувавъ у Бату́рині пушки да бивъ. Такъ избивъ, що вже — каже козацьк⁽¹⁾ — такъ наше військо завертілося, що пропадать да й тільки!

Царь бідкаеця. »Чи нема«, каже, »въ нашому царстві такого чоловіка, щобъ знавъ, якъ одолить Мазéпу? Нехайъ обзиваетця«, каже, »бўду жаловать ёго.«

А одинъ старій Запоро́жець осміливсь та й каже: »Пійду я до Царя та й скажу, що у насъ ёсть такий, Палій Семёнъ.«

[А первый Императоръ такий жорстокий бувъ, що тільки збрешй, то й голову зніме.]

Та й пішовъ.

»А чогó ти«, каже, »коза́че, прийшовъ?«

»Прийшовъ«, каже, »я, Царю, порадить тебé, що ёсть у насъ такий чоловікъ, Семёнъ Палій. Вінъ одоле Мазéпу.«

»Скачи«, говорить, »вслѣдъ за ними! спѣши какъ только можно, ато онъ ихъ погубить!« Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы отсѣкли.

Вотъ, какъ началъ Мазéпа воевать противъ Царя, то Богъ знаетъ что и дѣлать. Въ Бату́ринѣ всталицъ онъ пушки на самый *раздѣль* на церковь и всё стрѣляетъ. Такъ избилъ, что — говоритъ козацьк⁽¹⁾ — наше войско совсѣмъ завертѣлось; погибать да и только. Царь безпокоится. »Нѣтъ ли«, говоритъ, »въ нашемъ царствѣ такого человѣка, который бы зналъ, какъ одолѣтъ Мазéпу? Пусть обозвется«, говоритъ, »я его пожалую.« Тогда одинъ старій Запоро́жець осмѣлился и говорить: »Пойду я къ Царю и скажу, что есть у насъ такой человѣкъ — Палій Семёнъ.« [А первый Императоръ былъ такой строгій, что только солги, то и голову сниметь.] И пошелъ. »А зачѣмъ ты, козацьк, пришелъ?« говоритъ Царь. — »Пришелъ я, Царь, посовѣтовать тебѣ, что

(1) Отъ котораго слышалъ это преданіе розскацикъ.

А Царь каже: »Нема Палія, страчений.«

»Ни, Царю, живъ, тилько на Сибѣрі.«

Отгѣ послали по ёго пошту такѣ огненну, що й птиця не злетѣть. Примчали до Царя: »Эй«, каже, »Палію, Палію Семѣне! отъ царство втраѣтимъ!«

А вінъ каже: »Не бійсь, коли я заду, то ще бѣде по-нашому.«

Отѣ заразъ ёму істи.

»Ні«, каже, »нехай задзвонять до слѣжки Божіі« (1)

»Теперъ«, каже, »давайѣ мині коня!«

Пішовъ до стані, такъ не доберѣ собі коня. Струснѣ за гриву, то такъ и впадѣ. »Ні«, каже, »Царю, нема въ тебѣ такогѣ коня.«

А Царь розгнѣвавсь: »Якъ-то нема? я Царь, та нема въ менѣ коня для тебѣ?«

у насъ есть такой человекъ — Семенъ Палій. Онъ одолѣетъ Мазепу.«
А Царь говоритъ: »Палія нѣтъ ужъ на свѣтѣ.« — »Нѣтъ, Царь, онъ живъ, только въ Сибири.«

Вотъ послали за нимъ огненную *почту*, быстрѣе птицы. Примчали Палія къ Царю: »Эй, Палій Семенъ!« говоритъ Царь, »вотъ потеряемъ царство!« А онъ говоритъ: »Не бойся, какъ *зальду*, то еще будетъ по нашему.« Тотъ-часъ дали ему поѣсть. »Нѣтъ«, говоритъ онъ, »пускай сперва благовѣстятъ къ Божіей службѣ.« (1)

»Теперъ«, говоритъ, »давайте мнѣ коня!« Пошелъ въ конюшню — не можетъ найти по себѣ коня. Встряхнетъ за гриву — конь такъ и повалится. »Нѣтъ«, говоритъ, »у тебя, Царь, нѣтъ по мнѣ коня.« Царь разсердился: »Какъ нѣтъ? я Царь, и у меня нѣтъ для тебя коня?« —

(1) Точками отдѣленъ здѣсь одинъ моментъ дѣйствія отъ другого. Рассказчикъ не стѣлъ нужнымъ говорить о томъ, что само собою разумѣется, т. е. что желаніе Палія было исполнено, и онъ молился въ церквѣ.

»Нема́«, ка́же. »Пусти́ть мене́ въ козацьке військо, то я собі виберу коня́.«

Пійшовъ у козацьке військо; гляне, ажъ ёго конёмъ воду везу́ть. Вінь ажъ заплакавъ: »Я«, ка́же, »въ неволі, и кінъ мій у нево́лі!«

Сівъ на коня́, то кінъ підъ нимъ, такъ якъ орель!

»Тепе́рь«, ка́же, »пої́дмо, Ца́рю, у Мазе́пине військо, то почу́ємъ, що́ про тебе́ говорять.«

А Палій такий ліцаръ бувъ, що не вольше́бствомъ, а а́нгельскимъ чино́мъ воёва́въ, — такий, що їздить по чужо́му війську — ніхто́ ёго й не ба́чить; а якъ гляне ко́му въ вічі, то зъ-ро́ду не ви́держить.

Поїхали, ажъ сидять у на́меті тро́є: Мазе́па, Шве́дъ и Ту́рецький Баша́, та й ка́жуть: »Оце́ зоб'є́мъ усё ёго́ військо та й ца́рство ёго́ на-тро́є розді́лимъ.«

»Бачъ«, ка́же, »Ца́рю, що́ говорять!«

Мазе́па жъ и Ту́рецький Баша́ не ба́чили Ца́ря зъ Палі́емъ, а Шве́дъ постері́гъ, що се щось не пёвне, та й ви́стреливъ на Палі́я зъ рушні́ці.

Такъ Палі́й оберну́вся до Ца́ря та й ка́же: »Якь-би́ не стара́ шку́ра, то бъ, мо́же, й про́бивъ би. Вра́жий синъ и се́ до́брый!«

»Нѣту«, говорять Палі́й. »Пусти́те мене́ въ козацкое войско, такъ я выберу по себѣ коня.« Пошелъ Палі́й въ козацкое войско, смотритъ — его конь везетъ воду. Онъ и заплакалъ: »Я«, говорятъ, »въ неволѣ, и конь мой въ неволѣ!« Но какъ сѣлъ онъ на коня, то конь подъ нимъ — словно орелъ! »Теперь поѣдемъ, Царь, въ Мазепино войско, такъ услышишь, что́ про тебя говорятъ.« Поѣхали, смотрятъ — сидятъ въ палаткѣ втроемъ Мазепа, Шве́дъ и Ту́рецкій Паша́ и говорятъ: »Истребимъ все его войско и царство между собой раздѣлимъ.« — »Видишь, Царь, что́ говорятъ!« Только Мазепа и Ту́рецкій Паша́ не видѣли Ца́ря и Палі́я, а Шве́дъ смекнулъ, что это что́-то неспроста и выстрѣлялъ по Палі́ю изъ ружья. А Палі́й повернулся къ Ца́рю и говоритъ: »Еслибъ не старая кожа, то, можетъ, и про́бивъ бы. Хорошъ и этотъ бестія.«

Ідуть звідти ужé, а Запорóзці сидять да въ карти гуляють.

А Палій каже: »Здорові, пані молодці! чи будемо́ битця, чи будемо́ миритьця?»

А одинъ Запорóжець каже: »Се Палій поїхавъ!»

»Дé тобі«, кажутъ, »у чóрта той Палій тутъ будé!»

Коли́ жь вінъ уїхавъ у своé військо, та й клейноди свої ви́ставивъ. Такъ вони́ й похолóнули.

А Мазéпа одъ Палі́й бувъ навчéнь (¹). Такъ Царь каже: »Що́ жь, Палію? ти ёму́ нічо́го не зроби́шь, бо й вінъ одъ тебé навчéнь.»

»Ні«, каже, »Царю, хочъ вінъ и навчéнь одъ мéне, да я ёму́ не сказа́въ усі́ї правди.»

Отъ и взявъ заряжа́ть пу́шки на́вхрестъ: та туди́, а та туди́; та туди́, а та туди́. »Тепе́рь«, каже, »стреля́йте, то не багáто зо́станетця.»

Якъ уда́рили жь, то такъ якъ били́на на пожа́рищі зоста́нетця, то такъ съ то́го війська зоста́лось. Отъ и погна́ли Мазéпу...

Блудь уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. »Здравствуйте, паны молодцы!« говоритъ Палій. »Что́, будемъ бится, или мириться?« А одинъ Запорожець говоритъ: »Это Палій поїхалъ!« — »Кой чортъ Палію быть здéсь!« Какъ тутъ онъ вѣ́халъ въ свое войско и знаки свои выставилъ. Они такъ и обмерли.

А Мазéпа былъ *наученъ* Паліемъ (¹), а потому Царь и говоритъ: »Что́ же, Палій? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣ́д ты самъ его научилъ.« — »Нѣтъ, Царь«, отвѣтилъ Палій, »хоть я и научилъ его, да не всему.« И началъ заряжать пушки накрестъ, одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда. »Теперь«, говоритъ, »стрѣляйте; немного ихъ останется.« Выпалили изъ пушекъ, и осталось отъ того войска столько, сколько остается травы послѣ пожара. Вотъ и погна́ли Мазéпу...

(¹) *Наученъ* здéсь значить наученъ *характёрстёу*, то есть чародѣйскому искусству воевать.

Такъ хотівъ Царь за Мазэпу усю Гетьманщину вигубить, да отó й каже Палію, якъ ужé побіли Мазэпу: »Ну, тепёръ, Палію Семéне, чо́го ти одъ мене хочешъ? чи великого панства, чи злáта, чи щó?»

А вінъ каже: »Щó жъ, Цáрю? я б́уду просить тебé об́ь одн́у рíчь; подаруй ми́ні!»

»Щó такé? кажи.»

»Не плюндруй«, каже, »Гетьманщини.»

»Ну«, каже, »дóбре; для тебé дарую.«

Наши историки почти такъ же неясно понимали обстоятельства, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Палій, какъ и простолюдины. Виною тому, между прочимъ, недостаточное знакомство наше съ Польскою литературою, въ которой, независимо отъ ошибочныхъ иногда взглядовъ на событія, изображено множество обстоятельствъ, вводящихъ историка въ познаніе дѣйствительнаго положенія вещей. Недавно Эдуардъ Руликовскій напечаталъ въ Варшавѣ прекрасную монографію Васильковского уѣзда (*Opis Powiatu Wasylkowskiego*), въ которой приведено, между прочимъ, двѣ-три страницы изъ записокъ Отвиновскаго (1), проливающія свѣтъ на обстоятельства, способствовавшія появленію въ исторіи такой личности, какъ Палій. Онѣ согласны съ тѣмъ, что мною высказано выше, на стр. 84 — 85, о заселеніи праваго берега Днѣпра послѣ *руїны* и *збóну*. Палій у Отвиновскаго является колонизаторомъ

Царь за Мазэпу хотѣлъ опустошить всю Гетманщину и когда ужъ разбили Мазэпу, — говоритъ Палію: »Ну, Палій Семень, чего ты отъ меня хочешь? высокихъ почестей, богатства, или чего другого?» А онъ говоритъ: »Шѣтъ, Царь: я попрошу тебя об́ь одномъ дѣлѣ; исполни это.« — »Чтò же такое?» — »Не опустошай«, говорятъ, »Гетманщини.« — »Ну«, говорятъ Царь, »бóить по твоему!»

(1) Pamiętniki Otwinowskiego.

опустошенной войною страны, — такимъ точно, каковы были въ Украинѣ Польскіе старосты, съ своими «губернаторами, экономами, лѣсничими» и другими *официалистами*, или помѣщики, владѣвшіе землею по праву наслѣдства и пожалованія. Разница только въ томъ, что его право владѣть населенными имъ землями должно было прекратиться съ окончаніемъ Турецкой войны, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа Отвиновскаго.

Во время Турецкой войны, когда король Янъ III освобождалъ изъ-подъ Турецкаго ига Брацлавскую Украину, уступленную Туркамъ по договору 1686 года, — козаками, участвовавшими въ этой войнѣ, предводительствовалъ Палій. Король Янъ III утвердилъ его въ этомъ начальничествѣ и, сверхъ того, подъ условіемъ военной службы съ извѣстнымъ числомъ козаковъ въ эту компанію, позволено было ему *осадить* (заселить) пустыя Хвастовскія земли, принадлежавшія Кіевскимъ епископствамъ, и пользоваться всякими доходами до самого окончанія войны съ Турками. Дѣйствительно Палій, во все продолженіе этой войны, въ точности выполнилъ возложенную на него обязанность, то приводя по нѣскольку тысячъ козацкаго войска въ генеральный лагерь, то истребляя, зимою въ Подоліи на переправахъ, хищныхъ Татаръ. Не смотря на то, по окончаніи войны, Рѣчь Посполитая, не нуждаясь болѣе въ службѣ Палія противъ Турокъ, потребовала возвращенія Хвастова. Но Палій, не слушаясь гетманскихъ повелѣній, не только не хотѣлъ возвратитъ Хвастовскихъ земель, но овладѣлъ еще и другими, сосѣдними землями, изъ которыхъ позволялъ великимъ панамъ брать едва малую часть доходовъ; свои же доходы употреблялъ на содержаніе козаковъ. Почему на мирномъ сеймѣ 1699 года опредѣлено отобрать у Палія эти имущества силою оружія. Въ то время Кіевскій епископъ, Гомолинскій, выслалъ двоихъ своихъ духовныхъ для отобранія у Палія своихъ земель. Палій посадилъ ихъ сперва подъ стражу, а потомъ прогналъ изъ Хвастова, говоря, что онъ «поселился въ вольной козацкой Украинѣ, на которую Рѣчь Посполитая не имѣетъ никакого права, а имѣетъ право только онъ, какъ истинный

»козакъ и гетманъ козацкаго народа.« Гетманъ Яблоновскій приказалъ генералу Брандту, стоявшему въ Бѣлой Церкви, схватить Палія и представить къ нему. Брандтъ прислалъ нѣсколько чело-вѣкъ, которые спрятались въ лѣсу возлѣ пасикъ, а въ Хвастовѣ отравили одного Жида, чтобы онъ, торгуя у Палія медъ, выманить его изъ города къ пасикамъ. Но эта хитрость не удалась, ибо Палій, подгулявъ на то время, остался самъ въ городѣ, а къ пасикамъ выслалъ своего пасынка, Семашка. Когда онъ былъ уже въ четверти мили отъ Хвастова, одинъ изъ пасичниковъ даль знать Палію о засѣвшихъ въ лѣсу людяхъ, которые закрыли себя и своихъ лошадей вѣтвями. Узнавъ объ этомъ, Палій тотъ-часъ послалъ къ Семашку хлопца съ предостереженіемъ о засадѣ. Семашко въ ту же минуту отрубилъ на полѣ Жида голову и, возвратясь какъ можно скорѣе въ городъ, сдѣлавъ вылазку съ нѣсколькими сотнями конницы и истребилъ притаившихся въ лѣсу Брандтовыхъ рейтаръ. Послѣ этого происшествія, гетманъ Яблоновскій немедленно выслалъ вторично къ Хвастову 4,000 войска; а Палій велѣлъ жителямъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень съ женами и дѣтьми уходить въ Хвастовъ и сдѣлалъ ниже стараго города пригородокъ, въ который было ввезено множество хлѣба въ снопахъ и сѣна и сложено въ скирды на случай долгой осады. Но когда *кварцянное* войско подступило и пришелъ на другую ночь съ двумястами гренадеръ оберстерлейтенантъ Гольцъ и зажегъ гранатами скирды въ пригородкѣ, гдѣ и козаковъ много погибло, Палій черезъ нѣсколько дней окупился, выдавши нѣсколько бочекъ денегъ гетманамъ, а Польское войско оставлено зимовать по мѣстечкамъ около Хвастова.»

Этотъ послѣдній фактъ сомнителенъ. Еслибы Яблоновскій снялъ осаду за деньги, то не располагалъ бы своего войска на зимнія квартиры вокругъ Хвастова. Гораздо вѣроятнѣе, что Поляки, будучи не въ силахъ ничего сдѣлать съ осажденными, старались овладѣть по крайней мѣрѣ не-Хвастовскими имѣніями, признававшими власть Палія, и заняли ихъ своимъ войскомъ. Но и въ этомъ они не успѣли. Палій вездѣ ихъ колотилъ, прогнавъ

изъ подвластныхъ себѣ селъ и въ 1702 году овладѣлъ Бѣлою Церковью, по праву «истиннаго козака и гетмана козацкаго народа». Только подозрительная зависть Мазепы сокрушила этого полудикаго *мицаря*, посмѣвавшагося безсилію Польскихъ правителей и, въ предѣлахъ полуразрушеннаго ихъ государства, создавшаго нѣчто въ родѣ независимаго княжества. Палій, по слову его современника Самоила Величка, желая быть подъ властью Русскаго Царя, «склонялся подъ рейментъ Мазепинъ, пріѣдючи до него въ Батуринъ съ праздничными привѣтствами и отъ него розныя отбираючи подарунки» (1). Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ былъ схваченъ Мазепою и обвиненъ передъ Царемъ Петромъ въ намѣреніи подражать Богдану Хмѣльницкому не только относительно Поляковъ, но такъ-же и Русскихъ. Заключение его въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе на Полтавскихъ боевыхъ равнинахъ воспѣты въ прекрасныхъ пѣсняхъ и думахъ, доказывающихъ, что Палій обладалъ свойствами, привлекающими любовь народа, и составлялъ противоположность съ нелюбымъ ему Мазепою....

Однакожь онъ отвлекъ насъ далеко въ сторону отъ разсказовъ Тарану́хи.

Гайдамакъ Тарану́ха не могъ видѣть самъ, но долженъ былъ слышать о нихъ преданія очевидцевъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ могъ припомнить только немного, такъ какъ теченіе бесѣды не навело его на обстоятельства, съ которыми въ его памяти вязались разсказы старожиловъ. Выписываю изъ дорожнаго моего альбома и это немного, продолжая прерванную нумерацію.

(1) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, стр. 550.

✓ ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ СМІЛОЙ. (*)

Гайдамаки драли Смілу разівъ три, чи що. У первий разъ якъ прийшли, то пани заховалась у лѣху, а панна у грѣбі; тільки панну такі знайшли и замокъ розграбили. А потімъ узяли панну и хлопця Федірку та вивели ажъ до Курілової могіли, а тамъ ватажко змѣлювавсь та й каже: »Иди жъ, панно, та моли за мене Бога, ато-бъ ти на сій могілі полягла!«

И хлопця Федірку пустили. А се було зимою. Панна жъ такі хочъ у черевичкахъ бігла по снігу, а Федірка босий.

А въ другий разъ приходивъ ватажко Вовчокъ, та й ставъ коло Костянтинова, у Шолудьковімъ садку; душъ їхъ десятокъ тільки. Стоить вінъ тамъ, а повкъ Поляківъ, почувши, що тутъ гайдамаки зібрались, притягнувъ ажъ изъ Білої Церкви та й наткнувъ на той садокъ. А Вовчокъ якъ вискочить звідти, то жовніри назадъ!

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили Смілу раза три, или больше. Когда пришли они въ первый разъ, то *пани* спряталась въ погребъ, а *панна* въ печкѣ; но панну гайдамаки всё таки отыскали и замокъ разграбили. А потомъ взяли панну и мальчика Федорку и вывели къ самому Курилову кургану; тамъ отаманъ умилосердился надъ ними и говоритъ: »Ступай, панна, да моли за меня Бога, а не будь это я, то лежать бы тебѣ на этомъ курганѣ.« И мальчика Федорку отпустили. А было это зимою. Панна по крайней мѣрѣ въ башмачкахъ бѣжала по снѣгу, а Федорка босикомъ.

А въ другой разъ приходилъ въ Смілу отаманъ Вовчокъ и остановился возлѣ Константинова, въ Шолудьковомъ садикѣ; было съ нимъ только человекъ десять. Стоить онъ тамъ, а отрядъ Поляковъ, услыхавъ, что тутъ собрались гайдамаки, пришелъ изъ самой Білой Церкви да и наткнулся на этотъ садикъ. Вдругъ Вовчокъ выскакиваетъ оттуда. *Жовніры* назадъ. А Вовчокъ былъ и самъ маленького росту — только

А Вовчóкъ той и сáмъ невеличкий—тільки плечистий шéльма—и на невеличкому конику, та якъ узявъ їхъ гнать, то такъ рáтищемъ и на той, и на той бiкъ їхъ и кладé. А на ёмú бувъ кажанóкъ⁽¹⁾; то зъ-пiдъ того кажанкá кровъ такъ и ллетця, що по рáтищу бiжить у рукавъ. Та якъ догнавъ до Смилянської грéблi и вони вскóчили въ Смилу, тогдi вернóвся та й кáже: »Отáкъ Вовчóкъ! женé Ляхiвъ повчóкъ!«

Этотъ разсказъ напомнилъ прiятелю Таранúхи, бондарю, кое-что изъ слышаннаго имъ о гайдамакахъ, и онъ принялъ нить исторической нашей бесéды такимъ образомъ:

ВСТРÉЧА ПАСИЧНИКА СЪ ГАЙДАМАКОЮ. (*)

Роскáзувавъ минi одiнъ дiдъ, що—кáже—сижú я въ пасiцi, коли жъ чортъ несе бурлаку. Увесь обшáрпаний.

»Здоровъ, дiду!«

»Здоровъ!«

»А щó бúдемо робити? давай на сорочки мiнiятьця!«

Я вже злякáвся. »Давай!«, кажú.

плечистая бестiя—и на маленькомъ конé. Какъ принялся онъ гнать ихъ, то на обé стороны копьёмъ такъ и кладетъ. На немъ былъ *кажанóкъ*⁽¹⁾, изъ-подъ котораго такъ и льется кровь, чтó текла по копыю въ рукавъ. Пригналъ къ Смилянской плотинé, они вскóчили въ Смилу, а онъ воротился и говоритъ: »Вотъ такъ Вовчóкъ! гонитъ Ляховъ полчóкъ!«

(*) *Переводъ.* — Рассказывалъ мнé одинъ старикъ: Сижу я, говорить, въ пасикé, какъ и несетъ нечистый ко мнé бурлака. Весь оборванный. »Здорово, старикъ!« — »Здравствуй!« — »А чтó будемъ дéлать? давай мiнiяться рубашками!« Я ужъ испугался. »Давай!«, говорю,

(1) Родъ куртки, или полукафтанья изъ кожи.

Одавъ ёмú сорóчку.

Вінъ скінувъ тée рямъе, надівъ сорóчку: »Дава́й и штани́!«

Одавъ я й штани́.

»Дава́й, діду, ме́ду!«

Я — ка́же — ажъ тремчу́ весь зъ переля́ку. Пішо́въ, одрі-
завъ ёмú за́боцень тако́го вже га́рного, греча́ного!

Вінъ наівсь та й ка́же: »Чи ти, діду, знаєшъ Во́вчу Га́ть?« (¹)

»Знаю.«

»Отъ же«, ка́же, »тамъ е пенё́къ дубо́вий, обшмо́рганий ко-
ле́сами. То ти за́втра вста́нь до сходъ со́нця, та пійди́ туди́, та
одлічи́ три ступні́, и ви́копашъ тамъ гро́шні. Ото́ тобі за те́, що
ти мене́ приоді́въ и нагодо́вавъ.«

Пішо́въ я на дру́гий день, ажъ спра́вді пови́сися́нький у́лень са-
ми́хъ пятаки́въ!

Понравилъя Кондрату́ Тарану́хъ пріятельскій́ расказа́. Онъ
пожалба́ль, что съ нимъ́ никогда́ не случи́лось ниче́го подобна́го
тому́, что́ съ пасични́комъ, и ка́къ-то невзначай́ припомни́лъ еще́
кое-что́ о гайда́макахъ, а и́менно:

и отда́лъ ему́ свою́ рубашку́. Онъ́ сброси́лъ свое́ лохмотье́, надѣ́лъ ру-
башку́. »Дава́й и штаны́!« Отда́лъ я и штаны́. »Дава́й, стари́къ, со-
то́вь.« Я, говори́тъ, весь́ дрожу́ отъ́ стра́ху. Поше́лъ и вырѣ́залъ ему́
сбоку́ въ ульѣ́ самы́хъ лучши́хъ, гречневы́хъ сото́вь. Онъ́ поѣ́лъ и гово-
ри́тъ: »Знає́шь ты, стари́къ, Во́лчью Га́ть?« (¹) — »Знаю.« — »Тамъ«,
говори́тъ, »есть́ дубовы́й пенё́, обтерты́ осями́. Вста́нь за́втра до восхода́
солнца́, поди́ туда́, отсчи́тай́ три ша́га и выроє́шь де́ньги. Это́ тебѣ́ за то́,
что ты́ мене́ приодѣ́лъ и накорми́лъ.« Поше́лъ я на дру́гой день — въ са-
момъ́ де́лѣ́ полнехо́нькой у́лей чисти́хъ пятако́въ!

(¹) Въ Черка́сскомъ уѣ́здѣ, бли́зъ села́ Дуби́вки.

4.

О ГАЙДАМАКЪ ШВАЧКЪ. (*)

Гайдамаки дёрли народъ роківъ, може, зъ дѣсять, ажъ по́ки мандебурия (¹) ста́ла. Тогді стійчики, що за́мку стерегли, и застўкали ихъ оттўтъ у лозахъ. А ко́ліямъ нічимъ стрелять, — ку́ль не́ма; то о́це віри́же зъ лозы та й хрестикъ на́ри́же, та й стреля́е. Шва́чка іми дово́дивъ. Есть про ё́го й пі́сня. Ко́лі хочете, то й заспіваю:

Ой на коза́ченьківъ, ой на Запоро́зцівъ та пригодо́нька ста́ла :
Ой у се́реду та й у обі́дній часъ ихъ Москва́ забра́ла.
Крикну́въ Шва́чка та на осау́лу: »И́з ко́ней додо́лу!
Охъ и не да́ймося, нашо́ве мо́лодці, ми Моска́лямъ у нево́лю!
Моска́лики у́мні, Моска́ли ро́зумні, ро́зуму добра́ли :
Ой напе́редъ Шва́чку изъ осау́лою до-ку́пи звяза́ли.
Охъ извяза́ли и попарова́ли й на возы́ покла́ли,

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили народъ лѣтъ, можетъ, десять, пока не установилась *магдебургия* (¹). Тогда замковая стража и захватила ихъ здѣсь въ лозахъ. А у разбойниковъ пуль не было, нечемъ стрѣляютъ; такъ они рѣжутъ изъ лозы пули, наръзываютъ на нихъ крестики и стрѣляютъ. Предводительствовалъ ими Швачка. Есть про него и пѣсня. Коли хотите, я спою.

»Постигло несчастье козаковъ Запорожцевъ: въ среду, въ обѣдную пору, захватили ихъ въ плѣнъ *Моска́ли*. Крикнулъ Швачка асаулу: »Долой съ лошадей! Не дадимся, паны молодцы, въ неволю *Моска́лямъ!*« Но *Моска́ли* были люди умные, придумали, что сдѣлать: прежде всего связали Швачку вмѣстѣ съ асауломъ. Потомъ перевязали попарно гайдамакъ, положили на возы и повезли въ тюрьму изъ Богуслава въ Бѣлую Цер-

(¹) Подъ этимъ словомъ рассказчикъ разумѣетъ военныя мѣры, принятыя Польскимъ правительствомъ для возстановленія порядка въ Украйнѣ.

Изъ Богусла́вья до Білої Цѣркиви їхъ у невѣлю забра́ли.
Охъ дѣ жъ ва́ші, панѡ́ве мо́лодці, воро́нїи ко́ні?
Ой на́шнї ко́ні въ па́на на припо́ні, а са́мі ми въ невѣлі!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панѡ́ве мо́лодці, а срѣ́бнїи ў́зди?
Ой на́шнї ў́зди въ ко́нехъ на зану́злі, а са́мі ми у ну́ждї!
Охъ а дѣ жъ ва́шї панѡ́ве мо́лодці, яснѣ́нькїи спї́си?
Ой на́шнї спї́си вже въ па́на у стрі́сі, а са́мі ми у лі́сі!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панѡ́ве мо́лодці, грї́мкїи рушнї́ці?
Ой на́шї рушнї́ці въ па́на у свѣ́тлїці а са́мі ми въ темнї́ці!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панѡ́ве мо́лодці, голу́бїї жупа́ни?
Ой на́шї жупа́ни поно́сїли па́ни, а са́мі ми пропа́ли!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панѡ́ве мо́лодці, чо́боти сапѣ́янці?
Ой на́шї сапѣ́янці поза́бїра́ли райці́ у неді́леньку в́ранці́!
Охъ пошлі́мо га́лку, охъ пошлі́мо чо́рну, а до Сї́чи рї́бу ї́сти,
Охъ неха́й донесѣ́, охъ неха́й донесѣ́ до кошовѡ́го вѣ́сти.
Охъ у́жѣ жъ га́льці, охъ у́жѣ чо́рнїй та наза́дъ не верта́тьця:
Ой у́жѣ жъ на́мъ, панѡ́ве мо́лодці, изъ кошовї́мъ не вида́тьця! (1)

ковъ. Гдѣ же ваши, паны молодцы, воронные кони? » « Наши кони стоятъ » привязанные у пана, а мы сидимъ въ неволѣ! « « Гдѣ ваши, паны молодцы, серебрянные узды? » « Нашими уздами взнузданы кони, а мы терпимъ нужду! « « Гдѣ ваши, паны молодцы, громкія ружья? » « Наши ружья у пана » въ свѣтлицѣ, а мы сидимъ въ темницѣ! « « Гдѣ ваши, паны молодцы, голубые жупаны? » « Наши жупаны износили паны, а мы пропали! « « Гдѣ ваши, паны молодцы, сапоги сафьянцы? » « Наши сафьянцы забрали судьи, » поутру въ воскресенье! « « Пошлю я черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу, пускаяй передасть кошевому вѣсти. Ужъ той черной галкѣ назадъ не воротиться, а намъ, паны молодцы, съ кошевымъ не видаться. « (1)

(1) Отрывокъ этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 123, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между гайдамацкими набѣгами и кошемъ.

»Ну, скажи, будь ласко (спросилъ бондарь), гайдамаки якъ идуть було, то й пісні співають?«

»Ні, гайдамака йде тихо (отвѣчалъ Тарануха). А се вже вони тогді співали, якъ у неволі сиділи.«

Не худо было бы представить людямъ, никогда небесѣдовавшимъ по-пріятельски съ Малороссійскими поселянами, все теченіе разговора между мной, Таранухой и бондаремъ. Но я въ то время рѣдко записывалъ фразу за фразой, отъ-части по трудности такого дѣла, а отъ-части потому, что полагался на свою память. Можетъ быть, я бы и припомнилъ его ранѣе двѣнадцати лѣтъ; но теперь я долженъ ограничиться только тѣмъ, что сохранилось въ моей записной книжкѣ, то есть воспоминаніями, къ которымъ приводилъ Тарануху нашъ разговоръ. Вотъ они.

5.

ОБЪ УНИИ И БЛАГОЧЕСТИИ. (*)

Довго тягались по Україні тіі коліі, та опісля вже почали ісюди їхъ хватать, и якъ стала мандебурія на нихъ, то стали гонительства и на попівъ благочестивихъ. Людѣй гонили сяюю на присягу; то й батько присягавъ на унію. А де-котѣри не хотіли та ховались. Не хотіли ламати віри, а ждали такого вре́мя, що зновъ буде благочестіе. И я тогді родивсь, якъ мандебурія

»Ну, скажи пожалуйста (спросилъ бондарь) гайдамаки пѣли пѣсни на походѣ?« — »Нѣтъ, (отвѣчалъ Тарануха) гайдамаки идуть, бывало, тихо. Это они пѣли, уже сидя въ неволѣ.«

(*) *Переводъ.* — Долго таскались по Украинѣ эти разбойники, а потомъ ужъ начали ихъ хватать и какъ появилась противъ нихъ *магдебурія*, то началась гоненія и на *благочестивыхъ* поповъ. Людѣй гоняли насильно къ присягѣ; и отецъ мой присягалъ на *унію*. А иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры и ожидали такого време-

встала. То батько не хотів хрестити мене ув'янта, а хотіли везти аж у Виноградський монастир, та вже якось знайшли попі тут і в-ночі тайно охрестили.

Так Польща до кінця політичного свого існування остала в'єрна релігійній ієрархії, за которую получила столько жестоких, но напрасных уроков! Рассказ Таранухи, имѣющей всю цѣну лѣтописи, относится къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія.

6.

ВЗГЛЯДЪ ПРОСТОЛЮДИНА НА ЯРМАРКИ. (*)

....А якъ уже забрала край Царица, та стало всюди благочестіе, тогді іродь у пеклі й тужить оди́нь до дру́того: »Отъ лихо! всюди благочестіе стало! Теперъ уже нельзя нікого ні на грѣхъ, ні на що́ підвести: у будень будуть робити, а в неділю по церквѣмъ ходити.«

А другий каже: »Не журись, брате: ми такихъ на ихъ панів нашьлемъ, що в неділю не будуть по церквѣмъ ходити, а зроблять усюди по неділямъ ярмарки; то й самі ніколи не будуть у церкві, и народъ буде ярмарковати.«

ни, когда опять настанетъ *благочестіе*. И я тогда родился, когда появилась *магдебурія*. Отецъ не хотѣлъ крестить меня уніата, а хотѣлъ везти въ Виноградскій монастырь; наконецъ нашии какъ-то здѣсь поща и крестили меня тайно ночью.

(*) *Переводъ*. — ...Когда ужъ овладѣла краемъ Царица и установилось всюду *благочестіе*, черти въ аду начали горевать: »Вотъ намъ бѣда! всюду *благочестіе*! Теперь ужъ никого нельзя искутить на грѣхъ: въ будни стануть работать, а по воскресеньямъ ходити въ церковь.« А другой чортъ говоритъ: »Не горюй, братъ: мы нашьлемъ на нихъ такихъ

Отъ же й справділось диявольске слѣво! Тепѣрь у насъ що недѣля, що свято, то й ярмарокъ, не въ тѣмь, то въ тѣмь селі.

7.

ОБЕЗОРУЖЕНІВ ПОСЕЛЯНЪ ПОСЛѢ КОЛИВЩИНЫ. (*)

Після гайдамаччини, якъ ужé Ляхи стáли зновъ правити Україною, то було на дѣсять хатъ оди́нь ни́жъ и одна соки́ра: боялись, щобъ зновъ наро́дъ не збунтова́всь. Оце́ ввї́де жовни́ръ у хату: »А, ти, мужи́ку, сизма́тику! у тебé два но́жі, галгань, гайдама́ка!« Візьме и пропáло.

8.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО. (**)

Було що року наїздять на ярмарокъ у Смілу Запорозці зъ Січи. Приде́ було їхъ чоловікъ двана́дцять, трина́дцять. А нарядъ на їхъ такий, що, Бо́же, тво́я во́ля! Зо́лото та сри́блѣ! Оце́ ша́пка на

господь, что не будутъ по воскресеньямъ ходить въ церковь, а заведутъ вездѣ въ эти дни ярмарки, такъ и сами никогда въ церковь не заглянутъ, и народъ будетъ весь на ярмаркахъ.» Чтѣ́ же? вѣ́дь исполнѣлось дьявольское слово! Теперъ у насъ чтѣ́ воскресенье, чтѣ́ праздни́къ, тѣ́ и ярмарка, не въ одномъ, такъ въ другомъ селѣ.

(*) *Переводъ.* — Когда послѣ *гайдамачини* начали опять Ляхи управлять Украйной, то на десять хатъ опредѣлено было имѣть по одному ножу и по одному топору: боялись, чтобъ опять не взбунтовался народъ. Взойдетъ бывало *жолниръ* въ хату: »А, мужикъ, еретикъ! у тебя два ножа, негодай, гайдамака!« Взялъ — и пропало.

(**) *Переводъ.* — Бывало каждый го́ль прїѣзжаютъ Запорожцы въ Смілу на ярмарку, — человекъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Бо́же, твѣя воля! Золото да серебро! Шапка на Запо-

ёму́ буде оксамітна, червона, зъ ріжками, а окóличка — такъ пáльці на три — або сiва, або чорна; на спóді у ёго жупанъ — самий чистий кармазинъ, якъ огонь, що й очима не зоглянешъ; а звѣрху черкеска зъ вилѣтами або сiня, або голуба; штани́ суконни сiні, широкі, такъ и вися́ть ажъ почти по передкахъ; чоботи червоні; а на ляду́нці або зóлото, або сріблó; и черезплічники, то й тѣ все позолóчуване; ша́бля при боку вся́ буде въ зóлоті — ажъ горить. А якъ иде́, то й до землі не доторка́етця. А оцѣ́ було сядуть на коней та по ярмарку — якъ йскри сяють! Кiйне оцѣ́ було брил та й не допустить: підбiжить конемъ та й ухвátить. А скóро въ когó впавъ, то вже оцѣ́ йдуть, пьють и гуляють за ёго грóші. А храбрость, така храбрость! Було́ иде, то iй́ Бóгу до землі не доторка́етця! тiлько шамъ, шамъ, шамъ — пішовъ гулять!

Сватають́ було́ дiвчátь. Мою́ сестру́ засватали; то коней у батка́ поодгодóвували, самі́ недiль зó двi погуля́ли, та потiмъ: »Поiдемо жъ ми за свiдѣтельствомъ та будемо́ вiнчátьця.«

Якъ поiхали, то тiлько й бачили.

рождѣ́ бархатная, красная, съ углами, а околышъ — пальца въ три шириною — сѣрый, или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого красного сукна, — горитъ, какъ огонь, просто — глаза ослѣпляетъ; а сверху черкеска съ вылѣтами, или синяя, или голубая: штаны суконные синіе, широкіе — такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ́ золото, или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ — такъ и горитъ. Идетъ и земли не касается. А какъ сядутъ на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ́, то словно искры сверкаютъ. Взброситъ бывало Запорожець шляпу и не допуститъ упасть: подметитъ на конѣ́ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало идетъ Запорожець, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шелеститъ платьемъ и пошелъ, и пошелъ.

Сватають́ бывало́ дѣвцешекъ. И мою́ сестру́ сосватали да откормивши у отца лошадей и говорятъ: »Поѣдемъ теперь за свiдѣтельствомъ и будемъ играть свадьбу.« Уѣхали — и поминай какъ звали.

9.

ПРЕДАНІЄ О ЗАПОРОЖЦЬ ВАСЮРИНСКОМЪ. (*)

Якү жь вамъ теперъ пісню заспівать? Хибá про Васюринського?

Васюринський козарлюга все пѣє та гуляє,
Отáмана кошового бáтькомъ називáє:
»Позволь, бáтьку отáмане, намъ на бáшті стáти....

Васюринський, знаєте, той бувъ такий сільний, що якъ причащаетця, то чотирі чоловіки держя́ть по́па, щобъ не впавъ одъ дүху. Такий бувъ лицарь, що тільки дхне́, то одъ само́го дүху не встои́шь на нога́хъ. Якъ прийшли Москалі Січъ жакувати, то вінъ просивъ, щобъ тільки позво́лено ёму́ стать на бáшті: »Ми«, ка́же, »станемо съ кулаками, то ні списъ, ні кю́ля не візьме.«

А описля́, якъ побáчили, що Москва́ вже все позабiрала́, то сіло ихъ со́рокъ ти́сячъ на човни́ та й поiхали до Ту́рка.

(*) *Переводъ.* — Какую же теперь вамъ пѣсню спѣть? Развѣ про Васюринскаго?

»Васюринскій *козарлюга* (козакъ-громадина) все пѣетъ да гуляетъ, кошового отамана отцомъ называетъ: »Позволь, отецъ нашъ отаманъ, взойти намъ на башню...«

Видите ли, этотъ Васюринскій былъ такой силачъ, что во время причащенія, четыре человѣка подерживали священника, чтобы не упалъ отъ его дузу. Такой былъ онъ богатырь, что только дохнетъ — не устоишь на ногахъ отъ одного дыханія. Когда пришли *Москалы* разорять Сѣчь, онъ просилъ, чтобы только позволили ему взойти на башню: »Мы«, говорятъ, »станемъ съ кулаками — и ни копье, ни пуля не возьметъ насъ.« А потомъ какъ увидѣли Запорожцы, что *Москалы* все ужъ захватили, то сорокъ тысячь ихъ сѣли на лодки и поплыли къ Турку.

Я не преминулъ случая распросить Тарануху объ урочищахъ въ Смилой, такъ какъ съ ихъ названіями всегда соединяются какія-нибудь историческія воспоминанія, или характеристическіе случаи обыденной жизни. Вотъ его слова.

10.

ПРЕДАНІЕ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ СМИЛОИ. (*)

Не знаю, чи згадаю всі врочища, бо е въ насъ ихъ до ката. Оцѣ заразъ *'Юрова Горá*. Було у якогось пана трое дѣтей; то синь Юрасъ збудовавъ собі домокъ на Юровій Горі — ще й досі слідъ знать; а одна дочка, Дѣмна, грѣблю Смилянську сипала; а друга, Мотря, Мотрѣвинъ монастиръ збудовала.

А зновъ есть, верстовъ, може, пятнадцать одъ Смілоі, *Гѣрусівъ Яръ*. Тамъ, кажутъ, Турки колись сиділи. И колодязъ тамъ есть, увѣсь ви́кладенъ камнемъ; а глибокий такий, що росказувавъ Смилянскій такий нашъ чоловікъ, що — каже — разъ якъ одваливъ камінь та якъ кинувъ туді, то летівъ, летівъ та тільки — дзень!

А ще есть *Барабашѣха* яръ, верстовъ дѣсять одъ Смілоі. Тамъ колись козакъ Барабашъ сидівъ.

(*) *Переводъ*. — Не знаю, вспомню ли всѣ урочища: ихъ у насъ бездна. Вотъ здѣсь *Юрова Гора*. У какого-то господина было трое дѣтей: сынъ Юрій выстроилъ себѣ домикъ на Юрьевой Горѣ, — до сихъ поръ примѣтенъ слѣдъ; одна дочь, Дѣмна, насыпала Смилянскую плотину; а другая, Матрена, построила Матренинъ монастырь.

Далѣе, верстахъ, можетъ, въ пятнадцати отъ Смилой, *Гѣрусовъ Яръ*. Тамъ, говорятъ, жили когда-то Турки. Есть тамъ и колодезь, весь выложенный камнемъ, и такой глубокой, что — рассказывалъ мнѣ одинъ Смилянскій человекъ — разъ, говоритъ, я отвалилъ камень да какъ бросилъ туда, то долго, долго летѣлъ и наконецъ зазвенѣлъ, ударившись въ воду.

Есть ище *Холодный Яръ*, давній дуже.....

А коло Юрового дому есть, на горі такі, могила; зовѣтця *Раскопана*..... Отъ її й видно звідсі. Та и зъ Черкасъ, скоро выйдешъ за царину, заразъ и видно.

11.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕЖНИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ, УРОЖАЯХЪ И ЦѢНАХЪ ВЪ
ЗАПАДНОЙ УКРАИНѢ. (*)

Тогді, було, дасі два рублі *чѣнши* посѣсорові, та одбѣдешъ дванадцять день *шарварку*, грѣблю бѣ то гатить, а тамъ ужѣ що загадають; та *возовѣ* одбѣдешъ, шість визъ привезѣшъ колѣдъ; та заплаатишъ *коменного* пивкопи грошей, та *дсицу* корецъ жита, та пивкорця овса и ячменю, та й сидишъ дома. А панцини ніякої не було. Тільки толокою було зоремъ ланъ посѣсорові, та вижавши складѣмъ и звозимъ та й годі. Оцѣ, було, прийде до хати: »Прохавъ панъ на толоку оратъ, [абѣ тамъ жать, чи косить].«

Есть еще яръ *Барабашіха*. Жилъ тамъ когда-то козакъ Барабашъ.

Есть *Холодный Яръ*, очень старинный.....

А возлѣ Юрового дому есть на горѣ жѣ могила *Раскопанная*..... Вотъ и видать ее отсюда. Да и изъ Черкасъ, только выйдешъ за *царину* (полевая ворота), тотъ-часъ и видать.

(*) *Переводъ*. — Тогда бывало дашь два рубля *чиншу* посессору, да двѣнадцать дней отбѣдешъ *шарварку*, стало быть, чинить плотину, или вмѣсто того что-нибудь другое дѣлать: да *возовое* отбѣдемъ — привезешъ шесть возовъ лѣсу; да *коменного* заплатишь двадцать-пять грошей, да четверть ржи, да полъ-четверти овса и ячменю, а потомъ и седи дома. Барцины никакой не было. Только бывало гуртомъ вспашемъ большую ниву для посессора, потомъ сожнемъ и свеземъ — и только. Придетъ бывало прикащикъ къ хатѣ: »Просилъ панъ гуртомъ оратъ [или жать, или сѣять],« и на такой зовъ бѣгутъ изъ хаты двое, или трое рабочихъ,

То зъ хати два, або три біжить, и въ одинъ день зрѣблять толѣкою, що трѣба, та й напѣютця, й наїдѣтця въ посѣсора; ще й музйки грають. Дѣбре було жить!

Урожай булі куди проти теперешніх! Знаете, степі були вольні, бо ще Смілянки, Рохмистрівки и Ковалихи тогді не було, то поля було доволі. Роківъ дѣсять, або пятнадцять перелѣгомъ лежить; та якъ зорешъ на новині та посіешъ кавунівъ, то врѣдять такіі, що зъ землі не знімешъ. А на другий годъ посіешъ пшениці, або жита. То, було, якъ заложить чотирі парі волівъ та день поподрешъ, то врѣдять тобі на однімъ дні кіпъ сорокъ, да такѣ густѣ, що було кіпъ чотирі за день нажнешъ; а теперъ попоганійся, поки нажнешъ и дві копи. Та було оцѣ поподрешъ роківъ три та й пускаешъ зновъ на перелігъ, а орешъ новину. А теперъ якъ воно бѣде родить, коли що року все на однімъ місті ѡрють? Изъ копій, було, наберешъ четверть, якъ дѣбрый колось.

А цїни ось які були. Мїшокъ грѣчки такой, що четвериківъ два, — три копійки; прѣса, овса, ячмѣну — три копійки; жита

сѣбляють гуртомъ въ одинъ день, чѣто нужно, напѣются и наїдѣтся у посессора, — и музика, бывало, играетъ. Хорошо было жить!

Урожаевъ нечего и сравнить съ теперешними. Степи, видите ли, были тогда еще свободны, потому что не было еще тогда ни Смилянки, ни Рохмистровки, ни Ковалихи, такъ пахатной земли было сколько угодно. Бывало, лѣтъ дѣсять, или пятнадцать лежитъ земля въ пару, а потомъ какъ вспашешь на новинѣ да насѣешь арбузобъ, такъ урождать такіе арбузы, что съ земли не поднимаешь. А на другой годъ сѣешь бывало пшеницу, или рожь. То бывало, какъ запряжешь четыре пары воловъ да поработаешь день, то получишь урожая копъ сорокъ, и такая густая пашня, что въ день нажнешъ копы четыре. Года черезъ три опять бывало пускаешъ подъ паръ, а новъ иашешь. А теперъ куда ему родить, когда каждый годъ пашутъ всѣ на томъ же мѣстѣ? Изъ копы бывало получишь четверть, если колось хорошъ.

А цѣны были вотъ какія. Мѣшокъ гречи четверика въ два стоилъ три копейки; прѣса, овса, ячменя — три копейки; ржи три мѣры въ

корець у Смілій — двадцять копійекъ, а въ Білázеръе повезі, то три гроші; пшениці корець — сорокъ копійекъ; візъ кавунівъ — гривня.

Еслибы въ каждомъ селѣ я находилъ по одному Кондрату Таранухѣ, то сборникъ мой былъ бы преисполненъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ вещей, а совокупность ихъ представила бы живое изображеніе Украинскаго народа, съ его воспоминаніями, пѣснями, образомъ мыслей и способомъ выраженія ихъ. Но жатва моя часто была такъ-же скудна, какъ и у г. Скальковскаго, который, собираясь писать «Наѣзды Гайдамакъ», нарочно посѣщалъ (говорить онъ) почти всѣ тѣ мѣста Западной Украины, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ» (стр. 144), но не записалъ ни одной пѣсни о гайдамакахъ, ни одного преданія объ ихъ похожденияхъ. Я проѣхалъ города: Васильковъ, Бѣлую Церковь, Таращу, Каневъ и посѣтилъ множество лежащихъ между ними селъ, но часто, на большихъ разстояніяхъ и при многочисленныхъ попыткахъ расположить стариковъ и старухъ къ говорливости, встрѣчалъ только тупоуміе, озабоченность текущими дѣлами, ничѣмъ несмягчаемую угрюмость, а иногда и подозрительность, которыя доводили меня до отчаянія. Надобно было довольствоваться только характеристическими фразами, которыя народъ рассыпаетъ въ своихъ разговорахъ, не зная имъ цѣны, и моя записная книжка въ этихъ мѣстахъ или оставалась пустою, или наполнялась отрывками въ родѣ слѣдующихъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ. (1)

У хаті въ її, якъ у віночку; хлѣбъ випечений, якъ сонце; сама сидіть, якъ квіточка.

Смилой — двадцать копеекъ, а въ Бѣлázеръи три гривны; пшеницы три шѣры — сорокъ копеекъ; возъ арбузовъ — гривна.

(1) Прелесть этихъ выраженій могутъ чувствовать только знающіе Малороссійскій языкъ; переводить ихъ было бы напрасно.

Можє вінъ таку пісню знає, що якъ-бѣ заспівавъ, то й волюсь би завъявъ!

А чомъ ви, хлопці, не оретє? — Да, дядьку, свято. — Якє свято? — Чересло й лемішъ изнято!

Хочъ у ступу всадитє да пирогами годуйте, все бѹду однака. (¹)

Вамъ хочъ гóлову пробий, то не вгóдишъ.

Не по чимъ и бѣє, якъ не по голови! (²)

Якъ розгуляетця погóда та протівъ вітру якъ поженє буруні, то дубъ грає по бурунахъ то вгóру, то внизъ якъ візь по балка́хъ.

Кровъ дзюрить, будькотить зъ спїни.

Велика буває чубанїна на вкулáчкахъ, а їнший довідаетця, що й молотить неможна: помякчáть рѣбра!

Пѣкъ ёму, мо́я ма́ти рїдна! поночі зовсімъ не ба́чу.

Пошли тобі, Бóже, на сімъ світі панство, на тїмъ світі вічнеє царство!

Е щò й їсти, й пити, е по чому́ й походити, тїлько ні на чому́ гараздъ гостей посадити. (³)

Такъ якъ ка́жуть за двана́дцять миль киселю їсти, ні зъ сѣгó, ні съ тогó при́хала до менє кумá зъ Ніженя.

Чогó ти на менє дївися, якъ чортъ на попá?

Я живу́ якъ у рѣшеті: відки вітеръ подмє, то пóвні хáти.

Якъ у воді не безъ чóрта, такъ у вели́кого пáна не безъ Жáда.

Иде́ Москаля́ такъ якъ трави́.

Якъ же мині знáть, котóрий мині годъ? Якъ родивсь, то безъ пáмяти бувъ; якъ рїсь, то рóзуму не мавъ; а якъ ужє до рóзуму дойшовъ, тоді бѣ то й лічїть, та багáцько лїть упляло́.

На що ти тамъ ячмінь посїявъ? — Да тамъ, пáне, така́ люба рїля́, що дитїна віросла бѣ, коли-бѣ посадивъ!

(¹) Т. е. не сдѣлаюсь полнїе.

(²) Въ томъ-то и дѣло! отъ этого-то все и зависить!

(³) Говорила хозяйка немемблированной свѣтлицы.

Оттамъ, матішко, лихий люде! якъ напало на менé сéмepо перéкупокъ, то лédвi одгpизлаєь.

Якъ занедúжавъ, то такъ не хочетця вмиpа́ть! чи ми жъ кому́ приклóнимося? чи ми обiдець испpавимъ, чи ми чужого чоловiка погодúемъ, коли ми такі бiднi?

Такъ хóлодно, що якъ-би не вмiвъ дpижать, то змёрзъ би, Такъ болiть, що якъ-би не вмiвъ стогнать, то вмёръ би.

Водá чiста якъ слéзa. Дiвка — якъ тополя. Гáрна, хочъ водi нанiйiсь. Швидкий, якъ мотiль. Провóрний, якъ вiтеръ у полi. Сидить, якъ грибъ. Хлóпeць молодий, якъ барвинокъ. Повнолiдий, якъ мiсяць. Росте, якъ зъ водi. Щeбече, якъ лáстiвка. Похожає, якъ пáва. Сóколъ, не пáрубокъ! Пьяний, якъ нiчь. Надúсь, якъ сичъ. Бiга, якъ дзiга. Бóретця, якъ рiбець. Пнётця, якъ жаба на кúду. Вертiтця, якъ шкурать на огнi. Величаєтця, якъ поросi на óрчику. Дiвiтця, якъ теля на новi двéри. Цапкомъ ставъ (¹). Мовчiть, якъ стiна. Хóдить, такий якъ квачъ (²). Гóстрий, якъ бритва. Вьётця, якъ гáдина. Весéла, якъ ясочка. Тéпло, якъ у вóси. Дóбре, якъ у Бóга за дверима. Житте ёму́, якъ у Христá за пазухою.

Байстру́къ, та росте́ якъ стру́къ!

Отъ якъ вiхоръ злетiть да летiть не звiсно куди́, то такъ наше добpо́ ростекло́сь, — якъ слiня по водi.

Такъ якъ водá зъ вiдрá течé, а воно́ схне, то такъ вона́ сохнула въ нашихъ очáхъ, — скорий, нiжъ полино въ печi.

Ти менé слúхай, а своiмъ рóбомъ не ходi.

Тутъ теши да теши, а тамъ трéба пупъ напiять. (³)

Ишиий такий е, що въ менé, каже, свiтлiйше óко попросiть; а дpугий: А въ менé свiтлiйше вкpàсти.

Трéба рóбитъ потáй-Бóга, щобъ и чóртъ не знавъ.

(¹) Уперся, какъ козель.

(²) Т. е. такъ пьянь.

(³) Говорено при сравненiи плотницкой работы съ косовицею.

Якъ увійде въ комору, то хочъ-бі гадюка лежала, то зогнавъ би да вкравъ.

Хибá надовго старій женитця? або самъ умрѣ, або жінка покине.

Чогò ти трусисся, якъ сячъ на негодѹ?

Діла робить не хочешъ, а піка — хочъ пацюкѹ бий.

Ой, місяцю-місяцю! світишъ, та не грієшъ, — даремне въ Бóга хлѣбъ ісі. Я давъ би дві зімі за однò літо.

Душá не сусідъ: її не віпрешъ. (¹)

Знайте менé перепечайку, що на ворóтяхъ тїсто!

Госпòдь милосѣрдний нїколи не спить: у того щáсте одбирає, а томѹ дає.

Тамъ тако́го наговорівъ, що й класти нїкуди.

Ідьте, сѣрдечко, навпрямецъ, а тамъ живѣть Андрій Швець; а тамъ — круто собъ — живѣть Куліна Вакуленкова: її чоловіка торікъ взяли въ Москалі. А тамъ провáллечко, а за провáллечкомъ — гулькъ — по горòду хòдить сїва кобила, а на прїзѣбі лежить рудá собака. Отò, сѣрдечко, й отáманъ живѣть.

По части преданій, въ этихъ мѣстахъ записано у меня очень мало. Помѣщаю выписки изъ дорожнаго альбома.

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ. (*)

...Якъ ставъ Хмельницький надъ Слѹччу, на горі, то обобравъ своє вїйсько такъ, що не зосталося у козаківъ грóшей нї въ кишєняхъ, нї зашитихъ. (²)

(*) *Переводъ.* — Когда Хмельницкій расположился надъ Слѹчью на

(¹) Говорится о голодѣ.

(²) Рассказывалъ одинъ старикъ въ Корсуновѣ. Этотъ старикъ былъ единствен-

2.

О ЗОЛОТОЙ ГРАМОТѢ. (*)

Ляхи взялися гнать на благочестіе. »Чого вони«, кажутъ, »на на́шій землі живуть, а *благочестівого Государя* поминають?« И давай головки лупить благочестивимъ. Отó спалили першъ титара въ Мліеві, а далі й хуторки чернечі Мотренинські попалили. А въ томۇ монастырі бувъ гүмень... охъ, забувъ же я, якъ ёго звали! (1) Бачить, що ляхо Ляхи роблять, полуплять голови благочестивимъ; а писака добрий бувъ, та якъ удравъ *Золоту Грамоту!* А Максимъ Залізнякъ прихавъ на поклоненіе, а вінъ ёму й піднісь: »Великъ світь Государиня (2) велить рязать Жида й

горѣ, то обобралъ свое войско такъ, что не осталось у козаковъ денегъ ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одеждѣ.

(*) *Переводъ.* — Ляхи начали преслѣдовать *благочестіе*. »Зачѣмъ они«, говорятъ, »живучи на нашей землѣ, молятся въ церкви за *благочестиваго Государя?*« И давай головушки снимать *благочестивымъ*. Сперва сожгли ктитора въ Мліевѣ, а потомъ пережгли и монашескіе Матренинскіе хуторки. А въ Матренинскомъ монастырѣ былъ игумень... ахъ, позабылъ я его имя! (1) Видитъ онъ, что Ляхи дѣлають бѣдовое дѣло — пережубяють *благочестивыхъ*, — и хватилъ *Золотую Грамоту*... писака былъ онъ славный. Въ это время пріѣхалъ на поклоненіе Максимъ Залізнякъ; онъ и поднесъ ему: »*Великъ світь* Государиня (2) велить рязать Жида и Ляха до послѣдней ноги,

ный человекъ съ *оселедцемъ*, котораго я встрѣтилъ въ своей жизни. Въ Черниговской губерніи оставляемыя у хлопчиковъ на головѣ чупріны, называютъ *левержѣтъ*.

(1) Мельхиседекъ Яворскій.

(2) Это выраженіе встрѣтилось мнѣ въ одной пѣснѣ:

Великий світь наша мати! жадю варобила. —
Славне військо Запорозьке та й занапастіда!

Ляха до ногі, щобъ и не смерділи на Україні. « Якъ гукнувъ Залізникъ на охотника, такъ такъ и поваливъ народъ, — уся Смілянщина й Чигиринщина. Якъ пішли вінники, то-що, тогді вже *велла мати й валь брати.* (1)

3.

ПРЕДАНІЄ О КОЗАРАХЪ. (*)

Запорозці перше звались Козари (2) и сиділи въ Каневі, потімъ въ Романкові, потімъ у Старому Кодаку, а далі нижче Никополя. Служило їхъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третєму сказавъ: »Отъ же я двомъ заплативъ грішми, а ти, коли хочъ, иди въ Каневъ, осаді собі тамъ слободу.« Отъ вінъ пішовъ та й завівъ тамъ Січъ. (3)

чтобъ и духу ихъ не было въ Украйиѣ«. Кликнулъ кличъ Залізникъ — народъ такъ и поваливъ къ нему со всей Смілянщины и Чигиринщины, и какъ зашевелились винокруры и другіе такіе люди, тогда ужъ нечего было Ляхамъ и думать о защитѣ.

(*) *Переводъ.* — Запорожцы назывались прежде Козарами (2) и жили въ Каневѣ, потомъ въ Романковѣ, потомъ въ Старомъ Кодакѣ, а наконецъ ниже Никополя. Король заплатилъ двоимъ (предводителямъ) жалованье, а третьему сказалъ: »Я заплатилъ двоимъ деньгъ, а ты, коли хочешь, ступай въ Каневъ и засели тамъ себѣ слободу«. Онъ пошелъ и основалъ тамъ Сѣчъ. (3)

(1) Розказывалъ тотъ же старикъ въ Корсунѣ.

(2) Замѣчу по случаю этого преданія, что увеличительное отъ слова *козакъ* — *козарлюга*, а уменьшительное ласкательное — *козурл*. Примѣры:

Васюринській козарлюга все пѣе та гуляе...

Лўчче бѣ, козурю, могли мої очі на потїлиці стати...

(3) Не относится ли къ тремъ войскамъ Рѣчи Посполитой — Коронному, Литовскому и Запорожскому? — Преданіе записано въ Корсунѣ.

4.

ХЛѢВОСОЛЬСТВО НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Въ Запорóжжі ніхтò булò не скаже старóму: »Дурно хлѣбъ ісі.« Приїдь, рáтвище встроми, янчáрку повісь та й лежи собі хочь три мѣсяці, пий и їжь готòве. Тільки встань, Бóгу помолісь; коли є грóші, иди въ корчмý — горілку пий. А якъ же скаже хто: »Дурно хлѣбъ ісі«, то козакі такъ и нападуть: »А ти вже закозавався, сякий-такий сину!« (1)

5.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ КАНЕВЪ. (**)

»Щò то, дїду, за гайдамаччина булá?« (2)
Проклята булá! Самовольці такі булі, що... Невіріє такъ

(*) *Переводъ.* — Въ Запорóжжі никто бывало не смѣеть сказать старому человѣку: »Ты даромъ хлѣбъ ѣшь.« Приѣзжай туда всякъ, воткни въ землю копьє, повѣсь саблю и лежи себѣ хоть три мѣсяца, — пей и ѣжь все готовое. Только и дѣла, что встань да помолись Богу; а когда есть деньги, ступай въ корчму пить водку. Если же кто скажетъ: »Даромъ хлѣбъ ѣшь«, то козакі тотъ-часъ и накинутся: »А ты ужь закозавался, сякой, такой сынъ!«

(**) *Переводъ.* — »Что это, старикъ; было за гайдамачество такое?« (2)

Проклятое было! Своевольники такіє были, что... И какъ просла-

(1) Записано въ Корсунѣ.

(2) Вопросъ путешественника.

було прославилося! Якъ погъѣтця, то ёму не кажи ні злого, ні доброго, — така собача юха!

Були ми зъ батькомъ у ярмарку підъ Мoшнами, на Святѹ Неділю, то їхъ и наткнувъ хтось, що въ Білика кінъ добрий есть. А мого батька й торкнули: »Утікай, Дмитре, ато буде тобі лихо!« То батько якъ рѹшивъ зъ ярмарку! Добігає до сего хреста, що підъ містомъ стоить, оглянетця, ажъ вінъ летить изъ узвозу, такъ якъ ворона. И до села не допустивъ, нагнавъ. А тутъ чередá хóдить. То батько викинувъ коня та й пустивъ у череду.

Ганявсь вінъ, ганявсь за тимъ конемъ; ганявсь-ганявсь, — не піймавъ; та ажъ до хати прийшовъ до батька: »Иди, сину вражий, та коня мині дай!«

То батько мусивъ самъ ловить коня и оддавъ ёму.

»Ну, прийдешь же у Каневъ, то тамъ Неживий тобі запла- тить.«

Прийшовъ батько въ Каневъ, ажъ Каневъ уже спаленъ. Атамъ- то пані зробили собі замочокъ та ажъ у три ряди пáлами обго- родились и заперлись тамъ. А гайдамаки давай солóму возить, та

влася было эта сволочь! Какъ нашьется, то не смѣй сказать ему ни злого, ни добраго, — такіе собаки!

Случилось мнѣ съ отцомъ быть на ярмаркѣ подъ Мoшнами о Святой. Имъ и сказала кто-то, что у Бѣлика конь добрый. А моему отцу и шепнули: »Уходи, Дмитрій, ато не миновать тебѣ бѣды!« Отецъ скорѣе съ ярмарки. Доскакалъ до креста, что стоить подъ городомъ, оглянет- ся — летитъ за нимъ гайдамака съ горы, какъ ворона. Не допустилъ отца и до села, нагналъ. Тутъ близко ходило стадо. Отецъ отпрегъ коня и пустилъ въ стадо. Сколько ни гонялся гайдамака за конемъ, не пой- малъ; наконецъ пришелъ къ самой хатѣ, къ отцу: »Поди, вражий сынъ, отдай мнѣ коня!« Тогда отецъ принужденъ былъ самъ поймать коня и отдалъ ему. »Ну, приходи ты въ Каневъ«, сказалъ гайдамака, »тамъ Неживый тебѣ заплатитъ.« Пришелъ отецъ въ Каневъ, а Каневъ уже выжженъ. Паны сдѣлали тамъ себѣ острожекъ, окружили его въ три ряда частоколомъ и заперлись. А гайдамаки натаскали соломы, зажали,

якъ запалили, то все тамъ и съ панами, и зо всімъ такъ огнёмъ и взялось. У якогось пана кнѣ бувъ, огиръ такій, що пять сотъ рублівъ вартъ, а сідло самѣ пять сотъ рублівъ вартѣ було; такъ завелі тогô коня ажъ у острові у лугъ, а гайдамаки й тамъ найшли... Такъ отô приходить батько въ Каневъ, а гайдамаки посадили дванадцять Жидовокъ у-рядъ, та зайде зъ боку та й бѣе зъ пистôля. Усіхъ вибили; а до однієї три рази примёръ робили, такъ не спалить та й гôді. Отъ и пішли до отамана: »Щô тутъ робить, пане отамане? три рази робили примёръ до Жидівки — не спалило.«

»А щô жъ? може, вона схôче вѣхриститьця?»

»Хôчешъ вѣхриститьця?»

»Хôчу«, каже. »Я вже и *Вѣрую во единого Бога* знаю.«

Отъ и почали затязці збирать христини. Де молодицю попадуть: »Иди кумою!« А самі кумами. А послі якъ стали даровать своїй хрищеніці, то наскидали саміхъ денежокъ стѣлько, що й ковёмъ не повезешъ.

И добра молодица зъ тиєї Жидівки вийшла; віру нашу отісла

и все вмѣстѣ съ панами сгорѣло. У одного пана былъ такой жеребець, чтô стоилъ рублей пять-сотъ, да сѣдло стоило пять сотъ рублей. Этого коня отвели далеко въ острова на лугу, но гайдамаки и тамъ его пашли. Вотъ приходитъ батько въ Каневъ; смотритъ — гайдамаки посадили двѣнадцать Жидовокъ рядомъ и стрѣляютъ по нимъ изъ пистолета, зашедши сбоку. Всѣхъ перестрѣляли, а къ одной прицѣливались три раза, но порохъ никакъ не вспыхивалъ. Гайдамаки пошли къ отаману: »Чтô вамъ дѣлать, панъ отаманъ? три раза прицѣливались мы къ Жидовкѣ — не вспыхнуло«. — »Что же? можетъ, она захочетъ креститься?» — »Хôчешъ креститься?» — »Хôчу«, говоритъ. »Я ужъ и *Вѣрую во единого Бога* знаю.« Вотъ и начали гайдамаки собирать крестины. Встрѣтять молодицу: »Иди кумою!« а сами кумовьями. Потомъ начали дарить свою крестиницу и набросали ей столько одѣхъ денежекъ, что коню не подъ силу было бы свезти. И добрая женщина вышла изъ той Жидовки; вѣру нашу потомъ хорошо соблюдала и была очень набожна.

хороше держала и така була богомільна. Було, тільки задзвонять до церкви, то и йде.

Такъ ото батько й приступивъ до тихъ затязцівъ. А вони у Нетерѣбці вірвали казанъ: »На жъ тобі«, кажуть, »оцеї казанъ.« Батько взявъ казанъ, а Нетерѣбці опісля прийшли та й узялі.

Такѣ-то прокляте було та гайдамаччина! Багато накіоли ліха. А опісля ще пані та Жиди народъ дерли. Прийде: »Се тобі гайдамаки дали, абó ти самъ гайдамачивъ!« та й берѣ, що зүдрить. Такѣ-то! (1)

6.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ, ОБЪ ИХЪ ПРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ. (*)

Козаки підъ Мазепою змінили та й пішли підъ Турка. Турокъ давъ їмъ зѣмлю и все. Коли жъ умеръ козакъ, а землі й викинула; умеръ другий — и друго́го викинула, третій — викинула й тре-

Только бывало начнутъ благовѣстити, тотъ-часъ и идетъ въ церковь. Приступилъ отецъ къ гайдамакамъ; а они въ то время вынули изъ печи въ винокурнѣ въ Нетерѣбкѣ котель. »Возьми«, говорятъ, »себѣ этотъ котель.« Отецъ, и взялъ, а Нетерѣбцы потомъ отъ него и отобрали.

Такое-то проклятое дѣло было гайдамачество! Много натворили бѣды гайдамаки, а потомъ еще паны да Жиды грабили народъ. Придетъ панъ, или Жидъ: »Это тебѣ гайдамаки дали, или ты самъ гайдамачилъ?« и беретъ, что ни увидитъ. Такая-то бѣда!

(*) *Переводъ.*—Козаки въ гетманство Мазепы измѣнили и поддались Турку. Турокъ далъ имъ землю и все. Только — умеръ одинъ козакъ, а земля и выбросила его; умеръ другой — и друго́го выбросила, тре-

(1) Рассказывалъ въ Кумейкахъ Климиъ Бѣлигъ.

тѣго. Такъ вони тоді: »Эй, братці сердѣчніи! вернімось, бо насъ тутъ и земля не приймає.« А Царь Петро вже зазиває. »Вернітця«, каже, »не буде вамъ ніякої кары, ні упоминку.« Такъ вони й вернулись. То їхавъ разъ батько поузъ Савурь-Могилу, а тамъ великіи шляхи йдуть: оди́нь у Московщину, а другий у нашу сторону. То міжъ тими шляхами, коло тні Савурь-Могили ка́мінь великий лежить. А зъ нимъ ходивъ тоді на Дінь Василь Куцѣнко, письменний. Такъ батько каже; »Иди лишъ, Василю, прочитай, що на тімъ камені написано.« А той пішовъ та й прочитавъ: »Проклять, проклять, проклять, хто буде одъ Запорозцівъ одбіра́ть землю, по́ки світь сонця!« Государь такє заклятте положивъ. (¹)

Мій батько такі водився зъ тими Запорозцями. Бува́ло, то

тій — выбросила и третьяго. Тогда они: »Эй, братья милые! воротитися въ отечество: насъ тутъ и земля не принимаетъ.« Между тѣмъ Царь Петръ зоветъ къ себѣ: »Воротитесь«, говорятъ, »не будетъ вамъ никакой кары, ни упрѣка.« Однажды отецъ мой ѣхалъ мимо Савурь-Могилы, гдѣ проходятъ большія дороги: одна въ Московскій край, а другая въ нашу сторону, и между тѣхъ дорогъ, возлѣ Савурь-Могилы, лежитъ большой камень. Съ отцомъ ходилъ тогда на Донъ Василій Куцѣнко, грамотный человекъ. Отецъ и говоритъ: »Подика, Василій, прочитай, что на томъ камнѣ написано.« Тотъ пошелъ и прочиталъ: »Проклять, проклять, проклять, кто будетъ отбирать у Запорожцевъ землю, пока свѣтъ солнца!« Такое заклятіе Государь положилъ. (¹)

(¹) Любопытно было бы знать, какимъ побужденіемъ управлялся Василь Куцѣнко, читая на камнѣ то, чего на немъ не было написано. Отецъ рассказика ходилъ на Донъ около того времени, когда у Запорожцевъ шли споры съ Сербскими поселеніями за земли. Василь Куцѣнко могъ посѣщать ихъ рыбные «заводы» для заработковъ, подобно Кременчугскому пасичнику (см. выше, стр. 111) и заслушаться тамъ рассказовъ объ ихъ мнимыхъ правахъ. Идучи степью съ чумаками, онъ передавалъ имъ то, что видалъ и слышалъ во время своихъ странствованій въ разныхъ мѣстахъ, и естественно соблазнился ролью человека, который умѣетъ заставить другого разинуть ротъ. Чтобы еще больше поразить простодушныхъ своихъ слушателей, онъ импровизировалъ надпись на камнѣ; а отецъ Клима Бѣлика принялъ его продѣлку за чистую монету.

горілку, то-що вóзять у Січъ. Роска́зуе бу́ло, що, ка́же, якъ при-везешъ горілку, то й прийде купова́ть, и за́разъ бере́ волочо́къ, тига́е, са́мъ п'є и душъ де́сять часту́е. Хто стои́ть, жо́дного ча-сту́е. У́же жъ ти ё́му не кажи́ нічо́го. То ви́пьють такъ якъ на корхъ зъ бо́чки, та то́ді вже: »Запла́тимъ же, пани́ молодці́, за горілку«, та й за́купить усі́ бочкі́, и вже запла́тить до́бре. А якъ же бъ що сказа́ въ, то́й стоявъ би тамъ не знать до́ки, та, мо́же, й наза́дъ повізъ би горілку. »Не йди́ть«, ка́жуть, »до вра́жого си́на купова́ть: ча́рки горілки жа́луе.«

Жва́вий наро́дъ бувъ! Бу́ло якъ пійде коне́мъ, то не та́къ, якъ на́ші, а та́къ, якъ па́нь: коли́бъ струсну́вся! Такъ и пи́знаешъ ё́го оддалеку́.

Ра́зъ стою́ за ворітьми́, ажъ і́хъ іде́ тро́е, а за ни́ми по од-ному́ коню́ підъ вью́ками, и що́ тамъ срі́бла въ тихъ вью́кахъ! Такъ ду́маю, що́ четвери́къ на жо́дному.

»Здо́ровъ«, ка́жуть, »хлопча́!«

Мой отецъ водился таки съ Запорожцами. То водку, то что-нибудь другое возилъ онъ въ Січъ. Бывало рассказываетъ: Какъ привезешь водку, вотъ и приходитъ Запорожець покупать и тотъ-часъ беретъ *волочо́къ* (цилиндрическую стеклянку на свуркѣ), опускаетъ въ бочку, пьетъ самъ и потчиваетъ челове́къ десять товарищей. Кто бы тутъ ни случился, каждаго потчиваетъ. И ужъ не говори ему ни слова. Выпьютъ Запорожцы изъ бочки водки пальца на четыре, и тогда ужъ говорятъ: »Ну, паны молодцы, заплатимъ теперь за водку«, купятъ всѣ бочки и ужъ хорошо заплатятъ. А когдабы что-нибудь сказалъ имъ неприятное, то и стоялъ бы съ водкой Богъ знаетъ сколько времени, а пожалуй и у́халъ бы не продавши. »Не покупайте«, говорятъ Запорожцы, »у вражьяго сына: онъ чарки водки жалѣеть.«

Удалый народъ былъ! Ёдетъ бывало верхомъ, такъ ужъ не по нашему, а погосподски: и не встряхнется! Издали его узнаешь.

Разъ я стою за воротами, смотрю — ѣдетъ трое Запорожцевъ и ведутъ по коню подъ вьюками... сколько тамъ серебра въ тѣхъ вьюкахъ! Думаю, четвери́къ на каждомъ. »Здорово, хлопче!« говорятъ мнѣ.

»Здорові!«

»А де тутъ Дмитро Біликъ живє?«

»Оце«, кажú, »й Біликъ.«

»А дома?«

»Дома.«

Заіхали, пообідали въ батька та й поіхали.

А то вони вертались изъ Польши. Кажуть батькові: »Ужé, Дмитре, надрáли; бúde зъ насъ, поки й нашого віку.«

Не одну жъ Польщу вони дрáли: було й нашимъ одъ їхъ ліхо. Ні харчі, було, не провезешъ, нічого. Росказувавъ батько, що йдемó — каже — зъ Запорóжжя. А братъ до брата на Запорóжже ходивъ, такъ вінъ ёму два вóзи риби наклáвъ. Идемó зъ Запорóжжя, ажъ дивимся — рáтище на шляхú встрóмлене. Ужé жъ и не йди дáльше, атó якъ вискочать проклáті камішники, то недóвго на світь дивитимесся. Зупинили воли, ажъ и иде їхъ три. Два жъ стоить на коняхъ, а оди́нь до вóза: »Розшнурóвуй вiзъ, вражий сiну!«

Розшнурóвáвъ.

Вiнь и почáвъ изъ вóза рiбу викидáть. А въ другóму вóзі

»Здравствуйте!« — »А гдé Дмитрій Бiликъ живеть?« — »Вотъ онъ живеть«, говорю. »А дома?« — »Дома.« Заіхали къ намъ, отобідали у отца и поіхали. Они въ то время возвращались изъ Польши. »Набрали мы, Дмитрій, добычи!« говорили они отцу. »Будеть съ насъ, пока живы.«

И не одну Польщу они грабили: доставалось отъ нихъ и нашимъ. Бывало, ни харчи не провезешь, ничего. Рассказывалъ отецъ: »Бдемъ — говорятъ — разъ изъ Запорóжья, а съ нами одинъ человекъ ходилъ къ брату на Запорóжье, такъ тотъ нагрузилъ ему два вóза рыбою. Бдемъ изъ Запорóжья, смотримъ — копьe на дорогъ воткнуто. Это значить: не ходи дáльше, атó какъ вискочать проклятые камышники, то недолго будешь послé того глядѣть на Божій свѣтъ. Остановили воловъ, смотримъ — влеть трое камышниковъ. Двое остались на коняхъ, а третій соскочилъ и къ возу: »Разшнурóвывай возъ, вражий сынъ!« Чумакъ разшнуро-

списъ стримівъ. Візь бувъ очеретомъ укритий, и списъ у ёмү стримівъ. Той чумакъ дивівсь-дивівсь, далі якъ ухопить списъ та якъ сунє того комішника підъ бікъ, — такъ и пронявъ.

»А йдіть«, каже, »й ви сюді! [на тихъ ужё, що на коняхъ сидять] И вамъ те буде!«

То тіи бачать, що се не промахъ, та й звомпили. »Що жъ?« кажутъ, »ми бачимо, що вінъ, вражий синъ, глумітця.«

Та й ору́жже поодкидали.

»Сховаймо«, кажутъ, »ёго, братці: то не падлюка, то Христіянинъ.«

Угорну́ли въ рядно́ — рядно́ въ того́ чоловіка взяли́ — та й заховали.

Тоді питаютьця: »Хто жъ ти такий?«

»Я«, каже, »оттакій и такий. Ходівъ до брата въ гості.«

»Знаємо«, кажутъ, »того козака. Щобъ же тебе! коли-бъ ти намъ хочъ слово сказавъ, що ти ёго братъ, ми бъ тебе й не чинали.«

валъ. Онъ и началъ выбрасывать изъ воза рыбу. А въ другомъ возѣ было воткнуто копые. Возъ былъ покрытъ очеретомъ и копые въ немъ торчало. Чумакъ сперва смотрѣлъ, ничего не говоря, на камышника, потомъ какъ схватить копые да какъ пырнетъ его въ бокъ — такъ и прокололъ. »А подите«, говоритъ, »и вы сюда! [къ тѣмъ, видите ли, что сидѣли на коняхъ] Подите, я и вамъ то же сдѣлаю!« Видятъ камышники, что это то-же молодець, и струсили. »Что же?« говорятъ, »мы видимъ, что онъ, вражий сынъ, глумится«, и отбросили въ-сторону оружіе. »Похоронимъ«, говорятъ, »его, братцы: вѣдь это не падаль, а Христіянинъ.« Завернули въ толстый холстъ — холстъ взяли у того чловѣка — и похоронили. Потомъ спрашиваютъ: »Кто же ты таковъ?« — »Я«, говоритъ, »такъ и такъ называюсь. Ходилъ къ брату въ гости.« — »Знаемъ«, говорятъ, »того козака. О, чтобъ тебя! колибъ ты намъ хоть слово сказала, что ты его братъ, мы бъ тебя и не трогали.« И поѣхали отъ насъ.

Да й поїхали. (1)

Такий-то народъ бувъ! Якъ не краде Запорожець, то й кажутъ ёму: »Доки ти, вражий сїну, будешъ лежати? И чарки горїлки ні за що виїшти.«

Нашъ рódичъ Яцькó бувъ у Запорóзцяхъ; то було росказуе. Пішли ми — каже — ажъ за Бóгь-рїку, надъ Тилигúль, коней красти. Глянемъ, ажъ такий табунъ коней ходить! Отъ я прилїзъ, ажъ Нагаецъ вартовий спить и вїжки замотавъ коло руки. Я якъ сунувъ ёго списомъ! а вінъ бувъ у панцирі, то списъ такъ и закорчився. Вінъ якъ схóпитця та до менé! то якъ-би не було ножа, то зарїзавъ би вражий снїгъ. Ато я якъ черкну ёго ножемъ по горлу, то вінъ такъ и поваливсь.

А вже въ Сїчъ баба не ходї. Хочъ-би сестра, хочъ-би рідна мати — не пúстять. Такъ, чортъ знае по-якому жили тїи Запорóзці: самї собї якъ бурлаки. Бувъ одїнъ Запорожець Нагаецъ та и вїадивсь до паламарки. Коло Сїчи тамъ десь у селци паламаръ

Таковъ-то народъ были эти Запорожцы! Если Запорожець не крадетъ, то ему говорятъ: »Долго ли ты, вражий сынъ, будешь лежать на боку? И чарки водки не на что выпить.« Нашъ родственникъ Яцькó былъ въ Запорожцахъ и бывало рассказывалъ намъ: Пошли мы — говоритъ — разъ за самый Бугъ-рѣку, выше Тилигула, красть лошадей. Смотримъ — такой славный табунъ лошадей ходить! Подползъ я къ нимъ, сторожевой Ногаецъ спитъ и возжи намоталъ на руку. Я какъ шыркну его копьемъ! но онъ былъ въ панцырѣ, — копые такъ и свернулось. Вскочилъ онъ да ко мнѣ... и не будь при мнѣ ножа — зарѣзалъ бы вражий сынъ. Ато я хватъ его ножомъ по горлу — онъ такъ и повалился.

А ужъ бывало баба въ Сѣчь не ходи. Будь хоть сестра, будь хоть родная мать — не пустятъ. Чортъ знаетъ, какъ жили эти Запорожцы, — холостяками, какъ бурлаки. Былъ одїнъ Запорожець, по прозванїю Но-

(1) Эта сцена напоминаетъ рассказъ Семена Юрчénка о кэмышникахъ (см. выше, стр. 75). Оба рассказчика передали мнѣ какъ видно одно и то же приключенїе; но Юрчénко, очевидно, повторилъ его, какъ отдаленное эхо, а Блинъ былъ ближе къ дѣйствующимъ лицамъ.

живъ, такъ вінъ до паламарки и ввадився. А Запорозці пронюхали та й пішли до кошового: »Такій намъ стыдъ робить Нагаецъ, пане батьку: унадивсь«, кажуть, »до паламарки, такъ якъ той собака!«

»Постійте жъ«, каже, »пані молодці«, я козака надѣжного пошлю, нехай присочить ёго, тоді вже буде ёму судъ и розправа.«

Отó Нагаецъ поїхавъ изъ Січи, а козакъ собі. Приїхавъ до паламарки: »Одчини!«

Не одчиняє.

Вінъ якъ сувє двері ногою — двері такъ и вивалились. У хату, — ажъ вінъ тамъ за запонкою.

»А щó ти тутъ робишь, сякий-такій сину?«

Якъ узявъ бити ёго нагаємъ!

А той проситця: »Брате мій рідний! уже хочъ бий, тільки панові батьку не яси!«

[А тамъ уже такє чóртове заведєние, що сїмъ разъ якъ ударить кїємъ, то вже хлїба не їстимешъ.]

Такъ щó жъ? у такого одмóлился? И нагаємъ вїбивъ, и ко-

гаецъ и повадилея ходити къ пономарихъ. Возлѣ Сѣчи жилъ пономарь, такъ онъ къ пономарихъ и повадилея. А Запорожцы провѣдали да и посла къ кошовому: »Какой намъ стыдъ дѣлаєть Ногаецъ, пане батьку! повадилея ходити къ пономарихъ, словно песъ какой!« — »Погодите же, паны молодцы«, говорить кошевой, »я пошлю надежнаго козака, пусть онъ его подкараулить, а потомъ ужъ будетъ ему судъ и расправа.« Вотъ Ногаецъ изъ Сѣчи, а козакъ за нимъ. Привѣжаєть къ пономарихъ: »Отвори!« Не отворяєть. Онъ толкнулъ въ дверь ногою — дверь такъ и вивалилась. Входить въ хату, смотритъ — Ногаецъ тамъ за занавѣскою. »А чтó ты дѣлаєшь тутъ, сякой, такой сынъ?« и давай стегать его нагайкою. А тотъ упрашиваетъ его: »Братецъ ты мой родной! бей меня, только не сказывай пану батьку!« [А ужъ у нихъ такой чертовскїй обычай, что какъ ударитъ семь разъ дубиною; то хлѣба не будешъ больше їсть.] Чтó же? напрасно и упрашивать! И нагайкой от-

шовому зъясовавъ. Ну, звісно вже: заразъ до стовба та киями. За-ведужавъ сердешний Нагаецъ одъ такої бані та и вмёръ незабаромъ.

Ужé що бойкий людъ бувъ, то такъ! Разъ ходивъ изъ батькомъ у Січъ изъ горілкою мій рідний дядько. Отъ и питаютця: »Що се, Дмитре, съ тобою?»

»Та се«, каже, »мій шуринъ, моєї жінки братъ.«

»Якъ ёго зовуть?»

»Хомá.«

»Не вклепались же«, каже, »й ви, що ёму такé имя дали: вінъ на Хому й походивъ, дияволівъ синъ!«

А разъ такі добре допекли мойму батькові. Сидить вінъ изъ ними въ лёху та й пьютъ. А вони й давай ёго на сміхъ підіймать: »Ге, васъ«, кажутъ, »тамъ у Польщи [а се бъ то, бачъ, на Україні] миромъ не мажутъ, а гусячимъ саломъ.«

А батько, не довго говоривши, схопивъ та на базарі купивъ хліба та й пішовъ до кошового.

Кошовий вислухавъ. »Ишь«, каже, »вражі сини! а вони жъ

стегагъ, и кошовому донесъ. Ну, разумѣется: тотъ-часъ привязали къ столбу Ногайца и наказали дубьемъ. Заболѣлъ бѣдняга Ногаецъ отъ такой бани и умеръ вскорѣ.

Что за бойкий народъ былъ эти Запорожцы! Разъ ходилъ въ Січъ съ водкою мой родной дядя при отцѣ. Они и спрашиваютъ: »Что это за человекъ съ тобою, Дмитрій?» — »Это«, говоритъ, »мой шуринъ, братъ моей жены.« — »А какъ его зовутъ?» — »Ома«. — »Ну«, говорятъ, »вы не ошиблись, давши ему такое имя: онъ, чортовъ сынъ, и похожъ на Ому!»

А разъ задѣли таки моего отца за живое. Сидитъ онъ съ ними въ погребу и пьетъ водку. Только они и давай надъ нимъ подсмѣиваться: »Васъ«, говорятъ, »тамъ въ Польшѣ [а это, выходитъ, на Украинѣ] помазываютъ не миромъ, а гусинымъ жиромъ.« Отецъ, не говоря дурного слова, вскочилъ съ своего мѣста, купилъ на базарѣ хліба и пошелъ къ кошовому. Кошовой выслушалъ. »Вишь«, говоритъ, »вражьи дѣти! а они откуда наплодились? И они же вышли изъ мужиковъ, а те-

изъ чого поплоділись? И вони жъ изъ мужиківъ породілись, а теперъ ужé тільки їхъ миромъ мазано! А пійди«, каже на козака, що при ёму бувъ, »пійди лишень помири їхъ.«

Прийшовъ козакъ изъ батькомъ до лёху: »А чого«, каже, »ви тутъ, вражі сині, змагаєтесь?«

А вони: »Сядь, сядь, батьку, чарку горілки випий.«

Отъ вінъ посидівъ тріхи. »Що жъ«, каже, »я дармо чоботи топтавъ для васъ? Положить по рублю!«

Усі виняли по рублю й положили ёму въ шапку. И батько мусивъ положить рубля. Такъ розсудивъ, дяволівъ синь!

Ато, кажуть, ще-то въ-старовину одібравъ кошовий що найкращий народъ та одіжний та й пославъ до короля. Отъ Ляхи ба-чать, що въ їхъ ўси оттакелезні: »Чого бъ«, кажуть, »дать імъ исти? Даймо імъ сметани.«

Дали сметани. А Запорозці кажуть: »У насъ не дають сметани наперёдъ; мёдъ наперёдъ дають.«

»Ну, дать імъ меду!«

Дали меду. А вон якїи попоіли меду та позакручували ўси: »Теперъ«, кажуть, »давайте й сметани!«

перъ ужъ только они и помазаны мвромъ! Ступай«, говорятъ къ козаку, что былъ при немъ, »ступай, помири-ка ихъ«. Пришелъ козакъ съ отцемъ въ погребъ. »А что вы«, говоритъ, »вражи дѣти, спорите тутъ?« А они: »Сядь, батько, сядь, выпей чарку водки.« Вотъ онъ посидѣлъ немного. »Что же?« говоритъ, »я даромъ для васъ сапоги топталъ? Положите мнѣ сюда по рублю.« Всѣ вынули по рублю и положили ему въ шапку. И отецъ принужденъ былъ положить рубль. Такъ разсудилъ, чортовъ сынъ!

Ато, говорятъ, еще въ старину выбралъ кошевой самыхъ лучшихъ, самыхъ щеголеватыхъ Запорожцевъ и послалъ къ королю. Видятъ Ляхи, что у нихъ усы вотъ этакіе, большущіе, и говорятъ: »Чего бы дать имъ поѣсть! Дадимъ имъ сметаны«. И дали сметаны. А Запорожцы говорятъ: »У насъ не подаютъ сперва сметану; сперва подаютъ соты.« — »Шу, дать имъ сотовъ.« Подали сотовъ. Она поѣли и закрутили

А підь той часъ неприятель приславъ Ляхамъ лукъ: »Якъ не натянете«, каже, »сего лука, то становітця на баталію.«

Отъ Ляхи пробовали — ніхто не натягне.

А одинъ Запорожець: »Ось кѣтс«, каже, »лишень сюді!«

Узявъ, такъ и натягнувъ той лукъ.

»Дайте жъ«, каже, »теперь мині штабу заліза.«

Та взявъ та кругомъ шії томú послóві обгорнувъ та й завернувъ; такъ якъ отъ снізь завертаешъ, що перевѣсло скрутишь, такъ вінъ ту штабу завернувъ.

»Коли одвернете«, каже, »ви сю штабу, то ми на баталію зъ вами станемъ.«

Який же ёго чортъ одверне? Хибá бъ голову одкрутивъ! Мóже, якъ прихавъ, то, мóже, чóртъ знае доки пиляли. Не мóжна ні лягти; нічого.

Э, здоровий народъ бувъ! Ужé якъ зруйновали Січъ, то одинъ такий бувъ здоровий, що духомъ убѣе чоловіка. Якъ пішовъ причащатця та дѣху не втаивъ, то трóхи священникъ не вправъ павзнакъ.

вверхъ усы. »Теперь«, говорятъ, »давайте и сметаны!« А въ это время прислалъ неприятель Ляхамъ лукъ. »Коли не натянете«, говоритъ, »это-го лука, то выходите на бой.« Долго пробовали Ляхи — нѣтъ, никто не натянетъ лука. Тогда одинъ Запорожець: »Дайте-ко«, говоритъ, »его сюда!« Какъ взялъ, такъ съ-разу и натянулъ. »Теперь подайте«, говоритъ, »миъ полосу желѣза.« Взялъ онъ желѣзную полосу, обвилъ вокругъ шеи послу и завернулъ; такъ вотъ какъ снопъ свяжешь и завернешъ связку, такъ онъ завернулъ ту полосу. »Коли развернете«, говорятъ, »вы эту полосу, то выйдемъ съ вами на бой.« Кой чортъ развернуть! Развѣ съ головой вмѣстѣ открутить! Какъ воротился послъ домой, то, можетъ, чортъ знаетъ сколько времени пиляли желѣзо. Нельзя ни прилечь, ни чтó.

Эхъ, народъ былъ дюжій! Когда разорили Сѣчь, такъ одинъ былъ такой силачъ, что однимъ дыханіемъ убилъ бы человѣка. Какъ подошелъ къ причастію, да не затаилъ дыханія, то едва священникъ не упалъ на-

»Хто ти«, каже, »стáрче, такий? признайся.«

»А щó жь«, каже, »бáтюшка? я отóй и той.«

»Зийди жь«, каже, »зъ сёго града, бо тiлько дознаютьца, то пропадешь.« (1)

Ще скóро рознеслась чúтка, що Запорожже зруйнують, то Гетьманци булó Запорóзцямъ спiвають :

Вражі сині Запорóзці не дóбре вчинили :

Степь ширóкий, край весéлий та й занастили.

То Запорóзці булó злiтця! Вони бь то й били iхъ, такъ и тó жь народъ воéнный. Хочъ и по шинкáхъ булó зострiнутця, то не дуже булó страшно. (2)

А булó якъ очортiе Запорóзцямъ у Сiчi горiлку пить, то й понаiжджають у гóсти на Вкраину, абó на Гетьманщину. Приiжджають

взянць. »Кто ты таковъ, старикъ?« говоритъ онъ, »признайся.« — »Чтó же«, говоритъ, »бáтюшка? я такой-то«. — »Изыди же«, говоритъ, »изъ сего града, ато, какъ узнають о тебѣ, то погибнешь.« (1)

Еще лишь только разнесся слухъ, что Запорожье разорять, то гетманскіе козаки припѣвають бывало Запорожцямъ :

Вражі сині Запорóзці недóбре вчинили :

Степь ширóкий, край весéлий та й занастили.

Запорожцы, бывало, бѣсятся на *Гетманцевъ* за эту пѣсню. Они пожалуй и поколотили бы ихъ, да и то былъ народъ военный. Хотя и въ кабацкѣ встрѣтятся было съ Запорожцами, то не очень трусили. (2)

А ужъ, бывало, какъ опротивѣетъ въ Сѣчи водка Запорожцямъ, то и наѣдутъ въ гости на Украину, а не то — на Гетманщину (т. е. на

(1) Прошу читателя припомнить преданіе Тарану́хи о козарюгѣ Васюрияскомъ (см. выше стр. 141). Очевидно, что дѣйствительно на Запорожьи существовало лицо, производившее сильное впечатлѣніе на умы. Подъ «визическою» злого надобно разумѣть здѣсь нечто и другое.

(2) Вѣроятно, этою пѣсней дразнили *отставныхъ* Запорожцевъ. Ея продолженіе показываеъ, что она сложена *послѣ* разоренія Сѣчи.

було й до мого батька. То імъ же добре, що є за що питъ, а батько зъ ними такъ було укачаєтця въ довгі, що ну! Якъ позыздѣтця було, то й говорять: »Наше Запорѳжже такъ изведєтця, що чортмѣтима ничѳго!« Такъ самі, було, й говорять. Отъ же и звелѳсь.

Якъ ужє въ Січъ Москаль порѣнувѣ; то вони драла, а Москаль: »Біжіть та колѳ Кизикермєна ланцюгъ перекїньте черєзъ Днїпръ! якъ будуть утїкѣть, то зъ пушокъ на їхъ!« А вони вербѳ зрубали та й пустили по Днїпрѳ. То верба вдѣрилась обѳ ланцюгъ, а пушки — гу, гу! А Запорѳзці тоді: »Оттепєрѣ, братця, гребїть!« та й утекли одѳ Москаля. (1)

7.

ПОВѢРЬЕ О НОВОМЪ КОЗАЦКОМЪ ГЕРОѢ ГЛАДКОМЪ. (*)

Тоді, якъ була та войнѣ (2) зновъ незнатъ чѳго народъ изтрусѳвся. Було кажутъ: »Се, видно, дєсь такий лицаръ уродѳвся, що

лѳвий берєгъ Дѣвѳра). Прїзжають бывало и кѳ моему отцу. Ну, нѣшто не бѣда — єсть на чтѳ питъ, а отецъ бывало вкатаєтця въ такїє долги, что ну! Какъ сѣдѳдѳся бывало, то и говорятъ: »Наше Запорѳжже такъ изведєтця, что ни чорта не останєтця!« такъ самі бывало и говорятъ. И подлинно вѣдѳ извелѳсь.

Какъ бросились *Москаля* въ Сѣчъ, такъ они бѣжать, а тѣ посылають отъ себя: »Поскорѣ перебросьте возлѣ Кизикермена цѣпь черєзъ Дѣвѳрѣ! и какъ стануть уходить, палите взѣ пушекъ!« А Запорѳжцы срубали вербу и пустили по Дѣвѳру. Ударилась верба обѳ цѣпь, а пушки — гу, гу! Тогда Запорѳжцы: »Тєпєрѣ, братцы, гребїте!« и ушли отъ *Москалей*. (1)

(*) *Переводъ*. — Въ ту войну опѣть не вѣсть отъ чѳго народъ встре-

(1) Разскащикъ (Кличъ Біликъ) смѣшалъ здѣсь бѣгство Запорѳжцевъ въ Турцію съ выступленїємъ Запорѳжскихъ *чаекъ* въ морской походъ.

(2) Съ Польшею, 1792 — 1795.

вся земля затрусилась! « Ажъ тоді саме, якъ була ота заверюха, той Гладкий-то народивсь.

8.

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО. (*)

Було колись такъ — ище передъ Хмельничиною — що церковні ключі були въ Жїда. Якъ чого треба до церкви, то йди вже до Жїда да торгуйся, що вінъ візьме. То зъ того-то й лихо счалось.

9.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ. (**)

Стали Ляхі дуже вже налягати на козаківъ. Прийшло їхъ у Запорѣжжа по два Ляхі на одного козака. То козаки слали до короля листі, що такі намъ збитки роблять, що не можна ніякъ прожити. Такъ король и давъ їмъ права. А Барабашъ сховавъ та ні-

вожился. Бывало говорятъ: »Это, видно, гдѣ-то родился такой богатырь, что вся земля затряслась!« Анъ въ это самое время, въ эту бурю, тотъ Гладкий-то родился.

(*) *Переводъ.*—Когда-то водилось такъ — еще до Хмельниччины — что церковные ключи хранились у Жїда. Коли нужно отворить церковь, то ступай къ Жїду да торгуйся, что онъ возьметъ за это. Изъ-за этого-то и бѣда началась.

(**) *Переводъ.* — Ляхи начали ужъ больно налегать на козаковъ. Какъ пришло въ Запорожье по два Ляха на одного козака, то козаки посылали къ королю жалобы, что они дѣлають имъ великія разоренія и что нѣтъ житья козакамъ. Тогда король и далъ козакамъ права. А Ба-

кому й не показавъ. Отъ Ляхі козаками й орудують. А Хмельницький бувъ при Барабашеві за писаря въ Чигирині. Самъ у Сѹботові сидѣвъ, а туди їздивъ на писарство. Отъ, якъ родилась у Хмельницького дитина, то вінъ кумомъ узявъ гетьмана. Якъ же впоївъ гетьмана добре, тоді винявъ у ёго зъ кишени хустку, и перстень зъ руки знявъ, та її посилæе до Чигиринá свого джѹру. »Два коні бері та біжи въ Чигиринъ по права!«

Приїжджае той джѹра до гетьманши: »Пані! заілись изъ гетьманомъ пані, — порубають; такъ дайте тії права, що одъ короля!«

»Оттамъ же«, каже, »вони въ стані підъ ворітьми, въ глухимъ кінці у пуздѣрку, въ землі.«

Просипаеця гетьманъ: »Ой куме«, каже, »куме! була въ менѣ хустка въ кишени, а тепѣрь нема! бувъ у менѣ перстень щирозлѣбний на руці, а тепѣрь нема!«

рабашъ сиряталъ ихъ да нікому и не показалъ. Ляхи и ворожують козаками, по своей волѣ. Въ это время Хмѣльницькій былъ при Барабашѣ писаремъ въ Чигиринѣ. Жилъ онъ въ Сѹботовѣ, а туда їздилъ на службу. Когда у Хмѣльницкаго родился ребенокъ, онъ просилъ гетмана (т. е. Барабаша) кумомъ, и какъ напоилъ хорошенько гетмана, то вынулъ у него изъ кармана платокъ, снялъ съ руки перстень и посылаетъ въ Чигиринъ своего *джѹру* (слугу): »Возьми двухъ коней да скачи въ Чигиринъ за правами!«

Пріѣзжаеъ джѹра къ гетманшѣ: »Пани! повздорили съ вашимъ мужемъ пані, — пзрубать въ куски; дайте права, чтоъ король прислалъ!« — »Вотъ тамъ«, говорятъ, »въ конюшнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ (¹) они въ погребцѣ лежатъ въ землѣ.«

Просыпаеся гетманъ: »Эй«, говорятъ, »кумъ мой, кумъ! былъ у меня въ карманѣ платокъ, а теперь нѣту! былъ у меня на рукѣ перстень изъ чистаго золота, а теперь нѣту!« — »Это«, говоритъ Хмѣль-

(¹) Глухимъ концомъ воротъ называется та часть, въ которой находится пята, или петли.

»Тоді, каже, »мій хлопець роздягавъ тебе, якъ клавъ у ліжко, то повиймавъ.«

А самъ усє позирає въ вікно. Коли жъ гляне гетьманъ, ажъ хлопець повивъ у станю коня такого, що тільки—хахъ, ха, хха, хха! (1) Тоді вже й постерігъ, що Хмельницькій посилавъ по права.

»Ой Хмелю, каже, »Хмєлику!

Вчинивъ есі ясү

И поміжъ панами великую трусү.

Лүчче було бъ тобі братъ сүкна не мірячи,

А грóші не лічачи;

Лүчче бъ було тобі съ панами добре поживати,

Аніжъ теперъ по лугахъ Базалүгахъ потираѣти,

Комаривъ, якъ ведмедівъ, годовати!

Гетьманъ же іде додому, а вони съ хлопцемъ, ко́ней сідлають та ідуть у Січъ. Приїхали; вдарили въ кóтли; зібрались козаки. Вігъ вічитавъ оди́нь ука́зъ — не слүхають; вічитавъ дру-

ницькій, »мой мальчикъ раздѣвалъ тебя, какъ укладывалъ въ постель, да и снялъ.« А между тѣмъ безпрестанно посматриваетъ въ окно. Смотритъ гетманъ — мальчикъ повелъ въ конюшню такого коня, что только — хохъ, ха, хха, хха! (1) Тогда онъ и смекнулъ, что Хмельницькій посылалъ за правами.

»Ой ты, Хмѣль,« , говорить, »Хмѣль! сдѣлалъ ты огласку и встревожилъ сильно пановъ. Лучше было бы тебѣ братъ отъ нихъ сукна безъ мѣры и деньги безъ счету; лучше бы тебѣ жить съ панами въ добромъ согласіи, чѣмъ теперь скитаться по луговымъ лѣсамъ Базавлүкамъ и откармливать комаровъ, какъ медвѣдей!«

Бѣдетъ гетманъ домой, а Хмельницькій съ мальчикомъ сѣдлають ко́ней и їдуть въ Сѣчъ. Приїхали; ударили въ котлы; собрались козаки. Прочитавъ Хмельницькій одну бумагу — не согласны; прочитавъ дру-

(1) Этими междометіями розкашикъ виражаєть тяжелое дыханіе коня, вробѣжавшаго съ гону.

гій—не слухають; та вже якъ третій прочитавъ, тоді всі й стали на баталію. (1)

Въ этомъ преданіи замѣтны слѣды думы, которая была его первоначальною формою. Стихи, приведенные разскащикомъ, не принадлежать ни къ одному изъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ думы о Хмільницкомъ и Барабашѣ, и составляютъ, какъ видно, уцѣлѣвшій обломокъ забытаго речитатива; иначе разскащикъ не перешелъ бы къ нимъ отъ прозы, не сказавши, что вотъ-де поють объ этомъ такъ-то, или чего-нибудь подобнаго. Но, кромѣ стихотворной части преданія, и самая сцена между кумовьями намекаетъ на стихотворный складъ рѣчи.

То же самое можно сказать и о легендѣ про Золотыя Ворота (см. выше, стр. 4). Ея четверостишіе:

Ой Кіііне, Кіііне, панове громада!
Погана ва́ша рада:
Якъ-би́ ви Миха́йлѣка не отдавали,
По́ки світъ сонца, вороги́ бѣ Кіііева не доста́ли...

встрѣтилось въ думѣ о Жидовскихъ откупахъ (см. выше, стр. 62), въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно:

Эй, Полоня́не, Полоня́нська громада!
Не хоро́ша ва́ша рада ...

Но изъ этого не слѣдуетъ, что разскащикъ взялъ это четверостишіе изъ думы и перенесъ въ легенду. Это, напротивъ, значитъ, что оно сложено очень давно и обратилось въ общее мѣсто, ка-

гуя — не согласны, да ужъ какъ третью прочитаъ, тогда всѣ вышли на бой.

(1) Разсказывалъ Климъ Біликъ.

кихъ много и въ Гомерѣ, и въ нашихъ рапсодіяхъ. Для народа эти общія мѣста не кажутся скучными повтореніями, какими были бы въ поэзи образованнаго общества. На нихъ отдыхаетъ вниманіе слушателей, какъ на промежуточномъ рокотаньи струнь, и народу пріятно между новыми для него стихами встрѣчать давно извѣстные. Постигая это поэтическимъ чутьемъ, пѣвцы нашихъ Украинскихъ думъ ни мало не стѣсняются заимствованіемъ готовыхъ оборотовъ рѣчи и даже поэтическихъ образовъ изъ извѣстныхъ народу речитативовъ (¹). Перенести же куплетъ изъ думы о новѣйшемъ событіи въ легенду о событіи древнемъ было бы для рассказчика дѣломъ неестественнымъ, потому что вообще чело-вѣческой натурѣ свойственно новое строить изъ развалинь стараго, но не подпирать старое выемками изъ новаго. Самъ авторъ «Слова о Полку Игоревѣ» говоритъ, что хорошо бы начать пѣсню объ Игорѣ Святославичѣ *старыми словесы*, какъ дѣвалъ Боянь, только рассказать въ ней *былины сего времени*; и ни одна исторія литературы не представляетъ примѣра, чтобы въ какую-нибудь сказку, легенду или балладу народъ вставилъ стихи изъ произведенія новѣйшаго.

Тутъ является вопросъ: Если легенда о Золотыхъ Воротатахъ есть старинное стихотворное произведеніе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ кусокъ, говорящій о его первоначальной формѣ; то какъ же это случилось, что изъ всей до-козацкой эпической поэзи память народа сохранила только одинъ этотъ искаженный

(¹) Запѣвъ думы о походѣ на Поляковъ («Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовича, стр. 26):

Ой пішли козаки на чотирі поля,
Що на чотирі поля, а на п'яте на Подолье...

взять изъ думы на побѣду Чигиринскую (тамъ же, стр. 23), въ которой онъ тоже былъ заимствованіемъ, въ качествѣ общаго мѣста изъ неизвѣстной намъ думы. Это видно изъ того, что сперва оба враждебные стана поставлены одинъ противъ другого, и когда ужъ дошло до битвы, тогда говорятся:

Отсѣ жъ и пішли наші на чотирі поля,
Що на чотирі поля, а на п'яте на Подолье.
Ляхів на всі сторони, по всімъ хрестамъ колотіли...

обломокъ? На это можно отвѣчать, что мы еще далеко не привели въ извѣстность всего, что дошло до насъ изъ отдаленной старины нашей посредствомъ памяти народа, какъ это, между прочимъ, доказывается такими неожиданными находками, какъ дума о Гайжѣ Андыбѣрѣ, или нѣкоторыя другія думы, помѣщенные въ этой книгѣ. Но даже и въ настоящее время это не единственное поэтическое воспоминаніе народа о томъ, что предшествовало козачеству. Недавно А. В. Шишацкій-Иличъ записать въ селѣ Красилковѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи думу, относящуюся къ морскимъ походамъ язычниковъ Варяго-Руссовъ въ Грецію. Дума эта, какъ видно, давно уже вышла изъ употребленія у бандуристовъ, которыхъ умы увлекались современными имъ событіями козацкой исторіи и, подобно легендѣ о Золотыхъ Воротахъ, обратилась въ изустный рассказъ, потерявъ множество стиховъ своихъ и характеристическихъ подробностей. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, которыя, проводя почти все свое время за валеньемъ *валу* или пряжею *вѣвны*, пересказывали ее, вмѣстѣ съ разными сказками, своимъ внучатамъ. Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то «соловья стараго времени» дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. По ея вялому речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій, видно, что «вѣщце персты» давно уже не вторили ей на «живыхъ струнахъ» и что только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученную и плохо понимаемую рѣчь рассказщицы. 85-лѣтняя старуха *Гудиха*, передавшая ее г. Шишацкому-Иличу, уже не существуетъ, и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей — сколько мы его знаемъ — не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плавателяхъ по «круглому» морю, занимательнаго только для просвѣщеннаго человѣка. Страшно подумать, сколько еще и въ наше время гибнетъ сокровищъ народнаго духа, по недостатку такихъ людей, какъ Шишацкій-Иличъ! Открытіемъ этого памятника Южно-Русской народной поэзіи онъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя «Слова о Полку Игоревѣ.»

Интересно во многихъ отношеніяхъ введеніе разсказщицы въ стихотворную часть ея сказанія. Сама она не придавала никакой важности словамъ своимъ, называя ихъ *верзѣканьемъ*, и находилась, вѣроятно, въ такомъ состояніи, какъ одна старуха-сказочница, которая говорила о себѣ: »За старостю мало вже що памятаю; мовъ сплю, абó п'яна, абó, здаётця, перёдъ ва́ми стою да й брешу зъ голови, чо́го зъ ро́ду й не чу́ла.« Она сохранила въ памяти свое сказаніе не иначе, какъ съ того времени, когда, будучи ребенкомъ, слушала въ *запечку* какую-нибудь 80-лѣтнюю старуху. Поэтому въ ея словахъ слышатся намъ преданія Екатерининскаго вѣка, когда еще существовала Сѣчь Запорожская; а старуха, отъ которой сама она переняла древній речитативъ, могла видѣть собственными глазами людей, слышавшихъ пѣвцовъ первыхъ временъ козачества. (1)

ДУМА-СКАЗАНІЕ О МОРСКОМЪ ПОХОДѢ «СТАРШАГО КНЯЗЯ»-ЯЗЫЧНИКА ВЪ
«ХРИСТИАНСКУЮ ЗЕМЛЮ.» (*)

Старіи люде кажутъ, що колись були люде зовсімъ не такі, якъ (2), тепереньки: були, кажутъ, и великіи и гонкиі та́къ, що

(*) *Переводъ.* — Говорятъ старые люди, что когда-то народъ былъ совсѣмъ не томъ, что теперъ: былъ крупенъ и такой рослой, что нога,

(1) Перепечатаваю ее изъ № 16 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1855, гдѣ она неосновательно названна «Сказкою про бога Посвѣстача», въ противорѣчіе словамъ самого г. Шишацкаго-Илича, что «дума заключаетъ въ себѣ не фантазію, или же мысли объ извѣстныхъ историческихъ, или семейножизненныхъ фактахъ, несуществующихъ во времени, а самый фактъ.» (Примѣч. 5) Кроме того, въ думѣ этой описываются главнымъ образомъ происхожденія князя съ дружиною, а не дѣйствія бога Посвѣстача, и потому не слѣдовало называть ее такъ, какъ она названа первымъ издателемъ.

(2) Въ правописаніи держусь того же правила, которое соблюдено мною въ редакціи думъ Андрея Шута Александровскаго.

одна нога, примірно сказа́ть, намъ по плечѣ досяга́ла, а въ на́шихъ хатахъ тепе́решки імъ и жить би не по мірі. Сказано, порá одъ порі́ усѣ ма́лятця. Коли́сь, ка́жуть... Богъ-то ёго́ зна́е уже́, коли́ се бу́де... зросту́ть такі́ лю́де, якъ у насъ мурашкѣ, да тогді́ уже́, поговору́ють, и ко́нець світу́ бу́де. Бачъ, ка́жуть старі́ лю́де... да Богъ-то ёго́ зна́е, відкуля́ вони́ сѣе́ уже́ знають: чи то́ імъ уже́ та́кешки праді́ди роска́зували, чи іна́къ якъ, Господь і́хъ зна́е... Якъ—то воно́ бу́де таке́, що лю́де такъ изживу́тця, що якъ ко́машкѣ ти ста́нуть! А́жѣ жъ, якъ подивітьця́ на тепе́решне́го чо́ловіка, дакъ и́ще либо́нь не швидко́ таке́ мале́ переробитця́, и сві́тъ и́ще замі́сь до́вго сто́ять бу́де. Не намъ, бачъ, дождáть сѣ́го: хибá вже́ діти́ на́ши, чи вну́ки, абó да́лі.

Да то́ сказа́но, що́ лю́де си́ великі́ булі́ зовсімъ не те, що́ ми́, Христия́не: у і́хъ и бо́га я́кось і́накъ зва́ли — ка́жуть, *Посвистачъ* які́сь. Ві́нь, ка́жуть-то, устано́влявъ го́дину усю́ди, а біль́ше нечо́го и не зна́в: объ дру́гимъ чимъ дру́гіи́ зва́ли и по́радо́къ сві́й дава́ли.

примірно сказа́ть, досягнула́ би намъ до плеча́, а въ нашихъ хатахъ ему́ и жить тепе́рь было́ би не по мѣрѣ́. Извѣ́стно, чо́ дальше, то́ все́ на́родь мельча́єть. Говору́ть, ко́гда-то... Богъ зна́єть то́лько, ко́гда это́ бу́детъ... я́влять та́кіе лю́ди, ка́къ тепе́рь муравья́, да то́гда ужъ, сказа́вають, и ко́нець сві́та наста́єть. Види́шь, говору́ть стары́е лю́ди... то́лько Богъ і́хъ зна́єть, отку́да они́ все́ это́ знають: та́къ ли́ ужъ і́мъ прадѣ́ды росказа́ывали, или́ ка́къ-нибу́дь і́наче... ка́къ оно́ эта́къ сдѣ́лається, чо́ лю́ди изживу́тця́ и ста́нуть, ка́къ муравья́! Вѣ́дь, ка́къ по́смотру́ть на но́нѣшня́го чо́ловѣ́ка, то́, ка́жеться, не скоро́ би́ все́му́ эта́къ выро́днеться, и сві́ту, ка́жись, сто́ять би́ е́ще до́лго. Не намъ, види́шь, ло́жить до́ это́го: развѣ́ доживу́ть на́ши дѣ́ти, или́ вну́ки, или́ да́лѣ.

Ну, извѣ́стно, эти́ боль́шіе лю́ди бы́ли совсе́мъ не то, чо́ мы́, Христия́не: у нихъ и бо́га ка́къ-то і́наче зва́ли: бо́г у нихъ бы́лъ, говору́ть, ка́кой-то *Посвистачъ*. Онъ, говору́ть, устано́влява́въ всю́ду по́году, а боль́ше ни́ о че́мъ не заботи́лся; объ ино́мъ проче́мъ заботи́лись дру́гіе и распо́ряжали́сь по-свое́му.

Такъ-то було колісь, про що вамъ старá Гуйди́ха верзя́кае. (1)
Ска́зано: *Старóму брехáть — не цiномъ махáть.*

Отó, кáжуть... слухáйте жъ, бо се вже справеднá кáзка почина́етця... у сiхъ великихъ людéй старшiй якiйсь бувъ князь, да задумавъ вiнъ жени́тьця, щóбъ по собí було когó на цáрствi зостáвить. Ставъ сей князь людéй своiхъ ззивáть. Зиiшлися уci старiй, розумни гóлови, щó совiть давали своiмú князю. Вiнъ iмъ и кáже:

»Оцé, слуги моi вiрнi, намъ трéба знáть,
Когó послi мене на цáрство зостáвить,
Щóбъ вáми, розумними гóловами, дóбре-предóбре прави́ть;
Чáсомъ (2) моéi смéрти, щóбъ ви знáли.
Когó царéвáть постáвить.»

Отъ iмú и кáжуть:

»Ще ти, нашъ стáрший князю, нáша гóловá нарóдна,
Ще ти сáмъ мóжешъ дóбрый совiть дáть,
И своiмъ розумомъ помiрковáть.
А колi дозвóлишь, такъ ми тобí óтъ щó скáжемъ:
Не прикáжи насъ казни́ть и рубáть,
А позвóль тобí крáсную княгíню достáть,

Такъ-то было когда-то все это, что вамъ старая Гуйди́ха бoзтае́тъ.
Извéстно, *старóму брехáть — не цiномъ махáть.*

Ну, вотъ, говорятъ... слушайте же: это ужъ настоящая сказка начинается... у этихъ большихъ людей былъ какой-то старшiй князь, и вздумалъ онъ жени́ться, что́бъ было когó оставить по себé на цáрствé. Ставъ этóтъ князь людей своихъ ззывать. Сошлися всé старыя, умныя гóловы, что́ давали совéты своему князю. Онъ и говоритъ имъ. (3)

(1) При этóмъ разска́зница улыбу́лась. *Прим. III.-И.*

(2) Въ-случа́й.

(3) Языкъ самой думы такъ близко подходитъ къ обще-употребительному Русскому языку, что сплошной переводъ былъ бы излишнимъ. Я объясню только нéкоторыя мiста и отдéльныя слова.

Позвóль карабѣлі стругáть
Да на сѣне мóре виїжджáть.»

Тутъ старшій князь усміхнувся...

Повелівъ караблѣ знаряжáть

И нові будовáть, ⁽¹⁾

А въ караблѣ вѣйсько насáжувать

И кадкі мѣду уставлáють,

Щобъ булó съ чымъ по сѣнѣму мóрю гулѣть,
Да красную княгиню затримáть и шановáть. ⁽²⁾

Якъ зобрáли жъ да збудовáли караблѣ,

Тогдѣ ставъ князь у волосяну́ даху одягáтьця ⁽³⁾

Да золотимъ череслóмъ ⁽⁴⁾ підперáзуватьця. ⁽⁵⁾

Стáли вірні слуги ёго на майдáнахъ громадѣтьця ⁽⁶⁾

⁽¹⁾ И новые строятъ.

⁽²⁾ Угощать и потчиватьъ.

⁽³⁾ Въ мохнатую даху одѣваться. — *Даха* или *даху* — по-Монгольски, а *даха* — въ Иркутской и Томской губ. — родъ шубы, шерстью наружу. («Матеріалы для Сравнительнаго и Объяснительнаго Словаря», стр. 195.) Попросту — даха значить бурка съ *кобенякомъ* (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шишацкимъ-Иличемъ въ селѣ Чемерѣ, Козелецкаго уѣзда:

Обувъ но́ги не въ ремѣнь, не въ ремѣнь,
А въ чоботи изъ сапѣяну, изъ сапѣяну,
Шѣтий чѣресъ все шовка́ми — кругомъ ста́ну.
Одягъ плѣчи не въ жупáнь, не въ жупáнь,
Надѣвъ да́ху, ставъ якъ па́нь, ставъ якъ па́нь.
Вовна зѣрху такъ и ма́е, такъ и ма́е.
Зза́ду ко́бень такъ и гра́е, такъ и гра́е:
А рука́ва да ширóкїи, ширóкїи:
Зда́сть мо́лодь вся́кїи дѣвонцї морóкїи...

Г. Шишацкій-Иличъ прибавилъ къ этому отрывку слѣдующее объясненіе:

На мой вопросъ: «Что такое даха?» пѣвецъ этой пѣсни отвѣчалъ мнѣ: «Хутрянá звѣрева свѣта, тѣльки вовною до вѣрху, себѣ-то ненáче кожухъ, да тѣльки дуже коротка. Кáжуть, булá ся одѣжина ажъ ви́шше вкóдлшюкъ; изза́ду вáче кобеня́къ, а рука́ва ширóкїи да такъ и ма́лились по вітру, а на рѣ́ки не влягáлись. Я, бачь, не бáчивь, а кáжуть такъ.»

⁽⁴⁾ *Чересло́* или *чѣресъ* — кожаный поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги. — ⁽⁵⁾ Опоясываться. — ⁽⁶⁾ На выгонахъ собираться.

Да своїмү бѣгу Посвѣстачу моли́тьця,
Щобъ вінъ імя годіну давъ
Да моря не турбовавъ. (1)

Ста́ли за сімъ вони збира́тьця
Да карабѣлі свої у море выпуска́ть.
Ста́ли карабѣлі свої ча́йми (2) підима́ть ;
Якъ ста́до лебеді́въ вони одъ бе́рега одплива́ли,
По сині́му морю́ якъ бжѣли (3) снова́ли,
Що ажъ море собо́ю, нена́че хма́рами (4) тї́ми, крї́йма укрива́ли.

Іде князь ста́рший зъ своїмъ військомъ по крўглому морю́ до землі Хри-
стія́нської,

Щобъ тамъ у ля́къ своїми карабля́ми усі́хъ постано́вити (5)

И собі кра́сную княгї́ню въ заму́жже доста́ти.
Якъ ста́ли вони до Христія́нської землі дої́жджа́ти,
Ста́ло ста́ршого кня́зя уда́ле се́рце недѣ́бре зачува́ти,
И ка́же вінъ своїмъ ра́днимъ слуга́мъ : (6)

»Э́й ви слў́ги мої, ра́ти ві́рні !
Що́сь мо́я душа́ недѣ́бре чу́е :

(1) Не волновалъ.

(2) Слово, и Малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу — мачты и паруса. —

(3) Пчелы. — (4) Тучами. — (5) У лякъ постано́вити — привести въ ужась. —

(6) Эти два слова, можетъ быть, пѣлись старосвѣтскими баянами — *ратными слугамъ*. Поправка позднѣйшихъ пѣвцовъ, или разскащиковъ имѣеть свое основаніе и не уклоняется отъ смысла «старыхъ словесъ». Чуры у козаковъ были не только *ратными*, но и *радными* слугами (т. е. слугами-совѣтниками). Это не были конюшіе, или разсылные, это были повѣренные величайшихъ тайнъ. Хмельницкій послалъ своего чуру къ женѣ Барабаша за бумагами, отъ которыхъ зависѣла судьба Малороссіи. Чура Палія, Стоусъ, послѣдовалъ за нимъ въ Сибирь. Въ думѣ Андрея Шута о Хмельницкомъ говорится (Сборн. Метлинск. стр. 391):

Тоді́ жъ то не мо́гли зна́ти ні со́тники,
Ні полковники,
Ні чу́ри коза́цькі,
Ні му́жи грома́дські,
Що нашъ панъ Хмельни́цький — —
У го́роді́ Чигрині́ задѣ́мавъ вже й загада́въ.

Що ні сонг не йде, ні хліба извісти,
Ні водї испїти...
Колибъ намъ часомъ ⁽¹⁾ отгуть своїхъ дүшъ не положить!

Тогдї старї голови стали князя резонити,
Що на синїму морю їмъ нічого боятись :
Бачъ, вони свого бѣга Посвїстача прохали моря не турбовати.

Якъ тїльки жъ до бѣрега Христїянського вони стали допливати,
Ставъ чорний орѣль надъ моремъ лїтати,
А лїтавши, ставъ вінъ гѣлосомъ казати : ⁽²⁾

»Пхе, Рүська кѣсть пахне!«

Ставъ народъ Христїянський до моря зиходитця
Да Бѣга свого прохати,
Щобъ вінъ карабѣлі вѣражеськи вітромъ розогнавъ,
Чи водю потопивъ.

Ставъ Богъ Христїянський бүрю піднимати
Да крүглее сїне море изъ свого лѣжа вивертати.
Тогдї караблі по морю безъ ладү гуляли,
Чайми їхъ вітромъ ламало
Да по воді роскидало.

Стало вїйсько князя старшого у морі потопати,
Ставъ тогдї старший князь своїмъ раднимъ слугамъ казати :
»Эй ви, слүги мої вїрні! ⁽³⁾

Не естъ се богъ нашъ Посвїстачъ Богъ настоящий,
Що вінъ сѣї бүри не втишивъ,
Да наши караблі въ такій силі потопивъ.
Десь нашъ богъ Посвїстачъ спавъ,
Чи въ Макѣши ⁽⁴⁾ гулявъ....
Есть-то Богъ настоящий
Богъ Христїянський!«

Тогдї старший князь кораблі свої останні завертавъ,

⁽¹⁾ Подъ-часъ. — ⁽²⁾ Говорить.

⁽³⁾ Этогъ ствхъ подтверждаетъ предъядущее замѣчаніе.

⁽⁴⁾ Макоша — Славянскій богъ тишины.

Да назадь одпливавь.
Якъ прихавъ князь старшій у свою невірную зѣмлю,
Ставь вінь совіть старіхъ людѣй ззивать да збираць,
Да въ Христіянську зѣмлю посилаць,
Щобъ вони тамъ віру займали
Да Христіянського Бѣга и собі Бѣгомъ зазнали.

Довго старі гѣлови мовчали.
Одни свого старшого князя одъ сѣѣі думки одвертали,
Другіі самі собі нарекали,
А трѣйті стали старшого князя важить, (1)
Щобъ швидче човні бударажить (2)
Да у Христіянську зѣмлю одпливавь.

Стали вони вижджать,
Стали тогді усі пиръ пироваць,
Да кріпкимъ мѣдомъ дорѣгу поливаць.
Не день и не два вони такъ гуляли,
Покіль ажъ посланці зъ старшимъ княземъ назадь повертались.
У дудкѣ грали
И въ брязкѣти (3) бряжчали...

Я тамъ була,
Медь-вино пила,
По бороді текло,
Да въ рѣті не було.
Зъ барилечка горілочка буль-буль,
А нашимъ ворогамъ сімъ дуль! (4)

Въ какое время была сложена эта дума?
Кто будетъ утверждать, что, хотя она относится и къ стариннымъ событіямъ, но сложена во времена козачества, тотъ не

(1) Убѣждать. — (2) Ладья сваржать. — (3) Бренчалки. — (4) Кукишей. — По древности воспоминавня, рядомъ съ этой думою должно поставить отрывокъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ. (См. въ приложеніяхъ).

представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я напротивъ полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспѣтому, и только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣчи: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя слова и выраженія соотвѣтствовавшими имъ изъ современнаго языка, подобно тому какъ и въ наше время общепонятныя синонимы, а такъ-же Великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшиваются къ старинному языку думъ. (1)

Описывая странствованія Одиссея, Гомеръ заставляетъ его слушать рапсодіи, въ которыхъ воспѣваются его же подвиги. Изъ этого видно, что, по убѣжденію Гомера, героическія пѣсни слагались были Греческимъ народомъ на основаніи молвы, только что поражавшей его воображеніе. Рапсодіи народовъ Германскаго племени тоже слагались при жизни дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, или непосредственно послѣ ихъ смерти. На этомъ основаніи и Шиллеръ заставляетъ своего Рудольфа прослезиться въ день коронаціи отъ пѣсни о собственномъ подвигѣ благочестія. То же самое надобно сказать о произведеніяхъ Провансальскихъ трубадуровъ, объ Испанскихъ и о Шотландскихъ балладахъ. Наши пѣвцы такъ-же слагали свои думы непосредственно вслѣдъ за событіями, которыя давали строй ихъ мыслямъ, или въ честь, а пожалуй и въ порицаніе живущихъ лицъ. Такъ въ «Краткой Исторіи о Бунтахъ Хмѣльницкаго», написанной современникомъ этихъ «бунтовъ», говорится (на стр. 44), что невѣста Тимофея Хмѣльницкаго, наканунѣ свиданія съ нимъ, приказывала пѣть себѣ *о немъ* «думу козацкую»; а въ Лѣтописи Величка (стр. 536) упоминаютъ, что епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, на досаду гетману Самойловичу, «зложилъ собою думу альбо пѣснь» о Вѣнской войнѣ.

(1) Недавно я слушалъ лирника Федора Кононенка, въ селѣ Александровкѣ, Лубенскаго уѣзда. Въ думѣ объ Ивасѣ Вдовиченкѣ, онъ въ первый разъ пропѣлъ: *шапку изъ голови знимайе*, а въ другой: *шлыкъ изъ главы здиймае*. На вопросъ мой: отчего онъ неодинаково поетъ? онъ отвѣчалъ: «То я попростому спиваю, а ви оттакъ записуйте: *шлыкъ изъ главы здиймае*.»

Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири (¹) говорить :

Ой де жь то пань Палій Семѣнь *теперя* журитця!

Она сравниваетъ Мазепу, который, пожертвовавъ душою, носить шитую золотомъ свиту, съ Паліемъ, бѣдствующимъ въ Сибири :

Той, душу заклавши, свиту, бачъ, гантѣе,
А той по Сибіру — мовъ въ лузі дубѣе...

и унылымъ своимъ складомъ, чуждымъ всякаго утѣшенія, выражаетъ, что во время ея сочиненія Палій не былъ еще возвращень изъ Сибири, а Мазепа находился на верху своего могущества.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: Кто были слагатели историческихъ думъ и пѣсень?

Судя по нынѣшнимъ ихъ пѣвцамъ, можно бы было полагать, что такіе же слѣпцы были и ихъ авторами. Но отъ-чего же они теперь не сложили думы на 1812-й, или 1831-й годъ, въ подобіе тому, какъ нѣкогда кто-то сложилъ :

Шведського року, нещасливого літа:....?

Отъ-чего Гладкій, при рожденіи котораго затрепетала земля (см. выше, стр. 165), не воспѣтъ нищими слѣпцами такъ, какъ Палій, вѣрный слуга Царя Петра? Мы скажутъ, что этому причиною общій упадокъ Малороссійскаго народнаго творчества, происходящій въ-слѣдствіе обобщенія національностей, или, что причиною этому отсутствіе старосвѣтской централизаціи Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отъ-части, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный

(¹) «Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовичемъ, стр. 113.

ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ — цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній Малороссійскаго поэтическаго гевія и ни коимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всё, не разбирая того, велики, или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ Греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ — отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи. Наши рапсодіи, въ которыхъ разсказываются такія подробности, какъ на примѣръ :

Перва (аренда) на Самарі,
Друга на Саксані,
Трѣйта на Гивліи,
Четвёрта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці (¹)...

или :

Городъ Сороку у неділю рано задобідде взявъ,
На ринку-обідь пообідавъ,
Къ полудній годині до города Січави припавъ,
Городъ Січаву огнемъ запаливъ и мечемъ исплюндровавъ (²)...

ваши рапсодіи суть наши поэтическія лѣтописи. Гомеръ, сложившій Илиаду лѣтъ черезъ полтора ста по разореніи Трои, не могъ иначе помнитъ всѣхъ Данайскихъ кораблей и разныхъ народцевъ съ ихъ исторіями, какъ посредствомъ подобныхъ обстоятельныхъ

(¹) См. выше, стр. 58.

(²) -Нар. Южнор. Пѣсни-, изд. Метлинскаго, стр. 393.

рапсодій, въ которыхъ фантазія пѣвца опиралась безпрестанно на собственныя его воспоминанія. Онъ былъ Вальтеромъ Скоттомъ Греческой старины. Онъ собралъ память многихъ людей въ одну память и творчество многихъ умовъ въ одинъ умъ, сообщилъ всему этому единство представленія и слилъ отдаленнѣйшія преданія, легенды и пѣсни съ собственными впечатлѣніями, воспоминаніями и рассказами очевидцевъ ближайшей къ нему старины. Великія явленія въ исторіяхъ литературъ не повторяются въ точной параллели между собою, но, по одинаковости природы общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общаго; и потому ниши пѣсни, сложенныя народомъ, послужать, — если не послужили уже отъ-части — къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Мы и народъ — одно и то же, по нравственному развитію Малороссійскаго населенія, но только онъ, съ его изуточною поэзією, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша построена прямо на началахъ его изуточной *словесности* (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣ своихъ предшественниковъ, Украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части Малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ-уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?... Но возвратимся еще къ непрерывности народнаго поэтическаго творчества.

Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, чтó сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была

расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго челоуѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ Малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстають любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ *народной* жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни; а жизнь, двигаясь впередъ, непременно создаетъ для себя новыя и новыя формы. Чтѣ выйдеть изъ Малороссійскаго цивилизованнаго общества, по-видимому совершенно отрѣшившагося отъ своего прошедшаго и доходящаго до бозобразія въ стремленіи къ обобщенію съ общечеловѣческой жизнью, — мы не знаемъ, но не можемъ потерять (ибо не потеряли до сихъ поръ) вѣры, что эта сумятица понятій и убѣжденій, которая поражаетъ насъ въ его массахъ и отдѣльныхъ личностяхъ, подъ видимою своею безпорядочностію скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему духовному развитію. Притомъ же никогда не должно терять изъ виду, что залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ *народѣ* (разумея подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ) и что жизнь, составляя вообще тайну для ума чолоуѣческаго, и тутъ не легко дается ему досмотрѣться до дѣйствительныхъ двигателей общественнаго развитія. Исторія ужъ много разъ изумляла насъ обнаруженіемъ глубоко вкоренившейся новой жизненной силы подъ омертвѣлыми, почти неподвижными остатками прошедшаго порядка вещей и слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій; но она еще никогда не отступала отъ законовъ преемства между стариною и новымъ временемъ. А потому и въ нравственной исторіи Южно-Русскаго племени движенія челоуѣческаго духа въ формахъ былого не должны остаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій.

Итакъ вотъ мой отвѣтъ на вопросъ: почему современные слѣпые пѣвцы-вищце не творятъ новыхъ думъ подь-стать старымъ:

Spiewak niestety! spiewać nie mam komu.... (1)

Поколѣніе простолюдиновъ отрѣшилось отъ своего прошедшаго въ-слѣдствіе новаго порядка вещей, по которому не масса народа, управляемая инстинктомъ, а извѣстное, ограниченное число людей, стремясь къ ясно понимаемымъ цѣлямъ, творить историческія обстоятельства. Оно отвыкло питаться поэтическою пищею воспоминаній, потому что новая обстановка жизни, мало-помалу подавила въ немъ симпатію къ тому, что не напоминаетъ ему его положенія. Поэтому дума бандуриста, сложенная въ эпоху Хмѣльницкаго, производитъ слабое впечатлѣніе на народъ; а какъ поэтъ есть только собиратель въ одинъ фокусъ народныхъ чувствъ и мыслей, то и нѣтъ для бандуриста-простолюдина достаточнаго возбужденія на творчество. Мало того: онъ даже забываетъ замеченныя отъ другихъ думы, по причинѣ апатіи и невниманія своихъ слушателей, какъ это выразилъ и самъ Архипъ Оржицкій, сколько былъ способенъ выразить (см. выше, стр. 13 — 14). Люди же новаго образованія, въ которыхъ возродилась сила народнаго духа, съ своей стороны не могутъ удовлетвориться возрѣніемъ темнаго простолюдина на жизнь, и потому самому не даютъ ему поэтическаго возбужденія къ творчеству. Имъ нужны уже *поэты*, въ новомъ значеніи слова, — люди, окруженные одинаковымъ съ ними горизонтомъ, и творенія этихъ поэтовъ, даже ненапечатанныя, они знаютъ наизусть, а произведенія ихъ, по обширности и формѣ неудобныя для сохраненія въ памяти, переписываютъ съ пожертвованіемъ значительнаго времени и издержекъ. Не говорю уже о сочиненіяхъ на Велико-русскомъ и на Польскомъ языкахъ такихъ писателей, какъ Гоголь и Богданъ Залѣскій. Бандура и пѣніе сдѣлались ненужными, по совершенству изложенія,

(1) Т. е. Увы, я пѣвецъ, и некому мнѣ пѣть!

возбуждающаго внутреннюю свою гармонію поэтическое сочувствіе въ обществѣ: явленіе такъ-же не новое между народами.

Но одни ли только слѣпцы были въ-старину Малороссійскими рапсодами? Нѣтъ, и вотъ тому доказательства:

1. Въ думѣ о смерти козака-кобзаря, записанной г. Аванасьевымъ между Пырятиномъ и Прилуками (1), изображается козакъ, который вышелъ изъ битвы на израненномъ конѣ, съ переломаннымъ копьемъ, потерявъ саблю и выстрѣлявъ всѣ заряды. Онъ утоляетъ свою скорбь пѣсней о приближающейся смерти и игрою на бандурѣ, которую называетъ вѣрно подругою и къ которой обращается, какъ къ существу чувствующему. Изъ этой думы видно, что бандура бывала иной разъ такою жъ принадлежностью козака въ дорогѣ, какъ и люлька, ибо она названа *подорожною*, и когда козакъ лишился всего, то —

Тільки й зосталась ёму *бандура* подорожная
Та у глибокій кишени *люлька-бурунька*.

Уже это сближеніе бандуры съ люлькою, которая, по извѣстной пѣснѣ, для козака нужнѣе жинки (2), показываетъ, какою употребительною вещью была она въ тѣ времена, когда человекъ жилъ на конѣ и не имѣлъ другой словесности и другого свидѣтельства о своихъ подвигахъ, кромѣ пѣсни. Но всего лучше прочитаемъ самую думу, которая не для всякаго памятна по сборнику.

ДУМА О СМЕРТИ КОЗАКА-БАНДУРИСТА. (*)

Ой на Татарськихъ поляхъ,
На козацкихъ шляхахъ,

(*) *Переводъ*. — На Татарскихъ поляхъ, на козацкихъ дорогахъ

(1) -Нар. Южнор. Пѣсни-, изд. Метлинскаго, стр. 443.

(2) Мнѣ зъ живкою не возитьця,

А тютюнъ та люлька козаку въ дорозі знадобитця.

Не вовки-сіроманці квілять-проквіляють,
Не орли-чорнокрільці клекочуть и підъ небесами літають :
То сидить на могилі козакъ старесенький,
Якъ голубонько сивесенький,
У кобзу грає-виграває,
Голосно співає...

Кінь біля ёго постріляний, порубаний,
Ратице поламане.
Піхви безъ шаблі булатної,
У ладівниці ні однісенького набію.
Тількі й зосталась ёму бандура подорожня,
Та у глибокій кишени лялька-бурунька,
Та тютюну півъ-папұшки.

Козакъ сердега люлечку потягає,
У кобзу грає-виграває,
Жалібно співає :
»Гей, братця, пані молодці,
Козакі Запорозці !
Де ви ся повертаєте.
Якъ ви ся маєте ?
Чи до Січи-матери прибуваєте ?

не сѣрые волки воють, не чернокрылые орлы клоччуть и подъ небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый козакъ, сѣдой какъ голубъ; онъ играетъ на кобзѣ, онъ громко поетъ...

Подлѣ него израненный пулями и саблями конь, изломанное копьё, ножны безъ булатной сабли, и ни одного заряда въ ладункѣ. Только и осталась у него дорожная бандура да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да полъ-папуши табаку.

Козакъ бѣднага трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: »Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? каково вамъ поведется? Возвращаетесь ли вы къ матери-Сѣчи, побиваете ли дубьемъ враговъ Ляховъ, загоняете ли въ по-

Чи до Січи-матери прибуваєте,
Чи Ляхівь-ворогівь киями покладаете?
Чи Татарь бусурменівь малахаями, якъ череду, у полонь заганяете?
Колибъ мині Богъ помігъ старі ноги розсправляти,
За вами поспішати,
Може бъ ще я здужавъ на останку віку вамъ заграіти,
Голосно заспівати!
Нехай би моя кобза знала,
Що менé рука Християнська поховала!
Ато пропаде моя кобза ні за собаку:
Ложатиме сама собі у степу, вивернувши угору с...!
А вже мині старенькому безъ кобзи пропадати:
Не зможу я по степахъ чвалати.
Будуть менé вовкѣ-сіроманці зустрівати,
Будуть дідомъ за обідомъ коня мого заїдати.
Кобзо жъ моя, дружино вірная,
Бандуро моя малёваная!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чїстому степу спалати?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могилі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітае,
Струни твої зачіпае,

лонь нагайками бусурмановъ Татарь, какъ стадо! Когдабы помогъ мнѣ Богъ расправитъ старыя ноги и поспѣшитъ за вами, то, можетъ быть, я бы еще былъ въ силахъ заиграть и громко зацѣть вамъ при концѣ жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука Християнская! Ато пропадетъ моя кобза ни за собаку: будетъ валяться въ степи, опрокинувшись къ-верху задомъ! Приходится мнѣ, дряхлому, погибать безъ кобзы: не въ силахъ я тащиться по степи. Повстрѣчаютъ меня сърыя волки; конь мой будетъ мнѣ обѣдомъ, а я, старикъ, закускою. О кобза, подруга моя вірная, бандура ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепель по вѣтру, или положить на курганъ? Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степямъ, пусть

Смутнѣсенько, жалібнѣсенько граѣ-вигравѣе.
То, може, подорожні козаки бігтимуть близенько,
Почують, що ти граєш жалібненько,
Привѣрнуть до могіли....» (1)

Итакъ въ первыя времена козацкаго рыцарства бандура была не случайною вещью у воина; иначе она бы не была названа въ думѣ подорожною и не упоминалась бы рядомъ съ люлькою.

2. Когда средоточіемъ Малороссійской національности, вмѣсто Запорожья, или *Полей*, сдѣлались *Города*, Запорожье и сюда перенесло многія черты свои. Бандура сдѣлалась на Украинѣ общепотребительнымъ инструментомъ у всѣхъ, кто самъ себя называлъ *козакомъ*, или кого другіе такъ называли. Чтобы въ козацкій вѣкъ и въ козацкомъ обществѣ называть себя козакомъ, или отъ другихъ получить такое названіе, для этого нужно было имѣть всѣ отличительныя свойства козацкаго характера, а въ томъ числѣ и искусство выраженія козацкихъ чувствъ. Объ этомъ мы можемъ догадываться по недавнимъ, существовавшимъ еще на на-

здѣваетъ твои струны и грустно, жалобно на нихъ наигрываетъ. Можетъ быть, проѣзжіе козаки будутъ скакать близко; можетъ быть, услышать твой жалобный голосъ и поворотятъ къ кургану...»

(1) Думу эту надобно отнести къ первымъ временамъ козачества, когда убѣжищемъ Малороссійской національности была *Січь-мати*, или *Поля*, какъ называлось вообще Запорожье, и когда съ одной стороны наши степные рыцари отражали напоръ невѣрныхъ Татаръ на Христіанскій земли, а съ другой боролись за свое существованіе съ Польскими коронными гетманами, которые, не зная какъ согласить поступки Запорожцевъ съ общими интересами государства, не разъ готовы были уничтожить ихъ совершенно. Всѣ думы временъ Хмельницкаго имѣютъ свою почву *Городá*, или собственно *Україну*, и не говорятъ ничего о враждѣ къ Татарамъ, которые въ то время были союзниками козаковъ. Всѣ послѣ Хмельницкаго сложеныя думы такъ сильно проникнуты духомъ партій, что ни одинъ бандуристъ не могъ бы сложить пятидесяти стиховъ, не упомянувъ въ нихъ ни объ одномъ изъ лицъ, подъ знаменами которыхъ дѣйствовали тогда раздробленные интересы Малороссіи.

шей памяти бандуристамъ не-слѣпцамъ и не-нищимъ: они были именно тѣ люди въ народѣ, которыхъ выразительно называли *козаками*. Это были большею частью удалые, молодцоватые парубки, которые, женись и сдѣлавшись степенными людьми, только подъ веселую (попросту — пьяную) минуту брались за бандуру и плясали подъ нее съ чаркою на головѣ, а иной разъ и плакали. Теперь ужъ эти козаки между козаками измельчали, въ-слѣдствіе перехода дѣятельной силы народнаго духа въ другой классъ общества; бандуры ихъ раскололись въ щепья, и они — если чувствуютъ въ себѣ музыкальныя способности — дѣлаются свадебными музыкантами на скрипкахъ и басахъ. Но въ-старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гусямъ, которыя, по преданію о Царѣ Давидѣ, были присвоены особамъ духовнаго сана, или тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для буйной козацкой, подъ-часъ цинической поэзіи (¹). Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири показываетъ, какое важное значеніе имѣла бандура въ жизни козака. Въ этой пѣснѣ, исполненной глубокой грусти, какъ по содержанию, такъ и по напѣву, представляется козацкій предводитель тоскующимъ въ удаленіи отъ родины и отъ восхода до захода солнечнаго бродящимъ по Сибирской пустынѣ:

Высоко сонце сходитъ, низенько ложитца;
Ой десь-то панъ Палій Семёнъ тепѣра журитца?
Высоко сонце сходитъ, низенько заходитъ;
Ой десь-то панъ Палій Семёнъ по Сибіру бродить!

Онъ ищетъ утѣшенія въ религіи; онъ чувствуетъ приближеніе старости и кается въ грѣхахъ своихъ:

(¹) Еще недавно на гусяхъ игравали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпого пѣвца-вищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

»Ой чуро мій, чуро, мій вірний Стоюсю!
Ой ходімо у каплицю, Бѣгу помолюся.
Ой Бѣгови помолюся, святимъ поклонюся:
Зледащів же я, пону́рий, старѣнькимъ здаюся,
Старѣнькимъ здаюся, мо́литися мушу!
Хай мѣлуе Милостивий мою грѣшну дѣшу!«

Это одно средство къ облегченію *пону́рой* души изгнанника, такъ какъ религіозное начало, то есть стремленіе къ безконечному, лежитъ въ основѣ Малороссійскаго характера. Но человѣкъ не можетъ оставаться долго на высотѣ религіознаго возношенія души къ Богу; земная тоска имѣетъ всегда свою долю въ душѣ его:

Пішовъ панъ Палій Семѣнь Бѣгови мо́литця, —
Не то Бѣгови мо́литця, а не то журитця.

Отводомъ этой тоски служитъ человѣку философія, которая въ ней самой беретъ свое начало, но, развиваясь болѣе и болѣе, возвращаетъ человѣку утраченное спокойствіе. Палій естественно долженъ былъ въ своемъ одиночествѣ утолять душевную скорбь философскими сѣтованіями, отъ которыхъ одинъ только шагъ до высшаго утѣшенія (хотя этотъ шагъ дѣлають немногіе). Но посмотрите, что служитъ ему органомъ скорби: бандура и пѣсня:

Пришовъ панъ Палій долѣму да й сівъ у наміті,
На банду́рці виграва́е: »Лихо жити въ світі!«
Той, дѣшу закла́вши, світу, бачъ, гапту́е,
А той по Сибіру мовъ у лу́зі дубу́е!«

Бандура здѣсь упомянута не для украшенія стиха. Строгій характеръ исторической Малороссійской пѣсни вообще, и этой въ особенности, не допускаетъ никакихъ украшеній, въ противорѣчіе дѣйствительности. Исчисленіе вещей и предметовъ природы въ нашихъ пѣсняхъ основано всегда на исторической истинѣ: фантазія пѣвца свято ее уважаетъ, и это составляетъ одно изъ су-

щественныхъ достоинствъ Малороссійскаго эпоса. Пѣвецъ, изображая Палія съ бандурою въ рукахъ по возвращеніи съ молитвы, не могъ бы не чувствовать неестественности этого положенія, еслибъ оно не было въ обычаяхъ того времени и не согласовалось съ понятіями народа о томъ, какъ долженъ проводить свое время въ Сибири такой рыцарь, какъ Палій. А два способа душевнаго изліянія, религіозный и поэтический, взятые въ пѣснѣ и поставленные рядомъ, показываютъ, что бандура и пѣсня заступали въ старину второе мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ.

3. Въ старосвѣтскихъ мѣщанскихъ и козацкихъ свѣтлицахъ можно до сихъ поръ встрѣтить изображеніе Запорожца во всей красотѣ его. Онъ сидитъ, сложивъ накрестъ ноги, и играетъ на бандурѣ; подлѣ него, въ лѣсу, пасется конь, а вдали на деревѣ виситъ ногами къ-верху Жидъ, а иногда и Ляхъ. Г. Скальковскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ объяснять козацкую исторію, замѣчаетъ въ своей книгѣ: »Наѣзды Гайдамакъ« (стр. 153), что висящая на деревѣ фигура есть козакъ и что она представляетъ изображеніе участы, которая ожидаетъ въ Польшѣ всякаго гайдамацкаго предводителя. Но въ стихахъ, списанныхъ имъ же съ такой картины и помѣщенныхъ вслѣдъ за объясненіемъ, Запорожецъ выражаетъ торжество свое надъ Поляками и Жидами и безопасно шутить по-Запорожски съ читателемъ:

- Въ мене имя не одно, а есть ихъ до-ката;
• Такъ зовуть, якъ набіжышъ на якого свѣта:
Жидъ зъ біді за рідного бѣтька почитае,
Милостивимъ добродіемъ и Ляхъ называе.
А ти якъ хочъ назові — на всё позволяю,
Аби-бъ тілько не крамаремъ, бо за те полаю.

Эти надписи имѣютъ множество вариантовъ, но всѣ онѣ, какъ видно, пошли отъ одного стихотворенія какого-нибудь маляра, который »удралъ« для кого-то Запорожца со всѣми его принадлеж-

ностями и выразилъ его философію въ полукнижныхъ виршахъ. (1)
Одна надпись начинается такъ :

Струни мої золотіі! заграйте мнѣ стѣха,
Ачѣй (2) козакъ-нетяжице позабуде лиха....

Это двестишіе напоминаетъ общій тонъ пѣсни о Паліи и назначаетъ бандурѣ ея обычную роль въ жизни козака. Народъ полюбилъ изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ; а если полюбилъ народъ, это значитъ, что изображеніе похоже на свою натуру, то есть, что съ понятіемъ о Запорожцѣ въ умѣ народа непосредственно соединялась бандура. Но этотъ инструментъ не имѣлъ для него смысла балалайки. Воззвавъ къ своимъ золотымъ струнамъ, Запорожецъ выражаетъ глубокую тоску о своей бурлацкой, бѣдственной, хоть и разгульной подь-часъ жизни. Хоть онъ и говоритъ, что у нихъ въ Сѣчи *гладко пьють, якъ зъ лука бьють* съ утра до ночи; хоть онъ и хвалится своими молодецкими подвигами; но тутъ же, въ комическихъ краскахъ, изображаетъ безсиліе грядущей старости, — разумѣется, одинокой и безпріютной посреди черстватаго *товариства*, и во всей стихотворной рѣчи его слышится то же самое, что выражала и бандура Палія, именно: *Лихо жити въ світі!*... Таково было значеніе бандуры для козака въ старыя времена, таково оно, въ понятіи народа, и до сихъ поръ. Это органъ для выраженія глубокихъ душевныхъ движеній, а не веселый инструментъ для танцевъ, хотя веселость, или комизмъ въ Малороссійскомъ характерѣ всегда идетъ объ руку съ грустью (какъ это доказалъ и нашъ Гоголь), и бандуристъ зъ *журбїи* можетъ ударить плясовую, какъ-бы желая закружиться въ вихрѣ танца и позабыть на время тоску свою.

4. Если, такимъ образомъ, старый воинъ, въ послѣдній своѣй

(1) Вспомнимъ Запорожца, который рисовалъ костюмы для «Летописнаго Повѣствованія о Малой Россіи», Ригельмана. Такой мастеръ могъ сочинить изображеніе Запорожца-кобзаря и стихи подъ нимъ, которые сдѣлали народною и самую картину.— Полную надпись помѣщаю въ приложеніяхъ. — (2) Авошь-либо

часть, обращался къ бандурѣ съ рѣчью, какъ къ живому существу, и передавалъ ей грусть о близкой кончинѣ вдали отъ товарищей; если изгнанникъ въ Сибири выражалъ этимъ органомъ свои мысли и чувства на тему: *Дихо жити въ світі!* если чубатый Запорожець взывалъ къ золотымъ струнамъ въ надеждѣ позабыть, при званіи ихъ, о своихъ бѣдствіяхъ: то какъ не заключить, что такія думы, какъ о дарахъ Баторія, какъ о походѣ Серпяги, или о походѣ Сомка Мушкета, или о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами? Владѣя инструментомъ и глядя на событія сквозь призму цвѣтистаго Украинскаго воображенія, неужели они только повторяли думы слѣпцовъ, а сами ихъ не складывали? Гораздо естественнѣе было слѣпцамъ, посѣщая козацкіе таборы и бесѣды для милостыни, наслушаться козацкихъ пѣсенъ и потомъ расцѣвять ихъ на *пріснахъ* подъ сельскимъ хатами. Имъ принадлежать, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій. ⁽¹⁾

5. Такъ какъ думы слагались немедленно послѣ всякаго событія, потрясавшаго «козацкій народъ», и какъ многія лица, владѣвшія бандурою, безъ сомнѣнія, импровизировали подъ нее свои впечатлѣнія и воспоминанія, подобно Палію въ Сибири, или старому козаку, вышедшему изъ битвы на израненномъ конѣ; то можно судить, какое обиліе произведеній эпической изустной поэзіи существовало въ длинный періодъ времени отъ морскихъ походовъ первыхъ Кіевскихъ князей до переходной эпохи, въ которую народное

(1) Напомню читателю стихъ изъ пѣсни, о которой буду говорить подробно ниже:

Не попустімо Ляхові Польщи!

Бандуристъ-слѣпецъ сказалъ бы: *Не попустіи, Бѣже!* или: *Не попустіте, козаки!*

творчество сдѣлалось достояніемъ людей новаго вѣка. Лѣтописцы наши вовсе не упоминаютъ о думахъ, такъ какъ-бы ихъ никогда и не пѣлось; но они молчатъ и о пѣсняхъ, которыми до сихъ поръ сопровождается каждое обстоятельство въ жизни Малоросійскихъ поселянъ. Будучи почти исключительно отшельниками, они до времени Хмѣльницкаго едва считали нужнымъ записывать въ своихъ *крѣпичкахъ*, что въ такомъ-то году была война *Круковщина*, а въ такомъ *Таборщина*, и т. д. Только эпоха Хмѣльницкаго вовлекла иноковъ и всѣхъ грамотныхъ людей въ интересы козачества и заставила ихъ кой о чемъ пораспространиться. Но существованіе, въ формѣ думы, такого стариннаго воспоминанія, какъ походы нашихъ аргонавтовъ, показываетъ, что она ведетъ свое начало съ того времени, когда въ мирномъ племени Полянъ образовалось воинственное и предприимчивое общество, подъ предводительствомъ Балтійскихъ Руссовъ. Разумѣется, старыя римоваанныя, или тоническія сказанія слагались для извѣстнаго класса слушателей и въ этомъ классѣ сохранялись посредствомъ одной памяти. Грамота въ то время была такимъ дѣломъ, которое можно было употребить только для переписки священныхъ книгъ, для сохраненія договорныхъ статей да для записыванія, что такой-то князь сѣде на такомъ-то столѣ, а такой-то прииде войною на такого-то. До инока, погребеннаго заживо въ пещерѣ, не доходили воинственныя пѣсни княжеской дружины; если же онъ и слышалъ ихъ, появляясь изрѣдка на княжескомъ дворѣ, то осуждалъ, какъ суету мірскую, вмѣстѣ съ *сопльями* и *гуслими*, которыя имъ вторили. Времена удѣловъ благопріятствовали еще менѣе сохраненію на бумагѣ старинныхъ думъ. Только необъяснимая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну думу о *полку Игоревѣ*, но и та дошла до насъ въ искаженномъ видѣ. Понятія тогдашнихъ переписчиковъ допускали измѣненія въ чужомъ сказаніи по собственному вкусу, и какой-нибудь Владимірецъ, добываясь отъ поэмы лѣтописнаго интереса, могъ потрудиться надъ старой, или оригинальной рукописью по-своему, чтобы разоблачить ее отъ риемъ, которыя только случайно кое-гдѣ удѣлѣли. Но,

можетъ быть, это было совѣтъмъ иначе: можетъ быть, уроженецъ безриоменной страны слыхалъ рапсодіи южныхъ пѣвцовъ и, въ подражаніе имъ, сложилъ полу-думу, полу-лѣтопись объ Игорѣ, не усвоивъ себѣ южной риомы. Противъ этихъ парадоксовъ можно возразить только парадоксами, потому что область старосвѣтской поэтической дѣятельности на Руси расширяется вокругъ »Слова о Полку Игоревѣ« темною пустынею, въ которой только гдѣ-то давали слышенъ голосъ Бояна, *соловья стараго времени*... Для состязующихся нѣтъ никакихъ опоръ, ни орудій. Дѣло кончается на догадкахъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Положимъ, что »Слово о Полку Игоревѣ« есть произведеніе, независящее отъ думъ; но способность Южно-Русскаго племени къ эпическому творчеству не могла пробудиться только съ возрожденіемъ княжескихъ дружинъ подъ формами козачества. Существова въ эту эпоху, она должна была существовать и въ эпохи отдаленнѣйшія, какъ тому служить доказательствомъ и приведенная выше дума объ аргонавтахъ Южно-Русскихъ. Если же при жизни козаковъ объ ихъ подвигахъ уже слагались думы, то почему было князьямъ не получать подобной хвалы отъ современныхъ имъ Бояновъ? Объ этомъ ясно говорится въ »Словѣ о Полку Игоревѣ« : *...пльсьнъ пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславичю. Или: О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плькы ущеко-талъ!... пльти было пльсьнъ Игореви, того Ома внуку. Самый заключительный куплетъ поэмы: Слава Игорю Святъславичю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здравии князи и дружина, поборая за Христьяны на поганья пльки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!* очень похожъ на окончанія многихъ нашихъ думъ, и всего болѣе на заключительные стихи думы о Палии и Мазепѣ :

Дай, Бѣже, честь и хвалу
Світъ праведному Государю,
Та и Семѣну Палию, превеликому пану,
Що не давъ Шведу Христьянъ на поталу!

Ой дай, Бóже, усімъ Христїянамъ мно́гая літа
Та щаслівого прожітїя у сімъ світі! (1)

Да и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды старинныхъ славословіи князьямъ, то есть предводителямъ войска. Въ *щедрый вечеръ*, накануне новаго года, толпа народа, подойдя къ окну дома, котораго хозяина зовуть, положимъ, Александромъ, поеть :

Сла́вень, сла́вень да пань Олекса́ндра!

Ще́дрий ве́чирь!

Ой чимъ же вінъ сла́вень? тромá городáми.

Ще́дрий ве́чирь!

Тромá городáми, своїми синáми.

Ще́дрий ве́чирь!

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бывають Кіевъ, Черниговъ и тотъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ, и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу. Къ сожалѣнію, я не помню словъ этой *щедрївки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома. Но каждый согласится, что она изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ. Что значитъ припѣвъ : *Ще́дрий ве́чирь?* Не было ли въ-старину опредѣленныхъ вечеровъ, въ которые князья слушали собственное славословіе и *щедро* угощали, или награждали пѣвцовъ, какъ это и теперь дѣлается хозяиномъ дома, которому *щедрують*? (2)

Итакъ, по одному уже обычаю слагать думы въ честь князьямъ, а потомъ въ честь козацкимъ *ліцарямъ* и по легкости Малороссійскаго речитатива, можно заключить, что пѣсенность въ старыя времена Южной Руси была въ сильномъ развитіи, и что эпосъ былъ такъ употребителенъ между рыцарствомъ, какъ ли-

(1) «Запорожская Старина», изд. Срезневскаго, т. II, стр. 75.

(2) Трубадуры по оканчанїи своихъ пѣсень восклицали: *Largesse! largesse!*

рическая поэзія — между женщинами. Но здѣсь представляется еще одно заключеніе. Въ женскихъ пѣсняхъ языкъ, независимо даже отъ дивной текучести стиха, обработанъ до изумительной степени совершенства. Вы не встрѣтите слова, сколько-нибудь вялаго, или плохо подобраннаго. Какъ зерна въ хорошемъ колосѣ, такъ слова въ лучшихъ, неискаженныхъ еще нашихъ пѣсняхъ, набраны всё здоровыя, звучныя и полновѣсныя. Въ изложеніи замѣтенъ строгій вкусъ; въ звукоподражаніяхъ языкъ доведенъ до послѣдней своей гибкости, съ сохраненіемъ въ то же время мужественнаго, густого тона. Какъ произошли всё эти явленія? Неужели языкъ женскихъ пѣсней обрабатывался отдѣльно и дошелъ самъ собой до такого совершенства? Или женщины наши заговорили о своихъ чувствахъ только со времянь козачества, и въ короткое время, безъ пособія письменности, успѣли возвести рѣчь свою на такую высокую степень красоты? Нѣтъ, тутъ надобно предполагать трудъ нѣсколькихъ столѣтій, и исторія другихъ языковъ показываетъ, какъ медленно совершается подобная обработка. Собственно женщинамъ нашимъ принадлежитъ только несравненная ни съ чѣмъ пѣвучесть стиха, но мужественный звонъ его и сила его словъ находятся въ явномъ соотношеніи съ языкомъ думъ и мужскихъ пѣсней. Дума была первою формою, изобрѣтенною нашими древними Боянами, для того, чтобы *ущекотать*, подобно соловью, какой-нибудь побѣдоносный полкъ съ его княземъ, и безчисленныя битвы старосвѣтскихъ дружинъ давали имъ поводъ къ безчисленнымъ славословіямъ, въ свободной формѣ думы. Немудрено, что эти славословія, наполненныя собственными именами, какъ и поэма объ Игорѣ, и наши историческія думы, были перезабыты, когда въ гражданской жизни Южныхъ Руссовъ случился перебой, разогнавшій и истребившій талантливыхъ пѣвцовъ ихъ, и что они воскресли только съ козачествомъ. Подобное явленіе совершается передъ нами и въ настоящее время, не смотря на то, что все населеніе Малороссіи остается на мѣстѣ и что только новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ.

Приведу еще два факта изъ исторіи Южно-Русской народной

словесности, въ доказательство того, что эпосъ былъ развитъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ древней, а потомъ и въ козацкой Руси и что Боянами не были нищѣ (которыхъ одна необходимость заставляетъ изучать козацкія думы), а сами рыцари, сами дѣятели и свидѣтели геройскихъ подвиговъ.

6. Мнѣ неоднократно случалось слышать отъ старыхъ людей, что въ-старину появлялись иногда въ какомъ-нибудь пиршественномъ, или иномъ сборищѣ странствующіе пѣвцы, которые въ-теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня занимали общество пѣснями о старинѣ, и что эти пѣсни перебирали одного гетмана за другимъ, описывая старыя войны и приключенія. Къ сожалѣнію, случайные свидѣтели такихъ явленій не знали имъ цѣны, или даже находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ и, только по соображенію съ позднѣйшими понятіями о народной поэзіи, догадывались, что передъ ними въ то время происходило. Сами нынѣшніе пѣвцы историческихъ думъ, какъ Андрей Александровскій и Архипъ Оржицкій, вспоминаютъ о своихъ наставникахъ, что они знали думы о многихъ гетманахъ и что передали имъ только нѣкоторыя. Ни одинъ бандуристъ не сказалъ еще мнѣ, что онъ изучилъ *всю* думы своего учителя. Зная по извѣстнымъ намъ пѣсамъ, какъ удобно историческія событія, со всѣми мелочными обстоятельствами, укладываются въ форму думы, мы можемъ, со всѣмъ правдоподобіемъ, заключить, что память старосвѣтскихъ бандуристовъ хранила въ себѣ риемованныя лѣтописи былого, въ которыхъ исторія фактовъ сочеталась съ исторіей души народа. Эти лѣтописи едва-ли не навсегда утрачены, по милости старинной схоластической образованности, которая считала достойными памяти потомства только свои бездушныя произведенія.

7. Въ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ Кутѣ живетъ зажиточный старикъ-слѣпецъ Ригорѣнко, которому въ его молодости одинъ Запорожець продалъ свою осьмиструнную бандуру. Эта бандура была неразлучною спутницею жизни «добраго молодца» до разрушенія и по разрушеніи Сѣчи. Онъ рѣшился разстаться съ нею единственно изъ крайней нужды

въ деньгахъ и разстался со слезами и съ причитаньями, похожими на причитанья по мертвомъ :

«Ти жь булѣ моєю втѣхою (говорилъ онъ), ти жь розважала менѣ у всякій пригодѣ. Багато людѣй вельможныхъ, багато лицарства славного и всякого народу православного слѣхали твоихъ пѣсень! Де ти не бувала, якої пригоди не дознала? Чи разъ же ти мою голову и зъ шийку визволяла? Чи разъ же ти въ заставѣ лежала, та й нигдѣ жь ти не застрѣла! А теперъ довелось минѣ съ тобою розлучатись, за чотирѣ карбованнѣ рублѣ тебе въ чужѣ руки отдавати, та й по вѣкъ вѣшний, може, тебе не видати!» и т. п.

Запорожець, по словамъ Ригорѣнка, зналъ безчисленное множество пѣсень и думъ о старинѣ и нѣкоторыя передалъ ему. Ригорѣнко усвоилъ бы ихъ и всѣ, но Запорожець умеръ, не успѣвъ передать ему всего, чтѣ зналъ и, можетъ быть, скомпоновалъ собственнымъ *замышленіемъ*. Свѣжая пора жизни самого ученика его прошла, какъ сонъ; наступившая старость, вмѣстѣ съ перемѣною вкуса слушателей, затмила въ его памяти и то, чтѣ зналъ онъ. Когда познакомился съ нимъ ревностный собиратель пѣсень М. В. Нѣговскій, его бандура съ оборванными струнами давно уже валялась въ коморѣ на полицѣ, и охладѣвшій къ своему ремеслу пѣвецъ съ трудомъ могъ припомнить нѣсколько думъ, которыя были переданы ему Запорожцемъ. Эти немногіе остатки отъ пѣсень *последняго менестреля* козацкаго чрезвычайно, однакожь, важны и въ своемъ разрозненномъ и искаженномъ видѣ. Они расширяютъ передъ нами область фантазіи старосвѣтскихъ пѣвцовъ нашихъ и сильно говорятъ воображенію о тѣхъ утраченныхъ рапсодіяхъ, къ которымъ они примыкали если не по содержанию, то по характеру поэтической живописи. Принося отъ лица всѣхъ цѣнителей памятникѣвъ нашей народной поэзіи благодарность г. Нѣговскому за доставленіе мнѣ этихъ драгоценностей, помѣщаю ихъ въ моемъ сборникѣ. Одна изъ нихъ, о *Гѣнжѣ Андыбѣртѣ* известна уже по моему списку, напечатанному въ сборникѣ пѣ-

сень А. Л. Метлинскаго (стр. 377); но г. Нѣговскій открылъ весьма важный варіантъ этой думы, въ которомъ многія мѣста написаны гораздо сильнѣе, нежели въ речитативѣ Андрея Шута. Зато онъ слабѣе въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль расподіи — вражда войсковои черни къ *дѣлкамъ*, захватившимъ въ свои руки лучшія земли и угодія. Тотъ и другой речитативы имѣютъ полную свою цѣну только въ совокупности, и такъ какъ дума Андрея Шута напечатана уже въ ея первоначальномъ видѣ, то я, не опасаясь исказить ее неудачными вставками, дополнилъ ее здѣсь лучшими мѣстами изъ списка г. Нѣговскаго; а чтобы чрезъ то не скрыть отъ читателей всѣхъ отличій и этого списка, помѣщая изъ него въ приложеніяхъ все, что не вошло въ сдѣланное мною дополненіе думы Андрея Шута.

1.

ДОПОЛНЕННАЯ ДУМА О ГАНЖѢ АНДЫБЕРѢ. (*)

Ой полемь, полемь Килиімськимь,
Битимь шляхомъ Ординськимь,
Гей гулявъ, гулявъ бѣдний козакъ-нетяга сѣмъ годъ и чотирі,
Та потерявъ съ-пидъ себѣ три коні вороніі.
На дванадцатий годъ повертае —
Козакъ-нетяга до города Черкасъ прибывае.
На козакѹ, бѣдному нетязі,
Три сіромязі,
Опанчіна рогозоваѣ,

(*) *Переводъ.* — По Килийскому полю, по торной Ордынской дорогѣ, гулялъ бѣдний козакъ-нетяга (бездомный) семь лѣтъ и четыре и потерялъ троихъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двѣнадцатый годъ — козакъ-нетяга прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ три серяги, опанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ сафьянцы — видать пяты и пальцы;

Поясїна хмеловѧ
На козакѹ, бїдному нетѧзі, шапѣянці —
Виднї пѧти и пѧльці,
Де стѹпить — босои ногѧ слїдѣ пїше.
А ще на козакѹ, бїдному нетѧзі, шапка-бїрка —
Звѣрху дїрка,
Хѹтро гѹле, околїці Бїгѣ-мѧе;
Вона дощѣмѣ покритѧ,
А вїтромѣ, на слѧву козѧцькѹ, пїдбїта.

Ищѣ жѣ то козѧкъ, бїднїй нетѧга, до гѹрода Черкасѣ прибѹваѣ,
Нѧстї Горовѹ, кабѧшницї степовѹ, шукѧе-пїтѧе.
Скоро козѧкъ, нетѧга Нѧстї Горовѹ, кабѧшницї степовѹ-допїтѧвся,
Зѧразѣ у свїтлїцѹ вбрѧвся.
Тамѣ пїли три Лѧхї,
Дѹки-срїблїникї:
Первїй пївѣ Гаврїло Довгопѹленко Перѣславскїй,
Дрѹгїй пївѣ Вїйтѣнко Нїженскїй,
Трѣтїй пївѣ Золотарѣнко Чернїговскїй. (1)
Отѣ вони пїли-пїдпївѧли,

гдѣ ни ступить — слѣдѣ босой ноги оставляетѣ. А еще на бѣдномѣ ко-
зѧкѣ-нетѧгѣ баранѣ шапка — сверху дыра, мѣхѣ вылѣзѣ, околѣшка
нѣту; дождемѣ шапка покрыта, а вѣтромѣ, на козѧцкѹ слѧву, пїдбїта.

Прїбывѧетѣ бѣднїй козѧкъ-нетѧга вѣ городѣ Черкасы и спрашїваетѣ,
гдѣ жїветѣ Нѧстѧ Горовѧ, кабѧшницѧ степнѧ. Лишь только отыскалѣ еѣ,
тотѣ-часѣ ввалилѣся вѣ свѣтелкѹ. Тамѣ пїли три Лѧхѧ, дѹкї-богачї:
первїй Гаврїло Довгопѹленко Перѣславскїй, дрѹгой Войтѣнко Нѣжин-
скїй, трѣтїй Золотарѣнко Чернїговскїй. Пїютѣ они, гулѧютѣ и под-

(1) Вѣ дѹмѣ Рїгорѣнка эти имена переименѣны, а именно: *Кїевскїй Вїйтѣн-
ко, Перѣславскїй Судѹбенко, Гаврїло Крилївскїй Довгопѹленко*. Я удѣр-
жалѣ имена, исчїсленнѧя Андрѣемѣ Шутѹмѣ, потому что они складѹмѣ сво-
имѣ напоминаютѣ народнѧя названїя полковнїковѣ. На примѣрѣ, Василїй Золо-
тарѣнко называлѣся вѣ народѣ *Васїѹтою Нїженскїмѣ*, Мартїнѣ Пушкарѣ —
Мартїномѣ Пушкарѣмѣ Полтѧвскїмѣ, и т. д.

Съ козака-нетяги насміхались,
На шинкарку покликали :
»Гей шинкарко Гороваа,
Насте молодая!
Добре ти дбай —

Намъ солóдки меді, оковіту горілку ще підсипай,
Сѣго козака, пресúчого сїна, у потїлицю съ хати випихай ;
Бо десь вінъ по вінницяхъ, по броварняхъ валявся,
Опалївся, опарнався, обідрався,
До насъ прийшовъ добувати,
А въ иншу корчмѣ бóде нести пропивати.»

Тоді шинкарка Гороваа,
Настя, кабашница степоваа,
Козака-нетягу за чубъ брала,
Въ потїлицю съ хати вибивала.
То козакъ-нетяга добре дбае,
Козацькими пятами опинае.
Пóти пївся,
Пóки до порога добрався.

Козацькими пятами за порігъ зачепае,
А козацькими рукамі за одвірки хапае,
Підъ мїсникъ гóлову козацьку молодéцьку ховае.

Тоді два Ляхи, дўки-срібляники, на ёго поглядали,

смѣиваются надъ козакомъ-нетягою и говорятъ: »Эй *шинкарка* (продавица напитоковъ) Гороваа, Настя молодая! прибавь намъ сладкихъ медовъ и доброй водки, а этого каналья козака вытолкай въ-зашей изъ хаты. Онъ валялся гдѣ-то по винокурнямъ, по пивоварнямъ, кругомъ обгорѣлъ, оборвался и пришелъ къ намъ на заработки, а заработавши пропьеть не въ твоей, а въ другой какой-нибудь корчмѣ.»

Тогда шинкарка, Настя Гороваа, кабачница степная, беретъ козака-нетягу за чубъ и толкаетъ въ-зашей изъ хаты. А козакъ-нетяга упирается козацкими пятами, пока дошелъ до порога; а тамъ зацѣпилася ко-

Зъ ёго насміхали,

А третій, Гаврило Довгополенко Переяславський, бувъ обáшний :

Изъ карма́на *людську денежку* ви́ймавъ,

На́сті каба́шній до ру́къ до́бре отдава́въ,

А ще сті́ха слова́ми промовля́въ :

»Гей«, ка́же, «ти, шинка́рко мо́лода, ти, На́сте каба́шна!

Ти«, ка́же, «до сі́хъ біднихъ козаки́въ-не́тягъ хочъ зла́я, да й обáшна :

Коли́бъ ти до́бре дба́ла,

Сю дене́жку до ру́къ пра́ймала,

До по́греба одхо́дила,

Хочъ *вороцово́го пива* у́точила,

Сѣму́ козаку́, бідному не́тязі, на похмі́лае живіть ёго коза́цький скрепи́ла.

Тоді На́стя Горовáя,

Шинка́рка степова́я,

Сама́ въ лѣхъ не хо́дила,

Да найми́чку посла́ла :

»Гей, дівко найми́чко!

До́бре ти вчині́,

Кінву-чвертíвку въ ру́ки вхо́пи

зацки́ми пята́ми за поро́гъ, схвати́лся козацки́ми рука́ми за косяки. а коза́цкую, мо́лодецьку́ голову спря́тавъ подъ *мисникъ*. (1)

Смотря́ть на него́ Ляхи, дѹ́ки-богачи, и сѣ́ются. Но оди́нь изъ нихъ, Гаврило Довгополенко Переяславський, былъ чело́вѣкъ то́лковый : онъ вы́нулъ изъ карма́на *людскую денежку*, подалъ На́ств ка́бачной и сказа́лъ : »Эй ты, мо́лодая шинка́рка, ты, На́стя ка́бачная ! ты хотъ и зла́ на эти́хъ бѣ́дныхъ козако́въ-не́тягъ, но рассу́дыва. Возьми́-ка́ эту дене́жку, поди́ въ по́гребъ, нато́чи хотъ ма́ртовска́го пива, что́бъ это́тъ бѣ́дный коза́къ-не́тяга подкря́чилъ на похмі́льи сво́й коза́цкій живо́тъ.

Не пошла́ На́стя Горовáя, ка́бачница сте́нная, сама́ въ по́гребъ, а посла́ла слу́жанку : »Эй, дѣ́вушка-слу́жанка ! захвати́-ка́ съ собо́й чет-

(1) *Мисникъ* — полка надъ дверью, для мисо́въ. Э́дѣсь выража́ется высо́кий ростъ коза́ка-не́тяги, кото́рый до́сягну́лъ голо́вой до полки (а полка обы́кновенно нахо́дится подъ самы́мъ потоло́комъ), и не то́лько до́сягну́лъ, но еще на́кло́нился, что́бы спря́тати́ голову́ отъ На́сти.

Та въ лёхъ убїжї,
Та вісімъ бóчокъ минї,
А зъ девятої погáного пїва наточї.
Якъ, маёмъ ми ёго свїнямъ вилївати,
То бóдемъ ми ёго на такїхъ нетягъ раздавати.»

Тодї дївка наймичка у лёхъ убїгала,
Та девять бóчокъ минала,
Та зъ десятої *пьяного чолà* меду наточїла.
Та въ свїтлицю вхождàе,
Свїй нїсь геть одъ кїнви одвертае,
Бóцїмъ-то те пїво воняе.

Якъ подали козаку въ рúки ту кїнву,
То вінъ ставъ біля пèчи
Та й почавъ підшївати цивцè грèче.
Взявъ, разъ покоштувавъ, у-друге напївся,
А въ-третєе якъ узївъ ту кїнву за ўхо,
То зробивъ у тїй кóнївцї сýхо.
Якъ ставъ козацьку хмїль гóлову розбїрати,
Ставъ козакъ кóнївкою по мосту дóбре погрїмати,

вертнуоу *кóнву*, бѣги ты въ погребѣ и, миновавъ восемь бочекъ, наточи изъ девятой негоднаго пива. Чѣмъ выливать намъ его свиньямъ, то лучше будемъ раздавать этакимъ козакамъ-нетягамъ.»

Побѣжала наемница въ погребѣ, миновала девять бочекъ, а изъ десятой наточила меду — *пьянаго чела*. Воротилась въ свѣтелку и отворачиваетъ носъ отъ кóнвы, точно какъ-бы пиво воняло.

Подали козаку въ руки кóнву; онъ сѣлъ возлѣ печи и началъ тянуть пиво на-славу. Отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за третьимъ взялъ конву за ухо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать козацкую голову, началъ козакъ кóнвкою гремѣть по полу; начали тогда у дукъ-богачей чарки и фляжки прыгать со стола, а шинкаркина печка распалась на десять частей, разлетѣлась по хатѣ и за сажей не взвидѣли дýки-богачи Божьяго свѣту.

Стали въ дуківъ-срібляниківъ изъ стола чарки й пляшкы скакати,
И стала шинкарська груба на десять штукъ скрізь по хаті летати.
Не стали тоді Ляхи, дуки-срібляники, за сажею світу Божого видати.

Тоді ті Ляхи, дуки-срібляники, на ёго поглядали,

Словами промовляли :

»Десь сей козакъ-нетяга нігдѣ не бувавъ,
Добрихъ горілдокъ не пивавъ,
Що ёго й погане пиво опьянило!»

Якъ ставъ козакъ-нетяга тее зачувати,

Ставъ на Ляхівъ грізно гукати :

»Гей ви, Ляхове,

Вразькі синіове!

Икъ порогу посувайтесь,

Мені, козаку-нетязі, на покуті місце попускайте.

Посувайтесь тісно,

Щобъ було мені, козаку-нетязі, де на покуті изъ лаптями сісти!»

Тоді Ляхи, дуки-срібляники, добре дбали,

Дальше якъ порогу посували,

Козаку-нетязі більше місця на покуті попускали.

Тоді козакъ-нетяга на покуті сідає,

Смотрать они тогда на него и говорятъ : »Видно, зтотъ козакъ-нетяга нігдѣ не бывавъ и хорошей водки не пивавъ, что опьянѣлъ и отъ негоднаго пива!»

Слышитъ это козакъ-нетяга и грозно говорятъ Ляхамъ : »Эй вы, Ляхи, вражьи дѣти! подвигайтесь къ порогу, давайте мнѣ, козаку-нетягѣ, на покутъ (подъ образами) мѣсто; помѣщайтесь за столомъ потѣснѣе, чтобъ было гдѣ мнѣ, козаку-нетягѣ, сѣсть на покутъ съ лаптями!»

Тогда Ляхи, дуки-богачи — нечего дѣлать — подвинулись дальше къ порогу и дали козаку-нетягѣ больше мѣста на покутъ.

Ись-підъ поля позлотістий недолімокъ виньмає,
Шинкарці молодій за цеберъ меду застановляє.

Тоді ті Ляхи, дўки-срібляники, на ёго поглядѣли,
Словѣми промовляли:
»Гей, шинкарко Гороваѣ,
Нѣсте молодѣя,
Кабашнице степоваѣ!

Нехай сей козаць, бідний нетѣга, не маєтца въ тебѣ сеі заставщипи ви-
кушляти,
Намъ, дўкамъ-срібляникамъ, нехай не зарікаєтца волі поганѣти.
А тобі, Нѣсті кабашній, грѣбъ топѣти.»

Оттоді-то козаць, бідний нетѣга, якъ ставъ сії словѣ зачувати,
Такъ вінъ ставъ чересокъ виньмати,
Ставъ шинкарці молодій, Нѣсті кабашній, увесь стігъ червінцями усти-
лѣти.

Тоді дўки-срібляники, якъ стѣли въ ёго червінці зоглядати,
Тоді стѣли ёго витѣти
Мѣдомъ шклянкою
И горілки чаркою.
Тоді й шинкарка Гороваѣ,

Садитця козаць-нетѣга на покутѣ, вынимаєть изъ-подъ полы золоче-
ный чеканъ и отдаєть шинкаркѣ въ залогъ за ушатъ меду.

А дўки-богачи на него посматривають и говорятъ: »Эй шинкарка
Гороваѣ, Настѣ молодѣя, кабачница степная! пускай этотъ козаць, бѣд-
ный нетѣга, не надѣется выкупить у тебя этотъ закладъ, пускай не за-
рекается (не даєть обѣта, что не будетъ) погонять у насъ волевъ, а
у тебя, Настѣ кабачной, печей топѣть.»

Слышитъ эти слова козаць, бѣдный нетѣга, вынулъ кожаный по-
ясокъ и устлалъ молодой шинкаркѣ, Настѣ кабачной, весь столъ чер-
вонцами.

Тогда дўки-богачи, увидѣвъ у него червонцы, начали потчивать его
стаканомъ меду и чаркой водки. Тогда и шинкарка Гороваѣ, Настѣ мо-

Пієтя молодая,
Истіха словѣми промовляе :
»Эй, козаче«, каже, »козаче!
Чи снідавъ ти сѣгодні, чи обїдавъ?
Ходи зо мною до кімнати,
Сїдемъ ми съ тобою поснідаемъ,
Ли пообїдаемъ.«

Тогді - то козакъ, бїдний нетяга, по кабаку походяе,
Квартїрку одчиняе,
На бїстрі ріки поглядае,
Кличе, добре покликае:
»Ой ріки«, каже, »ви, ріки Низовїі,
Помошницї Днїпровїі!
Теперъ або меще зодягайте,
Або до себє приймайте!«

Оттоді одинъ козакъ идє,
Шати дорогїі несє,
На єго козакъскї плєчи надїє;
Другїй козакъ идє,
Боти сапьяновї несє,
На єго козакъскї нѣги надїє;
Трєтїй козакъ идє,

лодая, говорятъ ему потихоньку : »Эй козакъ ты, козакъ! завтракаль ли ты сегодня, обїдалъ ли? пойдемъ со мной за перегородку, сядемъ съ тобою, позавтракаемъ, или пообїдаемъ.«

А козакъ, бїдний нетяга, по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки посматриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ : »Ой рѣки, вы, рѣки Низовыя, помощницы Днѣпровыя! теперь меня или приодѣньте, или къ себѣ примите!«

Тогда одинъ козакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его козакскія плеча надѣваетъ; другой козакъ идетъ, сафьянные сапоги несетъ, на его козакскія ноги надѣваетъ; третїй козакъ идетъ, козакскую шапку несетъ, на его козакскую голову надѣваетъ.

Шличокъ козацький несé,
На ёго козацьку главу надіé.

Тоді дѹки-срібляники стіха слова́ми промовля́ли :
»Эй не ёсть же се, бра́тці, коза́къ, бѣдний нетя́га,
А ёсть се Фесько́ Га́нжа Андѣбе́ръ,
Гетьма́нь Запоро́зький!...
Присѹнься ти до насъ«, ка́жуть, »блѣжче,
Покло́нимось ми то́бі ви́жче,
Бѹдемъ ра́двѣтця, чи гара́здъ- до́бре на сла́вній Укра́їні прожива́ти.«
Тоді ста́ли ёго ви́тати ме́домъ шкля́нкою
И го́рїлки ча́ркою.

То ви́нь те́е одъ дѹки́въ-срібля́никі́въ прийма́въ,
Са́мъ не ви́пива́въ,
А все на свої ша́ти пролива́въ :
»Эй ша́ти мо́ї, ша́ти! пийте-гуля́йте:
Не мене́ ша́нѹють, бо ва́съ поважа́ють.
Якъ я ва́съ на со́бі не ма́въ,
То й че́сти одъ дѹки́въ-срібля́никі́въ не зна́въ.«

Тоді - то Фесько́ Га́нжа Андѣбе́ръ, гетьма́нь Запоро́зький, стіха слова́ми
промовля́е :

»Эй коза́ки«, ка́же,« ді́ти, дру́зі, мо́лодці!

Тогда дѹки-богачи потихоньку перемолвились : »Эхъ, братцы! это не козакъ, бѣдный нетяга, а Фесько́ Га́нжа Андѣбе́ръ, гетманъ Запорожскій!... Придвинься«, говорятъ, »къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже и будемъ совѣтоваться, все ли хорошо у насъ идетъ въ славно́й Укра́їнѣ.« И потчиваютъ его стаканомъ меду и чаркой водки.

Принимаетъ онъ все это отъ дѹкъ-богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежду : »Эй ты, одежда моя, одежда! пей, веселись! не меня потчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей.«

Наконецъ Фесько́ Га́нжа Андѣбе́ръ, Запорожскій гетманъ, говоритъ :

Прoшy я вaсь, дoбpe дoбaйтe,
Cix дyкiв сpибляникiв зa лiбъ, нaчe вoлiвъ, изъ-зa стoлa вивoждaйтe,
Пepедъ вiкнaми пoклaдaйтe,
У тpи бepезини пoтягaйтe,
Щoбъ вoнi мeнe спoминaли,
Мeнe дo вiкy пaмaтaли!^а

Тiлькo Гaвpилa Дoвгoпoлeнкa Пepeяcлaвcькoгo зa тe улoбiвъ,
Кpай сeбe cядoвiвъ,
Щo вiнъ eмy зa cвoю дeнeжкy пивa кyпiвъ.

Тoгдi жъ тo кoзaкi, дiтa, дpyзi, мoлoдцi, дoбpe дoбaли,
Cix дyкiв сpибляникiв зa лiбъ бpaли,
Изъ-зa стoлa, нaчe вoлiвъ, вивoждaли,
Пepедъ вiкнaми пoклaдaли,
У тpи бepезини пoтягaли.

А щe cтiхa слoвaми пpoмoвляли:

»Эй дyки^а, кaжyть, »ви, дyки!

Зa вaми вci лyги и лyки, —

Нiгдe нaшoмy бpaтy, кoзaкy-нeтязi, cтaти
И кoня пoпaсти!^а

»Эй вы, кoзaки, дeтa, дpyзья, мoлoдцы! пpoшy вaсь, бepитe зa чyбъ
этix дyк-бoгaчeй и вывoдитe, кaкъ вoлoвъ, изъ-зa стoлa, клaдитe вы
ихъ пepедъ oкнaми и вaляйтe въ тpи бepезoвыя пaлки! пycть oни мeня
пoмнятъ и дo cмepти нe зaбывaють!^а

Тoлькo Гaвpилa Дoвгoпoлeнкa Пepeяcлaвcкoгo зa тo пoлюбилъ и
вoзгъ ceбя пocaдилъ, чтo oнъ кyпилъ eмy пивa зa cвoю дeнeжкy.

Тoгдa кoзaки, дeтa, дpyзья, мoлoдцы, дyк-бoгaчeй зa чyбъ бpaли,
изъ-зa стoлa, кaкъ вoлoвъ, вывoдили, пepедъ oкнaми клaли и въ тpи
бepезoвыя пaлки вaляли, дa eщe пpигoвaрили: »Эхъ дyки, вы, дyки! зa-
хвaтили вы вcъ лyгa и лyки, — нeгдe нaшeмy бpaтy, кoзaкy-нeтязi,
ocтaнoвитьcя и кoня выпaсти!^а

2.

ДУМА О МАРУСЬ БОГУСЛАВКЪ. (*)

Що на Чорному морі,
На камені біленькому,
Тамъ стояла темниці камяная.
Що у тій-то темниці пробувало сімь-сотъ козаківъ,
Біднихъ невольниківъ.
То вони тридцять лѣтъ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного у вічи собі не видають.

То до їхъ дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Прихождає,
Слов'ами промовляє:
»Гей козакі,
Ви, бідні невольники!
Угадайте, що въ нашій землі Християнській за дѣнь тепѣра?«

Що тоді бідні невольники зачували,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
По річахъ познавали,

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-бранка (взятая въ неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говоритъ имъ: »Эй козаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ Християнской?«

Слышатъ это бѣдные невольники, узнаютъ дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку, по голосу и говорятъ: »Эй дѣвушка-бранка, Ма-

Словами промовляли :

»Гей дівко бранко,

Марусю, попівно Богуславко !

Почімъ ми можешь знати,

Що въ нашій землі Християнській за дeнь тепeра ?

Що тридцять лiтъ у неволi пробуваeмъ,

Божого свiту, сонця праведного у вiчи собі не видаeмъ.

То ми не можемо знати.

Що въ нашій землі Християнській за дeнь тепeра.«

Тодi дiвка бранка,

Маруся, попiвна Богуславка,

Тeе зачувae,

До козакiвъ словами промовляе :

»Ой козакi,

Ви, бiднi невoльники !

Що сiгодня у нашiй землi Християнській Великодная суббота,

А завтра святий празникъ, роковий дeнь Великъ-дeнь.«

То тодi тi козакi тeе зачували,

Бiлимъ лицeмъ до сирoї землi припадали .

Дiвку бранку,

Марусю, попiвну Богуславку.

Клялi-прокляналi :

руся, поповна Богуславка ! почeмъ намъ знать, какой тепeрь дeнь въ нашей землi Християнской ? мы тридцать лiтъ сидимъ въ неволi и Божьего свiта, праведного солнца не видимъ. Не знаeмъ мы, какой тепeрь дeнь въ нашей землi Християнской.«

Тогда дiвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говорить козакамъ : »Ой козаки, бiдные невoльники ! сегодня въ нашей землi Християнской страстная суббота, а завтра святой празникъ, годовой дeнь Великъ-дeнь.«

Услыхавъ это, козаки пали бiлымъ лицeмъ на землю и прокляли дiвушка-бранку, Марусю, поповну Богуславку : »О, чтобъ ты, дiвушка-

»Та бодай ти, дівко бранко,
Марусю, пошвидко Богусла́вко.
Ща́стия й до́лі собі не ма́ла,
Як ти намъ святой пражникъ, роковий день Великъ-день сказа́ла !«

То тоді дівка бра́нка,
Мару́ся, пошвидко Богусла́вка.
Тее зачува́ла,
Слова́ми промовля́ла:
»Ой козаки,
Ви, бідниі нево́льники !
Та не ла́йте мене, не прокля́йте ;
Бо якъ бу́де нашъ панъ Туре́цький до мечети відіжда́ти,
То бу́де мниі, дівці бра́нці,
Мару́сі, пошвидко Богусла́вці,
На ру́ки ключі віддава́ти ;
То бу́ду я до темниці прихожда́ти,
Темни́цю відмикати,
Васъ всі́хъ, біднихъ нево́льниківъ, на волю випуска́ти.«

То на святой пражникъ, роковий день Великъ-день,
Ставъ панъ Туре́цький до мечети відіжда́ти,
Ставъ дівці бра́нці,
Мару́сі, пошвидко Богусла́вці.
На ру́ки ключі віддава́ти.

бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имѣла ни счастья, ни долѣ! за-
чѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой пражникъ, годовой день
Великъ-день!«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ:
»Ой козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинаяте!
Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть, то отдастъ мнѣ
на руки ключи; тогда я приду къ темницѣ, отопру темницу и выпущу
всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю.«

И вотъ въ святой пражникъ, въ годовой день Великъ-день, выѣзжаетъ
Турокъ-господинъ въ мечеть и отдаеъ ключи на руки дѣвущкѣ-бранкѣ,

Тоді дівка бранка,
Маруса, попівна Богуславка.
Добре дбає —
До темниці приходить,
Темницю відмикає,
Всіхъ козаківъ,
Біднихъ невольниківъ,
На волю випускає,
И словами промовляє:
 »Ой козакі,
 Ви, бідні невольники!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ городі Християнські утікайте;
Тільки прошу я васъ, одного города Богуслава не минайте,
Моєму батьку й матері знати давайте:
 Та нехай мій батько добре дбає,
Грунтівъ, великихъ маєтківъ нехай не збуває,
 Великихъ скарбівъ не збирає,
 Та нехай мені, дівки бранки,
 Марусі, попівни Богуславки.
 Зъ неволі не викупає:
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для рѣскоши Турецької,
Для лакомства нещасного!»

Маруся, поповня Богуславка. Тогда она приходитъ къ темницѣ, отпираетъ темницу, выпускаетъ всѣхъ козакѣвъ, бѣдныхъ невольниковѣвъ, на волю и говоритъ: «Козаки, бѣдные невольники! уходите вы въ Християнскіе города: но прошу васъ, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отецъ не продаетъ земель и имущества, пускай не собираетъ великихъ сокровищъ и не выкупаетъ изъ неволіи меня, дѣвушки-бранки, Маруси, поповны Богуславки. Я ужъ отурчилась, обсурманилась, ради роскоши Турецкой, ради несчастнаго лакомства!»

О Боже! освободи насъ, всѣхъ бѣдныхъ невольниковѣвъ, изъ тяжелой

Ой визволи, Боже, насъ всіхъ, біднихъ невольниківъ,
Зъ тяжкої неволі,
Зъ віри бусурмѣнської,
На яснї зорі,
На тихі води,
У край веселій,
У миръ хрещений!
Вислухай, Боже, у прѣзбахъ щирихъ,
У нещаснихъ молитвахъ
Насъ, біднихъ невольниківъ!

Молитва, заканчивающая эту думу, представляет для изучающего исторію Южно-Русской народной словесности весьма важное обстоятельство. Въ ней говорится: »Визволи, Боже, насъ, — вислухай, Боже, насъ, біднихъ невольниківъ.« Такъ какъ Турецкіе пристани и рынки были наполнены »ясиромъ« Татарскимъ и плѣнниками, захваченными на сушѣ и на морѣ, то надобно предположить, что въ Турціи существовала, такъ сказать, цѣлая нація Южныхъ Руссовъ, и что эта нація, соединенная языкомъ, вѣрою и воспоминаніями о родинѣ, подобно Евреямъ, плакавшимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, имѣла свою невольницкую исторію и поэзію. Бандуристы до сихъ поръ раздѣляютъ свои пѣсни (называя такъ и думы) на *козацкія*, которыя имѣютъ своею сценою Украйну, и на *невольницкія*, которыя описываютъ пребываніе козаковъ на Турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ. Невольницкихъ пѣсень должно было быть очень много, потому, что отдаленіе отъ родины служило для плѣнниковъ безпрестаннымъ возбужденіемъ къ воспоминаніямъ о »ясныхъ зоряхъ, о тихихъ водахъ, о веселомъ краѣ, о крещеномъ мирѣ«, и что эти пѣсни были вмѣстѣ и молитвами, какъ это видимъ и изъ думы о Марушѣ

неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межъ народъ крещеный! выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!

Богуславкѣ. Вникнемъ въ народныя наименованія пѣсень *жіночкими, козацькими и невольницькими*. Жіночкихъ не поють козаки (или вообще — мужчины); козацкихъ не поють женщины: поэтому и невольницкія должны были пѣться, а слѣдовательно и слагаться, невольниками. Здѣсь получаютъ важный смыслъ слова Кондрата Таранухи (см. выше, стр. 137): »Гайдамака йде (було) тихо. А се вже вони тогді співали, якъ у неволі сиділи.« Чтобы не оставить мѣста для возраженій, скажу, что въ невольницкихъ пѣсняхъ надобно различать два рода: *плачи*, къ которымъ принадлежитъ дума о Марусѣ Богуславкѣ, и *славословія*, къ которымъ относится дума о Кішкѣ Самійлѣ. Эти послѣднія слагались естественно дома, въ честь героевъ, и состоятъ больше изъ торжественныхъ сценъ, нежели изъ жалобъ, но слагались однакожь людьми, попробовавшими »Турецкой каторги«, какъ это видно изъ множества мелочныхъ обстоятельствъ, которыя ввертываются только въ рѣчь очевидца; и кто знаетъ, гдѣ они были больше въ ходу: между невольниками, которыхъ сѣрдца они такъ близко касались, или между козаками вольными? Можетъ быть, тѣ и другіе, мѣнясь ролями, мѣнялись и своими пѣснями о неволѣ, и взаимно прибавляли въ нихъ цвѣтовъ своихъ.

3.

ДУМА О КОЗАЦКОЙ ЖИЗНИ. (*)

Не одинъ козакъ самъ собі шкоду шкодивъ,

Що відъ молоді жінки у військо ходивъ.

Їго жінка кляла - проклинала:

»Бодай тебе, козаче сіромáхо, побіло въ чистому полі

Три неділі:

(*) *Переводъ.* — Не одинъ козакъ дѣлалъ тѣмъ себѣ вредъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ. Жена проклинала его: »Чтобъ тебя,

Перша недоля — щобъ підъ тобдію добрий кінь приставъ ;
Друга недоля — щобъ ти козаківъ не догнавъ ;
Трета недоля — щобъ тебѣ козакі не злюбили
И въ куринь не пустили !»

А козакъ добре дбає ,
На жінку не потурає ,
Жінці віри не діймає ;
Коневі частенько зелѣного сѣна підкладає ,
Жовтого вівса підсипає ,
Холодною кренішною водою коня напуває ;
У похідъ вступає .

Господь йому давъ ,
Що підъ нимъ добрий кінь не приставъ :
Вінъ козаківъ доганявъ ;
Що його козакі злюбили ,
До себѣ въ куринь пустили ,
Ще й отаманомъ настановили .

козакъ-сѣромаха ⁽¹⁾), постигли въ полѣ три недоли : первая недоля —
чтобъ подъ тобой добрый конь присталъ ; другая недоля — чтобъ ты
козакѡвъ не догналъ : третья недоля — чтобъ тебя козаки не полюбили
и въ курень не пустили .»

А козакъ на то не смотритъ , жевѣ не вѣритъ , коню частѣхонько зе-
ленаго сѣна подкладываетъ , желтаго овса подсыпаетъ , холодною , клю-
чевою водою наповаетъ и въ походъ выступаетъ .

Господь ему помогъ : подъ нимъ добрый конь не присталъ ; онъ
козакѡвъ догналъ : козаки его полюбили , къ себѣ въ курень пустили ,
еще и отаманомъ сдѣлали . Тогда козакъ рассказываетъ товарищамъ свою

(1) Когда *сѣромаха* , или *сѣроманецъ* говорится о волкѣ , то разумѣется сѣ-
рый цвѣтъ его шерсти ; но когда о человѣкѣ , то выражается косвеннымъ обра-
зомъ понятіе о его убожествѣ , непозволяющемъ носить цвѣтной одежды , а
вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается человѣку что-то волко-образное , бродячее , без-
домное . *Сѣромá* , въ собирательномъ смыслѣ , значитъ — голь , или — чернь .

Тоді козакъ у війську пробуває,
Свою новину козакамъ оповідаетъ:
»Слухайте, панове молодці,
Якъ-то живоцька клятьба дурно йде:
Такъ, якъ мимо сухе дерево вітеръ гуде;
Живоцькі слези дурні — якъ вода тіче.»

Жінка въ корчмі шила та гуляла,
Та домівки не знала,
Мовъ її хата къ нечистій матері пусткою завоняла.
Скоро стала козака съ походу сподіватись,
Стала до домівки приходяти,
Стала въ печі ростопляти,
Стала той борщъ кислий,
Оскомистий чортъ-зна-колишній,
Изъ-підъ лави виставляти,
Стала до пєчи приставляти,
Оттімъ борщємъ хотіла козака привітати.

Скоро ставъ козакъ съ походу прибувати,
Ставъ до новихъ воріть до ламанихъ доїжджати;
Вінъ съ коня — не вставає,
Кєлепомъ нові ламані ворота відчиняє,
Козацькимъ голосомъ гукєє:

історію: »Послушайте, паны молодцы, какъ женское проклятіє въ ничто обращается: все равно какъ вѣтеръ прошумитъ мимо сухого дерева; а женскія глупыя слезы — какъ вода текутъ.»

Межъ тѣмъ жена въ корчмѣ пьетъ-гуляеть, не сидитъ дома, и хата у ней воняетъ ужъ пустынею. Когда же начала ожидать козака съ походу, воротилась домой, принялась топить въ печи, вытащила изъ-подъ лавки кислый, оскомистый, чортъ знаетъ когда сваренный борщъ и поставила въ печь, чтобъ попотчывать этимъ борщомъ козака.

Возвращается козакъ съ походу, подъїзжаєтъ къ новымъ разломанымъ воротамъ; не вставая съ коня, отворяєтъ чеканомъ новыя разломанныя ворота и козацькимъ голосомъ покрикиваетъ.

Скоро стала козачка козацький гóлосъ зачувати,
То вона не стала против нѣго дверми виходати,
Стала, мовъ сївою голубкою, въ вiкно вилiтати.

Тодi козакъ дóбре дбає,
Хорошенько ii келепомъ по плéчахъ привiтає,
Карбачемъ по спи́ни затинає.

Тодi козачка у хату вбiгала,
Буцимъ нехотя той борщъ полиномъ штиркнiла,
Ну ёго къ нечистiй мiтерi! у пiчъ обертала,
Новий борщъ унóвъ варити зачинала;
До скринi тягла,
Не прóстого, льяного полотна три́дцять локтiвъ узала;
До шинкарки тягла,
Три кварта не прóстоi горiлки, оковити узала,
Зъ мéдомъ та съ пёрцемъ розогрiвала,
Оттiмъ козакá частувала та витала.

Отто вийшла козачка на другий день за ворóта,
Ажъ сидiть жiнокъ превеликая рóта.
А скáзано: жiнки — якъ сороки:
Одна на одну зглядали

Лишь только козачка услышала козацкiй гóлосъ, то не вышла къ козаку навстрéчу въ дверь, а вылетѣла, какъ сизая голубка, въ окно. Тогда козакъ хорошенько ее чеканомъ по спи́вi привѣтствовалъ, а въ-добавокъ ещё и нагайкою.

Вбѣжала козачка въ хату, сунула, какъ будто нечаянно, полѣномъ и опрокинула въ печи къ нечистой матери борщъ. Потомъ давай варить новый борщъ; бросилась къ сундуку и вынула тридцать локтей не простого, льяного полотна; побѣжала къ шинкаркѣ и купила три кварта не простой, доброй водки; разогрѣла ее съ медомъ да съ перцемъ и угостила козака.

Вотъ на другой день вышла козачка за ворота, смотритъ — сидитъ цѣлая толпа женщинъ. А известно, женщины — что сороки: одна на

Та й козачку осуждали,
Та й козачці не казали.
Одна такі старушка не втерпіла
И козачці сказала:

»Гей козачко, козачко!

Десь твій козакъ нерано съ походу прибувавъ,
Що по-під очима добрі гостинці подававъ.»

То козачка добре дбала,
По своїмъ козака покривала:
»Чи ви жь то, жіночки-голубочки, не знаєте,
Що мій козакъ нерано съ походу прибувавъ,

Заставивъ мене въ печі потопити,
Вечерати варити.

А я пішла по дрѳва,
Та не втрапила по дрѳва,
А втрапила по лучину,

Понідбивала собі очи на ключину.

Роблю жь я такі те ремѣство синійу,
Такъ воно мині добре въ знаки вдалося:
Якъ я ёго мішала, такъ воно мині за очи взялося.»

А козакъ сидить у корчмі та медъ-вино кружає,
Корчмі сохваляє:

другую взглянули и козачку между собой осуждали, но козачкѣ того не сказали. Только одна старушка не утерпѣла и сказала козачкѣ: »Эй козачка, козачка! видно, твой козакъ поздно съ походу воротился, что привезъ тебѣ подѣ глаза такихъ гостинцевъ!»

А козачка по-своему козака покрывала: »Развѣ вы, голубушки-сосѣдушки, не знаете, что мой козакъ поздно съ походу пришелъ и заставилъ меня въ печи тошнить, вечерю готовить? а я пошла за дровами, да не туда потрапила и подбила себѣ глаза, ударившись объ жердь. Да еще я занимаюсь ремесломъ синельнымъ; ужъ оно мнѣ порядкомъ надоѣло: какъ я потѣшивала краску, такъ запачкала себѣ подѣ глазами.»

А козакъ сидитъ въ корчмѣ, медъ, вино пьетъ, корчму восхваляетъ:

«Гей корчмо, корчмо-княгинє!
Чомъ-то въ тобї козацького добра багато гине?
И сама еси неошатно ходишь,
И насъ, козаківъ-нетягъ, підъ-случай безъ свитокъ водишь.
Знаги, знати козацьку хату
Скрїзь десяту :
Вона солóмою не покрита,
Прїспою не осипана,
Коло двора нечїста-ма и кола,
На дрївїтні дровъ ні полїна.
Сидить въ нїй козацька жїнка, околїла.
Знаги, знати козацьку жїнку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшкóмъ воду носять,
Полóникомъ діти напуває!»

Вотъ еще одна изъ тѣхъ счастливыхъ находокъ, которыя, въ послѣднее время, такъ разширили кругъ нашихъ понятій о Малороссійской народной поэзїи. Честь и хвала г. Нѣговскому за его подвигъ! Спасти отъ забвенїя памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста — а это время близко — и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни стануть искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго соби-

»Эй ты, корчма, корчма-княгиня! зачѣмъ въ тебѣ много козацкаго добра погибаетъ? и сама ты не щеголяешь, и насъ, козаковъ-нетягъ, иной разъ безъ свитокъ (сермягъ) оставляешь. Замѣтна казацкая хата межъ десятью хатами: она соломою не покрыта, завалиной не обсыпана, возлѣ двора нѣтъ ни кола, надровосѣчнѣ нѣту дровъ ни полїна. Сидитъ въ той хатѣ козцкая жена, околѣвши отъ холоду. Узнаешь тотъ-часъ и козацкую жену: она всю зиму ходитъ босая, она носитъ воду горшкóмъ, она помть дѣтей изъ ложки!»

рателя произведений народной поэзии будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что приютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли? Разширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній — не значить ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значить ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсень, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва-ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ.

Читая думу о домашней жизни козака, не должно забывать, что она передана бандуристу Ригорѣнку Запорожцемъ. Что же это такое? сочиненіе Гетманскаго козака, перенесенное на Запорожье, или взглядъ Запорожца на жизнь козака-Гетманца?... Запорожье такъ сильно централизовалось само въ себѣ, что не могло усвоить пѣсни, выражающей чуждой ему взглядъ на вещи. Но если это — дума Запорожская, то зачѣмъ въ ней описывается не та жизнь, которая окружала «братчиковъ»? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно вчитаться въ думу. Первые два стиха:

Не одинъ козакъ самъ собі шкоду шкодивъ,
Що відъ молодіи жінки у військо ходивъ...

выражаютъ позднее раскаяніе одинокого «сѣромахи», очутившагося безъ жены, безъ дома и безъ всякаго имущества (кромя развѣ бандуры подорожной да люльки-буруньки) посреди такихъ же бѣдныхъ забіякъ. Это — невольный вздохъ по прежнемъ, счастливомъ состояніи и вмѣстѣ исходный пунктъ речита-

тива. Выразивъ передъ слушателями такую мысль, можетъ быть, съ неосторожною искренностью, онъ продолжаетъ развивать ее, скрывая подъ комическими образами горькую правду. Это — исторія юноши, который со всѣмъ пыломъ первой любви предался молодой женѣ, но въ которомъ потомъ проснулася страсть къ молодечеству, къ козакованью, къ *лицарству*. Онъ началъ пропадать надолго изъ дому и шляться въ наѣздахъ на чужія земли. Жена безъ мужа — не хозяйка: у ней и печь по нѣсколькимъ дней не топится, и борщъ плѣснѣваетъ подъ лавкою. Возвратясь домой, козакъ съ грустью и съ досадою видитъ вездѣ запустѣніе, колотить молодую жену, обращаетъ ее изъ подруги въ трепетную рабыню и, отвыкнувъ отъ тихой домашней жизни, отправляется гулять въ корчму. Тамъ онъ распиваетъ медъ и вино и по-видимому веселится, но въ буйныхъ рѣчахъ его слышны сарказмы на самого себя. Никто лучше его не чувствуетъ, какъ у него въ домѣ пусто и грустно. Онъ знаетъ, что не жена причиною этого запустѣнія и что она даже старается скрывать его собственную беспорядочность передъ сосѣдями. Онъ видитъ ясно, до чего она доведена его разгульною жизнью; но онъ ужъ не властенъ надъ самимъ собою. Корчма тянетъ его къ себѣ волшебною силою, и бѣдняга съ лирическимъ смѣхомъ восклицаетъ:

Гей корчмо, корчмо-княгинє!
Чомъ-то въ тобі козацького добра багато гинє?
И сама еси нешатно ходишь,
И насъ, козаківъ-нетягъ, піль-случай безъ свитокъ водишь!

Гдѣ ему дѣваться послѣ того, какъ онъ пропьетъ все, что только можно пропить? Работать онъ отвыкъ, отъ козакованья отстать не хочетъ. Разумѣется, всего проще и удобнѣе идти ему туда, гдѣ не спрашиваютъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ не говорятъ: *Дурно хлѣбъ ісі!* и куда прійдя, воткни *ратище* въ землю, повѣсь *яничарку* (саблю) да и живи на готовомъ хлѣбѣ. (См. выше, стр. 151). Козакъ въ послѣдній разъ покидаетъ молодую жену

и навсегда расторгаетъ связи съ обществомъ, котораго онъ былъ негоднымъ членомъ. Онъ освобождается отъ всѣхъ обязательствъ, тяготившихъ его на Украинѣ; онъ могъ бы быть спокоенъ и веселъ, какъ ребенокъ... Но тайный червь грызетъ его сердце, и онъ, подъ видомъ похвалы своимъ молодечествомъ, рассказываетъ исповѣдь своей недостойной жизни. Таково, по-моему, происхождение и таковъ смыслъ этой драгоценной думы.

4.

ДУМА О ПОБѢДѢ ПОДЪ КОРСУНЕМЪ. (*)

(1)

Ой обзовѣтця панъ Хмельницький,

Отаманъ-батько Чигиринський :

»Гей друзі молодці,

Браття козаки Запорозці!

Добре дбайте, барзо гадайте,

Изъ Ляхами пиво варити зачинайте.

Лядський солодъ, козацька вода;

Лядські дрова, козацькі труды.»

Ой съ того пива

Зробили козаки зъ Ляхами превелике диво.

Підъ городомъ Корсунемъ вони станомъ стали,

(*) *Переводъ.* — Отозвался панъ Хмельницкій, отаманъ-отець Чигиринскій : »Эй, друзья молодцы, братья козаки Запорожцы! подумайте хорошенько и начинайте варить пиво съ Ляхами. Ляшской солодъ, козацкая вода; Ляшскія дрова, козацкіе труды.«

Съ того пива сдѣлали козаки съ Ляхами превеликое диво. Подъ го-

(1) Начало этой думы (до 9-го стиха), забытое Ригоренкомъ, взято мною изъ варианта г. Копытько, напечатаннаго въ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень» М. Максимовича (стр. 67).

Під Стеблєвомъ вони солодь замочили ;
Ще й пива не зваряли,
А вже козаки Хмельницького зъ Ляхами бързо посварили.
За ту бражку
Счинили козаки зъ Ляхами велику драчку ;
За той *молотъ*
Зробили Ляхи съ козаками превеликий кологъ ;
А за той незнатъ-який квась
Не одного Ляха козакъ, якъ - ой скървого сица, за чуба страєь.
Ляхи чогось догадались,
Відъ козаківъ чогось утїкали.
А козаки на Ляхівъ нарікали :
Ой вы, Ляхове,
Пеські синове !
Чомъ ви не дожидаєте,
Нашого пива не допиваєте?«

Тоді козаки Ляхівъ доганяли,
Пана Потюцького пїймали,
Якъ барана звязали.
Та передъ Хмельницького гетьмана примчали :
»Гей пане Потюцький !
Чомъ у тебе й досї розумъ жінюцький ?

родомъ Корсунемъ они станомъ стали, подъ Стеблевымъ они солодь замочили, и не успѣли еще сварить пива, а ужъ крѣпко съ Ляхами повздорили. За ту бражку сильно подрались козаки съ Ляхами; за тотъ *молотъ* поднялась у Ляховъ съ козаками страшная схватка; а за тотъ негодный квась не одного Ляха козакъ за чубъ, какъ негодяя, встряхнулъ. Ляхи что-то смекнули и отъ козаконъ чего-то уходили; а козаки Ляховъ попрекали: »Ой вы, Ляхи, собачьи дѣти! что вы не ожидаете и нашего пива не допиваете!«

Догнали козаки Ляховъ, поймали пана Потюцкаго, связали, какъ барана, и привезли къ гетьману Хмельницкому: »Эй ты, панъ Потюцький! что у тебя до сихъ поръ умъ женскїй? Не умѣлъ ты сидѣть въ Камен-

Не вмівъ ти есі въ Кам'янськімъ Подільці пробувати,
Печеного поросяти, кўриці съ перцемъ та зъ шапраномъ уживати,
А теперъ не зумієш ти зъ нами, козаками, воювати
И житнїї солом'ахи зъ тузлукомъ (*) (уцлїтати).
Хиб'а велю тебе до рукъ Кримському хану дати,
Щобъ навчили тебе Кримські нагаї сирїї кобиллини жовати!»

Тогдї Ляхї чоґось догадались,
На Жидивъ нарікали:
»Гей ви, Жидове,
Поганські синове!
На що-то ви великий бунтъ, тревогї зривали,
На мїлю по три корчми становили,
Великнї мѣта брали:
Відъ возового —
По півъ-золотоґо,
Відъ пїшого — по два грѣши,
А ще не минали й сердешного старця —
Відбирали пшонѣ та яйця!
А теперъ ви тїї ск'арби збїрайте
Та Хмельницького ид'айте;

скомъ Подольцѣ да їсть жаренаґо поросенка и курицу съ перцемъ да съ шафраномъ: куда же тебѣ съ нами, козаками, воевать и питаться ржаномъ саламатой съ разсолемъ! Ужъ не велѣтъ ли мнѣ выдать тебя Крымскому хану? пусть научатъ тебя Крымскїя нагайки жевать сухую конину!»

Тогда Ляхи что-то смекнули и Жидовъ попрекали: »Эй вы, Жиды, языческіе дѣти! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунтъ, эту тревогу! зачѣмъ вы на одной мїлѣ становили по три корчмы! зачѣмъ брали большою мытъ: отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаґо по два гроша, не пропускали и бѣднаґо нищаґо, отбїрали отъ него пшено и яйца! Соби-

(*) Сирівцѣмъ, розсѣломъ на рїбу. *Прим. п.*

Ато, якъ не будете Хмельницького идвати,
То не зарікайтесь за річку Вислу до Полонного прудко тікати.»

Жидове чогось догадались,
На річку Случу тікали.
Которі тікали до річки Случи,
То погубили чоботи й онучи;
А которі до Прута,

То була відъ козаківъ Хмельницького доріженька барзо крута.

На річці Случі
Обломляли мість идучи,
Затопили усі клейноди
И всі Лядські бубни.
Которі бігли до річки Росі,
То зосталися голі й босі.

Обізветця первий Жидъ, Гичикъ,
Та й хапаєтця за бичикъ.
Обізветця другий Жидъ, Шлѣма:
»Ой я жъ пакъ не буду на сабась дома!
Третій Жидъ озовѣтця, Оврамъ:
»У мене невеликий крамъ:
Шпилькі, голки,

райте же теперъ свои сокровища да смягчите Хмельницкаго, ато придетъ ся вамъ уходить опрометью за Вислу въ Полонное!

Жиды что-то смекнули и уходили къ рѣкѣ Случи. Кто уходилъ къ Случи, тѣ растеряли сапоги и онучи! кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ козаковъ Хмельницкаго очень круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Случь, обломался мостъ, и потонули всѣ драгоценности и всѣ Ляшскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый Жидъ, Гичикъ, и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой Жидъ, Шлѣма: »Ой не быть мнѣ къ шабашу дома!« Вскрикнулъ третій Жидъ, Аврамъ: »У меня мелкій крамъ (товарь): шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ сложилъ въ

Креміння, люльки.

Такъ я свій крамъ

У коробочку склавъ,

Та козакашъ пятами наживавъ. «⁽¹⁾

Обізнэвця четвёртий Жидъ, Давидко :

«Ой брате Лейбо ! уже жъ пакъ изъ-за горі козацькі корогви відко !»

Обізнэвця пятий Жидъ, 'Юдко :

»Нумо до Полонного утікати прудко !»

Тогді Жидъ Лейба біжить,

Ажъ живіть дріжить;

Якъ на школу погляне,

Его сёрце Жидівське зіване :

»Эй школо жъ моя, школо мурована !

Теперь тебе ні въ пазуху взяти,

Ні въ кишёню сховати,

Але жъ доведётца Хмельницького козакашъ на срачь, на балаки покидати !»

Отсе, панове - молодці, надъ Полоннимъ не чорна хмара вставала ;

Не одна пані - Ляшка удовою зосталась.

Озовётца одна пані - Ляшка :

коробокъ, и ушелъ отъ козаковъ. »Вскрикнулъ четвертый Жидъ, Давидко : »Ой, братъ Лейба ! уже видать изъ-за горы козацкія хоругви !« Вскрикнулъ пятый Жидъ, Юдко : » Ой уйдемъ поскорѣ въ Полонное !«

Жидъ Лейба бѣжитъ, и животь у него дрожитъ. Какъ взглянетъ на школу, такъ его Жидовское сердце и занеотъ : »Эй ты, школа моя, школа каменная ! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ кармакъ тебя не спрятать ! придется тебя подарить козакамъ Хмельницкаго на самую поносную потребу !«

И не черная туча, паны молодцы, встала надъ Полоннымъ ; не одна пані - Полька осталась вдовою. Вскрикнула одна пані - Полька : »Нѣту

(1) Этотъ стихъ исправляетъ несообразность списка г. Копытько. Тамъ сказано :

»Нема́ мого́ пана́ 'Яна!

Десь ёго́ звязáli козаки́, якъ - бí барана́,

Та повелí до свого́ гетьмана́.»

Озовётца́ дрўга́ пани́ - Ля́шка :

»Нема́ мого́ пана́ Кардаша́!

Десь ёго́ Хмельницького́ козаки́ повелí до свого́ коша́.»

Озовётца́ трета́ пани́ - Ля́шка :

»Нема́ мого́ пана́ Яку́ба!

Десь (узали́) Хмельницького́ козаки́ та либо́нь повíсили ёго́ десь на дўбí.»

Возращаю́сь къ моимъ записнымъ книжкамъ.

Малороссiянинъ-старикъ большею частью угрюмъ и важенъ, особенно съ человѣкомъ не своего званiя, и отъ котораго, притомъ, онъ ни сколько не зависитъ. Но, переправляясь, въ десяти верстахъ ниже Канева, черезъ Днiпръ на лодкѣ, я нашель въ своемъ сѣдоусомъ Харонѣ веселаго балагура, и въ моей записной книжкѣ осталось два изъ его разсказовъ.

1.

МАЛОРОССИЙСКОЕ НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. (*)

Якъ бувъ я ще парубкомъ, а дiдъ тодi ще невеличкимъ бувъ, а бiтька ще на свiтi не було, то дiдусъ покійникъ, було, питається: »А що́ будемъ, сiну, робити? зима́ холодна.»

мого пана Яна! видно, связали его козаки, какъ барана, и повели къ своему гетману». Вскрикнула другая пани-Полька: »Нѣтъ моего пана Кардаша! видно, козаки Хмѣльницкаго увели его въ свой станъ». Вскрикнула третья пани-Полька: »Нѣтъ моего пана Якуба! видно, взяли его козаки Хмѣльницкаго и повѣсили на дубѣ.»

(*) Оставляю эту статью безъ перевода, потому что всѣ ея достоинства заключаются въ комическихъ, неудобныхъ для передачи на другомъ языкѣ выраженихъ и въ непереводаемой игрѣ словъ.

То я, було, діда ражу: »Поїдьмо«, кажú, »дідусю, въ лїсѣ да нарубаёмъ дрóвъ.«

»Поїдьмо, такъ и поїдьмо.«

А въ насъ бичéчки невеличкі собі булі, такъ — мóжна на пригорщъ було взятъ. Поїхали въ лїсѣ. Дивлюсь, ажъ ломáччя така велика кúпа! Я стúкъ сокірою въ те ломáчче! а ведьмідь звідтиля, съ того ломáччя! Коли я въ те ломáчче, ажъ шéстеро яецъ. Якъ узялі ми зъ дідомъ, то дрúччемъ на візъ не скотїли, да вже я лédвї не лédвї въ шапку забравъ; такі великі.

Отто принієь додóму. А въ насъ, якъ на те, правда, свиня квоктáла. Отъ я підсїпавъ підъ ту свиню, а вона й вїдупила минї шієть волівъ, такъ якъ соколівъ.

Тодї вже якъ узялі ми зъ дідомъ тимї волами пóле оратъ да хлїбъ сїять... да и вродїло жъ дóбре! Вийдемъ, було, зъ дідомъ на поле, то то чужé, а то не наше; то чужé, а то не наше.

Якъ узялі жъ ми женцівъ збірáть, такъ, Бóже мій милостївий! щó-то ми того женця зобрáли! ажъ однú бабу. Якъ понажинала вона намъ кїпъ... Бóже милостївий, скїлько кїпъ!

А дідъ покїйникъ и питаєтця въ менé: »Де жъ ми«, каже, »сїну, бúдемъ скиртї складáти?«

А я кажú: »Ажé жъ у насъ коменъ великий, то на коменї скиртї складемо, а на печі молотїтимемъ.«

Якъ же вклóнулася та проклáта кúзька, мїши, да такъ же вклóнулася! А въ насъ, признáтця, кїтъ дóбрый бувъ. Якъ махнувъ вінъ по комену, якъ ударить хвостóмъ, а наші скиртї да въ помїйницю!...

А тутъ ужé й батько підрїєь. Даць мáти, було, все лóбить молоко пáрене, а ми все кїсле. То мáти, було, по селú пáрить-пáрить, а ми въ запїчку кїснемъ-кїснемъ!

А батько, правда, рибáлка дóбрый бувъ: кїне úдочку въ чужú бúдочку, то й тягне не кожухъ, такъ свїточку.

Отъ ми й розжилїсь. Такъ батько й каже: »У тебе мáти вмерла, а въ мéне жїнка, то поставимо обїдъ.«

Якъ узялі жъ ми збірáть людéй на обїдъ, да съ такимъ дого-

воромъ, щобъ була своя лóжка, и хлѣбъ, и сѣдь. Отó якъ найшло народу, такъ, Бóже милостѣвий! ажъ два чоловѣка. Дакъ бáтько й каже: »Засóлимъ же оцѣ озерцѣ, то ви́йже щербѣчку, а наспóдѣ б́уде рѣбка.»

Дакъ тѣ люде не здяковались.

2.

СЪРЬЕ ГУСИ ИЗЪ БѢЛОЙ РУСИ. (*)

Отó оре чоловѣкъ у пóлѣ, ажъ иде Царь. Чоловѣкъ дохóдитъ до шляху, а Царь зовѣ ёго: »Дѣду«, каже, чи якъ тамъ.

»Чогó, пáне?« [бо тодѣ ще не було сѣхъ благородѣй, а за-просто *пáне* да й тѣлько.] »Чогó«, каже, »пáне?«

»Чи давнó, дѣду, на горѣ лягли снѣгѣ?«

»Давнó, пáне: гóдѣвъ пятна́дцять, абó й двáдцять.«

[А се б́ъ то, бачъ : чи давнó голова посѣвила?]

»Э!« д́умае собѣ Царь. »А чи давнó«, каже, »пѣшла вода с́пѣдъ гѣръ?« [Зъ ви́шчого, бачъ, рóзуму закидаѣ кручка. Зна́ешъ, у старѣхъ людѣй, такъ слѣзи зъ очѣй ид́уть.]

»Давнó«, каже, »гóдѣвъ десято́къ б́уде.«

(*) *Переводъ.* — Пашеть въ полѣ мужикъ, смотритъ — Царь ѣдетъ. Мужикъ подходит (за плугомъ) къ дорогѣ, а Царь зоветъ его : »Старикъ!« говоритъ, — или какъ-нибудь иначе его назвасть. — »Чего, панъ?« [Въ то время еще не было *благородѣй*, а просто *панъ*, да и все тутъ]. »Чего, панъ?« говоритъ мужикъ. »Давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга?« — »Давно, панъ : лѣтъ будетъ пятнадцать, или двадцать.« [А оно, видишь, значитъ : давно ли голова посѣдѣла?] »Э!« д́умаетъ про себя Царь. »А давно ли«, говорятъ, »пошла изъ-подъ горъ вода?« [Закидываетъ, видишь, кручекъ съ высшего ума-разума. У старѣхъ, значитъ, людей слезы изъ глазъ текутъ.] »Давно«, говоритъ мужикъ : »лѣтъ десять ужъ будетъ.« — »О, да это не протакъ стари-

»Ә, да се жъ и дідъ собі вдався!«... Питаѣтця ще: »Чи багато на небі звіздъ?«

Кáже: »Пасъ волі да все лічівъ, а передъ світомъ заснүвъ, то й не долічівъ.«

»Оцѣ знайшовъ діда!« дүмає собі. »Гляді жъ«, каже, »чоловіче, залетятъ сірі гүси зъ Білої Русі, то піддері хорошенько!«

»Добре«, каже, »якъ живъ буду, то піддеру.«

И поїхавъ собі....

Отó прийшовъ у сенатъ. А тамъ старикі такі сидятъ... звісно сенатори. Отъ вінъ заразъ: »А чи давно лягли снігі на горахъ?«

Тіи тамъ дүмали-дүмали. А вже бачить, що вже старі, да нічого не втнүть... Вони тамъ до книгъ, вони до Богословні; перекидаютъ, книжкі ламаютъ: Оттакъ Богъ создавъ небо, оттакі річки... Ні, не втнүть!

»Әгé!« каже, »пошліть до такого й такого старичка—вінь скаже.«

Ну, а грошей до смүтку въ тихъ членівъ. Отъ вони вибрали поштаря, дали йому кільки тамъ тїсячъ: »Дуй!«

чокъ!« думаєть Царь и спрашиваетъ еще: »Много ли на небѣ звѣздъ?«— »Пасъ«, говорятъ, »я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ и не дочелъ.« — »Ну, потрафилъ я на старика!« думаєть Царь. »Смотри же, мужичокъ«, говоритъ онъ ему, »какъ залетятъ сюда гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери хорошенько!« — »Хорошо«, говоритъ тотъ, »коли живъ буду, то поддеру.«

Царь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ все старики сидятъ... извѣстно, сенаторы. Онъ тотъ-часъ: »А давно легли снѣга на горахъ?« Тѣ долго думали. А Царь видитъ: и старики, да ничего не могутъ сказать ему... ужъ они и въ книги, ужъ они и въ Богословію заглядывали: перелистываютъ, ломаютъ книги: »Вотъ какъ Богъ міръ сотворилъ, вотъ такія и такія рѣки«... Нѣтъ, ничего не сдѣлаютъ да и только. »То-то!« говорятъ Царь. »А вотъ пошлите къ такому-то старику — онъ вамъ скажетъ, въ чемъ дѣло.« Ну, разумѣется, денегъ

Убігъ той у сельцѣ, спитавсь: »Чи живъ такий и такий старикъ?»

»Живъ«, кажутъ.

До ёго заразъ: »Здоровъ, діду!»

»Здоровъ, пане!»

»Пусти на кватѣру.»

»Ідьте, пане.»

»Сіно, овесь ёсть?»

»Ёсть, пане.»

»Ну, такъ пусти на кватѣру.»

»Ідьте«, каже, »пане.»

Отó заіхавъ. Заразъ пославъ за горілкою [що треба якось-небудь кручка закінуть. А якъ яко́го, то й горілкою не обманишь]. Питаєтця отó: »Чи знаєшь, діду, давно на горі лягли сніги?»

»А якъ же не знать?»

»А чи знаєшь«, каже, »давно пішла вода съ-підъ гір?»

»Да знаю«, каже, »колі й вода, колі й щó.»

А тутъ того й приіхавъ.

Кинулось діду въ голову: »Оце, може, той панъ приславъ!»

»Щó«, каже, »тобі дати, щобъ сказавъ?»

бездна у этихъ членовъ. Выбрали они почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ: »Валяй!»

Прискакалъ почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: »Живъ такой-то старикъ?» — »Живъ«, говорятъ. Тотъ-часъ къ нему: »Здорово, старикъ!» — »Здорово, пань!» — »Позволь взѣхать на дворъ.« — »Взѣзжайте, пань.« — »Сіно, овесь ёсть?» — »Ёсть, пань.« — »Ну, такъ позволь взѣхать на дворъ.« — »Взѣзжайте, пань.« Взѣхалъ почтарь къ нему. Тотъ-часъ послалъ за водкою [Надобно, видите ли, какъ-нибудь зацѣпиться. А ино́го и съ водкой не проведешь]. Вотъ и спрашиваетъ: »Знаешь ли ты, старикъ, какъ давно легли снѣга на горъ?» — »Какъ не знать?» — »А знаешь, какъ давно пошла вода изъ-подъ горъ?» — »Знаю«, говоритъ, »и это, и все.« [А онъ затѣмъ и приіхалъ.] Старикъ и смекнулъ: »Видно, это тотъ панъ приславъ!» — »Что

»Тисячу рублівъ«, каже, »то скажý.«

Тягне той тисячу съ кармана: »Кажи, старикъ!«

А дідъ: »Постій«, каже, »заховаю гроши въ комору.«

Заховавъ.

»Ну«, каже, »старикъ!«

»Отó такъ, пане: Оце, що свігі впали, то то наша голова посівла...«

Той дивитця: »Оце«, каже, »такъ!«

»А то«, каже, »що вода пішла съ-підъ гиръ, то то въ старого чоловіка — такъ хочъ-би и въ мене — слёзи почали йти зъ очей...«

Той тоді: »Господи! оце такъ!« каже.

»Відкиля«, каже, »ви, пане?«

Каже: »Зъ Петинбурха.«

»Ге!... Якъ«, каже, »іхавъ колись якийся панъ; я«, каже, дохожу до шляху, а вінъ почавъ мене питать, а я ёмý одвічавъ. Питавъ: »Чи давно нагорахъ свігі лягли!« А я ёмý одвічавъ: »Годівъ съ пятнадцять, або й зъ двадцять.« Питавъ: »Чи давно пішла вода съ-підъ гиръ?« А я ёмý оттакъ, оттакъ одвічавъ. То вінъ

ты возьмешь за то, что скажешь мнѣ?« — »Тысячу рублей дашь, такъ скажу.« Вытаскивает почтарь тысячу рублей: »Говори, старикъ!« А старикъ: »Погоди«, говоритъ, »спрячу сперва деньги въ *комору* (чуланъ).« Спряталъ деньги. »Ну, старикъ!« — »Вотъ въ чемъ дѣло, панъ. Выпали снѣга, — это значитъ — наша голова посѣдѣла.« Тотъ смотритъ на него: »Вотъ те на!« говоритъ. »А вода пошла изъ-подъ горъ, — это значитъ — у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ... А почтарь: »Господи! вотъ те и загадка!« — А откуда вы, панъ?« спрашиваетъ мужикъ. »Изъ Петербурга.« — »Аа!« говоритъ. »Проѣзжалъ здѣсь какой-то панъ; я«, говоритъ, »подхожу къ дорогѣ, а онъ началъ меня спрашивать, а я ему отвѣчалъ. Спросилъ онъ: »Давно ли на горахъ снѣга легли?« а я отвѣчалъ: »Лѣтъ пятнадцать, или двадцать.« Спросилъ: »Давно ли пошла вода изъ-подъ горъ?« а я ему такъ-то отвѣчалъ. Такъ онъ я говоритъ мнѣ: »Смотри же, ста-

и сказавъ: »Гляди жъ, дѣду, залетятъ гуси зъ білої Рूसі, то піддеру!»
»рі хорошенъко!« А я ёму й кажу: »Якъ бѣду живъ, то піддеру.«

Тоді той поштартъ назадъ: »Оттакъ и такъ, панове!«

Тіи ажъ за голову вхопілись: »Що бъ намъ було такъ казати! Мужикъ, да давъ Царю одвѣтъ!«

Эгѣ, и зъ нашимъ братомъ часомъ не жартуй!

Надобно сознаться откровенно, что, странствуя изъ села въ село по Малороссійскимъ губерніямъ въ періодъ моеї юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгриваетъ мелкими отрывками цѣлое Малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы; и то, что внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ — непреодолимымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была всё-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по хваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть

»рикъ: какъ залетятъ къ тебѣ гуси изъ Бѣлой Руси, то поддержи ихъ хорошо!« А я сказалъ ему: »Когда буду живъ, то поддержи.«

Тогда почтартъ назадъ: »Вотъ въ чемъ дѣло, господа!« Тѣ и за голову схватились: »Ну, какъ это намъ не пришло въ мысль! Мужикъ далъ Царю отвѣтъ, а мы не дали!«

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

Малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины. Но самъ народъ — такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣяныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія.

Я уже былъ въ Бѣлой Церкви, въ Корсунѣ, въ Кумѣйкахъ, гдѣ борьба племенныхъ убѣжденій запечатлѣна смертью многихъ тысячъ ихъ защитниковъ. Наконецъ я въѣхалъ въ Черкасы, — городъ, по которому старинные Великороссіяне называли всѣхъ своихъ южныхъ соплеменниковъ *Черкасами*. Съ какого времени утвердилось на сѣверѣ мнѣніе, выражаемое этимъ именемъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что неграмотные обитатели Малороссіи никогда не усвоивали себѣ имени *Черкасъ*, точно такъ же, какъ и имени *Русскихъ*. Малороссійскіе простолюдины, на вопросъ: »Откуда вы?« будутъ отвѣчать: Изъ такой-то губерніи; но на вопросъ: »Кто вы? какой народъ?« не найдутъ другого отвѣта, какъ только: »*Люде такъ собі народъ та й годі.*« — »Вы Русскіе?« — »*Ні.*« — »Хохлы?« — »*Якїи жъ ми Хохлї?*« (Хохоль — слово бранное, и они его отвергаютъ). — Малороссіяне? — »*Що то за Маросїяне? намъ ёго й вимовить трѹдно*« (Малороссіянинъ — слово книжное, и они его не знаютъ). Словомъ, земляки наши, предоставляя называть себя Русью, Черкасами и чѣмъ угодно, сами себя называютъ только *людьми* и не присваиваютъ себѣ никакого собственнаго имени... Но возвратимся къ городу Черкасамъ.

Относительно населенія и устройства домовъ и улицъ, это таковой же городъ, какъ и всѣ уѣздные города въ Малороссіи. Тѣ же усилія человѣка вытѣснить украшенія природы, ничѣмъ не замѣ-

нивъ ихъ ; та же дисгармонія въ быту высшаго сословія и удаленіе отъ сельской простоты низшаго ; та же архитектура домовъ, занимающая уродливую средину между національною хатою и иноземнымъ стилемъ построекъ. Я воображаю себѣ положеніе этнографа, живущаго въ столицѣ и пріѣхавшаго сюда на почтовыхъ, съ цѣлю изучить Малороссійскіе нравы въ самомъ гнѣздѣ Малороссійской народности, собрать пѣсни, повѣрья и преданія о старинѣ на мѣстахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи. Онъ необходимо долженъ занять квартиру въ домѣ Жида, или Великороссіянина, потому-что коренные жители уступили пришельцамъ первенство въ промышленности, слѣдовательно и въ богатствѣ. Сами они живутъ въ чистенькихъ, но убогихъ хаткахъ, въ которыхъ барину-этнографу было бы крайне неудобно провести нѣсколько дней. Расположась въ своей квартирѣ, онъ приступаетъ къ справкамъ о старикахъ, которые могли бы поразсказать ему о прежнихъ временахъ. Ему указываютъ на извѣстныя лица между мѣщанами, и они, по его приглашенію (которое принимаютъ за требованіе) являются. Это — съдые старики съ длинными бородами и волосами, похожіе скорѣе на монастырскихъ отшельниковъ, нежели на мірянъ, которые обыкновенно бороды брѣютъ и носятъ усы. Видъ ихъ внушаетъ далекому путешественнику уваженіе. Онъ усаживаетъ ихъ у себя на стульяхъ и начинаетъ спрашивать о старинѣ, о пѣсняхъ, объ обрядахъ и тому подобномъ. Старики, вовсе не ожидавшіе отъ столичнаго господина подобныхъ распросовъ, дивятся его рѣчамъ, взглядываются между собою, значительно покачиваютъ головами, какъ-бы говоря : *«О, да се дѣбра казючка!»* и отвѣчаютъ на его вопросы уклончиво и безтолково, такъ что онъ, потерявъ съ ними безъ пользы часъ, или два, отпускаетъ ихъ во-свояси. Въ городѣ между тѣмъ распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ Москвы, или изъ Кіева и потребовалъ къ себѣ такихъ-то людей. Досужія головы дѣлаютъ на счетъ цѣли его пріѣзда самыя дикія заключенія. За нимъ слѣдятъ глазами изо всѣхъ домовъ, лишь только онъ появится на улицѣ. Всѣ на сторожѣ ; всѣ опасаются

съ его стороны какихъ-то тайныхъ, непріязненныхъ дѣйствій; и этнографъ нашъ, проскучавъ сутки двои-трои въ уѣздномъ городѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать съ жителями высшаго и низшаго сословія, уѣзжаетъ съ немногими нотабенками въ своей книжкѣ и съ общимъ впечатлѣніемъ пошлости, безцвѣтности и безхарактерности Малороссійскаго населенія уѣздныхъ городовъ.

А сущность дѣла совсѣмъ не та. Простолюдины-горожане конечно теряютъ у насъ много того, что составляетъ прелесть общаго характера поселянъ; они *цивилизуются*, въ худшемъ значеніи этого слова, и забываютъ свой языкъ, свои обряды, пѣсни и преданія. Но между ними можно иной разъ встрѣтить людей стараго вѣка, къ которымъ не пристанетъ никакая цивилизація, или простаковъ, неспособныхъ гоняться за корыстью и въ сношеніяхъ съ прасолами усваивать себѣ ихъ вкусъ относительно одежды, ухватокъ и языка. Только этихъ людей надобно поискать прилежнѣе, а найдя, умѣть обойтись съ ними. Какъ это дѣлается, я не знаю рецепта и, въ утѣшеніе всѣхъ выступающихъ на трудное поприще народоизслѣдователя, скажу, что не разъ я самъ игралъ роль столичнаго этнографа; не разъ я чувствовалъ себя пристыженнымъ и раздосадованнымъ послѣ неудачныхъ попытокъ завязать довѣрчивый разговоръ съ сѣдобрадыми старцами; не разъ я уходилъ изъ хаты поселянина съ сознаньемъ неумѣнья показать себя тѣмъ, что я есть, и съ увѣренностью, что подалъ своимъ посѣщеніемъ поводъ къ безпокойному подозрѣнію себя въ томъ, къ чему я неспособенъ, а пожалуй и къ простодушнымъ насмѣшкамъ надъ тѣмъ, что было мною говорено отъ искренняго сердца.

Въ Черкасахъ, однакожъ, этого со мною не случилось. Едва успѣлъ я осмотрѣть городъ, какъ очутился самымъ естественнымъ путемъ посреди свидѣтелей старины и добродушнѣйшихъ о ней расказчиковъ. Пробравшись изъ центра города въ тѣ улицы, которыя напоминаютъ деревенскіе виды и выходятъ въ поле, или оканчиваются какой-нибудь пустынной рощею, косогоромъ съ старыми грушами и т. п., я остановился у колодца и началъ

наблюдать приходящій къ нему народъ. Для полупразднаго заѣзжаго это лучшіе пункты въ селахъ и въ похожихъ на села городахъ. У колодцевъ почти всегда растутъ вербы, или другія деревья, о которыхъ, разумѣется, никто не прилагалъ и не прилагаетъ попеченія. Усѣвшись въ тѣни этихъ деревъ, вы ужь получаете въ глазахъ приходящихъ за водой значеніе челоуѣка, занятаго своимъ дѣломъ, а не празднаго вывѣдывателя подноготной: вы отдыхаете, и, въ качествѣ отдыхающаго челоуѣка, вамъ можно балагурить съ приходящими, какъ балагурятъ они между собою, и вы не удивите никого вопросомъ о Гайдамакахъ, о Запоржцахъ, о Хмѣльницкомъ и о чемъ вамъ угодно, лишь бы только не рѣзко перейти къ такому вопросу. Въ вашемъ положеніи это естественно: вы отдыхаете, и вамъ скучно молчать.

Въ такомъ выгодномъ положеніи находился я, когда, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ дѣйствующихъ лицъ у колодца, пришелъ за водой сѣдоусый челоуѣкъ, въ суконномъ жилетѣ, очевидно передѣланномъ изъ солдатскаго мундира. Онъ отличался необыкновенною говорливостью, такъ что не пропустилъ ни одной дѣвухи, ни одной молодежи изъ стоявшихъ у колодца (а поселянки наши всегда любятъ постоять съ порожними и полными ведрами въ этомъ мѣстѣ встрѣчъ и пересказыванья новостей) и приправлялъ свои вопросы и отвѣты такими пословицами и поговорками, отъ которыхъ всѣ единодушно хохотали. Рѣдко можно встрѣтить у насъ между стариками такое веселое выраженіе лица, какъ у этого говоруна. Онъ слылъ у своихъ сосѣдей за *шутника* и за такого челоуѣка, съ которымъ забудешь, зачѣмъ ходять къ колодезю. Такъ объявили о немъ другъ другу носильщицы воды и разбрелись въ разныхъ направленіяхъ по зеленымъ взгорьямъ, перекидываясь съ нимъ еще и издали шутками и остротами.

Я попросилъ у него напиться воды и былъ спрошенъ, откуда я. (Онъ тотъ-часъ увидѣлъ, что я челоуѣкъ заѣзжій.) Я выдалъ себя за живописца, ѣдущаго изъ Кіева въ несуществующее на картѣ село расписывать иконостасъ. Это одна изъ лучшихъ рекомендацій въ глазахъ Малороссійскаго простолюдина, такъ какъ онъ

распространяетъ святость иконъ и на самое ремесло иконописца. Разговоръ зашелъ о Кіевѣ, въ которомъ рѣдкій изъ поселянъ не былъ на богомольи, потомъ о городахъ по пути къ Кіеву и наконецъ о Черкасахъ. Старикъ указалъ мнѣ, гдѣ стоялъ замокъ, то есть деревянный острожокъ, окруженный валомъ и рвомъ, и на-мекнулъ на нѣкоторыя обстоятельства прежнихъ временъ тономъ человѣка, слыхавшаго довольно рассказовъ о старинѣ. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени, но я казался спокойнымъ и не спѣшилъ его спрашивать. Наконецъ онъ объявилъ, что жинка ждетъ его съ водою и что пора уже обѣдать. Я поднялся съ нимъ вверхъ по покатоу улицѣ, продолжая бесѣдовать о его хатѣ, которою онъ былъ очень доволенъ, о его левадѣ, или огородѣ, которымъ онъ былъ такъ-же очень доволенъ, и о его жинкѣ, которою онъ былъ довольнѣе всего. Жинка его была въ молодости горничной дѣвушкой у какой-то барыни, и Василь Суддѣнко (имя старика) гордился не мало женидбой на такой, знатной, или вѣрнѣе — на такой образованной особѣ.

»Отъ мой хата!« (говорилъ онъ, указывая рукой черезъ плетень, въ которомъ сдѣланъ былъ перелазъ.) »Тутъ у менѣ всё колó хати, чо́го душа бажае. Отъ и кури ходять, отъ и теля, — а корóву вигнали въ чѣреду — отъ у менѣ й жито ростѣ передъ хатою... вийди съ хати та й жни... уся благодать Бóжа!

Я попросилъ позволенія зайти къ нему, и этимъ очень одолжилъ его. У него и у самого была уже такая думка, чтобъ звать меня къ себѣ обѣдать, да какъ-то не осмѣлился, потому что не зналъ, каково оно мнѣ покажется. Онъ человѣкъ простой, хоть и цеховой мѣщанинъ, хоть и портной, а не то, чтобы такъ себѣ *поки́дка*; но всё же видитъ — человѣкъ я не ихъ званія; можетъ быть, привыкъ сидѣть за столомъ съ великими панами; такъ оно какъ-то показалось ему и *сумнительно*.

»А жинка мой (продолжалъ онъ) вáрить борщъ такой, що

хоть би и городничому. Вона у панівъ довго жилá и понаучувалась усякихъ панськихъ роскошівъ.»

Дѣйствительно борщъ оказался такимъ, что хоть бы и городничему; но аппетитъ мой сильно пострадалъ отъ волненія, съ которымъ я слушалъ рассказы Василя Суддѣнка о его отцѣ, служившемъ въ городскихъ козакахъ во время Коливщины. Эти рассказы были исполнены для меня неописаннаго очарованія: я слышалъ въ нихъ еще незамолкнувшій голосъ былой жизни, о которой до насъ дошли только книжныя извѣстія. Василь Суддѣнко пересказывалъ рѣчи отца, принятыя имъ съ впечатлительностью дѣтства и, можетъ быть, заимствовавшія оттѣнокъ его собственнаго воображенія. Когда я сказалъ, что все это такъ интересно, что жаль было бы перезабыть — а у меня-де плохая память — и принялся записывать, Василь Суддѣнко объявилъ мнѣ, что, если я такъ люблю рассказы о старинѣ, то мнѣ надобно послушать его тестя, Харкá Цехмістера, который самъ видѣлъ Зализняка и зазнаеть Богъ знаетъ какія времена.

Черезъ нѣсколько времени явился къ намъ и Харкó Цехмістеръ, старикъ самой почтенной наружности — въ черной свитѣ съ кобелякомъ, съ бѣлою, длинною бородою. Онъ былъ ужъ очень старъ, но держался на ногахъ крѣпко, говорилъ чрезвычайно ясно и, когда описывалъ что-нибудь поражавшее его въ молодости, глаза его оживлялись юношескимъ огнемъ. Онъ былъ не прочь познакомиться съ моимъ штофикомъ, который давно уже стоялъ на столѣ и съ которымъ Василь Суддѣнко вступилъ въ самыя пріятельскія отношенія. Память его не только не пострадала отъ хмѣлю, скоро подѣйствовавшаго на его престарѣлую голову, но еще отъ него проявилась, и онъ припоминалъ самыя мелкія подробности изъ своихъ давнишнихъ впечатлѣній. Не нужно, я думаю, увѣрять, что я провелъ время въ обществѣ этихъ друзей самымъ пріятнымъ образомъ. Я просидѣлъ съ ними до сумерекъ, не выпуская карандаша изъ рукъ, и ушелъ, обѣщавъ явиться къ нимъ на другой день. Харкó Цехмістеръ тоже далъ слово обѣдать завтра у своего зятя. Такъ я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,

до тѣхъ поръ, пока не записалъ всего, что хранилось у него въ памяти. Утромъ я приводилъ въ порядокъ свою стенографію, а потомъ отправлялся въ хату Василя Суддѣнка, какъ на университетскую лекцію, и пополнялъ всё неполныя, или темныя мѣста при вторичныхъ распросахъ. Читатель увидитъ, стоило ли пойти запеканкою Черкасскихъ раскащиковъ. Что касается до меня, то ихъ бесѣды дѣйствовали на мое воображеніе такъ сильно, что я нѣсколько дней не могъ ни о чемъ другомъ думать, и лица, выведенныя ими на сцену въ ихъ повѣствованіяхъ, рисовались передо мной, какъ живыя. Вотъ эти повѣствованія.

МАКСИМЪ ШИЛО. (1)

(*)Почувши губернаторъ (2) Росковскій, що гайдамаки деруть одного чоловіка, Шрама... а той Шрамъ державъ у ёго на орѣнді корчмѣ въ Рѣській Полянѣ... то вінъ, почувши, що Шрама деруть, поїхавъ ёго обороняти. А одинъ гайдамака изъ вікна, не допустивши ёго до орѣнди, и вбѣвъ зъ рушніці. То вони самі скололи того гайдамаку. »О, вражий синъ!« кажуть, »добраго пана стративъ!« та взяли та й скололи (3). Идосѣ крестъ стоить надъ тѣмъ губернаторомъ у Рѣській Полянѣ.

(*) *Переводъ.* —Какъ, услышалъ губернаторъ (2) Росковскій, что гайдамаки грабятъ одного мужика, Шрама... а тотъ Шрамъ имѣлъ отъ него въ арендѣ корчму въ Русской Полянѣ... такъ онъ, узнавши, что Шрама грабятъ, и поѣхалъ оборонять его. Тутъ одинъ гайдамака, не допустивъ его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его. Такъ они сами закололи того гайдамаку. »Ахъ, вражий сынъ!« говорятъ, »добраго пана сгубилъ!« и закололи гайдамаку (3). До сихъ поръ стоить крестъ надъ тѣмъ губернаторомъ въ Русской Полянѣ.

(1) Разсказъ Василя Суддѣнка.

(2) Г. е. управитель.

(3) Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

А потімъ бувъ губернаторомъ панъ Сельскій. То за сего вже губернатора прихавъ отаманъ Шило, зъ ватагою — душъ, може, зъ сотню. Менé ще тогді на світі не було, а росказувавъ те все покойникъ батько. Прихали — каже — вони підъ (замкову) браму та й кричять, щобъ одчинили. А губернаторъ злякавъ та й звелівъ одчинити, хочъ у замку було не безъ народу. А я — каже — бувъ на той часъ дома. Прибігаю до замку, ажъ уже менé не пускають. Я до частоколу. Дивлюсь скрізь щілину, ажъ губернаторъ стоить на колінахъ передъ Максимомъ Шиломъ; а той сидить на коні, якъ разъ проті мене, и читае ёму указъ ніби-то одъ Цариці, щобъ різать усіхъ Ляхівъ и Жидівъ, щобъ и на світі їхъ не було. А я собі думаю: »Ось постой лишъ, я тобі дамъ не такого указу!« та, просунувши въ щілину рушницю, тільки що хочу стрéлити пріамо ёму въ грúди, а кінъ махне головою, то й нельзя влúчить. Я зновъ переждú, поки кінъ понúритця, та що хочу стрéлити, то вінъ знову й махне головою. А літне, знаєте, время, саме передъ Тройцею, то мúхи коня кусають.

Коли жъ прибігае то-жъ изъ міста повковникъ замковій, Па-

А потомъ былъ губернаторомъ панъ Сельскій. При этомъ ужъ губернаторъ пріѣхалъ (въ Черкасы) отаманъ Шило съ ватагою, душъ, можетъ, во сто. Меня тогда еще на свѣтѣ не было, а рассказывалъ мнѣ объ этомъ покойный отецъ. Подѣхали — говоритъ — они къ (замковымъ) воротамъ и кричатъ: »Отворите!« Губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хоть въ замкѣ было не безъ людей. А я — говоритъ — былъ на то время дома. Прибѣгаю къ замку — меня ужъ не пускаютъ. Я къ частоколу. Смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣнахъ передъ Максимомъ Шиломъ; а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ противъ меня, и читаетъ ему указъ будто-бы отъ Царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, такъ чтобъ и на свѣтѣ ихъ не было. А я думаю: »Погоди-ка, я тебѣ дамъ не такого указу!« и, просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь и махнетъ головой, такъ и нельзя потрафить. Я опять подожду, пока конь потупитъ голову, и только что хочу выстрѣлить, онъ опять и махнетъ головой. А вре-

ціна Францішекъ: »Бога бійся, Омельку, не стреляй! Ходімо перше роспитаємось.«

Пішли, стали стучать. Впущено насъ у башту.

Отъ батько (¹) піднявъ підъ руки губернатора и каже: »Устань, пане! що ти передъ ледащомъ оцѣ робишь? Да ви їх не слухайте: се гайдамаки! Вистреляймо їх, вражихъ синівъ!«

Губернаторъ и вставъ.

А Максимъ и каже батькові: »Хто ти за чоловікъ?«

А батько каже: »А тобі когò треба?«

»Ти, видно, Омелько Суддѣнко?«

»Такъ, Омелько Суддѣнко.«

А батько та бувъ первий на всю губернію стрілець. То вже Максиму сказано: »Стережись, Максиме, Омелька Суддѣнка, бо той чоловікъ тебѣ зъ світу женѣ.«

То Максимъ и каже батькові: »Не стреляй же, брате, сѣго хлопця свинцевою кулею, а стреляй срібною.«

ня, видите ли, лѣтнее, какъ разъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ шухи кусають коня.

Какъ тутъ прибѣгаетъ изъ города замковой полковникъ, Францішекъ Паціна: »Ради Бога, Омелько, не стрѣлай! пойдемъ сперва разузвасемъ, въ чемъ дѣло.« Пошли мы, начали стучать въ ворота. Пропустили насъ черезъ башню...

Тогда отецъ (¹) поднялъ губернатора и говоритъ: »Встань, пане! что это ты дѣлаешь передъ негодеями? Не слушайте ихъ: это гайдамаки! Перестрѣляемъ ихъ, вражихъ дѣтей!« Губернаторъ всталъ. А Максимъ говоритъ отцу: »Что ты за человекъ?« А отецъ говоритъ: »А тебѣ кого нужно?« — »Ты, вѣрно, Омелько Суддѣнко?« — »Такъ, Омелько Суддѣнко.« А отецъ, видите ли, былъ первый стрѣлокъ во всей губерніи; такъ Максиму кто-то и сказалъ: »Берегись, Максимъ, Омелька Суддѣнка: зотъ человекъ сгонитъ тебя со свѣта.« Вотъ Максимъ

(¹) Здѣсь рассказчикъ перестаетъ повторять слова отца и начинаетъ говорить о немъ въ третьемъ лицѣ.

А бaтькo кaжe: »Мoлi Бoгa зa пaнa пoвкoвникa, aтo дoсi и oдъ свинцeвoй ти нa кoнi нe сидiвъ би; тa щe — щo кiнь гoлoвoю мaхaвъ... Вiкoлiмъ«, кaжe, »iхъ, пaнoвe!«

Oтъ нaшi й зaхoдилiсь кoлo гaйдaмaкъ. A Mакcимъ и кaжe: »Щo жъ, пaнoвe? щo съ тoгo, щo ви нaсъ вiкoлeтe? Нaсъ e бaгaцькo, тo вiкoлoють и вaсъ. Я нe пo свoйi вoлi прихaвъ: мeнe пoслaнo.«

Нaшi пoрaхoвaли-пoрaхoвaли тa й вiпуcтилi iхъ.

Гaйдaмaки cтaли нa квaтирi у Aндрiйця, кoлo Трoйци. A oпicлa прислae Mакcимъ кoзaкa зъ зaпiскoю дo зaмкy: пpoсить гyбepнaтoрa вийти зa хвiрткy нa тaйнy poзмoвy. Гyбepнaтoръ вийшовъ бeзъ opужжя, a бaтькo зъ нимъ при пистoлeтaхъ. И Mакcимъ вийшовъ сaмъ бeзъ opужжя, a кoзaкъ зъ нимъ при пистoлeтaхъ. »He знaю«, кaжe, »щo мнi й гoвopить свoймy cтapшoмy. Зъйдъ«, кaжe, »зъ Чepкaсь, a я cкaжy, щo дoмa нe зaстaвъ.«

Гyбepнaтoръ пocлyхaвъ тa и зъхaвъ. A гaйдaмaки пoрoзби-

и гoвopить oтцy: »He cтpляй жe, бpaть, зoгo пapня свинцoвoй пyлeй, a cтpляй cepeбpянoю.« A oтeць гoвopить: »Мoлиcь Бoгy o пaв'я пoлкoвникъ, aтo нe сидiть бy тeбъ нa кoнi и oтъ свинцoвoй пyли; дa eщe блaгoдaри Бoгa зa тo, щo кoнь гoлoвoю мaхaлъ. Пepeкoлeмъ«, гoвopить, »иxъ, гoспoдa!« Boть нaшi и пpистyпили къ гaйдaмaкaмъ. Toгдa Mакcимъ гoвopить: »Чтo жe, гoспoдa? чтo вь зoтoмъ пpoкy, щo вь нaсъ пepeкoлeтe? Нaсъ мнoгo — пepeкoлoють и вaсъ. Я нe пo свoей вoлi пpи-тхaлъ: мeня пpислaли.« Нaшi пoдyмaли, пoдyмaли и вiпуcтилi ихъ.

Гaйдaмaки зaняли ceбi квaртиpy y Aндрiйця, oкoлo Тpoйци. Пoтoмъ пpислae Mакcимъ къ зaмкy кoзaкa съ зaпiскoю: пpoсить гyбepнaтoрa вийти зa кaлiткy для тaйнихъ пepeгoвopовъ. Гyбepнaтoръ вьшeлъ бeзъ opужiя, a oтeць при немъ съ пистoлeтaми. И Mакcимъ вьшeлъ сaмъ бeзъ opужiя, a при немъ кoзaкъ съ пистoлeтaми. »He знaю«, гoвopить, »чтo и cкaзaть мнi свoсмy cтapшeмy. Узъжaй изъ Чepкaсь, a я cкaжy, щo дoмa нe зaстaлъ.« Гyбepнaтoръ пocлyшaлcя eгo и утхaлъ. A гaйдaмaки пepeкoлoтили бoчки съ вoдкoй, oгpaбили зaжитoчныхъ людiй и yбpaлиcь изъ Чepкaсь.

вали зъ горілкою бочкі, пограбили багатихъ людей та й потягнули съ Черкасъ.

Въ этомъ преданіи гайдамаки являються не защитниками единовѣрцевъ и мстителями за претерпѣнныя ими притѣсенія, а грабителями ихъ имуществъ. Но это неизбежное зло при всякомъ возстаніи черни. Сторону Запорожскихъ выходцевъ приняли прежде всего бѣдняки, приняли недовольные существующимъ порядкомъ вещей, обиженные своими хозяевами «наймыты», а такъ-же воры и разбойники. Для этого сброду гайдамачество было войною бѣдныхъ противъ богатыхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, служа прежде у зажиточныхъ мѣщанъ и поселянъ, мстили имъ потому за какія-нибудь дѣйствительныя, или кажущіяся обиды и устремляли на нихъ жадную толпу голышей. Самовидецъ, описывая, въ своей лѣтописи, возстаніе черни подъ предводительствомъ Хмельницкаго, говоритъ, что въ то время всѣ люди «значные», то есть, отличавшіеся достаткомъ и заслугами, терпѣли «великую тѣгу и наруганія» отъ простыхъ людей, а особливо отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймытовъ и пастуховъ, такъ что находили спасеніе отъ побоевъ и грабительства только въ томъ, что сами вступали въ козацкое войско. (1) Это говорится о 1648 годѣ. На другой годъ уже не нужно было такого возбужденія къ увеличенію козацкаго войска: тогда уже «усе, що живо, поднялося въ козацтво», такъ что едва можно было найти въ какомъ-нибудь селѣ такого человѣка, который бы не пошелъ самъ, или не снарядилъ сына въ войско; если же самъ былъ не въ-силахъ, то посылалъ слугу-парубка. Многіе же шли со двора всѣ, оставивъ на хозяйствѣ одного только человѣка. Даже въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, присяжные бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли въ козаки. «А то усе дѣялось (говоритъ Самовидецъ) за-для того, же прошлого року збогатилися

(1) «Лѣтопись Самовидца», стр. 11, ст. 1.

шарпаниною добръ шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, бывающихъ на прехоженствѣ.*» (1)

Такъ всегда бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ: люди, стремясь сознательно и бессознательно къ преобразованію гражданской жизни, управляются чаще всего эгонистическими и корыстными побужденіями.

Слѣдующій рассказъ Харка Цехмистера представляетъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда гайдамаки были направлены на грабежъ наймытомъ, озлобленнымъ противъ хозяина.

НОЧНОЙ НАВѢДЪ ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки приходили въ Черкаси развѣ, мо́же, пять, — иноді въ-дѣнь, а иноді въ-ночі, иноді въ великій, а часомъ въ невеликій купі. Разъ іхавъ Тишкó Гарасіменко съ хлопцемъ изъ ярмарку; коли жъ глѣдь, ажъ по Медвѣдовському шляху ідутъ на ко́няхъ. Ажъ ось прибігá до вóза козакъ: »Щó за лю́де?»

»Изъ Черкасѣ. Булі на ярмарку.«

Козакъ вернүсь до отáмана и одвістивъ. Тогді отáманъ приславъ дво́хъ уже гайдамакъ.

Отъ — ка́же (Гарасіменко) — менé взяли та й звязáли поясомъ, а хлопцеві звелили поганя́ть ко́ней. Ідемъ за ними ажъ

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки приходили въ Черкасы развѣ пять, — иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, иногда небольшою купою. Разъ іхалъ съ ярмарки Грипкó Гарасіменко съ мальчикомъ; смотритъ — по Медвѣдовской дорогѣ ідутъ верховые. Только прибѣгаетъ къ возу козакъ, »Что за люди?« — »Изъ Черкасѣ. Были на ярмаркѣ.« Козакъ воротился къ отаману и передалъ ему этотъ отвѣтъ. Тогда отаманъ прислалъ двоихъ уже гайдамакъ.

Взяли меня — говоритъ (Гарасіменко) — и связали поясомъ, а

(1) Тамъ же, стр. 14, ст. 2.

до гóрода. Прїхавши ближенько, стали. Отаманъ заразъ: «Съ коней!»

Усі й позлазили съ коней.

»Припадайте до землі!»

Попринадали усі ниць. И хлопець излізъ зъ вóза та й собі припавъ ниць. А я лежý звязаний на вóзі та й дивлюсь. А вінъ щось тамъ собі мїмрить-мїмрить [се вже, бачь, вінъ вороживъ, чи бóде вдача], а далі: »Вставайте!»

Устали, посїдали на коней та й поїхали по-за гóродомъ. Кóней zostавили за цариною, а самі пішли вь гóродъ. И мене везуть, у вóзі. А хлопець, ще за гóродомъ, уставъ зъ вóза, ніби про себе, та й пішовъ собі. А вони й байдуже за хлопцемъ.

Їдемъ — каже — прямо до Дрїги. [А Дрїга живъ напрóтивъ того двора, де теперъ городничий.] Вїзъ оставили за воритьмі, а самі до брами. Одинъ заразъ перескочивъ черезъ частокóль та й одчинивъ браму. А я — каже — лежý у вóзі, та все мині й видно. Отъ — каже — гайдамаки викресали багаття. А одинъ злізъ на причілокъ, та перелізъ черезъ хату та й одчинивъ двері. А я — каже — давай зсóвувать зъ себе поясъ, та й розвизавсь;

мальчику велѣли погонять лошадей. Їдемъ за ними къ самому городу. Подѣхавъ близко, остановились. Отаманъ тотъ-часъ: »Съ лошадей!» Всѣ слѣзли съ лошадей. »Ложитесь на землю!» Всѣ пали ничкомъ. А я лежу на возу, связанный, и смотрю. Онъ что-то долго бормоталъ про себя [это онъ, видите ли, гадалъ, будетъ ли удача], а потомъ: »Вставайте!» Всѣ встали, сѣли на лошадей и поѣхали вокругъ города. Лошадей оставили за цариною (за полевыми воротами), а сами пошли вь городъ. И меня везутъ на возу. А мальчикъ, еще за городомъ всталъ съ воза и побрелъ себѣ. А имъ и нужды нѣтъ, что онъ ушелъ.

Їдемъ — говорить — прямо къ Дрїгѣ. [А Дрїга жилъ противъ того двора, гдѣ теперь городничій живетъ]. Возъ оставили на улицѣ, а сами къ воротамъ. Одинъ тотъ-часъ перескочилъ черезъ частокóль и отворилъ ворота. А я — говорить лежу на возу, и все мнѣ видать, что они дѣлають. Вотъ — говорить — гайдамаки высѣкли огня. Одинъ взлѣзъ на

та вже покiнувши й коней зъ вóзомъ, добiгъ до дзвiнiцi, та вдiривши разiвъ зó три въ дзвона, та зъ дзвiнiцi.

Бiжy по-узъ дiядькiвъ двiрy. А дiядько на той часъ згодiвся на дворi: »Хтò то такий? Чи се ти, Тишкó?«

»Я«, кажy.

»Чогò се ти бiжишъ?«

»Ховайтесь«, кажy: »гайдамаки Дригу дерyть!«

Отъ дiядько порозбyжувавъ своїхъ та, заперши ворóта, и ходять пó двору на вiртi. А до Дриги боятця йти: такий бувъ страхъ!

А гайдамаки положили Дригу дóли та, насiпавши ёмy на голу спiну порóху, запалили и дрáли греблòмъ, щòбъ признáвсь, де тiи червiнцi, щò колись ганявъ у Шлёнське волi та заробiвъ. А мiжъ ними та бувъ наймитъ Дриги; такъ той усё й вiказавъ. И пòти дрáли, пòки старá не внеслá въ хáту горшкá зъ червiнцями.

причiлокъ (¹), перелiзъ по чердаку въ сiни и отворилъ наружную дверь. А я — говорить — началъ сдвигать съ себя поясъ, освободилъ руки, бросилъ лошадей съ возомъ и пустился бiжать къ колокольнi; а ударивши раза три въ колоколь, побiжалъ далiе. Пробiгаю мимо дадна двора. А дядя на то время случился на дворi: »Кто это?« спрашиваетъ. »Это ты, Тишкó?« — »Я«, говорю. »Чего это ты бiжишь?« — »Спрячьтесь«, говорю: »гайдамаки Дригу грабать!« Дядя разбудилъ своихъ домашнихъ и, заперши ворота, принялся съ ними караулить на дворi. А къ Дригi боялись йти: таковой былъ страхъ!

Межъ тiмъ гайдамаки положили Дригу на полу и, насыпавши ему на голую спину порóху, зажгли и царапали скребицею, щòбъ сказаць, гдi червонцы, которые онъ когда-то взялъ въ Шлёнскъ за воловь. Съ ними былъ Дригинъ насмiникъ; онъ-то и объявилъ имъ объ этомъ. И до тiхъ поръ мучили, пока старуха не принесла въ хату горшка съ червонцами.

(¹) *Причiлокъ* называется узкая сторона параллелограмма, составляющаго хату. Балки, поддерживающiя крышу, на причiлкi выдвигаются далеко впередъ.

Гайдамаки не займали замковихъ козаківъ, и козаки їхъ не займали. Тільки ото Росківський угнався бувъ за ними въ Руську Поляну, то ёго и вбили. Се було ось якъ. Гайдамаки напали на двіръ Олексійця у Білазеры, а самого ёго не заскочили. А вінъ, притаившись підъ повіткою, и чує, що ще хочуть ити въ Руську Поляну до Шрама. То вінъ звідти та до пана, та й розкававъ, що отакá й такá річь. Оттогді-то Росківський и вгнався за ними въ Руську Поляну.

Случалось, що въ гайдамаки шель такой наймытъ, который жилъ въ добромъ согласіи съ своимъ хозяиномъ. Тогда онъ не только служилъ отводомъ хищничества товарищей для бывшего хозяина, но еще выражалъ ему благодарность за его хлѣбъ-соль. Одинъ изъ такихъ случаевъ пересказалъ мнѣ Василь Суддѣнко; а именно:

НАЙМЫТЬ-ГАЙДАМАКА. (*)

Почувши, що гайдамаки ободрали Дригу, та ще й на другихъ людѣй похваляютьця, утікавъ черезъ Дніпръ у дубі Сутула Гарасько, зъ жінкою и зъ дитиною [бувъ у ёго синюкъ Андрійко]. То се вже

Гайдамаки не трогали замковыхъ козаковъ, и козаки ихъ не трогали. Только вотъ Росківскаго убили, чтò погнался за ними въ Русскую Поляну. Это вотъ какъ было. Гайдамаки напали на дворъ Олексійца, въ Білазеры, да самого Олексійца не захватили. Онъ притаился подъ навѣсомъ и слышитъ, что собираются еще ийти въ Русскую Поляну къ Шраму. Вотъ онъ оттуда къ пану и рассказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда - то Росківскій и погнался за ними въ Русскую Поляну.

(*) *Переводъ.* — Когда ограбили гайдамаки Дригу и начали хвалиться сдѣлать то же съ другими, Гарасько Сутула, услышавъ объ этомъ, уходилъ черезъ Дніпръ на лодкѣ съ женой и съ мальчикомъ [былъ у не-

такъ что крыша образуетъ родъ навѣса, и если дыра подъ этимъ навѣсомъ не застлана, то и можно съ причалка взлѣзть на чердакъ.

той Андрій Сутуленко розказувавъ, що — каже — треба було намъ переїздити черезъ Дніпръ у човні; а батько й коня на поводі за човномъ вівъ. То я боявсь, щобъ кінь не перевернѣвъ човна, та й ставъ плакати. То батько й покинувъ мене на березі. »Пропадай же«, каже, »вража дитино!« [А знає, що дитя не де динеться, бо гайдамаки дітей не займали.] Отъ я — каже — переночовавъ у садкѣ, а потімъ пішовъ до баби. Баба мене нагодовала; я й гуляю собі. Коли жъ дивлюсь — иде наймитъ нашъ, що приставъ у гайдамаки. Уже собі й жупанъ, добѣвъ.

»Здоровъ«, каже, »Андрію!«

»Здоровъ.«

»А батько де?«

»Отамъ и тамъ«, кажу; »а я въ баби.«

[А баба вбѣга була, то й не ховалась одъ гайдамакъ.]

»На жъ«, каже, »тобі грошей, та не давай нікому, а неси до баби.«

Та й почавъ мині кидати у пазуху пятаки зъ обохъ кишень. Повну пазуху — каже — мині насипавъ.

го сынокъ Андрійко]. Онъ-то, зтой Андрій Сутуленко, и разказывалъ мнѣ объ этомъ. Надобно — говоритъ — было намъ переправиться черезъ Днѣпръ на лодкѣ; а отецъ и коня въ поводу за лодкой велъ. Я боялся, чтобъ конь не опрокинулъ лодки, и началъ плакать. Отецъ и бросилъ меня на берегу. »Пропадай же«, говоритъ, »вражье дитя!« [Зналъ онъ, что дитя никуда не дѣнется, потому что гайдамаки дѣтей не трогали.] Вотъ я — говорятъ — переночевалъ въ садкѣ, а потомъ и пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка меня накормила. Я и играюсь себѣ. Только смотрю — идетъ нашъ батракъ, что присталъ къ гайдамакамъ. Ужъ и жупанъ себѣ добылъ. »Здорово, Андрей!« говоритъ. »Здорово!« — »А отецъ гдѣ?« — »Тамъ-то и тамъ-то«, говорю; »а я у бабушки.« [Бабушка была женщина убогая, то и не пряталась одъ гайдамакъ.] »Возьми же«, говоритъ, »себѣ эти деньги, да не давай никому, а неси къ бабушкѣ.« И началъ бросать мнѣ въ пазуху пятаки изъ обоихъ кармановъ. Полную пазуху — говорятъ — мнѣ насыпалъ.«

Между стариками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о гайдамакахъ, я встрѣтилъ только одного, видѣвшаго кого-нибудь изъ ихъ предводителей, и это былъ Харко Цехмистеръ. Онъ имѣлъ лѣтъ десять отъ роду въ 1768 году, когда Зализняка приходилъ съ своимъ войскомъ въ Черкасы, и память его сохранила все обстоятельство, сопровождавшія наѣздъ гайдамакъ, сколько было доступно ихъ для наблюденій мальчугана. Разсказъ его вводитъ насъ въ исторію мелочей событія, которыя даютъ возможность сдѣлать заключеніе объ общемъ характерѣ козацкихъ войнъ въ Польской Украинѣ.

ПРЕБЫВАНІЕ МАКСИМА ЗАЛИЗНЯКА ВЪ ЧЕРКАСАХЪ. (*)

...Саме въ Петрівку, у першій день, у понеділокъ, прихали дванадцять затязцівъ на розвідни. Пострічали Андрійца та й роспитують :

»Дѣ тутъ оттакий-то вѣить?»

»Я«, каже Андрієць.

»Веди жъ насъ до себѣ на квартиру.«

Зазвавъ ихъ до себѣ на квартиру. Послали до пана Сельського въ замокъ, щобъ давъ напѣтківъ. Той імъ заразь и приславъ, бо всі боялись гайдамáківъ. Отъ вони пьють да й кажуть: »Нехай вражий Ляхъ дає, а посли звяжемъ ёго та й повеземъ до коша.«

А Андрієць, почувши сее, та въ замокъ: »Бережись«, каже, »пане: отакá й такá ричь.«

(*) *Переводъ*.... Въ самый Петровъ постъ, въ первый день, понедѣльникъ, прѣхало человекъ дванадцать гайдамакъ на развѣдки. Встрѣтили они Андрійца и спрашиваютъ: »Гдѣ живетъ такой-то вѣить?» — »Я«, говоритъ Андрієць. »Веди же насъ къ себѣ на квартиру.« Зазвалъ онъ ихъ къ себѣ на квартиру. Оттуда они послали къ пану Сельскому въ замокъ, за напѣтками. Тотъ и прислалъ имъ тотъ-часъ, потому что все боялись гайдамакъ. Пьютъ они и говорятъ: »Пускай вражий Ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ его и увеземъ въ свой ставъ.« Услышавъ это, Андрієць побѣжалъ въ замокъ: »Бережись, пане«, говоритъ онъ: »вотъ что

То панъ Сельський и заперсь у замку. А гайдамаки повертілись по-під частоколомъ та й вернулись до кошá. А кошемъ вони стояли тогді цілиі сѣтки у Великихъ Курганівъ.

А такий бувъ народъ шалений, тіі затязці, що оцѣ иде по улици та вбачить у дворі чоловіка, то віме пистолетъ та й кричитьъ : »У хату, мурѣю ! ато запалю !« То чоловікъ схиялятця та підъ повітку.

... На другий день у Петрівку рознеслась по Черкасамъ чѣтка, що иде якесь військо. А ми тогді були ще хлопцями. То люде боятця, а намъ байдуже : сказано — діти.

»Побіжымъ, побіжымъ, щò тамъ за військо !«

Побігли за Білазерську царину, ажъ справді иде військо, такі настояще. Попереду иде отаманъ на буланімъ коні, у кармазині. Шапка на ёму сива, чоботи сапьянці, поясъ шалевий ; за поясомъ пистолетъ ; при боку шабля. Отò жъ бувъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старій ищѣ чоловікъ, лить, може, сорока, а може, й більшь ; на видѣ півний, кругловидий, уродою хородший,

я слышаль !« Тогда панъ Сельскій и заперся въ замкѣ. А гайдамаки повертѣлись подъ частоколомъ и воротились въ свой станъ. А станомъ они стояли тогда цѣлыя сутки у Великихъ Кургановъ.

Такой шальной народъ былъ эти гайдамаки, что когда ѣдетъ бывало по улицѣ и увидить на дворѣ мужика, то, вынувши пистолетъ, и кричитьъ : »Убирайся въ хату, сермяжникъ, ато выстрѣлю !« Наклонится человекъ да скорѣе и спрячется подъ навѣсъ.

..... На другой день Петрова поста разнесся по Черкасамъ слухъ, что идетъ какое-то войско. Мы тогда были еще мальчиками. Взрослые боятця, а намъ и нужды мало : извѣстно — дѣти. »Побѣгымъ, побѣгымъ, что тамъ за войско !« Побѣжали мы за Білазерскую царину — въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, настоящее войско. Впереди ѣдетъ отаманъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ. Шапка на немъ сѣрая, сапоги сафьянцы, поясъ шалевой ; за поясомъ пистолетъ ; сбоку сабля. То и былъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старій еще человекъ былъ, лѣтъ, можетъ быть, сорока, а, можетъ, и больше ; полный, круглолицый, собой

на взрость невеликий, та плечистий; ўси русяві невеличкі; за ўхомъ оселѣдець. А за нимъ усѣ по два, усѣ по два, зъ ратищами, и у перѣднихъ паръ, мѳже, у трѣхъ, ратищѣ зъ корогѳвками двойчатими, такъ що оцѣ половина бѳде бѳла, а половина красна, а зноу половина жѳвта, а половина чѳрна, абѳ червѳна, абѳ сѳня. А по самѳму заду йде чоловікъ зъ десятокѳ пішо безъ ратищѳ и безъ усѳго, а тѳлько колкѳ позасмѳлювали та й идѳть. То вже винники, тѳщо, що поприставѳли вѳ гайдамаки.

Отъ ми й стѳли коло шляху, по правѳу рѳку, и шапкѳ познимѳли. А винъ, порѳвнявшисѳ изъ нами, та й кѳжѳ: »Здорѳві, сучакѳ!«

А ми кѳжемо: »Здорѳві, панѳ!«

»А щѳ ви? не оретѳ?«

»Нѳ, панѳ.«

»А ми жѳ оцѣ почалѳ орѳти!«

Та й поѳхавъ у гѳродъ черезъ ту ѳлицѳ, де тепѳрь старѳій базѳръ, та по-за Пацѳною, де тепѳрь живѳ 'Ищенко, що слѳжить у сѳдѳ; и приѳхали вони прѳмо до замѳку, черезъ мѳсть. Башта була одчѳлена. Я вже не бѳчивъ, хтѳ її одчинѳвъ. Уѳхали вѳ замокъ,

пригожѳй, расту небольшого, но широкоплечѳй; усы у него русые, небольшие, за ухомъ *оселѣдець* (длинный чубъ). А за нимъ ѳдутъ всѳ по два вѳ рядѳ съ копьями, и у переднихъ паръ, мѳжетъ, у трѣхъ копьѳ съ двойчатыми значками: одна половина значка бѳлая, а другая красная, а тамъ опѳять половина желтая, а другая черная, или красная, или синяя. А вѳ самѳмъ хвѳстѳ идетъ чѳловѳкъ десять пѳшихъ безъ копѳй и безъ всего, съ одними только обожженными на концахъ кольями. То ужѳ былъ винокуры и тому подобные, что пристали кѳ гайдамакамъ.

Мы остановились подлѳ дороги, направо, и шапки сняли. А онъ, порѳвнявшисѳ съ нами, говоритъ: »Здорово, сучакѳ!« А мы говоримъ: »Здравствуй, панъ!« — »А чтѳ вы? не пашете?« — »Нѳтъ, панъ.« — »А мы ужѳ начали пахать!« И поѳхалъ вѳ городъ по той ѳлицѳ, на которой тепѳрь старѳй базѳръ, а потомъ позади Пацѳны, гдѳ тепѳрь живетъ 'Ищенко, чтѳ слѳжить вѳ судѳ; и приѳхали они прѳмо вѳ замокъ, черезъ мѳсть. Башня была отворена. Я ужѳ не видѳлъ, кто ее отворѳлъ.

самі стали въ ряді, а ратиця въ козла поставили. А Залізняка крикне: »Съ коней!«

Отъ вони позлізали и попривязували коней коло конюшні у коновязей. А отаманъ, зъ десятима, може, чоловіками, пішовъ прямо до покоївъ. А назустрічъ ёму вишло съ покоївъ чоловіка те-жъ изъ десять, зъ отаманомъ Бұзькомъ, изъ Цесарської Слободы. Познімали передъ нимъ шапки. И вінъ, прийшовши до нихъ ближче, знявъ шапку та зразу и надівъ; а вони усі передъ нимъ безъ шапокъ.

»А здорові«, каже, »козацтво!«

»Здоровъ, отамане батьку!«

»А де вашъ отаманъ?»

Отъ отаманъ до ёго и вискочивъ съ кұпи, безъ шапки. А вінъ и собі шапку знявъ. Обнялись, поціловались.

»Ну, просіть же на квартиру.«

Пішли въ покої.

А пані вже давно убралась на той бікъ Дніпра, — нице якъ почули одъ Андрійця, що гайдамаки похваляютьця ихъ перевязать.

Одбили шпикліржъ сокирою. Шукать, чого имъ треба.

Въехали въ замокъ, сами стали въ ряды, а конья поставили въ козлы. Залізняка крикнулъ: »Съ лошадей!« Гайдамаки слезли съ лошадей и привязали ихъ возгъ конюшни у коновязей; а самъ онъ, съ десятию, что ли, чоловіками, пошелъ прямо къ покоямъ. Навстрѣчу ему вышло оттуда тоже чоловікъ десять, съ отаманомъ Бұзькомъ, изъ Цесарской Слободы. Сняли передъ нимъ шапки. И онъ, подойдя ближе, снялъ шапку и тотъ-часъ опять надѣлъ; а они такъ и остались съ открытыми головами. »Здорово, козаки!« сказавъ онъ имъ. — »Здравствуй, батько отаманъ!« — »А гдѣ вашъ отаманъ?« Отаманъ выскочивъ къ нему изъ кұпы, безъ шапки. Онъ тоже снялъ шапку. Обнялись, поціловались. »Ну, просите же на постой,« сказавъ онъ, и пошли все въ покои. А пані давно ужъ убралась на ту сторону Днѣпра, — еще тогда, какъ услышали одъ Андрійця, что гайдамаки собираются перевязать ихъ. Тутъ гайдамаки отбили въ подвалѣ дверь топоромъ и ищуть, чего имъ надо.

А чоловік із сім'я зтяжців пішли до оренди.

А ми, хлопята: »Ходімъ, ходімъ за ними!«

Отъ одинъ попавъ десь сокіру та по замку торохъ! Замокъ такъ и розпався. Тоді давай рубать у бочкахъ обручі. Горілка такъ и потекла съ комір по косогору.

А жінки згрібають пісокъ, та спивають ту горілку, та беруть пригорщами та въ горици й збірають скрізь намітку.

А гайдамаки жінокъ не займають; и вбогихъ людей не займають; тільки багатихъ грабили, а Ляхівъ и Жидовъ різали. То всі Жиди повтікали зъ города и панів. А панівъ тоді у насъ було три: панъ Сельський, губернаторъ; — Паціна, полковникъ, и Жуківський, лісничий.

Отъ я, подивившись на се чудо, прийшовъ додому, ажъ панотецъ поїхавъ у ліс із двомá наймитами, а дома зосталась паніматка та парубокъ Сидоголовка. Прихожу въ хату, ажъ мати плаче.

»А де батько?«

»И вже, синку, поїхали!«

Коли жъ батько — не знаю вже, чого: чи роздумавсь, чи що —

А человекъ семь отправились въ *аренду* (питейный домъ). »Пойдемте и мы за ними!« сказали мы, мальчишки, другъ другу, и пошли.

Тамъ одинъ гайдамака схватилъ топоръ и брякъ по замку! Замокъ такъ и развалился. Тогда онъ и принялся рубить обручи въ бочкахъ. Водка такъ и потекла по косогору. А женщины дѣлають ізъ песку запруду, останавливають водку, черпають горстями и п'ють сквозь серпянку. Гайдамаки не трогали жіниць; и убогихъ людей не трогали; только багатихъ людей грабили, а Ляховъ и Жидовъ різали. Потому-то всі Жиды и паны ушли ізъ города. Пановъ же тогда было у насъ три: панъ Сельський, губернаторъ, — Паціна, полковникъ, и Жуковскій, лісничий.

Ну, посмотрѣлъ я на это чудо и пришелъ домой; пришелъ, а ужъ отецъ поїхалъ въ лѣсъ съ двумя батраками, а дома осталась только мать да работникъ Сидоголовка. Прихожу въ хату — мать плачетъ. »А гдѣ отецъ?« — »И, сыночекъ! ужъ поїхали!« Какъ тутъ отецъ — не знаю ужъ, зачѣмъ: раздумалъ, что ли — воротился, доїхавъ до самой горы,

вернувся ажъ изъ-підъ горй, одъ цѣрки. Тільки що випрягають коней, ажъ ось идѣ лейстрóвий городській козаць Головко; ведѣ у двірѣ двóхъ гайдамаць та й каже: »Кажуть, цехмістре, що въ вась є чоботи-сапьянці, що ви робили панамъ!«

»Ні«, каже, »нема: я робивъ та давно.«

Отъ ёго й повели у замокъ до самого Залізняка.

Панотѣць опісля вже розказувавъ, що — каже — скóро ввійшли въ будинокъ, то я — каже — и вбачивъ, що Бúзько отаманъ заховавсь у кімнату. А Залізнякъ и каже: »Ти цехмістеръ шѣвський?«

А я кажú: »Я, пане.«

»У тебе єсть чоботи-сапьянці, що ти робивъ панамъ.«

»Робивъ, отамане, та давно, а тепѣрѣ нема.«

А Бúзько крізь щілину зъ кімнати й шѣпче щось.

А Залізнякъ и ўхо приложивъ та й каже: Не знаю, хто брѣше, чи тої, чи той. Ну, ступай собі!«

Батько додóму, та за коней, та скорійшъ зъ двора! Поїхали зъ двомá парубкáми въ лѣсь и тамъ драли лúбье, ажъ поки гайдамаки повіялиси изъ Черкасъ.

что у церкви. Только начали выпрягать лошадей, какъ идетъ реестровой городской козакъ Головко; ведетъ онъ съ собой двоихъ гайдамакъ и говоритъ: »Цехмістеръ, у вась, говорятъ, єсть сапоги-сафьянцы, что вы шили для пановъ.« — »Нѣтъ«, говоритъ отецъ, »нѣту: я шилъ сапоги, но давно.« Вотъ и повели его въ замокъ къ самому Залізняку. Отецъ послѣ ужъ рассказывалъ, что — говоритъ — какъ только вошли въ хоромы, то я — говоритъ — и увидѣлъ, что Бúзько отаманъ спрятался за перегородку. А Залізнякъ говоритъ: »Ты сапожничкой цехмістеръ?« А я говорю: »Я, пане.« — »У тебя єсть сапоги-сафьянцы, что шилъ ты для пановъ.« — »Шилъ я, отаманъ, да давно, а теперь сапогъ у меня нѣту.« А Бúзько и шепчетъ что-то сквозь щель изъ *комнаты*. Залізнякъ и ухо приложилъ, и говоритъ: »Не знаю, кто лжетъ, тотъ, или другой. Ну, ступай себѣ!« Тогда отецъ домой, забралъ лоша-

Якъ поїхавъ панотѣць, то я хожу по хаті, а пáрубокъ, Сідоголовка 'Яковъ, шивъ чоботи протівъ окнá, а пані-мáтка тежъ поралась у хаті. Коли жъ гайдамаки, идучі мимо окнá: »*Пугу!*«

А пáрубокъ бувъ колись на Запорóжжі, то й одвѣтивъ ёму: »*Козáкъ зъ Лу́гу!*«

Ажъ ось и йдуть у хату два затызці изъ Головкомъ Иваномъ, та одинъ на порóзі у хату зъ пистолета — бежъ!

Панімáтка такъ и затрусїлась.

А другий гайдамака й каже: О, вражий сїну! злякавъ молодїцю!»

»А ну«, кажутъ, »одчиняй, нене, комóру, бо Бúзько казавъ, що именно е сапьянці.«

Одчинїли.

»Одмикай скрїню!»

Одмикну́ли.

Копáлись-копáлись; — ничóго не взяли; не знайшли чобіть та й пішли собі.

Якъ пішли, то пáрубокъ Сідоголовка зновъ сївъ та й ставъ кончатъ чоботи. Коли жъ приходить ще одинъ, у Жидівському кап-

дей и скорїи со двора! Поїхалъ онъ съ двумя парнями въ лѣсъ и драли тамъ лубья, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Какъ уїхалъ отецъ, то я хожу по хатѣ, а парень нашъ, Яковъ Съдоголовка, шьетъ сапоги у окна, а мать тоже чѣмъ-то занимается. Вдругъ гайдамака закричалъ, проходя мимо окна: »*Пугу!*« А батракъ нашъ былъ когда-то на Запорожьи, такъ и отвѣтилъ: »*Козакъ съ Лу́гу!*« Вотъ и идуть въ хату двое гайдамакъ съ Иваномъ Головкомъ, и одинъ изъ нихъ бухъ изъ пистолета на порогъ! Мать такъ и затрепетала. А другой гайдамака говоритъ: »Эхъ ты, вражий сынъ, испугалъ молодїцу!» — »Нутка«, говорятъ, »отворяй, матушка, *комóру*: Бúзько говорилъ, что именно есть у васъ сапоги-сафьянцы.« Отворили. »Отпирай сундукъ!» Отперли. Они рылись, рылись, но ничего не взяли; не нашли сапоговъ и ушли прочь.

Какъ ушли, то парень Съдоголовка опять усеяся и принялся доканчивать сапоги. Какъ тутъ проходитъ еще одинъ гайдамака, въ Жидов-

танкѹ — на грудяхъ и не сходитца — и въ постѣликахъ саморіб-
кахъ.

»Кому се ти чѣботи шнѣшь?»

»Собі.»

»Ну лишъ«, каже, »дошивай.»

Да й сѣвъ на лавѣ и ждавъ, ажъ поки Сідоголовка дошивъ.

»А щѣ, дошивъ?»

«Дошивъ.»

»Ну, на жъ тобі оці постѣлики, а я надіну твої чѣботи. А
ти собі пошнѣшь.»

Надівъ и пішовъ собі.

Въ описанномъ здѣсь походѣ Зализняка есть черта, перенося-
щая насъ въ тотъ моментъ возстанія Богдана Хмѣльницкаго, ког-
дѣ у него было больше войска, нежели оружія. Я говорю о гайда-
макахъ, вооруженныхъ, на первый разъ, только кольями. Въ думѣ
о Хмѣльницкомъ и Василю Молдавскомъ ⁽¹⁾ изображена та же са-
мая картина, чтѣ и въ разсказѣ Харка Цехмистера, а именно :

За імъ козаки йдуть,

'Яко ярая пчолѣ гудуть.

Котѣрий козакъ не мѣ въ себѣ шаблі булатної,

скомъ кафтанѣ — на груди и не сходитса — и въ самодѣльныхъ *посто-*
лахъ ⁽²⁾. »Для кого это ты сапоги шнѣшь?» — »Для себя.« — »Нут-
ка«, говоритъ, »доканчивай.« И сѣлъ на лавкѣ и ожидалъ, пока Сѣдо-
головка кончилъ. »А чтѣ, кончилъ?» — »Кончилъ.« — »Ну, возьми
же себѣ эти *постѣлики*, а я надѣну твои сапоги. Ты сошьешь себѣ дру-
гіе.« Надѣлъ и ушелъ изъ хаты.

⁽¹⁾ »Народныя Южнорусскія Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 391.

⁽²⁾ Постолами называются и лапти, и черевыки, сдѣланные изъ одного куска
кожи. Эпитетъ *самодѣльныхъ* показываетъ, что дѣло идетъ не о лаптяхъ, кото-
рые каждый самъ для себя дѣлаетъ.

Пищалі семип'ядної,
Той козакъ кий на плéчи забирає,
За гетьманомъ Хмельницькимъ увъ охóтне вiйсько поспiшає.

Вообще трагедія 1768 года была повтореніемъ незабытой еще борьбы козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ, каковы бы ни были причины столь ужаснаго ожесточенія гайдамакъ. Вся разница въ томъ, что планъ главныхъ двигателей Коливщины не достигъ своего полного развитія и что они ошиблись въ своихъ надеждахъ на союзниковъ. Такая участь могла бы постигнуть и Хмельницкаго, и тогда онъ былъ бы причисленъ къ разряду разбойниковъ, какъ Зализнякъ и Гонга.

Слѣдующій рассказъ Харка Цехмистера показываетъ, что дѣйствія гайдамакъ не всегда управлялись корыстными видами и что они имѣли сношенія съ лицами разныхъ классовъ общества, въ разныхъ городахъ Украины.

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки наробили багáто шкоди въ Уманi. А вже якъ ставъ писать король до Матушки: »Великъ свiтъ Матушко! що оцé рóбитця въ Пóльщи, що якiись бурлаки розбивають народъ?« то вона якъ послала повкь легкокóнный, а другий Донцивъ; то гайдамаки й порiзнилися.

Стояли вони въ Розсошинцахъ, а Дóни туди прийшли та й кажуть: »Примiте й насъ; ми до васъ приста́немо.« Ти́й й при-

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки надѣлали много бѣды въ Умані. Но, какъ началъ писать король къ Матушкѣ: »Великъ свѣтъ Матушка! что это дѣлается въ Польшѣ? какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ«; такъ она и послала одинъ полкъ легкоконный, а другой — Донцовъ. Тогда гайдамаки и разрознились.

Стояли они въ Розсошинцахъ, какъ пришли туда Донцы и говорятъ: »Примите и насъ къ себѣ; мы къ вамъ пристанемъ.« Тѣ и приняли. А

няли. А Дони їх половили та й повязали. То Донський повквоникъ піше до Матушки : »Що зь ними робить?« А вона ёму одписала : »Кому шкóду зробили, тому й у рúки оддайте.«

То вже якъ вони утíкали на Низъ, то чоловігъ дéсять їх плыло по Дніпрú, та й пристáli дúbомъ коло Черкасъ, и прийшли на базаръ, та, взявши перéхриста писаря, що бувъ при панахъ, повели черезъ рíчку Солóницю до Дніпра, та рúки ёму пóясомъ звязали, óчи завязали білою хúсткою и сказали ёму : »Стань навкóлишки.« Вінъ ставъ, а оди́нь зайшовъ ззаду та бéхъ ёго зь рушницí вь спíну! вінъ такъ и впавъ навзнакъ. А самі сiли вь дýба та й поплили. А лóде зійшлися, заховали того перéхриста и хрестъ поставили. И довго той хрестъ стоявъ, та вже водою вíмило, бо Дніпръ розливáетця ажъ підь самий гóродъ.

Есть историки, приписывающие кровопролития 1768 года какой-то необъяснимой кровожадности Украинской черни, — какъ-будто человекъ можетъ сдѣлаться кровожаднымъ безъ ви́шнихъ причинъ, которыя доводятъ его до рѣшимости убить другого, или погибнуть. Украинскій простолюдинъ доказываетъ статистически, что вь его натурѣ всего менѣе склонности къ человекóубийству,

Донцы ихъ переловили и перевязали. Тогда Донской полковникъ пишетъ къ Матушкѣ : »Что съ ними дѣлать?« А она ему отвѣчала : »Кому сдѣлали вредъ, тому и отдайте ихъ вь руки.«

Вотъ, какъ ужъ уходили они на Низъ, то человекъ ихъ десять плыло по Днѣпру и причалили лодкой подлѣ Черкасъ, и пришли на базаръ, а тамъ взяли перекрещенца, что при панахъ былъ, повели черезъ рѣчку Солóницю къ Днѣпру, связали ему поясомъ руки, завязали бѣлымъ платкомъ глаза и сказали : »Стань на колѣни.« Онъ сталъ, а оди́нь зашелъ сзади и выстрѣлялъ ему вь спину изъ ружья. Онъ такъ и упалъ навзничъ. Тогда гайдамаки сѣли на лодку и поплыли. А люди сошлись, схоронили того перекрещенца и крестъ надъ нимъ поставили. И долго стоялъ тотъ крестъ; наконецъ вымыла его изъ земли вода, потому что Днѣпръ вь разливѣ подходитъ подь самый городъ.

что желаніе овладѣть чужимъ имуществомъ весьма рѣдко искушаетъ его на этотъ грѣхъ и что только подъ вліяніемъ такихъ страстей, какъ гнѣвъ, мщеніе, ревность, онъ забываетъ о грѣхѣ и убиваетъ человѣка. Масса народа измѣняется медленно въ своемъ характерѣ, и нынѣшній Малороссіянинъ всё тотъ же человѣкъ, какимъ онъ былъ въ 1768 году. Если же въ то время легко было Запорожцамъ поднять его на кровавое дѣло, то это значитъ, что онъ былъ ужъ подготовленъ другими обстоятельствами къ Колиивщинѣ. Я ужъ отъ-части выставилъ пружины, которыми приведены были въ движеніе страсти толпы народной въ Украинѣ. Теперь представлю фактъ, показывающій съ одной стороны сильно возбужденные къ борьбѣ за вѣру умы простонародья, а съ другой неблагоприятныя мѣры мѣстныхъ властей къ утверженію въ Украинѣ уніи, или, можетъ быть, личный фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказъ Харка Цехмистера о преслѣдованіи ревнителѣй *благочестія*, при всей узости его горизонта, вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ исторію этого края, которую съ одной стороны затмили безусловные порицатели гайдамакъ, а съ другой люди, видѣвшіе въ Польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ однихъ тирановъ и фанатиковъ. Хотя этотъ разсказъ относится, какъ видно, ко времени, послѣдовавшему за Колиивщиною, но изъ него можно заключить и о временахъ, предшествовавшихъ ей.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЕЛИГИОЗНЫХЪ СМУТАХЪ ВЪ УКРАИНѢ. (*)

У Миколіі бувъ священникъ, Остапъ Каряка. Поляки давай его підбивать, щобъ поїхавъ у Польшу да висвятися на Унію: »Поїдь, Остапе, *тобъ льпльи бѣндзь*.« Винъ и поїхавъ, висвя-

(*) *Переводъ.* — Въ Никольской церкви былъ священникъ, Евстафій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобы поѣхалъ въ Польшу и *высвятился на унію*: »Поѣзжай, поѣзжай, Евстафій, тебѣ лучше будетъ.« Онъ и поѣхалъ, посвятился и воротился уніятю. Вотъ въ Троицко

тивсь и вернўвся вже уніятомъ. Отъ у Трїбїці благочестіе, а въ насъ Унія, — роківъ, може, й скількі. То якъ шїдемъ було у якій манастїръ говїть, то ченці насъ и научують: »Избунтуйтесь«, ка́жуть, »та до преосвященнаго добийтеся, то буде и въ васъ благочестіе.«

А ся епархїя тягнула тогді до Переяслава. А въ Переяславі преосвященний бувъ Гервасїй. Отъ батько мїй и поїхавъ тудї изъ па́рубкомъ Шпакомъ: »Ваше преосвященство! ми приїхали просїти, нехай и въ насъ буде благочестіе, якъ и въ людѣй; ато у насъ Унія, що ми її й терпїти не можемо.«

А преосвященний и ка́же: »Дїтки! просїте Каряку, нехай до мене приїде, то я єго поблагословлю на благочестіе.«

А панотець ка́же: »Святїй владїко! ми всїєю громадою просїли, а вінъ не йме віри. « »Тогді« ка́же, »у васъ буде благочестіе, якъ у мене поросте на долонї волосся!«

То преосвященний и ка́же: »Люде добрі! обождїть же; вінъ схаменѣтця, та не въ по́ру. Ідьте«, ка́же, »дїтки додому, а священникъ вамъ буде.«

церкви *благочестіе*, а у насъ унія, и такъ прошло лѣтъ, можетъ быть, нѣсколько. Вотъ, какъ поїдемъ бывало въ какой-нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ и учать: »Взбунтуйтесь«, говорятъ, »да къ преосвященному добейтесь, такъ и у васъ будетъ *благочестіе*.«

А эта епархїя принадлежала тогда къ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславѣ былъ Гервасїй. Вотъ отецъ мой поїхалъ туда съ работникомъ Шпакомъ: »Ваше преосвященство! мы прїїхали просїть, чтобъ и у насъ было *благочестіе*, какъ у другихъ людей; ато у насъ унія, которой мы и терпѣть не можемъ.« Преосвященный и говорятъ: »Дѣтки! просїте Каряку, пускай ко миѣ прїїдетъ; я благословлю его на *благочестіе*.« А отецъ говоритъ: »Святой владыка! мы просили его всѣмъ обществомъ, да онъ не вѣрїтъ. Онъ говоритъ: « »Тогда у васъ будетъ *благочестіе*, какъ у меня на ладонї вырастутъ волосы!« »Вотъ преосвященный и говорятъ: »Люди добрые! обождите же; онъ оном-

А въ Рѣвовці та бувъ тогді молодій пінъ, Максимъ Левіцький. То Ляхи ёго мордовали, щобъ приста́въ на Унію: жа́ръ за халяви сипали и на ко́лесо тягли; а вінъ уті́къ та въ Переяславъ до преосвященнаго. Тамъ ёго паноте́ць и бачивъ.

Да тамъ же у Переяславі бувъ тогді у преосвященнаго и ти́таръ изъ Мліева. Узя́въ Ля́дський антими́нсь изъ це́ркви та й при-візъ до преосвященнаго. То паноте́ць и то́го тамъ бачивъ.

Отъ, якъ сказа́въ преосвященний, що »і́дьте«, ка́же, »до́дому, а пінъ вамъ бу́де«, то паноте́ць и по́хавъ наза́дъ изъ Шпако́мъ. А тогді перево́зъ бувъ тілько въ Соки́рній та въ До́монтахъ, а́то скрі́зь по сей бі́къ сто́яла на бекѣтахъ стра́жъ По́льска, а по той — Гетьма́нці на раду́тахъ. То о́це, бу́ло, въ но́чі й крича́ть — намъ у Черка́сахъ и чу́тно — о́це оди́въ: »Сла́вень го́родъ Пе́тинбу́рхъ!« а дру́гий: »Сла́вень го́родъ Переясла́въ!« Усе́ горо́да велича́ли: та́кѣ-то, ба́чь, бу́ло га́сло.

Такъ бу́ло тогді тілько два перево́зи. Запла́тишь бу́ло *инду́ту*, то й пропу́стять. О́то мій паноте́ць у До́монтахъ, ажъ тутъ

нится, да не въ пору. По́ѣзжайте«, гово́рять, »дѣ́тки, домо́й; священ-никъ вамъ бу́детъ.«

А въ то время былъ въ Рѣвовкѣ молодой попь, Максимъ Лѣвцикій. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлался уніятомъ: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо таянули; но онъ ушелъ и явился въ Переяславъ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и ктитору изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшскій антими́нсь изъ церкви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ.

Ну, вотъ, какъ сказалъ преосвященный: »По́ѣзжайте домо́й, а попь вамъ бу́детъ«, то отецъ и по́ѣхалъ наза́дъ съ Шпако́мъ. Переправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Соки́рній да въ До́монтохъ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетьма́нці на реду́тахъ. Ночью бывало и кричать — намъ въ Черкасахъ и слышно — оди́въ: »Сла́вень го́родъ Пе́тербу́ргъ!« а дру́гой: »Сла́вень го́родъ Переясла́въ!« Все́ города славляи: такой, видишь, сигна́ль былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Запла́тишь бывало *индукту*

одъ брата посланецъ. Братъ заплативъ чоловіку тому та й переказуе: »Нехай«, каже, »не іде въ Черкаси, бо вже Ляхи провідали, то стережуть на дорозі, щобъ піймать.«

То батько съ Шпакомъ у Богущкову слобідку, та нанявъ рибалку, щобъ ёго перевізъ потайно на сей бікъ, а коной изъ Шпакомъ покйнувъ.

Прийшовъ додому, ажъ тутъ лихо: шукують ёго Ляхи, щобъ стратити. То вінъ до зятя, та й живъ тамъ зъ місяць у загороді, поки все втихомірилось.

Якъ втихомірилось, то й ставъ панотецъ жить дома вже; тільки всё ще опасувавсь. Коли жъ присилае разъ за нимъ панъ швагронійстий. А тогді у насъ у Черкасахъ команда стояла, то панотецъ лядунки обшивавъ. Отъ вінъ и пішовъ до того швагронійстого, саме туди, де теперъ судá стоять.

Прихожу — каже — я туди, ажъ дивлюсь — привезлі Млієвського титара, що у преосвященного я бачивъ. Рўки назадъ звязані, и самъ привязаний до полўдрабка. Я — каже — якъ по-

такъ и пропустять. Прїїзжаеъ отецъ въ Домонтовъ, какъ тутъ отъ брата гонецъ. Братъ нанялъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: »Пускай«, говорятъ, »не ѣдетъ на Черкасы: уже Ляхи провѣдали и караулятъ на дорогѣ, чтобъ поймать.« Тогда отецъ со Шпакомъ въ Богущкову слободку; нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправилъ его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпакá оставилъ за Днѣпромъ. Пришелъ домой — бѣда: ищутъ его Ляхи, чтобъ извести. Онъ къ зятю, и жилъ тамъ съ мѣсяць въ загородѣ, пока все успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался. Какъ присылаеъ за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для мей ладунки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мѣсто, гдѣ теперь приосвященныя мѣста стоятъ. Прихожу — говорятъ — туда, смотрю — привезли Млієвскаго ктитора, что видѣлъ я у преосвященнаго. Руки у него связаны назад, а самъ онъ привязанъ къ телегѣ. Я — говорятъ — какъ увидѣлъ, такъ и замеръ: думалъ, что и меня затѣмъ

бачивъ, то и вмёръ: думавъ, що й менѣ оцѣ за тимъ призывали. Коли жъ виходить швагронистий: »Ну, цехмістеръ, гляди, щобъ у сѣреду були лядунки!»

»Будуть,« кажу, »вельможный пане!»

А вінъ: »Иди жъ«, каже, »та щобъ були!»

Отъ у менѣ й на душі — каже — трѣхи одлягло. Скорійшъ звідти: нехай вамъ бісъ!

А тітара того повезли въ Мліевъ, да ото, що ёсть тамъ коло Мліева грѣбелька и верби, то тамъ ёго на вербі повѣсили за рѹки и усякъ мордовали. Оцѣ коноплями обмотають, та смолою обмажуть, та й запалять. А потімъ, замордовавши, голову ёму одрубали та й вѣставили на вигоні, на високій палі. А въ ночі щось украло тѹю голову та й одвезло ажъ у Переяславъ до преосвященнаго. То преосвященный ще лѹчче почавъ старатьця, щобъ бѹло благочестіе.

Ажъ ось разъ приходить чоловікъ до панотця: »Идїть«, каже, »пане цехмістре, якийся піпъ прихавъ та зовѣ васъ.»

Пішовъ панотѣць, ажъ то той самий Максимъ Левцький, що бувъ у преосвященнаго!

призвали. Какъ тутъ виходить эскадронный: »Ну, цехмістеръ, смотри же, чтобъ у тебя были къ середѣ ладунки готовы!» — »Будуть«, говорю, »вельможный панъ!» А онъ: »Ступай же«, говоритъ, »да чтобъ были!» У меня — говоритъ отецъ — и на душѣ немного легче стало. Скорѣе оттуда: ну васъ къ чорту!

А того ктитора повезли въ Мліевъ, и есть тамъ возлѣ Мліева плотника и вербы; то на тѣхъ вербахъ повѣсили его за руки и всячески мучили. Обмотають пенькою, обмажуть пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отѣкли ему голову и выставили на вигонѣ, на високомъ столбѣ. Но кто-то ночью украсть ту голову и свесть въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобъ у насъ было благочестіе.

Какъ воть однажды приходитъ къ отцу одинъ человекъ. »Подите«, говоритъ, »сюда, панъ цехмістеръ: прїѣхалъ какой-то пошъ и зоветъ

»Люде добрі«, каже, »оце приславъ мене преосвященний, щобъ я бувъ у васъ попомъ.«

А наші кажуть: »Добре, батькушко! ми того бажаємъ.«

»Ходімъ же«, каже, »въ церкву.«

Пішли въ церкву. Вінъ одиравивъ акафість; посвятивъ церкву; обійшли кругомъ церкви; а потімъ и каже: »Люде добрі, дайте жъ мині кватиру. Въ мене и жінка е, и діточокъ двоє.«

Отъ наші дали ёму обществомъ хату. А потімъ уже вінъ посилавъ у Рівку підводу; то привезли ёму й попадю, и дітей двоє. Дочка була Явдоха, да синокъ Лесько.

То якъ поживъ той піпъ у насъ рокивъ зо два, то ёго зробили протопіною, а після такъ розжився, що було берліномъ іздить. Будка зъ вікнами, и коні въ-простяжъ. То оце оди́нь на коні сидіть, а другий коло будки, а самъ у будці, та ще й за будкою оди́нь.

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что очень мало удѣлил времени на распросы Харка Цехмистера о старинѣ, торопясь

васъ къ себѣ.« Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Львицкій, что былъ у преосвященнаго! »Люди добрые«, говоритъ, »прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ попомъ.« А наши говорятъ: »Хорошо, батюшка! мы того и желаемъ.« — »Пойдемте же«, говорятъ, »въ церковь.« Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акафість; освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: »Люди добрые! дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ.« Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Рёвовку подводу; привезли ему попадю и двое дѣтей. Дочка была у него Евдокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ попъ года два, то сдѣлала его протопіомъ; а потомъ такъ разбогатѣлъ, что бывало ѣздитъ въ каретѣ. Будка съ окнами, и лошади въ-простяжъ. Оди́нь человекъ сидитъ на конѣ, другой возлѣ будки, самъ онъ въ будкѣ, а оди́нь человекъ еще и сзади будки.

поспѣтъ въ другія мѣста и воображая встрѣтити еще много подобныхъ стариковъ. Дѣло, однакожь, показало, что это была одна изъ счастливѣйшихъ моихъ находокъ и что никто изъ моихъ рассказчиковъ съ ясностью рѣчи, благодушнымъ тономъ и простымъ, истинно лѣтописнымъ краснорѣчіемъ Харка Цехмистера не соединялъ его глубокой старости и разнообразія дѣтскихъ впечатлѣній.

Вотъ еще живая картина Татарскаго набѣга, сохранившаяся въ его памяти, или лучше — навернувшаяся ему на память во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ.

ТРЕВОГА ПО СЛУЧАЮ ТАТАРСКАГО НАБѢГА. (*)

Ще до Колиівщини пішла разъ по Черкасамъ чѹтка, що Ордá йде, и вже недалёко. А се було зимою. То народъ такъ и хряснувъ на той бѣкъ. А тамъ збѣглось десятківъ пять Гетьманськихъ козаківъ на Кручину редуту [выше села Пáньского]: »Стойте! нема указу!« Не пускають черезъ грáницю. А народъ спѣрся на лёду, то лідъ ажъ реве. Крикъ, гвалтъ, діти плачуть. Бѣда такáя скбѣлась на лёдѹ, що, Боже, твоя воля! Те саночкáми самотужки, а въ когó волі, то на волахъ; а хто коні має, то кіньми. Тутъ и корóви, тутъ и овѣчки, тутъ и збѣжже всяке.

(*) *Переводъ.* — Еще до Колиивщины разнесся разъ по Черкасамъ слухъ, что идетъ Ораа, и ужъ недалеко. Было это зимою. Народъ такъ и ринулся на ту сторону Днѣпра. А тамъ сбѣжалось десятковъ пять Гетманскихъ козаковъ на Кручину редутъ [выше села Панскаго]: »Стойте! нѣтъ указа!« и не пускають черезъ границу. Народъ стѣснялся на льду до того, что ледъ началъ трещать. Крикъ, шумъ, дѣти плачуть. Бѣда такая сотворилась на льду, что, Боже, Твоя воля! Одинъ санки везетъ на себѣ; а у кого есть волы, тотъ ѣдетъ на волахъ: а у кого есть лошади, тотъ на лошадяхъ. Тутъ и коровы, тутъ и овцы, тутъ и всякое зерно.

Отó жъ, зупинивши нарóдь на лёдѹ, оди́нь коза́къ побі́гъ до су-
да въ Золотоношу, чи мѡжна пустити; а на́ші лю́де сі́ли на ко́ней та
побі́гли ажъ до Сми́лянського мѡсту, чи йде орда. То прибі́гає Геть-
ма́нець: »Мѡжна!« Ажъ тутъ и на́ші верну́лись: »Нема́ Орди!«

А вона́ такі́ бѹла, да тѣлько розгра́била Жу́равку да Бѡвтишку
— тамъ де́сь коло́ Ка́мянки — та й верну́лась.

Изь Черкасъ я отпра́вился въ Чигиринѣ, ни сколько не сомнѣ-
ваясь, что по доро́гѣ туда и въ само́мъ городѣ́ соберу́ много пре-
даній о козацко́й старинѣ́. Но по́иски мои́, уже́ по своему́ свой-
ству, были́ подвержены́ случайностямъ охоты. Иногда́ въ тече-
ніе́ многихъ днѣй и при́ всевозможныхъ съ́ моей стороны́ стара-
ніяхъ, я не встрѣ́чалъ ни одного́ чело́вѣка, который́ бы могъ, или
захотѣ́лъ, сказа́ть мнѣ́ что-нибудь́ достойное́ стенографі́и. Въ
Чигиринѣ́ я не записа́лъ ни одного́ преданія́, ни одной́ пѣ́сни. И
въ́ этомъ нѣ́тъ ничего́ удивительнаго́: городъ́ въ́ Малороссі́и не
имѣ́ть никакакихъ́ преимущес́тъ передъ́ селомъ́ относительно́
разказа́въ о старинѣ́, и громкое́ имя́ Чигирина́ не связа́но въ́ умѣ́
его́ жите́лей (разуме́тся, простолюди́новъ: до́ прочихъ́ мнѣ́ не
было́ дѣ́ла) ни съ́ какими́ историческими́ воспомина́ніями.

Тѣ́мъ не менѣ́е мѣ́стность́ его́ заняла́ меня́ живѣ́йшимъ́ обра-
зомъ́. Я обошѣ́лъ его́ разрушенны́я земляны́я укрѣ́пленія́, его́ окрест-
ности́, гдѣ́ много́ разъ́ воздвига́лись шанцы́ и батареи́, направлен-
ны́е противъ́ Чигиринско́й горы́, на кото́рой те́перь́ едва́ замѣ́тны

И вотъ, остано́вивъ́ наро́дь на лёду́, оди́нь коза́къ поскака́лъ въ́ Зо-
лотоношу́ узна́ть, можно́ ли́ пропустити́ черезъ́ грани́цу; а на́ши лю́ди
сѣ́ли на лоша́дей и поскакали́ къ́ Смилянско́му́ мосту́ — и́детъ́ ли́ Орда.
Возвраща́ется Гетьма́нець: »Можно́!« А тутъ́ и на́ши воротили́сь: »Нѣ́тъ
Орды!«

А Орда́ точно́ приходи́ла; но́ только́ разгра́била Жу́равку да Бѡвтыш-
ку — тамъ́ гдѣ́-то́ около́ Ка́мянки — и́ воротила́сь.

слѣды зámка ; наконецъ отправился пѣшкомъ къ Сѹботову, родному селу Богдана Хмѣльницкаго.

Я шель вдоль камышчатой рѣчки Тясмина, по тропинкѣ, пролегающей у подошвы возвышенностей праваго берега. Эти возвышенности покрыты на своихъ скатахъ садами и левадами, непрерывающимися почти до самого Сѹботова. Переходя изъ одного сада въ другой, изъ одной левады въ другую, я видѣлъ на взгорьяхъ бѣлыя хаты хуторянь и заходилъ въ нихъ подъ предлогомъ усталости ; но вездѣ находилъ жизнь новую, съ заботами о ежедневныхъ потребностяхъ ; старина не оставила въ нихъ для меня ни одного беззубаго старика, который бы, чавкая и покашливая, поразсказалъ мнѣ о томъ, что было интересно въ его молодые лѣта. Никто ничѣмъ не далъ мнѣ почувствовать, что я стою на Чигиринской почвѣ, вблизи мѣста рожденія и частной жизни самаго характернаго представителя стараго козачества.

Въ Сѹботово я пришелъ уже вечеромъ, переночевалъ въ домѣ діакона и только на другой день могъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Хмѣльницкаго (отъ него не осталось уже никакихъ слѣдовъ), построенную имъ церковь и самое село. Надобно сказать, что въ мѣстоположеніи Сѹботова, на взгорьяхъ и низкихъ берегахъ Тясмина, есть что-то переносящее въ старину. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не могъ такъ живо вообразить Богдана Хмѣльницкаго, какъ здѣсь. Надобно же было еще случиться, что, проходя по улицѣ, я повстрѣчалъ косаря, чрезвычайно похожаго лицомъ на изображенія *козацкаго батька* ! Онъ не слишкомъ торопился на косовицу и, кажется, обрадовался случаю промедлить въ селѣ. Опершись живописно одной рукой на плетень и держа косу въ другой, онъ началъ бесѣдовать со мной о Сѹботовской старинѣ. Съ одной стороны передъ нами развивалась перспектива Тясмина съ его камышами, съ другой — на горѣ видѣлась озаренная солнцемъ церковь Богдана Хмѣльницкаго и возвышенность, занятая нѣкогда его домомъ, а теперь покрытая скирдами, «экономическаго» хлѣба. Косарь имѣлъ ясное понятіе о личности Хмѣльницкаго и вспоминалъ о немъ, какъ о недавнемъ владѣтелѣ Сѹбо-

това. Я рѣдко встрѣчалъ между поселянами челоѣка, который бы такъ живо сочувствовалъ козацкимъ войнамъ. Обыкновенно они не знаютъ, что дѣлалось въ отдаленную старину; если же и рассказываютъ сбивчивыя преданія о ней, если и поютъ пѣсни, то всё таки теряютъ связь между былымъ и нынѣшнимъ. Но чаще всего они равнодушны ко всему, что ни происходило прежде въ Малороссіи. Напротивъ, Сѣботовскій мой знакомецъ весь оживлялся, вспоминая времена козацкой славы, которая —

Самá себѣ на смѣхъ на давала,
Неприятеля підъ нѣги топтала,

и до-того увлекся разговоромъ съ челоѣкомъ не его сословія и не его лѣтъ, что позабылъ о своемъ намѣреніи идти косить. Я видалъ только пьяныхъ земляковъ своихъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа и могъ бы подумать, что онъ тоже пьянъ, но было еще очень рано.

Не помню, какимъ образомъ мы свели рѣчь на то, чтобы идти къ нему въ хату; но только, возвратясь туда, косарь мой уже не заботился о косовицѣ и принялся потчивать меня всѣмъ, что у него было лучшаго въ хозяйствѣ. Мѣстомъ моего завтрака избрана была пустая, прохладная хата, обращенная въ комору. Стуломъ служилъ мнѣ бочонокъ, столомъ — опрокинутая кадушка. Мой штофикъ оказался здѣсь никакъ не лишнею вещью, и скоро я увидѣлъ себя окруженнымъ довольно многочисленнымъ собраніемъ. Къ хозяину пришли его родные, или сосѣди; я, разумеется, предложилъ имъ выпить и съ разу попалъ къ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Они усѣлись вокругъ меня—кто на мѣшкѣ муки, кто на занесенной дорожною пылью мазницѣ, кто на порожнемъ ульѣ, и начались раздобары обо всемъ, кромѣ косовицы. Пропѣто было и нѣсколько пѣсень, между которыми замѣчательнѣйшая помѣщена въ сборникѣ г. Метлинскаго. Такъ какъ она напечатана тамъ не вполне, то прилагаю ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была пропѣта мнѣ въ Сѣботовѣ.

ПІСНЯ О ВОЙНАХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Ой почувайте и повідайте,
Що на Україні постало:
Що за Дашевимъ, підъ Сорогою
Множество Ляхівъ пропало!

Перебийнісь просьить немого —
Трохъ козаченьківъ зъ собою;
Рубає мечемъ голови съ плечей,
А рѣшту топить водою:

•Ой пийте, Ляхі, воді каліюжи
Болотяній,
А що пивали по тій Україні
Меді та вина ситній!»

Та по чімъ козакъ славець?
Наївся риби и соломахи зъ водою;
Зъ мушкетомъ стане — а серце в'яне,
А Ляхъ одъ дѣху вмирає.

Ой чи бачъ, Ляше, що панъ Хмельницький
На Жовтімъ Піску підбився?
Семи козаківъ, добрихъ юнаківъ,
Ти й за Віслою не скрився.

Ой чи бачъ, Ляше, що козакъ пляше
На воронімъ коню передъ тобою?
Ти, Ляше, злякнешъ и съ коня спаднешъ,
Самъ присиплешся землєю.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По Костяню Могилу?

Якъ не схотіли, забунтовали
Та й утерjali Україну.

Ой нависли Ляхи, нависли,
А якъ ворони на вишні...
Не попустімо Ляхові Польщи
Поби нашої живності!

Я считаю не пустымъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня записана отъ жителей Сѣботова. Больше нигдѣ не встрѣчалъ ея ни самъ я, ни другіе собиратели пѣсень. Въ ней отразились понятія современниковъ Хмѣльницкаго о козацкихъ войнахъ съ панами. Третій куплетъ:

Ой пийте, Ляхи, воді калюжи
Болотяніи,
А що пивали по тій Україні
Меді та вина ситній!

выражаетъ, что была для пановъ Украина: мѣсто попоекъ и пресыщенія. Народъ долженъ былъ только поставлять для нихъ *меді та вина ситній*, а объ его нуждахъ и потребностяхъ никто не заботился. Слѣдующій куплетъ:

Та по чімъ козакъ славень?
Наївся рѣби и соломахи зъ водою;
Зъ мушкетомъ стәне — а сѣрце вѣне,
А Ляхъ одъ дѣху вмирае...

представляетъ противоположность между роскошнымъ паномъ и непрехотливымъ козакомъ, который по-неволѣ долженъ былъ питаться только рыбою да соломахою. Но не смотря на то, что у него отъ голоду *вянуло сѣрдце*, мужественный духъ его былъ смертоносенъ для изнѣженнаго пана. Въ стихъ:

Семи козаківъ, добрихъ юнаківъ,

заключаецца намекъ, што у Хмѣльницкаго было семь сподручниковъ, пріобрѣвшихъ такую популярность, какъ и Перебийнось, Нечай, Морозенко, и называвшихся *козаками* по-преимуществу. (1)

Далѣ стихи:

Якъ не схотіли, забунтовали —
Та й утерјали Україну...

указывають на сопротивление пановъ политикъ Владислава IV. Наконецъ въ послѣднихъ стихахъ:

Не попустімо Лахові Польщи,
Поки нашої живності!

выражается взглядъ козаковъ и самого Хмѣльницкаго на Малоросію. Они считали ее такою же частью Польскаго государства, какъ Мазовія, Познань и пр., и возстаніе ихъ было сперва только усиленіемъ *не попуститъ Ляху* (а *Ляхъ* и *панъ* на ихъ языкѣ значило одно и то же, ибо *Ляхи* у нихъ были Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе, и другія Южно-Русскія семейства) *верховодитъ* въ Рѣчи Посполитой.

(1) Ой якъ оглянетца *козакъ* Перебийнісь на лівеє плече —
Ажъ изъ-підъ Дашева та до Волохова кривавая річка тече.

—
Чи не той то хміль, хміль, що високо вѣтця?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що зъ Ляшками бѣтця?
Чи не той то хміль, хміль, а що въ пиві грає?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшківъ рубає?
Чи не той то хміль, хміль, що у пиві кісне?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшеньківъ тїсне?

—
Морозѣнко *козаченько* якъ макъ роспукався,
Морозѣнко *козаченько* въ неволю попався.

—
Прощай, прощай, Морозѣнку, ти, найславний *козаче!*
За тобою, Морозѣнку, вся Україна плаче.

Что касается до преданій о старинѣ, что Сѹботовскіе собесѣдники мои признавали себя народомъ молодымъ, который мало что помнить, и, въ отвѣтъ на мои распросы, безпрестанно толковали мнѣ о какомъ-то Омелькѣ Каплаухомъ, какъ о самомъ старомъ человѣкѣ въ Сѹботовѣ. Отъ него пошли у нихъ всѣ старосвѣтскія пѣсни и всѣ воспоминанія о прежнихъ временахъ. Мнѣ единогласно совѣтовали обратиться къ нему, и я тѣмъ охотнѣе внялъ этому совѣту, что гости мои (ибо штофикъ *меня* обратилъ въ хозяина) сдѣлались черезъ - чуръ шумны и мѣшали одинъ другому говорить. Еслибы я, съ опытною предусмотрительностью, не принялъ надлежащихъ мѣръ, они бы всѣ шумно послѣдовали за мной къ Омельку Каплаухому. Но я устроилъ такъ, что, по моемъ уходѣ, центромъ ихъ соединенія оставалась *плѣшка горілки*, и отправился безъ помѣхи къ патриарху Сѹботова, въ сопровожденіи одного только хозяина гостепріимной хаты.

Мы застали Омелька Каплаухаго сидящимъ на порогѣ его сѣней, съ маленькимъ внучкомъ на рукахъ. Бѣлая борода его приятно смѣшивалась съ нѣжными бѣлокурыми волосами малютки. Морщинистый лобъ, украшенный лысиною, выражалъ миновавшія тяжкія заботы жизни и тихое успокоеніе, или, пожалуй, онѣмѣніе сердца въ старости. Онъ посмотрѣлъ на меня, по-видимому, безъ всякаго вниманія и, отвѣчая на мой привѣтъ слабымъ голосомъ; остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Но тутъ мой проводникъ подошелъ къ нему и сказалъ, съ таинственнымъ видомъ, нѣсколько словъ, которыя долетѣли до моего слуха и объяснили мнѣ настоящую причину, почему Сѹботовскіе мои пріятель такъ усердно домогались, чтобъ я повидался съ Омелькомъ Каплаухимъ. Меня приняли здѣсь за что-то въ родѣ переодѣтаго Гаруна-Альрашида; а какъ Омелько Каплаухій у нихъ слылъ умнѣйшею головою въ селѣ, то они надѣялись, что онъ лучше всѣхъ ихъ воспользуется моимъ появленіемъ. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту Украинскаго характера. Простолудинъ нашъ, при всемъ равнодушіи къ тому, что передъ нимъ происходитъ, чрезвычайно склоненъ къ мечтатель-

ности и часто изъ ничего извлекаеть великолѣпныя надежды: новое доказательство юности племени, предчувствующаго лучшую жизнь впереди.

Въ Омелькѣ Каплаухомъ произошла вдругъ рѣзкая перемѣна. Онъ суетился въ своей хатѣ (которая была наполнена только маленькими внучатами, такъ какъ все остальное семейство было въ полѣ) и заговорилъ со мной языкомъ еще свѣжаго человѣка. Отъ моего предложенія выпить онъ отказался, потому что съ молодыхъ лѣтъ пересталъ употреблять хмѣльное. Я тоже отказался отъ завтрака, который онъ предложилъ мнѣ. Мы отпустили моего проводника къ его веселой братиѣ и бесѣдовали мирно вдвоемъ, усѣвшись подъ старой грушею. Дѣти играли вокругъ насъ. Неподвижный воздухъ въ тишинѣ нагрѣвался солнцемъ.

Къ сожалѣнiю, Омелько Каплаухій не охотно углублялся въ старину и говорилъ всё о современныхъ интересахъ села Суботова, которые мало меня занимали. Въ записной моей книжкѣ сохранилось только четыре историческiя его воспоминанiя, а именно:

1.

ХМѢЛЬНИЦКІИ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧІ. (*)

....Та й поїхавъ у Січъ тимъ бокомъ Днїпра. Приїхавъ до Січи, ажъ тамъ стоить жовнірство и берé одъ козаківъ десяту рибу. Отъ Хмельницький, показавши тайно Запорозцямъ королéвський листъ, усóвитовавъ їмъ, якъ збути жовнірівъ: »Я«, каже, »вийду на майданъ та й зачну кричати: *У рáду! въ рáду! въ*

(*) *Переводъ.* —И поѣхалъ въ Сѣчь той стороною Днѣпра. Приѣхалъ въ Сѣчь, — тамъ стоятъ *жолнѣры* и берутъ съ козаковъ десятую рыбу. Хмѣльницкiй показалъ тайно Запорозцямъ королевскiй листъ и присоветовалъ имъ, какъ избавиться отъ *жолнѣрь*. »Я«, говорить, »выйду на площадь и начну кричать: *Въ рáду! въ рáду! въ рá-*

раду! а ви візьміте підъ по́лу по дрючкú, и якъ жовніри прий-
дуть безъ шабелъ у раду, то ви на їхъ зъ дрючками да всіхъ и пе-
ребійте.»

Такъ и сталося. Да потімъ якъ пішовъ воєвати Хмельницький,
то розбивъ Ляхівъ и на Жовтій Воді, и коло Корсуня, та за-
гнавъ ажъ за Слúчь, та й сказавъ: *»Знай, Ляше, по Слúчь
наше!«*

Извѣстіе о *десятой рыбѣ*, упоминаемой въ этомъ преданіи,
находится въ одной только *»Лѣтописи Самовидца«* (стр. 7, ст.
1): *»Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Ко-
даку на комисара рыбу десятую отбѣрали.«*

2.

ПЛАТА ХМЕЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ. (*)

Якъ воєвавъ Хмельницькій зъ Ляхами, то всякому, хто пій-
має Ляха, обіщавъ давати за ко́жного по рублю, а за ксєнза по
три ко́пи. То, якъ піймає було́ коза́къ Ляха, то виголить ёму на
голові лысину та й скаже: *Гляди жъ ти мині, вражий Ляше!* тіль-
ко скажешъ, що ти не ксєнзъ, то заразъ духъ съ тебе вонъ!*«*

ду! (т. е. Собирайтесь на вѣче, на совѣтъ), а вы возьміте подъ по-
лу по дубинкѣ и какъ придуть *жолнѣры* въ раду безъ сабель, вы брось-
тесь на нихъ съ дубинками и перебейте всѣхъ.» Такъ и сдѣлали. А по-
томъ, какъ пошелъ воевать Хмельницькій, то разбилъ Ляховъ и на Жел-
тыхъ Водахъ, и подъ Корсунемъ; потомъ прогналъ ихъ за самую Слúчь
и сказалъ: *»Знай, Ляше, по Слúчь наше!«*

(*) *Переводъ.* — Какъ воевалъ Хмельницькій съ Ляхами, то всякому,
кто поймаетъ Ляха, обѣщалъ давать по рублю за каждого, а за ксенза
по три полтины. Вотъ бывало поймаетъ козакъ Ляха, пробрѣтетъ ему
на головѣ лысину и скажетъ: *»Смотри же, вражий Лях! только ска-*

Отъ и приведе до Хмельницького.

»Хто ти такий?«

»Ксензь.«

То Хмельницький вийме съ кишени три копи та й дасть.

3.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И КАЗНЬ ЮРІЯ ХМЪЛЬНИЦКАГО. (*)

Хмельниченко побусурманившись збивъ пушкою зъ горі Валка⁽¹⁾ вѣрхъ зъ бѣтьківської цѣркви, хотячі довідатись бѣтьківськихъ грѣшей, що, кажуть, були замурѳвані на горіщі, на цѣркви. Вінъ би то прийшовъ за ними й до Сѳботова, та боявся, бо тутъ стояло вѳйсько; то вже зъ злѳсті хотѳвъ розбѳтъ цѣркву.

Хмельниченко живѳ ще й досі. Наші старіі чумаки розсказували, що бачили ѳго вѳ гѳрахъ на свої очі, и самъ вінъ казавъ, що: »Я синъ Хмельницького.« Ёго ссе гадина, и вінъ бѳде мѳ-

жешъ, что ты не ксензь, то тутъ и духъ съ тебя вонъ »И приводитъ его къ Хмѳльницкому. «Кто ты таковъ?« — »Ксензь.« Хмѳльницькій вынетъ бывало три полтины и дасть козаку.

(*) *Переводъ.* — Синъ Хмѳльницкаго, какъ обусурманился, то сшибъ куполъ съ отцовской церкви, выстрѳливъ изъ пушки, съ горы Валка⁽¹⁾. Онъ хотѳлъ добраться до отцовскихъ денегъ, что были, говорятъ, заложены кирпичомъ на церкви. Онъ бы пришелъ за ними и въ Сѳботовъ, да боялся: тутъ войско стояло; и потому съ досады хотѳлъ разбить отцовскую церковь.

Онъ до сихъ поръ живѳ. Наши старые чумаки рассказывали, что видѳли его въ гѳрахъ своими глазами, и самъ онъ говорилъ имъ: »Я сынъ Хмѳльницкаго.« Его сердце сосетъ змѳя, и будетъ онъ мучиться и бро-

(1) Въ двухъ верстахъ отъ Сѳботова.

читись и блукати поміж горáми ажъ до Страшнóго Сýду; а тогдi вже Господь ёго простить, що побусурманивсь и хотивъ розбитъ бáтьківську цёркву.

4.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И КОНЕЦЪ РАЙДАМАКИ НЕЖИВОГО. (*)

Неживий робивъ колісь горшки у Артёма ганчара, и всё бу-
ло каже: »Я хочъ на оди́нь день, а буду па́номъ.« Пóтимъ вінъ
бувъ у Мотрѣнинському лісу, а звідти пішовъ на Каневъ, и ви-
різавши тамъ Ляхівъ и Жидівъ, поверну́въ на квартири до Чи-
гринá. А въ Галагáнівці да живъ панъ Щѣрба. Оттой-то й запро-
сивъ ёго до себѣ въ гóсті. Неживий зъ усіми козаками своїми
пішовъ до Галагáнівки; козаків же зостáвивъ по сѣй бiкъ грѣб-
лі, а самъ зъ дванадцятьма отаманáми пішовъ пішо до Щѣрби.
Отъ Щѣрба, побáчивши, що вінъ у двóрі безъ вiйська, зáразъ якъ
крикне своимъ: »Берить ёго!« Тутъ ёго и злáпали. А вiйсько,
почу́вши, що отаманівъ позабiрано, зáразъ усѣ порозбiгáлось.

дить въ горахъ до Страшнаго Суда; а тогда ужъ ему Господь простить,
что онъ обусурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

(*) *Переводъ.* — Неживый работал когда-то горшки у Артемія гор-
шечника, и всё бывало твердить: »Я хоть на одинъ день. а буду па-
номъ.« Потомъ онъ проживалъ въ Мотренинскомъ лѣсу, а оттуда пошелъ
въ Каневъ и, вырѣзавши тамъ Ляховъ и Жидовъ, воротился на квар-
тиры въ Чигиринъ. Тамъ въ Галагановкѣ жилъ панъ Щѣрба, и за-
звалъ его къ себѣ въ гости. Неживый пошелъ къ Галагановкѣ со всеми
своими козаками; козакѡвъ онъ оставилъ по сю сторону плотины, а самъ
съ двѣнадцатью отаманами пошелъ пѣшкомъ къ Щѣрбѣ. Щѣрба видитъ,
что онъ на дворѣ безъ войска, тотъ-часъ и крикнулъ своимъ: »Схва-
тить его!« Тутъ его и схватили. А войско, узнавъ, что отамановъ пе-
рехватили, тотъ-часъ все разбѣжалось.

Омелько Каплаухій заложилъ, по моей просьбѣ, пару воловъ въ длинный возъ, наполненный сѣномъ, и свезъ меня въ ближайшее село по направленію къ Мотренинскому монастырю, у котораго гайдамаки, во время Колиивщины, заложили свой кошъ, или сборное мѣсто. Разставшись съ нимъ со всею нѣжностью, какую мы питали другъ къ другу, по совершенно различнымъ причинамъ, я прошелъ до монастыря пѣшкомъ и, не смотря на то, что явился въ смиренномъ видѣ странника, нашелъ у монаховъ самое радушное гостепріимство. Случаю угодно было, чтобъ я толкнулся въ дверь именно къ такому человѣку, какого мнѣ было нужно. Меня встрѣтилъ старикъ самой ласковой, благосклонной наружности, и мнѣ довольно было сказать, что я путешественникъ, изучающій остатки старины, чтобъ поставить его въ самыя прямыя съ собой отношенія. Онъ понималъ желаніе молодого человѣка видѣть мѣста, столь извѣстныя въ исторіи Колиивщины, и, кажется, былъ очень доволенъ, что нашелъ самага внимательнаго слушателя его собственныхъ воспоминаній о гайдамакахъ, по разсказамъ очевидцевъ. Рѣчь его отличалась комическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ шутка вмѣшивалась, незамѣтно для него самого, во всѣ его бесѣды. Это смягчало суровость общаго тона преданій о гайдамакахъ и придавало его повѣствованіямъ пріятную игривость. Передаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были мною записаны.

1.

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (*)

Якъ зібрались гайдамани у Мотренинському лісѹ, то зробили собі Січъ. Вибрали такє місто, що зъ трѣхъ боківъ байраки, а съ четвѣртого поставили башту. Кругомъ обрубались лісомъ. По

(*) *Переводъ.* — Какъ собрались гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то сдѣлали себѣ Сѣчь. Выбрали они такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ буераки, и поставили съ четвертой стороны башню. Кругомъ сдѣ-

серѣдині насыпали грóшей и ниткою перекрести́ли, да й прибили її колóчками у чотирѣхъ мѣстахъ. И козаць кругомъ ходить. Оце жь у одному байраці *Сичъ*, а въ дру́тому, на Бóйковій Луці, *Скликъ*. А Скликомъ зва́вся казаць, що висівъ на дубі, и коло ёго до́вбня. А то для того, що, скóро яка тревóга, абó-що, заразь прибіжить козаць та до́вбнею й почавъ валять; а казанъ на весь лѣсъ реве́. То вже де бь котóрий козаць не б́увъ, скорійшь збігаютьця до-кўпи. Да тутъ же заразь коло Склика б́увъ у дуброві *Зна́чокъ*, — такé-то, бачь, обзна́чене кругомъ мѣсце, де ихъ коні па́слись. А одъ Зна́чка, версто́въ три икъ Жабóтину, бу́ло *Гу́льбище*, на висóвій могíлі, такъ що якъ зйдешь туди, то весь Жабóтинъ якъ на долóні. Посходять бу́ло на ту могíлу, балакають, у кáрти грають, співають пісень усякихъ. Рѣдко бу́ло який день виберетця, щобъ тамъ н́ікого не бу́ло.

Отó Ляхи якъ почу́ли, що въ лѣсú зібра́лись гайдамаки, то й прийшли, душъ ихъ со́тня, на коняхъ и зъ ору́жьемъ, підъ бра́му въ манасти́рь. Чѣнчики вйшли до ихъ съ хлѣбомъ и зъ сѣлаю.

лали засѣку. Посреди Сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прикрѣпили цитку въ четырехъ мѣстахъ колышками. И часовой кругомъ ходить. Вотъ въ одномъ буеракѣ *Сльчъ*, а въ другомъ, на Бóйковой Лукѣ, *Скликъ*. Скликомъ (созывателемъ) назывался у нихъ котель, что висѣлъ на дубу, и подлѣ него долбешка. Это для того, что лишь только какая-нибудь тревога, что ли, тотъ-часъ прибіжить козаць и давай валять въ котель долбешкой. Тогда ужь, гдѣ бы кто ни былъ, всѣ сбѣгаются въ одно мѣсто. Тутъ же, рядомъ со Скликомъ, былъ у нихъ *Зна́чокъ*, — такое, видишь, обозначенное кругомъ мѣсто, гдѣ паслись лошади. А верстахъ въ трехъ отъ Зна́чка, къ Жабóтину, было *Гу́льбище*, на высоко́мъ курганѣ. Какъ взойдешь на могíлу, то весь Жабóтинъ — какъ на ладони. Взойдутъ бывало на тотъ курганъ, разговариваютъ, въ карты играютъ, поють разныя пѣсни. Рѣдко бывало случится день, въ который бы тамъ кого-нибудь не было.

Вотъ, какъ услышали Ляхи, что въ лѣсу собрались гайдамаки, то и пришли — человекъ сто, на коняхъ и съ ору́жьемъ — къ монастыр-

»А дѣ гайдамаки, сизмат'ки ви пшеклѣнти?»

Ченчики бѣднии трѹсѣтця: »Не знаѣмо, вельмѣжнии павѣ.«

»Не знаѣете, *дѣлдани!* охъ, ви, *дѣлдани*, не знаѣете! *пшеклѣнти хлѣпи!*«

И давай шукать по монастырѣвѣ. Шукали всѹди, заглядывали и за иконостасъ — нема! Такой-то навѣженнии Ляхѣ! Отѣ бѣ дурнии булѣ Запорожци, щобъ ховались за иконостасъ! Имъ у лѣсу найлучча схѣванка.

Шукають Ляхѣ гайдамакъ, а отаманъ, скѣро почѹвъ про се, заразъ и пославъ двоухъ козакѣвъ у Замятницу. Тѣи, прибѣгли тудѣ, давай колѣть орандарѣ и всѣхъ Жидѣвъ.

А мужики пришлѣ до корчмѣ, да ѣ питаютця: »А щѣ, панѣве? чи наша вѣра?»

»Ажежъ бачъ, щѣ ваша: не колѣли бѣ Ляхѣвъ да Жидѣвъ.«

То мужики ихъ и не займають, а ще до ихъ пристають.

А Ляхѣ тимъ часѣмъ пораютця все ще въ монастырѣ. Якъ ось прибѣгъ и зъ Замятницѣ вѣстовѣи: »Панѣве! гайдамаки Замятницу вѣризали!«

скимъ воротамъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. »А гдѣ гайдамаки, проклятые вы еритики?» Бѣдняжки чернецы трепещуть: »Не знаемъ, вельможные паны.« — »Не знаете, каналы? охъ, вы, каналы, не знаете! проклятые Хамы!« И давай искать въ монастырѣ. И въ церкви искали вездѣ, заглядывали и за иконостасъ — нѣту! Такие глушые Ляхи! Чтѣ за дураки были бы Запорожцы, чтобы имъ прятаться за иконостасъ! Имъ въ лѣсу самое лучшее убѣжище.

Ишутъ Ляхи гайдамакъ; а отаманъ, какъ только услышалъ объ этомъ, тотъ-часъ и послалъ двоихъ козакѣвъ въ Замятницу. Тѣ прискакали туда, давай колѣть арендатора и всѣхъ Жидѣвъ. А мужики пришли къ корчмѣ и спрашиваютъ: »А чтѣ, господа? наша вѣра?» — »Сами видите, что ваша: иначе не кололи бѣ мы Ляхѣвъ да Жидѣвъ.« Мужики ихъ и не трогаютъ, а еще къ нимъ пристають.

А Ляхи между тѣмъ суетятся въ монастырѣ. Вдругъ прискакалъ изъ Замятницѣ вѣстовой: »Господа! гайдамаки Замятницу вырѣзали!« Ля-

Ляхі драла! да до Жаботина. А отаманъ пішовъ за ними да й порозставлявъ кругомъ Жаботина козаківъ. То оцѣ вискочить изъ лісу козакъ, повертїтця-повретїтця на коні передъ Жаботиномъ, да зновъ и поїде въ ліс. То Ляхі думаютъ: »Оцѣ жъ кругомъ Жаботина вже стоять по лісу гайдамаки!«

Да покинувши Жаботинъ, да въ Смілу. Команда жъ рúшила въ Смілу, а намісникъ, съ козакомъ Лопатою, що бувъ опісля чурою у Зализняка, такъ намісникъ изъ сімъ-то самимъ Лопатою — у Камянку; бо тамъ вінъ живъ, и бу́ла тамъ у ёго сотня лейстровихъ козаківъ.

Отъ и питаєтця намісникъ у отамана тихъ козаківъ: »А що, отамане? чи мѡжна стать прѡтивъ гайдамакъ?«

»Мѡжна, батьку, тїлько що їх кўля не берѣ.«

То намісникъ, якъ почувъ сѣе, то побїлівъ якъ хўстка, да й каже: »Кўля не берѣ? кўля не берѣ?... Такъ їх — ти кажешъ — кўля не берѣ?«

Да вже боїтця и отамана, и одъ ёго одхѡдитъ, да все тїлько :

хи тогда драла! и поскакали въ Жаботинъ. А отаманъ пошелъ вслѣдъ за ними и разставилъ вокругъ Жаботина козакѡвъ. Вотъ козакъ выскочить изъ лѣсу, проѣдемъ взадь и впередъ на конѣ передъ Жаботиномъ да опять и скроется въ лѣсу. Ляхи и думаютъ: »Это значитъ, гайдамаки стоятъ уже въ лѣсу вокругъ Жаботина!« и, оставивши Жаботинъ, пустились въ Смілу.

Команда выступила въ Смілу, а намѣстникъ, съ козакомъ Лопатою, который потомъ былъ слугою у Зализняка, — въ Камянку: тамъ онъ, видите, жилъ, и была у него тамъ сотня реестровыхъ козакѡвъ. Прїѣхалъ и спрашиваетъ у отамана тѣхъ козакѡвъ: »А что, отаманъ? можно ли намъ стать противъ гайдамакъ?« — »Можно, батько; только то бѣда, что ихъ пуля не беретъ.« Какъ услышалъ это намѣстникъ, такъ и побѣгълъ, точно платокъ, и говоритъ: »Пуля не беретъ? пуля не беретъ?... Такъ ты говоришь — пуля не беретъ?« И боится ужъ самого отамана, пѣтится отъ него и всё тїлько твердитъ: »Пуля не беретъ!

»Кўля не берé! кўля не берé!... Гмъ! кўля не берé!... Такъ ти ка́жешъ, отáмане, що їх кўля не берé?«

»А не берé, бáтьку.«

»Эгé! кўля не берé!... эгé! эгé!«

Да, сівши на кóней зъ Лопáтою, да въ Смілу.

Лопáта жъ попéреду бiжить изъ списомъ, а намісникъ за нимъ.

Колí жъ, не доiжджáючи корчми Сумськóй, наганяе їх гонéць:

»Пáне наміснику! гайдама́ки Камянку рiжуть!«

Намісникъ кинувсь, якъ опáрений, въ Смілу; а Лопáта зъ тимъ гонцéмъ и зостáвсь.

А гайдама́ки, стóячи коло Камянки, послали до лейстрóвихъ, визивáючи отáмана до порáди. Отáманъ лейстрóвий вийшовъ до гайдама́цкого отáмана; то сей и ка́же: »Щó? ви бiдете зъ на́ми бiтьця, чи нi? Ми не по сво́й во́лi прийшли. Гляди́ть, щобъ не бу́ло й ва́мъ тако́го ли́ха, якъ Ляха́мъ.«

И показáвъ лейстрóвому отáману бума́гу. Якъ показáвъ, то й Каменськáя сотня пристáла до гайдама́къ.

пуля не беретъ!... Гмъ! пуля не беретъ!... Такъ ты говоришь, отáманъ, что ихъ пуля не беретъ?« — »Не беретъ, бáтько.« — »Да, да! пуля не беретъ!... да! да!« И сiвши на коней съ Лопáтою, пустился въ Смілу.

Лопáта скачетъ впереди съ копьeмъ, а на́мiстникъ за нимъ. Какъ догоняетъ ихъ, не до́бжая до Смилянско́й корчмы, гонéць: »Пáнъ на́мiстникъ! гайдама́ки Камянку рiжуть!« На́мiстникъ бросился, какъ будто его обварили кипяткомъ, въ Смілу, а Лопáта съ гонцомъ и оста́лись.

Гайдама́ки же, стоя въ Камянкé, послали къ реестровымъ козакамъ и просили къ себé ихъ отáмана на совéтъ. Реестрово́й отáманъ вышелъ къ гайдама́цкому отáману. Тогда э́тотъ говоритъ: »Что? будете вы съ на́ми драться, или нéтъ? Мы не по своей во́лi пришли. Смотрите, чтобъ и ва́мъ не было тако́й бiды, какъ Ляха́мъ.« И показáлъ реестровому отáману бума́гу. Какъ показáлъ, то и Камянская сотня пристáла къ гайдама́камъ.

2.

МВСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА. (*)

Якъ стояли гайдамаки у Мотрѣнинському лісі, то оди́нь ота́манъ назва́въ за щось козака́ Жидомъ. »Эхъ ти«, ка́же, »Жидъ!«

А той коза́къ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« да зъ пистоле́томъ до ёго́.

А отама́нъ бувъ характерни́къ. »А що?« ка́же, »ти мене́ бу́дешъ стреля́ти?« да й гру́ди розхри́ставъ. »Стреля́й«, ка́же, ко́ли хо́чешъ!«

»А то́ жъ не встре́лю? Мо́же, ду́маешъ — не візьме?« Да — бе́хъ! Той и ви́вернувсь.

Отъ козаки́ до ёго́ зъ дубі́нами, за те, що застрѣли́въ ота́мана. А ви́нъ: »Пострива́йте«, ка́же, »панове; слуха́йте лишъ, що́ тутъ ми́жъ на́ми бу́ло за діло. Де́ жъ ви́дано, щобъ козака́ зъ Жи́домъ ривня́ти? То и всі ви Жи́ді, ко́ли я Жидъ!«

То козаки́, роспита́вши и ви́слухавши́ всю причи́ну, сказа́ли: »Правда. Леда́чому леда́ча й сме́рть.«

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то одинъ отаманъ назвалъ за что-то козака Жидомъ. »Эхъ ты«, говорить, »Жидъ!« А тотъ къ нему съ пистолетомъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« Но отаманъ былъ *характерникъ* (чародѣй). »Что?« говоритъ, »ты будешь стрѣлять въ меня?« и грудь передъ нимъ открылъ. »Стрѣляй«, говоритъ, »коли хочешь!« — »Ато не выстрѣлю? Можеть быть, думаешь, не возьметъ?« и выстрѣлилъ. Тотъ и упалъ навзничь. Вотъ козаки къ нему съ дубьемъ, за то, что застрѣлилъ отамана. А онъ: »Постойте«, говоритъ, »господа; выслушайте прежде, что между нами было. Слыханное ли дѣло, чтобъ козака съ Жидомъ равняли? Такъ и всѣ вы Жи́ды, коли я Жидъ!« И козаки, распросивъ и выслушавъ все дѣло, сказали: »Правда, правда. Подѣломъ ему, негодному.«

3.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНѢ. (*)

Въ Жаботині Жидъ поналічувавъ на люде́й стілько до́вгу, що ста́ло вже не въ моготу́ й ви́платитьця: мо́же, въ де́сятеро більшъ ніжъ вони́ бу́ли виновати́. То козаки́ Жаботи́нські не хоті́ли плати́ть; ка́жуть: »Присягни!<« А вінъ, невіра, взявъ да й присягну́въ. Отоді́ вже плати́ якъ хо́ч! Отъ пять козакі́въ пороби́ли собі́ мале́нькі списи́, щобъ підъ по́лу мо́жна взяти́, да й пришлі́ до ёго́ ввече́ри, якъ вінъ са́ме сівъ вече́рати. А Жиді́вка нади́ла дорогий о́чіпокъ, що вони́ прокля́тіи но́сять. Отъ оди́нь коза́къ узя́въ да списомъ́ підъ той о́чіпокъ и суне́. А Жидъ: »Сцо́ ти, сцо́ ти, се́льма ти? Якъ ти сме́сь!<« А вінъ ёго́ якъ порне́ спи́сомъ! Тогди́ й Жиді́вку й Жиденя́ть переколо́ли.

4.

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНѢ. (**)

Якъ узяли́ гайдама́ки Умань, то си́ли на сто́лицяхъ се́редь го́рода да й зве́лили позва́ть панотці́въ. Отъ и привели́ до і́хъ Ба-

(*) *Переводъ.* — Въ ЖаботинѢ Жидъ столько прісчиталъ людемъ долгу, что не подъ силу ужъ было и выплатить: можетъ, въ десять разъ больше противъ того, сколько они были должны. Жаботинскіе козаки не хотѣли платить, и говорятъ: »Присягни!<« А онъ, невѣрный, взялъ да и присягнулъ. Тогда ужъ плати, какъ хочешь! Вотъ пять козаковъ сѣлали себѣ небольшоія копіяца, чтобъ можно было взять подъ полу и пришли къ нему ввечеру, какъ только онъ сѣлъ за ужинъ. А Жидовка надыла дорогой чепецъ, что онѣ, проклятыя, носятъ. Вотъ одинъ козакъ взялъ да кошемъ подъ тотъ чепецъ и подсовываетъ. А Жидъ: »Сто ты, сто ты, сельма? Какъ ты смѣсь?<« Онъ его какъ пырнетъ кошемъ! Тогда и Жидовку, и Жидиняты перекололи.

(**) *Переводъ.* — Какъ взяли гайдамаки Умань, то сѣли на стульяхъ посреди города и велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Привели къ

зилянъ. То отаманъ и каже: »А що, панотці? ми васъ завсегдѣ слухаемъ? послухайте жъ ви насъ хоть разъ, а ми васъ наградимо.«

Тії бідниї трусятця; кажутъ: »Що звелитѣ, вельможниї панї?«

»Отъ що: візьміть ві хрестї да пройдїте по улицямъ и одправте похоронъ.«

Базиліане побрали хрестї, ходять по улицямъ, правлять похорони. А народъ плаче по всёму городу. И самї Базиліане правлять да й плачуть.

Якъ кончили, отаманъ наградивъ їх червінцями да й каже своімъ: »А що, хлопці? бачте, панї у якіхъ хорошихъ жупаняхъ ходять? А ви, бідахи, часомъ и сорочки не маєте. А нуте лишень, берітесь за діло!«

Отъ тутъ ужé й пішла різня.

5.

ИСКУСЪ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО. (*)

Запорозці, якъ підмовлять, було до себѣ на Січъ якого хлопця зъ Гетьманщини, то перше пробують, чи годїтця быть Запо-

нимъ Базиліянъ. Отаманъ и говоритъ: »Ну, что, *пань-отцы*? мы васъ слушаемся; послушайтесь же вы насъ хоть одинъ разъ, а мы васъ наградимъ.« Тѣ, бѣдные, дрожать и говорятъ: »Что прикажете, вельможные паны?« — »Вотъ что: возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и отправьте похороны.« Базиліане взяли кресты, ходять по улицамъ, отправляютъ похороны. А народъ плачетъ по всему городу. И самї Базиліане, отправляя похороны, плачуть. Когда кончили, отаманъ наградилъ ихъ червонцями и говоритъ своимъ: »Ну, что, *молодцы*? видите, какіе хорошие жупаны на паняхъ? А у васъ, бѣдныхъ, иной разъ и рубашки нѣту! А нуте-ка, принимайтесь за дѣло!« Тутъ ужъ и пошла рѣзня.

(*) *Переводъ.* — Какъ сманять бывало Запорожцы къ себѣ въ Січъ

рòзцемь. Отто звеліть ёму варити кашу: »Гляді жъ, вари такъ, щобъ и не сира була, щобъ и не перекипіла. А ми пійдемъ коситъ. То ти, якъ ужé бúde готóва, вийди на такий-то курганъ, да й зови насъ; а ми почúемо, да й прійдемъ.«

Отъ поберуть коси да й пійдуть нiби-то коситъ. А дè вь чòр-та імъ хòчетця коситъ! Заберутця вь комішъ да й лежать. То оцè хлопець, зварівши кашу, вийде на могiлу и зачне гукати. А вони й чують, да не озиваютьця. То винъ гукáе-гукáе, да давáй плакати: »Отъ занесла менé нечiста сила мiжъ сiї Запорóзці! Лúчче бъ булò дома сидiти при бáтьковi да при мáтерi. Атò ще перекипить каша, то прійдуть да битимуть вràжі сині! Ой бiдна жь мой голóвонько! чогò менé понесло мiжъ сiї Запорóзці!«

То вони, лèжачи вь травi, вислухають усé да й кáжуть: »Нi, се не нашъ!« А далi вèрнутця до куреня, да дадуть томú хлопцевi коня и грóшей на дорóгу, да й скáжуть: »Идь собi кь нечiстому! намъ такихъ не трéба.«

А якъ-жé котóрий удастця росторóпний и догадливий, то вий-

какого-нибудь парня изъ Гетманщины, то сперва пробують, годится ли онъ вь Запорожцы. Прикажутъ ему, наприкладъ, варить кашу: »Смотри же ты: вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипіла. А мы пойдемъ косить. Когда бóдетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ.« Возьмутъ косы и пойдутъ какъ-будтобы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залéзуть вь камышъ и лежать. Вотъ парень сварить кашу, выходитъ на курганъ и начинаеть звать. Они и слышатъ, но не откликаются. Зоветъ онъ ихъ, зоветъ, а потомъ вь слезы: »Вотъ занесла меня нечистая сила кь этимъ Запорожцамъ! Лучше было бы сидеть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипитъ каша; придутъ и поколотятъ вràжьи дѣти! О, бѣдная моя головушка! кой чортъ занесъ меня кь этимъ Запорожцамъ!« А они лежатъ вь травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: »Нѣтъ, это не нашъ!« Потомъ воротятся вь курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: »Ступай себѣ кь нечистому! намъ такихъ ненадо!«

Но котóрый молодець удастця расторóпный и смѣтливый, тотъ, взо-

шовши на могилу, кликнє разів зо два: »Гей, панове молодці! идіте каші їсти!« да якъ не озиваютьця, то вінъ: »Чортъ же васъ бері, коли мовчите! буду я й самъ їсти.« Да ще передъ одходомъ ударить на могилі гопакá: »Ой тутъ мині погуляти на просторі!« Да, затагнувши на весь степъ козацьку пісню, и пійде собі до куреня, и давай уплітати кашу.

То Запорозці, лєжачи въ траві, й кажутъ: »Оце нашъ!« Да, побравши коси, и йдуть до куреня. А вінъ: »Де васъ у біса носило, панове? Гукáвъ-гукáвъ, ажъ охрипъ; да щобъ каша не перекипіла, то я почавъ самъ їсти.«

То Запорозці споглянуть одінь на одного да й скажутъ єму: »Ну, чуро, вставай! годі тобі быть хлопцемъ: тепєрь ти рівний намъ козакъ.«

И приймають у товариство.

Старинные Малороссійскіе балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда смѣшныя небылицы, въ которыхъ сами играли роль трусовъ, или глупцовъ. Это — прямая противоположность любимымъ рассказамъ Польской шляхты о своей храбрости и умѣ. Изъ всѣхъ пороковъ, хвастовство личными достоинствами наименѣе распространено между Малороссіянами. Слѣдующій рассказъ мо-

шедши на курганъ, крикнетъ раза два: »Эй, паны молодцы! идите каші їсть!« и какъ не откликнутся, то онъ: »Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одінь їсть кашу.« Да еще передъ отходомъ пріударить на курганѣ гопакá (танецъ): »Ой тутъ минѣ погулять на просторѣ!« И, затагнувши на всю степъ козацкую пісню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа въ травѣ, и говорятъ: »Это нашъ!« и, взявши косы, идутъ и себѣ къ куреню. А онъ: »Гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобъ не простыла каша, началъ самъ їсть.« Переглянутся между собой Запорожцы и скажутъ ему: »Ну, чюра (слуга), вставай! полно тебѣ быть *хлопцемъ* (мальчишкой, парнемъ): теперь ты равный намъ козакъ.« И принимаютъ его въ товарищество.

его незабвеннаго пріятеля въ Мотренинскомъ монастырѣ характеризуетъ бесѣды нашихъ старосвѣтскихъ военныхъ людей.

6.

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА. (1)

Бувавъ тутъ колись часто у насъ у монастирі полковникъ козацький съ того боку Дніпра; звався Перепелиця. То було якъ зачне розказувати про давніи війни, такъ умора да й тілько. Що — каже — теперъ за війни? То якъ колись наши Задніпрянські козаки воєвали, такъ такъ! То — каже — народъ храбрый и до войны тяжко спосібний. Якъ згадаю — каже — собі, що якъ бувъ я сотникомъ, то ходили ми съ світліишимъ княземъ Потёмкинимъ ажъ на край світа, підъ Очаківъ, де, казали намъ, що живкі якъ перуть, то праники на небо кладуть: такъ небо тамъ низенько. То нашому козацтву и хотілось побачити такого дива, и страшно було такъ далеко одъ дому одбиватись. Да що жъ маешъ робити, коли приказъ!

Отто, ще, може, тижнівъ за два до походу, живкі давай усячину готувити у дорозу: гринкі сушитъ, сало въ возі укладувати. Нарештовали повніи мажи. Посхобились усі родичи. Плачъ, жалъ такий по всьому селу, що Господи! Де жъ бакъ! не близький світъ до Очакова, де небо вже такъ низенько, що бабі праники кладуть, перучі на річці. Прощались зъ нами більшъ якъ тиждень; провозжали за царину гурбою, съ чарками, съ пляшками. Плакали, якъ по мертвихъ, що й самъ я трюхи сплакнувъ, а съ козаківъ дѣ-які й геть-то зарюмали.

Отъ же й пішли ми до того Очакова, па край світа. Пришли, ажъ ні: небо ще не дуже низько, а хибá трюхи нїжче, якъ у насъ. »Ну«, кажемо, »слава жъ тобі, Господи! ще, видно, не тутъ край світу.«

(1) Я не рѣшился передать по-Великорусски этотъ юмористическій разказъ, опасаясь, чтобы мой переводъ не былъ передразниваньемъ, какъ это часто случается съ переводами Малороссійскихъ комическихъ и патетическихъ пьесъ.

Стали ми стояти підь тимъ Очаковомъ, да ажъ обридли — такъ довго. Которому козакові повні сакви жінка тютюну напхала, або рігъ тобаки набїла, то все те повякурували й повинюхували. Дуже довго щось стояли. Приняли й холоду й голоду, бо стояли въ шатрахъ, якъ Цигане, и не було тамъ ні борщу, ні варениківъ, а все тільки грінки зъ саломъ їли. Отакè-то лихо! Ажъ ось не стало вже ставать и сала, а тільки самі грінки позоставались. Що тутъ чинити? Колибъ ще козаки зъ голоду не попропадали, то якъ тогді й додому вертатись? Бїда!... Повисили наші носі, зовсімъ змарніли; тільки що диханіе въ тілі, бо сказано — що зъ самїхъ грїнокъ за смакъ?

Отъ я, взявши зъ собою писаря сóтенного да осаула, да й пішли до світлішого прохати, щобъ позволивъ послати підводи додому за саломъ. Приходимъ, ажъ світліший стоїть на рундуку и лóльку курить. Поклонїлись єму. А вінъ: »Штò ви, хахлі?...« да такъ и ляпнувъ по-Москóвськи.

Овва, якъ же погано злїаявъ! О, цуръ же єму, якъ негáрно!

»Ваша свѣтлость! бїда прийшла козакамъ!«

»Какая бїда?...« изновъ такъ и загнувъ намъ по-Москóвськи на всю губу.

А, якъ же паскúдно лаетця! Да нічого робити.

»Бїда«, кажý, »ваша свѣтлость: козаки зъ голоду мрутъ!«

»Какъ зъ голоду, проклятіи хахлі?«

»Мрутъ, ваша свѣтлость: самі грінки зостались увъ обóзі, а сала вже забúли, й якè вонó.«

Ще я й не доказавъ, а вінъ: »Вонъ, хахлі!.... Ребятá! вазьміте їхъ!«

Тутъ Москвá якъ вискочить да за насъ, а ми, підобравши по́ли, навтікача! А вражий Москáль, такъ якъ репгя́хъ, и вчепитця, що геть єго проволочешъ, може, гóней зо́ двое. Утеклї насїду.

»Эгè, панóве!« кажý опїсля своїмъ, »оце вамъ нау́ка, щобъ бра́ли сала ще бїльшъ, ніжъ хлїба, ато́ бачъ, якè лихо!«

Отó вже стоїмо ми собі хїрні, імó тії грінки. Якъ ось

стала чутка, що Турки йдуть підь Очаківь. Посилає мене світліший зь собою попереду, а самъ мусить би то йти за нами. Поіхали ми да й думаємъ собі: »Отеперъ же, мабуть, прийшла на насъ остатня година!«

Ідемъ, блукаємъ по полю, якъ неприкаяні. Коли жь де ні візьмісь у степу кұрява така, наче чий велика панщина почала віяти жито на току въ сто лопатъ. Оце жь Турки йдуть! Що тутъ у Господа чинити? Стрелять би то до нихъ, хочъ и далєко, щобъ почувъ світліший да йшовъ скорійшъ на підмогу. Такъ що жь? поки ще прийде, то Турки насъ пошаткуютъ на капусту. А хочъ и ні, то, якъ підоспіють наші, то все таки намъ лиха конємъ не обїхати: треба буде стояти спереду, то всі й пропадемъ ні за собаку. Що тутъ у Бога діяти? Дивлюсь, ажъ містоць надъ яркомъ... »Братця!« кажу, »сховаймось підъ сей містоць! Нехай чєрти бїютьця, а ми пересїдимъ тутъ лиху годину да й живі додому вернемось.«

Козакї заразъ мене й послухали. Збїлись у-кўпку коло мене, такъ якъ бжолї коло матки. Сидимъ; коли жь земля и звїдси и звїдти гудє, такъ ніби двї хмарї наступаютъ — одна зь западу, а друга одъ сходу сонця. Якъ зійшовся жь Москаль изъ Турками, якъ стали битись, то — Господи, твоя воля! и родились, и христілись, такого страху не бачили. А далї чємо, що Москаль перейшовъ черезъ містоць да й погнавъ Турка.

Отъ ми тогдї съ-підъ мостка. Дївимся, ажъ конї такъ и грають кругомъ насъ по полю, а Турки, що трїскї на дрівїтнї, валяютьця кўпами, а дє-які пораненї ходять помїжъ ними и самї не знають, куди йти, бо й сили, й смїлостї вже чортъ-має, а напўжанї такъ, якъ овєчки одъ вовка: що якъ розженє стадо, то ще довго дурнїї стоять, вїдлупивши очї, по горахъ, а пастўхъ хочъ гукай, хочъ не гукай.

»Берїте їхъ!« крикнувъ я на своїхъ, »в'яжїть вражихъ Туркївъ, поки їмъ дўхъ не одихнє! ловїть коней!«

Отъ мої козакї давай їхъ батова́ти! и набатовали со́тень зó двї, и грошей повні кишєні понабїрали.

»Теперъ же«, кажú, »хло́пці, звёрне́мъ у бі́къ зъ до́роги да одпочи́не́мъ трóхи де-небу́дь у байра́ці, бо, мо́же, втомі́лись, га́нїючись за кіньми; а на́дъ-вечі́ръ вёрне́мось до сві́тлі́йшого.«

Такъ и зроби́ли. А якъ усé вгамова́лось и самъ сві́тлі́йши́й верну́всь до ла́гера, то й ми на́дъ-вечі́ръ причва́ляли. Прихо́димо до га́нку, ажъ ви́нъ стоі́ть, зъ лю́лькою та́кі вь зуба́хъ. За́разъ, якъ побачи́всь нась, такъ и загну́всь намъ по-Моско́вськи: А што ви, хахлі́?.....«

О, цу́ръ же ё́му, якъ нега́рно ла́етця! О́вва!

»Да ми о́це при́йшли́ спита́тись, ва́ша сві́тлость, ко́му одда́ть на ру́ки пліннихъ?«

»Ка́кихъ пліннихъ, пра́кляті́ чубі́?«

»Да отъ же, ба́чите, що ми хо́дили у́вь обзі́здъ изъ сво́єю со́тнею, то якъ на́пали на нась Ту́рки, а ми якъ поча́ли і́хъ стреля́ти та руба́ти, то й самі́хъ розі́гна́ли, и дві́сті пліннихъ узя́ли, тілько́ шкóда, що всі́ поране́ні.«

»А лю́дей скóлька па́теряна?«

»Ні́ одно́го, ва́ша сві́тлость! у́ся со́тня, сла́ва Бо́гу, жи́ва и ці́ла.«

»Тьфу́, пра́кляті́ хахлі́! дві́сті плі́ннихъ и са́ми цѣ́ли! Забра́ть у нихъ плі́ннихъ! Па́шли глупі́ чубі́!«

Такъ намъ загну́всь на проща́нне да й одпу́стивъ, спаси́бі ё́му.

То вже то́гді мо́ї коза́кі й ка́жуть: »Я́кий-то то́бі, па́не со́тнику, Бі́гъ ро́зумъ давъ! Якъ-би́ тебе́ не послуха́ли, то всі́ бь, мо́же, ма́рне пропа́ли; а тепе́ръ, сла́ва Бо́гу, и до́бичи по́вні ру́ки, и са́ми зоста́лись жи́ві и здо́рові!«

Послѣ пріятнаго перебуванія въ Мотренинскомъ монастырѣ, наступили для меня опять безплодныя странствованія между Украинскими поселянами, чему впрочемъ были виною обстоятельства, не позволявшія миѣ проживать долго на одномъ мѣстѣ и чрезъ то сближаться съ народомъ. Одинъ только разсказъ Ивана Бурдуна, стараго бондаря въ мѣстечкѣ Александровѣ, вознаградила меня за долгіе мои переѣзды по Чигиринщинѣ. Вотъ онъ.

ВЕРБОВКА ВЪ ГАЙДАМАКИ И РАЗВЯЗКА УМАНСКОЙ ТРАГЕДІИ 1768 ГОДА. (*)

Роска́зуе бу́ло покійний нашъ Гладкій, що гайдама́къ зъ са́мого початку прийшло́ зъ Січи въ Мотрени́нъ монасти́ръ тілько трі́, — ніби-то на поклоні́е. И такъ собі ніби нікѣмний наро́дъ, вахла́й такі... ходя́ть бу́ло схили́вшись. Оди́нъ же пішо́въ у Лебединській монасти́ръ, — зва́вся Демя́нъ Гни́да; а дру́гий, на прізви́ще Луско́нигъ, пішо́въ у Моше́нський монасти́ръ; а тре́тій, Ше́лестъ, zostáвся тутъ, у Мотрени́ному. Живе́ — ка́же — го́дівъ зо́ два и все́ ро́бить рати́ща, скупову́е жупа́ни, шарова́ри, шапки́, чо́боти. То, якъ хто спита́е: »На́ що се, бра́те?« — »Се«, ка́же, »пода́мъ у Сі́чь гости́нца, бо тамъ усе́ тее́ доро́ге, а наро́дъ зна́й прибува́е, то тру́дно на оде́жу.«

Ми жъ то́му й ві́римо: ду́маемо́, що спра́вді то ви́нъ хо́че пода́ти у Сі́чь гости́нца. Коли́ жъ иду́ — ка́же — я разъ до церкв́и у Мотрени́нъ монасти́ръ, ажъ ви́нъ, той Ше́лестъ, стои́тъ на сте́зці, са́ме на Спа́совімъ Яру́, и вже́ въ жупа́ні. Бо пе́рше, бу-

(*) *Переводъ.* — Разсказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамакъ съ самага начала пришло изъ Сѣчи въ Мотренинскій монастырь только трое — какъ-бы на поклоніе. И такъ себѣ какъ-будто ни къ чему годный народъ, такіе вахлаи ... ходяты бывало согнувшись. Одинъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, — звался онъ Демянъ Гнида; другой, по прозванію Луско́нигъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь; а третій, Ше́лестъ, остался тутъ, въ Мотренинскомъ. Живетъ онъ — говоритъ — года два и всё дѣлаетъ копыя, скупаеъ жупаны, шаровары, шапки, сапоги; и когда спроситъ кто-нибудь: »На что это, братъ, тебѣ?« — »Это«, говоритъ, »пошлю въ Сѣчь гостинецъ; тамъ все это дорого, а народъ всё прибываетъ, такъ трудно достать одежды.«

Мы то́му и вѣ́римо: ду́маемо́, что въ само́мъ дѣлѣ́ это онъ хо́четъ посла́ть въ Сѣ́чь гостинецъ. Какъ иду́ — говоритъ — я разъ въ церковь, въ Мотрени́нъ монасты́ръ, смотрю́ — онъ, зто́тъ Ше́лестъ, стои́тъ на тропи́нкѣ́, какъ разъ на Спа́совомъ Яру́, и ужъ́ въ жупа́нѣ́. Преж-

ло, х́одить у невирьнѣній свиточці, а тепѣрь вже — ка́же — на ёму́ жупанъ, синіи штани, ша́пка добра, ша́бля припа́сана, за по́ясомъ пистоле́ти, — геть все чы́сто.

»Здорóвъ«, ка́же, »брате Анто́не!«

»Здорóвъ!«

»Пристава́й«, ка́же, »вѣ козаки́!«

А я ка́жу: »Що́ жъ? у мене́ й ба́тько, й ма́ти, и брати́ есть, то бу́дуть мене́ ла́ять.«

»Да пристава́й«, ка́же: »у насъ бу́де до́бре, вѣ насъ та́къ бу́де, вѣ насъ та́къ бу́де. Ми, по́ки ві́ку, козаки́ козака́ми бу́демо.«

А ми́ні стра́шно; я й ка́жу: »Намъ и та́къ до́бре.«

»Да пристава́й!«

Я ще́ та́ки бою́сь.

А ви́нь: »Иди́ лишѣ́нь до во́за.«

Иду́, ажъ и ви́зòкъ за дере́вомъ стои́ть. А коло́ возка́ Жидь и Ляхъ лежа́тъ повязані́. Я якъ подивив́сь на нихъ: »Э, се жъ уже́ щось не до́бре, коли́ вяжу́ть!« да й стра́хъ мене́ ще́ бідьши́й узя́въ.

А ви́нь тя́гне зъ возка́ бокла́гу. »Пий!«, ка́же, »горі́лку!«

де бывало х́одить вѣ дрянной свиточкѣ, а тепѣрь ужъ — говори́ть — на немъ жупанъ, синіе штаны, хорошая ша́пка, са́бля припо́ясана, за по́ясомъ пистоле́ты — все, какъ слѣ́дуетъ. »Здорово«, говори́ть, »братъ Анто́нь!« — »Здорово!« — »Пристава́й«, говори́ть, »вѣ козаки́!« А я говори́ю: »Что́ же? у мене́ и отецъ, и ма́ть, и братья́ есть; бу́дуть мене́ бранити́.« — »Пристава́й«, говори́ть: у насъ хоро́шо тебѣ́ бу́детъ, у насъ бу́детъ та́къ-то и та́къ-то. Мы, пока́ живы́, бу́демъ козака́ми.« А ми́ѣ стра́шно, я и говори́ю: »Намъ и та́къ хоро́шо.« — »Да пристава́й!« Я все бою́сь. А онъ: »Поди-ка́ сюда́ къ возу.« Иду́, гля́дь — и теле́жка стои́ть за дере́вомъ. А подлѣ́ теле́жки лежа́тъ связа́нный Жидь и Ляхъ. Я, какъ посмотрѣ́ль на нихъ: »Э, пло́хо дѣ́ло, когда́ ужъ вяжу́ть!« и еще́ бо́льши́й стра́хъ на мене́ нашель. А онъ та́щитъ изъ теле́жки *бокла́гу* (плоскі́й бочо́покъ). »Пей!«, говори́ть, »водку!« А я го-

А я кажú: »Що жь, брáте? ще рáно, ще тiлько до церкóвъ задзвонiли.«

»Да пий«, кáже, »брáте! *Одинъ томú часъ, що бáтько въ плáхти.*«⁽¹⁾

Якъ узiявъ, якъ узiявъ коло мéне впадáть, — я, нiчого робить, напивсь трóхи.

»Пий ищé!«

Я щé напився.

»Приствáй«, кáже, »брáте!«

А я всё такi боюсь.

Тогдi винъ насыпавъ на долóню порóху, да ростёръ-ростёръ зъ горiлкою, да помáзавъ менé по видú, то такá зáразъ охóта взялá, що тiлько дай спiсь у рúки, здаётця бъ, пiшовъ да й душiвъ би всiякого.

Винъ зáразъ минi жупанъ, шáблю, пистолети припасавъ, убравъ менé зовсiмъ по-козáцки, и рáтище давъ.

»Ходiмо жь«, кáже, »за клéна, да тамъ и стiй, да хтó бъ нi йшовъ, хтó бъ нi iхавъ — бери й вяжi.

ворю: »Чтó же, братъ? еще рано, еще только что поблаговѣстили въ церквахъ.« — »Да пей, братъ!« говорятъ: »*одинъ томú часъ, що бáтько въ плáхти.*«⁽¹⁾ Какъ началъ онъ этакъ меня улаживать, я — нечего дѣлать — выпилъ немного. »Пей еще!« Я еще выпилъ. »Приставай, братъ!« говоритъ. А я всё таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, растеръ его съ водкой и какъ намазалъ мнѣ лицо, такъ мнѣ тотъ-часъ такая пришла охота, что только дай въ руки копье, — кажется, пошелъ бы и душилъ всякаго. Онъ далъ мнѣ тотъ-часъ жупанъ, саблю, привѣсилъ пистолеты, нарядилъ меня совсѣмъ по-козацки и копье далъ. »Теперь«, говоритъ, »пойдемъ за этотъ кленъ, тамъ стань и, кто бы ни шелъ, кто бы ни ѣхалъ, бери всякаго и вяжи. Пошелъ я — го-

⁽¹⁾ Пословица, относящаяся къ обычаю переодеваться въ разные платья на другой день свадьбы. Отецъ новобрачной переодевается женщиною и надеваетъ *плáхту* (тканую юбку).

Пішовъ — каже — я за клéна; коли жъ дивлюсь, ажъ усюди вже козакі й стоять по-за деревами. [А вінъ-то хотівъ, щобъ ніхто не давъ звістки у Жáботинъ команді.]

Поставивъ менé: »Гляди жъ, добре пильну́й, щобъ ніхто не пройшовъ, ні проїхавъ.«

Отъ я постóявъ тамъ трóхи, по́ки той ча́дъ пройшовъ, да по́тімъ якъ одумаюсь, якъ схоплюсь на рáтище, да якъ пуццусь до́дому!

Прибігъ, а бáтько: »Де се ти бувъ?«

»Біда«, кажú, »тáту! Шéлестъ козаківъ ужé збíрае!«

Отъ бáтько пола́явъ менé трóхи да й ка́же: »Ховайся жъ, вра́жий сiну! атó бúде тобі одъ ёго ли́хо!«

То я якъ пішовъ хова́тьця, то хова́вся ажъ три го́ди.

А Шéлестъ якъ почу́въ, що вже ко́манда про ёго зна́е и пішла на Ведме́дівку, на Писа́рську Га́ть, то зобра́въ, са́ме на Святу́ Неділю, двісті козаківъ, да пря́мо у монасти́ръ. Да чу́дно, що де тiі козакі удру́гъ узяли́сь, де вони й ко́ней набра́ли, и усёго! А наро́дъ тiлько що зъ цéркви почавъ вихо́дити, ажъ сiі назу́-

ворить (Гладкiй) — за клень; смотрю — уже вездé козаки стоять за деревами. [А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не передалъ вѣсти командѣ въ Жáботинъ.] Поставилъ онъ меня. »Смотри же, хорошенько сторожи, чтобъ никто не прошелъ и не проѣхалъ.« Вотъ я постоялъ немного, пока тотъ угаръ прошелъ, а потомъ какъ опомнюсь, какъ прыгну, опершись на копьё, какъ прибѣгу домой! Прибѣжалъ, а отецъ: »Гдѣ это ты былъ?« — »Бѣда«, говорю, »тáто! Шéлестъ козаковъ ужъ собираетъ!« Отецъ побранилъ меня немного и говоритъ: »Скройся же, вражий сынъ, ато будетъ тебѣ отъ него бѣда!« Я, какъ пошелъ скрываться, то цѣлыхъ три года прятался.

А Шéлестъ, какъ услышалъ, что уже команда про него знаетъ и пошла на Ведме́довку, на Писа́рскую Га́ть, то собралъ, въ самую Святу́ю Недѣлю, двѣстѣ козаковъ и прямо въ монастырь. И дивно, оттуда тѣ козаки тотъ-часъ явились, гдѣ они добыли лошадей и всего! Народъ только что началъ выходить изъ церкви, а они навстрѣчу. Народъ такъ и

стрічь. То нарѣдъ такъ и шарáхнувъ зъ монастиря: »Э, се жъ Гайдамаки!« А Шелестъ и почавъ гулять съ козаками. Музики, пісні, тáнци!

А ченці нічого їмъ; сидять собі по келіяхъ, бо давнѣще про тее знали. Ще, скѣро Шелестъ прийшовъ у Мотренинській лїсь... а тамъ тогдї булі великіи трущоби, гущина непроходїма, и живь тамъ у лїсѹ одїнь чернець — ще й досї келїйка стоїть — то вінъ и сказавъ томѹ ченцевї: »Идї«, каже, »звїдсі, ѳтче; тутъ тобі не жїть, бо тутъ козаки бѹдуть; тутъ бѹде такє, тутъ бѹде такє.« То чернець и зїйшовъ съ того мїста и вкопавъ собі у дрѹгїмъ мїсті печєру, — такъ, мѣже, якъ до того плетня по-пїдъ землею муръ стоїть.

Отъ же, погулявши-то тамъ Шелестъ съ козаками, и повївъ їхъ у лїсь на Сїчь. А тамъ єсть такє мїсто у Мотренинському лїсѹ, що и звїдсі байрáкъ, и звїдти байрáкъ, а по серєдинї такъ якъ шпїль стоїть. То вони на тїмъ шпїлику обрубáлись и жилї гѣдївъ зѣ три. Оцє, булѣ поїде їхъ чоловікъ дєсятъ, пятнáдцятъ, да

бросїлся уходить изъ монастыря. »А, это гайдамаки!« А Шелестъ и ну гулять съ козаками. Музыка, пѣсни, танцы!

Чернецы же ничего имъ; сидятъ себѣ въ кельяхъ: они давно про то знали. Еще какъ только пришелъ Шелестъ въ Мотренинскїй лѣсъ... а тамъ были тогда большїя трущобы, густота непроходимая, и жилъ тамъ въ лѣсу одїнь чернець — и до сихъ поръ еще стоїть келїйка — такъ онъ и сказалъ томѹ чернецу: »Подї«, говоритъ, »отсюда, ѳтче; тутъ не жить тебѣ, затѣмъ что здѣсь будутъ козаки, тутъ будетъ то и то.« Такъ чернець и сошелъ съ того мѣста и вырылъ себѣ въ другомъ мѣстѣ пещєру, — такъ, можетъ, какъ вонъ до этого плетня, стоятъ подъ землею стѣны.

Вотъ, погулявши тамъ Шелестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ Сїчь. А тамъ єсть въ Мотренинскомъ монастырѣ такое мѣсто, что съ одной и съ другой стороны бѹеракъ, а посрединѣ — точно шпїль стоїть. На томъ шпїлѣ они сдѣлали засѣку и жили года три. Бывало поїдетъ человекъ дєсятъ, пятнáдцать ихъ, схватятъ какогѣ-нїбѹдъ человекá

попадуть яко́го чоловіка, и дава́й му́чить, щобъ каза́въ, у когò е гро́ши, абò хоро́ша оде́жа; да прійду́ть у но́чі да й деру́ть; такъ що вся́ку нічъ бу́ло лю́де виби́раю́тця спатъ у бурья́нъ. Тільки ча́сомъ и въ бурья́ні знахо́дили. А кома́нда до їх не прихо́дила, бо й сама́ боя́лась. Да щò тамъ ти́и й кома́нди бу́ло!

Отгò якъ зіб́ралось їх у ко́жному манасти́рі по триста чо́ловікь, то й Залі́знякъ зъ Запоро́жжя прі́хавъ, да зобра́вшивсь до-ку́пи, усі́хъ девять-со́тъ чо́ловікь, и ру́шили въ По́льщу. Прийшли́ въ Тальне́, а тамъ я́рмарокъ: то я́рмарокъ такъ и суну́въ! А Залі́знякъ посла́въ за́вертатъ: »Не бійте́сь, лю́де до́бри, не бійте́сь: ми васъ не заче́пимъ; гуля́йте собі́ й базару́йте!«

А зъ Тально́го пішли́ до У́маня. И тамъ те́жъ я́рмарокъ. Да якъ побачили́, що́ йде Залі́знякъ, то я́рмарокъ у за́мокъ и за́персь. А вони́ за́мокъ узяли́ да й ви́різали усі́хъ Ляхівъ и Жи́дівъ. То ка́за́въ ми́ні Лопáта [а той Лопáта да бу́въ три го́ди чу́рою при Залі́зняку], то ка́за́въ, що́ отгáкъ изъ за́мку кровъ́ бі́гла. ⁽¹⁾

и давай мучить, чтобъ говорилъ, у кого есть деньги, или хорошая одежда: а потомъ придутъ ночью и грабятъ; такъ что всякую ночь бывало лю́ди уходя́тъ спатъ въ бурья́нъ. Но иногда и въ бурья́нѣ гайдамаки ихъ находили. Команда же къ нимъ не приходила: затѣ́мъ что и сама́ боя́лась. Да сколько было всего той команди!

Вотъ, какъ собрались въ каждомъ монасты́рѣ по триста чело́вѣкь козаковъ, то и Зализнякъ изъ Запоро́жья прі́ѣхалъ; собрались они всѣ́, девять-со́тъ чело́вѣкь, и двинулись въ По́льшу. Пришли́ въ Тальне́, а тамъ я́рмарка; я́рмарка такъ и рыну́лась прочь! Зализнякъ посла́лъ козаковъ воротитъ ея́ назадъ: »Не бойте́сь, лю́ди до́брые, не бойте́сь: мы васъ не тронемъ; гуля́йте себѣ́ и торго́уйте!«

А изъ Тального пошли́ къ У́маню. И тамъ то́же я́рмарка. Какъ уви́дѣли, что́ идетъ Зализнякъ, то я́рмарка за́перлась въ за́мкѣ́. А гайдамаки взяли́ за́мокъ и вы́рѣзали всѣ́хъ Ляховъ и Жи́довъ. Разказыва́лъ ми́ѣ Лопáта, [а тотъ Лопáта былъ три го́да чу́рой (слуго́й) при Зализнякѣ́]. что́ вотъ какъ изъ за́мка кровъ́ бѣ́жала. ⁽¹⁾ Завладе́въ У́манемъ,

⁽¹⁾ Разкази́къ показа́лъ на косточку но́ги.

Отъ, якъ опановали Умань, то й поставили усюди свій карауль. Коли жъ и ідуть два Дони : оди́нь ніби - то старший, а дру́гий прости́й. Зализнякъ принявъ їхъ за гостей; угощає такъ, що куди! Ажъ ось, трі́хи згодомъ, іде зновъ три Дони. Вінъ и тихъ принявъ. Коли жъ іде чоловіка вже пять гусарь. Тоді вінъ и постерігъ уже, що біда буде, да й зовє Лопату, свого чуру. А се самъ Лопата й розказувавъ мині.

»Иване!« каже.

А я — каже — кажү: »Чого батьку?«

»Иди липгъ«, каже, »сюді!«

Я — каже — й пішовъ, такъ изъ-за гру́би въ гра́пськихъ домахъ.

Вінъ узявъ, розщепнувъ каптанокъ, розщепнувъ чересь коло себе, такъ якъ кичка набитий червінцями. »На«, каже, »тобі сей чересь; якъ вивезешъ, то будешъ менє згадувать.«

»А ви жъ, батьку?«

»Ә, ми«, каже, »түть пропадемо!«

Уже постерігъ сердешний.

Кажү: »Якъ же я звідсі вийду?«

поставили вездє свой карауль. Какъ вотъ — и їдутъ два Донца: одинъ какъ-бы старшина, а другой простой. Зализнякъ принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ, что куды! Какъ вотъ, спустя немного времени, їдутъ опять трое Донцовъ. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ їдетъ человекъ уже пять гусарь. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда, и зоветъ къ себѣ Лопату, своего чуру. А это самъ Лопата и рассказывалъ мнѣ. »Иванъ!« говоритъ. А я — говоритъ — говорю: »Что, батько?« — »Поди-ка«, говоритъ, »сюда!« Я — говоритъ — и пошелъ такъ, изъ-за печки въ графскихъ хоромахъ. Онъ разстегнулъ полукафтанье, разстегнулъ на себѣ чересь (кожаный поясъ), такъ какъ на хомутѣ кичка, набитый червонцами. »Возьми«, говоритъ, »себѣ этотъ чересь; коли вывезешь, то будешь вспоминать меня.« — »А вы, батько?« — »Ә что! намъ«, говоритъ, »тутъ погибать!« Уже догадался сердечный. »Какъ же«, говорю, »мнѣ отсюда выдти?« — »Возьми«, говоритъ, »моего коня за по-

Кáже: »Візьмі мого коня да веди до води. Якъ стануть тебе питать: Куди йдешъ? то ти скажи, що поведу́ батькового коня наповати, то вони й пúстять.«

Коли жъ я вигляну съ хати, ажъ ужé вяжуть гайдамакъ. И оцé звяжуть двохъ за рúки, спúнами одинъ до одного, да й мiшокъ землi на рукахъ положать; то вони бiднии й стоять такъ по двóе вкúшi. А я взявъ коня да й веду́. А вже всюди Москóвська сторожа стоить; и питають мене: »Куди йдешъ?«

»Поведу́«, кажу́, »батькового коня наповать.«

То вони й пустили.

Отъ я напоивъ коня, и вже бъ то трéба минi втiкати; да такъ мини стáло ёго жаль! Дúмаю собі: »Верну́сь!«

Тiлько що вибривъ зъ води, ажъ бiжить зъ мiста козакъ, ужé на Жидiвскому конi: »Куди?«

»Поведу́ батьковi коня.«

»Ужé«, каже, »батька чортъ узявъ, и тебе вiзьме.«

Да рвонé вь мене зъ рукъ того коня, а мини кiнувъ Жидiвского. »Нумъ«, каже, »втiкати!«

Кiнулись ми втiкать, а за нами два Дóни. То гнáлись за на-

вoдья. Когда сиросятъ тебя: Куда идешь? то ты скажи, что ведешь *батькина* коня къ водопою; такъ они тебя и пропустять.«

Посмотря́лъ я изъ хаты — уже вяжуть гайдамакъ. Свяжуть двоихъ руками и спинами одинъ къ другому да и землi мiшокъ положать; такъ они бeдныe и стоятъ вмeстe. А я взялъ коня и веду. А всюду уже Московская сторожа стоить; и спрашиваютъ меня: »Куда идешь?« — »Поведу́«, говорю, »батькина коня къ водопою.« Они меня и пропустили.

Вотъ я напойлъ коня, и ужъ нужно бы мнe уходить, но такъ стало мнe жаль *его?* и думаю себe: »Ворочусь!« Только что выбрелъ изъ воды, какъ скачетъ изъ города козакъ — уже на Жидовскомъ конe: »Куды?« — »Поведу́ батьку коня.« — »Ужe«, говоритъ, »батька чортъ взялъ, и тебя возьметъ!« и вырвалъ у меня изъ рукъ коня, а мнe броси́въ Жидовского. »Уходи«, говоритъ, »со мной!« Поскакали мы опрoметью,

ми одъ півдня до самої ночі, да вже ажъ коло Тального згубили насъ у лісу. А ми їхали додому двоє сѣтокъ, блукали все по закуткахъ и нічогосінько не іли. А всюди вже стоить сторожа: ловлять гайдамакъ. Приїхали ніччу до Кальнихъ Болотъ, а козакъ каже: »Ось потривай лишъ, я тутъ бродъ знаю.«⁽¹⁾

Стали брісті, а коні въ воді якъ захлюпостали, то тутъ за нами: »Лови! лови!«

Ми по коняхъ! А козакъ хотівъ ратище поправитъ, да якъ підперъ менé підъ чересь, — такъ и перерізавъ. Чересь у воду тільки брязъ!... пропали грóши!

А ми, якъ ускóчили въ лісъ, то полягали на коней да тільки ногами поганяемъ, — неси куди хочъ! Да якъ приїхали додому, то ще довго я ховавсь, поки усовітовали батьку люде пійти до губернатора да сказати, що я на тимъ боці жито перевивавъ. То ще мусивъ батько іздити на той бікъ за свідѣтельствомъ одъ громади, да, напоївши громаду, й привізъ мині тее свідѣтельство. То вже тогді я міжъ люде показавсь.

а за нами вслѣдъ два Донца. И гнались опи за нами до самої ночі, да ужъ подлѣ самого Тального потеряли насъ въ лѣсу. Мы їхали домой двое сѣтокъ, бродили всѣ по скрытымъ мѣстамъ и ничего, ничего не ѣли. А вездѣ ужъ стоить сторожа: ловять гайдамакъ. Приїхали ночью къ Кальни-Болотамъ; козакъ и говорить: »Погоди-ка, я тутъ бродъ знаю.«⁽¹⁾ Начали мы брестъ, а лошади въ водѣ заплоскались, такъ тутъ за нами: »Лови! лови!« Мы по лошадямъ! А козакъ хотѣлъ копьѣ поправить, да какъ подеунулъ мнѣ подъ чересь — такъ и перерѣзалъ. Чересь въ воду — только брякъ!... пропали деньги! А мы, какъ вѣждали въ лѣсъ, то прилегли на коняхъ и только ногами поганяемъ — неси, куда хочешь! И какъ приїхали домой, то еще долго я прятался, пока люди присовѣтовали отцу пойти къ губернатору и сказать, что я на той сторонѣ (Днѣпра) жито вѣялъ. Такъ отецъ принужденъ былъ ѣздитъ на ту сторону за свідѣтельствомъ отъ громады (общества) и, напоївши громаду, привезъ мнѣ свідѣтельство. Тогда только я появился между людьми.

(1) Черезъ рѣчку Гнилий Тікичъ.

Оттакè-то колись діялось! Лопáта вже той давно вмеръ, и слухъ затихъ объ гайдмакахъ. Да бувъ я разъ у Манастирищи; а за Манастирищемъ есть ями глибокии; то я ставъ да й дивлюсь: що бъ се за ями були? Коли жъ идè старий чоловікъ. »Дідусю!« кажу, »що оцè за ями такі?«

»А ти«, каже, »хибá не тутешній?«

»Ні«, кажу, »я здалéка, ажъ изъ Чигиринського повіту.«

»Оцè жъ«, каже, »ваші Чигиринські гайдамаки лежать. Тутъ ихъ порубано ажъ девять-сòть; и якъ навалили землею, то кровь изъ ямъ свистála вгòру заввишкі съ чоловіка. А чи бачишь три хресті гень-гень стоять? Отó лежать ихъ ватажки. Тамъ порозстрéлювали Шéлеста, Лусковóга и Гниду.

Тотъ же старикъ сообщилъ мнѣ воспоминаніе о поединкахъ у Запорожцевъ, совершенно для насъ новое.

ПОЕДИНКИ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ. (*)

Запорозці, скóро булò заспорять, зàразъ на поединокъ на pistolèти. Розстèлють бóрку; оди́нь на одному́ рижку́ стáне,

Такія-то дѣла когда-то творились! Лопата тотъ давно ужъ умеръ, и слухъ замолякъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ Монастырищѣ; а за Монастырищемъ есть глубокія ямы. Я сталъ и смотрю: что бы это были за ямы? Какъ вотъ идетъ старикъ. »Дѣдушка«, говорю, »что это за ямы такія?« — »А ты«, говоритъ, »развѣ не здѣшній?« — »Нѣтъ«, говорю, »я издалека, изъ Чигиринскаго повѣта.« — »Это«, говоритъ, »ваши Чигиринскіе гайдамаки лежатъ. Тутъ девятистамъ имъ отсѣкли головы, и какъ навалили землю, то кровь изъ ямы свистѣла къ-верху вышиной въ человѣка. А видишь ты вонъ, вонъ три креста стоятъ? То лежатъ ихъ отаманы. Тамъ разстрѣляли Шéлеста, Лусковóга и Гниду.«

(*) *Переводъ.* — Запорожцы лишь только бывало повздорять, тотъ-часъ и выходятъ на поединокъ на pistolèтахъ. Раскинутъ бурку; оди́нь

а другий на другому, да й стреляють. Отó вь їх тілько й судá.

Помѣщенныя вь этомъ томѣ думы и преданія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, вь какомъ свѣтѣ представляется Малоросійскому простолюдину историческая старина его и вь какихъ формахъ онъ передаєть ее будущимъ поколѣніямъ. Но чисто фантастическій міръ Малороссіянина-поселянина гораздо шире и роскошнѣе міра фактовъ. Чтобъ дать читателямъ понятіе о силѣ воображенія и живописности мечтаній моего родного племени, помѣщу, вь заключеніе перваго тома Записокъ моихъ, одинъ изъ фантастическихъ народныхъ рассказовъ, не рѣшаясь однакожь переводить его, изъ опасенія впасть вь несоотвѣтственный подлиннику товъ рѣчи, что было бы почти неизбѣжно.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПО ТОМУ СВѢТУ. (1)

Мóже, не булó її на всёму свѣтѣ кращихъ-дѣтокъ, якъ у нашої паніі. Булó вь її двѣ дочечки. Стáршеньку звали Ганнуса, а мѣншеньку Катруся. И щó жъ то були за дѣтки, коліи бъ ви їхъ

станеть на одномъ углу, а другою на другомъ, и стрѣляютъ. Вотъ у нихъ и вся расправа.

(1) Желаніе народа проникнуть вь тайны загробной жизни удовлетворяется у насъ вь Малороссіи рассказами стариковъ и старухъ, которые *обмирали*, т. е. лишались на время признаковъ жизни. На распросы окружающихъ, что съ ними было во время ихъ обмиранья, они не обинуясь отвѣчаютъ, что были на томъ свѣтѣ, и рассказываютъ разныя видѣнія, сообразныя съ понятіями слушателей о наказаніяхъ за злыя и наградахъ за добрыя дѣла. Я полагаю, что эти рассказы и рассказыцы не совсѣмъ ясно сознають свой обманъ, такъ какъ сами они ни мало не сомнѣваются вь возможности своихъ видѣній. Образы мукъ и радостей загробныхъ впечатлѣны у нихъ вь воображеніи съ дѣтства; они только приспособляютъ ихъ къ лицамъ, отшедшимъ вь вѣчность изъ ихъ околотка, подобно тому, какъ Данте, вь своей поэмѣ, сажалъ вь адъ и вь рай Флорентинцевъ и Итальянскихъ героевъ. Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на

бачили! Якъ дві зірочки Божі на небі. Отъ же не довго й повтішалась ними бідна наша пані: забравъ їхъ обохъ Господь милосердний; бо се вже звісна річъ, що Господь краще собі берé, а плóхше людянь оставляе. И щó жъ то попоплакалась и по вбивалась за ними наша пані! Правдиво скáзано, що якъ мати плаче, то мовъ річка ллетця.

Отó жъ разъ привели до неі одну нашу таку бабу, стару престарéнезну, що недáвно обмирала и на тймъ світі була, и все бачила, щó тамъ дiетця съ помёршими душами, — чи не потішить вона її якою звісткою. Привели, то Явдоха наша приступила таку до пані та й каже: »Добрóдiйко! ось прийшла стара Дубiнниха, що обмирала й на тймъ світі була, и все бачила, щó тамъ рóбитця съ помёршими душами. Спитали бъ ви її, чи не потішить вона васъ якою звісткою.«

То пані підвела трóхи гóлову та й дивитця на ту Дубiнниху... А Дубiнниха стоить передъ нею стара, престарéнезна, ажъ страшна: скáзано — съ тóго світу повернена.

»Такъ ти на тймъ світі була?«

»Була, мой добрóдiйко.«

»Щó жъ ти тамъ бачила?«

»Усе бачила, добрóдiйко, щó дiетця съ помёршими душами.«

»А бачила жъ ти тамъ мою Ганнусю й Катрусю?«

простые умы свидѣтельство старика, или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости; слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разказа; и, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ, въ болѣзненномъ состояннiи мозга, легко можетъ выдавать то, что рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ. Повѣрѣя о *помершихъ душахъ* слышалъ я въ разные времена, отъ разныхъ лицъ. Они обыкновенно сходны между собою въ общемъ и варьируются только въ частностяхъ. Я собралъ граціознѣйшія черты этихъ разказовъ въ послѣдовательную повѣсть о загробной жизни, и такимъ образомъ предлагаемая статья получила нѣкоторую обработку, которой обыкновенно нѣтъ въ неромованныхъ созданiяхъ народной фантазіи. Надѣюсь, однакъ, что моя компиляція сдѣлана въ духѣ народной поэзіи и не уменьшила цѣны игры необразованнаго воображенія.

»Бачила,« каже, »й Гавнүсю, бачила й Катрүсю«

Пані ажъ зъ ліжка скочила: »Що жъ вони тамъ роблять?«

»Мати Бóжа панчішку плетé, а вони передъ нею золоті клубочки держать.«

Такъ такі й каже: »Мати«, каже, »Бóжа панчішку плетé, а вони передъ нею золоті клубочки держать.

Пані моя якъ почула се, то зъ радості й слова не вимовить; а далі якъ кінетця навколішки передъ образомъ... А въ нéй въ опочивальні образъ стоявъ, великий да гáрний: намалёвана Пречйста зъ дитиною: мовъ жива дівитця зъ малёвання. Якъ кінетця вона передъ той образъ, якъ зціпить руки, якъ заплаче! А ми всі стóячи й собі заплакали.

»Мати«, каже, »Бóжа, Царице небéсна! ой якъ же ти моé серце втішила, що ти моіхъ дітокъ, якъ сирітокъ, приголубила!

Та плаче жъ то гірко, та все дякуе! А ми й собі сто́я плачемо.

Далі отó вже вгамовалась, переплакала та й веселійша трóхи ста́ла. Роспитуе въ тиéі Дубінихи: »Бабүсю«, каже, »голубонько! скажи жъ міні, що тамъ ищé діетця съ помéршими дүшами?«

»Ой пані«, каже, »зозу́ле моя! чи можна жъ те язикомъ зговоріти, що тамъ на тімъ світі діетця? Хоча-бъ, здаётця, не пивъ и не ивъ, а все роска́зувавъ, то й тоді бъ не переговори́въ усéго...

»Отó«, каже, якъ прийшла вже міні година вмирати, то смерть и ста́ла съ косо́ю въ менé въ нога́хъ. Якъ ста́ла, то но́ги такъ и похолóли.«

А ми стоі́мо, та слүхаючи морóзъ такъ и пішо́въ у насъ поза спи́ною.

»Далі«, каже, »и живіть, и ру́ки, и все такъ и похолóло... Дивлюсь, ажъ вона вже въ менé въ голова́хъ. Якъ замахне косо́ю, то душа́ тілько пүрхъ! такъ якъ пташка вилетіла та й полетіла, полетіла по хаті, и сіла въ кутку́ на образі, підъ са́мою стéлею. А гріхі́ ста́ли на порóзі та й не пускають души́ съ

хати. Отъ, я, каже, »бачу, що нікуди вийти; дивлюсь, ажъ вікно очинене. Я— пұрхъ у вікно! и пішла, пішла подемъ. Легко та любо мині такъ, мовъ заразъ на світь народилась. Дивлюсь, ажъ не сама я йду, а веде мене якийся дідъ, а куди вінъ мене веде, боюсь спитатись.

»Идемó, коли жъ гризұтця два собáки надъ шляхомъ, такъ гризұтця, такъ гризұтця! А дідъ и каже: »Се не собáки, се два »браті, що погризлись та й побілились, идучі степомъ. То Богъ и »сказавъ: Коли вже й рідні браті бьютця, то де жъ бұде те »добро міжъ людьми? Нехай же« , каже, »стануть вони собáками и »гризұтця, поки не бұде їхати Мартиримьянъ.« Такъ и сталось по Бóжому. Ми вже й минұли їхъ, а вони все вищять та гризұтця.

»Идемó« , каже, »степомъ; коли жъ йма така глибоченна, що й два невидно. Дідъ каже: »Лизь!« А я боюсь. »Лизь!« каже. Мусила я полізти. Гляну, ажъ се вже другий світь. Скрізь сидять помёршиі дұши, усé по статтямъ: молодіі въ молодій статті, е старіі въ старій, и хто якъ на сімъ світі заслуживъ, те й на тімъ світі приймае. Хто старцямъ милостивю подававъ, то все те передъ імъ и лежить: чи шматокъ хліба, чи кільце ковбаски, чи оáла кришенникъ, то все такъ на столахъ передъ ними й лежить; а хто не дававъ, то такъ сидять.

»Идемó« , каже, »ажъ ходять волі въ такому спашұ, що й ригъ невидно съ траві, а самі худі, худі, якъ дошка. А біля їхъ ходять волі по самій землі— ні травинки підъ ногами нема, да жиръ ажъ по землі тиліпаецця. Отъ дідъ и каже: »Оцé« , каже, »що худіі волі, то то багаті люде, що жили самі въ рóскоші, а »біднимъ не помагали; а ситіі волі, то то бідні люде, що одъ »свого рóта одиймали та старцямъ изъ посліднёго давали. Отъ »же вони теперъ и ситі і напоені, а тіі по рóги въ спашұ, та худі, »якъ дошка.« Такъ-то на сімъ світі и багатіі, и хорóшні, и ща-

сливни — усі помруть, усі минётця. Сказано: *Сей світъ — якъ макієць цвітє, день цвітє, а въ-ночі опадє!*

»Идемó«, каже, »ажь міжь двомá дубáми горить у пóломý чоловікъ и кричить: »Ой, пробі! укрійте менє, бо замєрзну! ой укрійте менє, бо замєрзну!« Дідъ и каже: »Оцє«», каже, »той чоловікъ, що просився до єго зимою въ хату подорóжній, а на дворі булá метелиця та хуртовина, а вінъ не пустивъ, дакъ той и змєрзъ підь тиномъ. Оцє жь тепєрь вінъ горить у пóломý, а єму щє здаєтця, що холодно, и терпить вінъ такú мýку, якъ той подорóжній тершивъ одь морóзу.«

»Идемó«, каже, »дальшє, коли жь лежить чоловікъ коло кри-ниці; течє єму ривчакъ черезъ ротъ, а вінъ кричить: »Пробі! дайте напíтьця! пробі! дайте напíтьця!« Дідъ и каже: »Сей«», каже, »не давъ чоловікови въ живá воді напíтьця. Жавъ вінъ на ниві, ажь идє старчикъ дорóгою, а жарá велика, Спасівська. »Ой«», каже, »чоловіче добрий! дай, радí Христа, воді напíтьця!« А вінъ єму: »Оцє жь для тебе вивизь! Віллю на ниву, а не дамъ такому дармоїду, якъ ти!« То отъ, тепєрь єму ривчакъ черезъ гóрло бижить, а вінъ щє пить прóсить, и до віку вічного бúde єму такъ жарко да тяжко, якъ томú старцеві, що йшовъ до-рóгою.«

»Идемó«, каже, »ажь кипить у смолі жінка, а передь нею цибулька лежить. Дідъ и каже: »Се«», каже, »мучитця такъ мати вáшого старóго титаря Онисима, що булó все старцівъ годýє та біднимъ помагáє, а ніколи жодної душі не обидивъ и ні въ одномú слові не збрехавъ. Булá вона багáта, та скнара, що одь неі ніхтó й хлба кускá не бачивъ. Отó разъ полóбла вона цибулю, ажь идє поузь воръє дідь-старєць. »Подарй«», каже, »папí-мáтко, радí Христа!« Вона вёрвала стрілку: »Приймй«», каже старче Бóжий.« Тільки жь одь неі й бачили. Отъ, якъ умєрла, то вже звісно — тутъ своá дорóга, а тамъ тебє поведуть. Взяли

»іі небóгу та й потягли вь пекло. А Онисимъ и побачивъ зь неба, »що вона велику мýку приймає, та й каже: »Бóже мій милий, »Спасе мій Христé! за всю мою щирость, за всю мою правду, »зроби миши такú ласку: нехай и моя мати бóде вь раю зо мною.«
»А Христóсь и рече ёму: »Ні« , каже, »Онисиме! вельми »грішна твоя мати. Візьми хйба отú цибульку, що лежить передь »нею, та коли витягнешъ іі съ тиі бэдни, то нехай и вона бóде »вь раю съ тобою.« Узявъ вінъ тую стрілочку та й подавъ ма- »тері. Схопилась вона за неі... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне »сь пекла! бо щó-то Бóжому святóму? Ажъ ні: якъ поначіплюва- »лись ій и вь плахту, и вь намітку грішнии дýши, що бъ и собі съ »того пекла вибратьця, то й не здержала тая цибулька: перерва- »лась, а вона такъ и бóвтнула вь гарячу смóлу!«

»Идемó« , каже, »щє дальшъ, ажъ стоить по поясъ у жару, такъ якъ горщóкъ на припічку, нашъ покійний Бабинець, що ще якъ пáрубкомъ бувъ, то обмиравъ. Я й пізвала ёго. »За що се ти« , кажý, »Семéне, такú мýку приймаєшь?« — »Щó жъ« , каже, »бабýсю? якъ обмиравъ я пáрубкомъ, то хóдивъ усюди по дру- »гóму світу, усякі мýки бачивъ, а далі зайшовъ до якогось дiда. »Сидить и всє до кúпи ліка звязує. Оцє одріже одъ жмýтка два »шматóчки, та звяже до-кúпи та й повисить на кiлóчку, одріже, »звяже та й повисить на кiлóчку. »Дидýсю!« кажý, »що оцє »ви рóбите?« — »Се« , каже, »я пáри парýю.« — »А »моя жъ пáра тутъ єсть?« — »Єсть« , каже: »ось де« та й, »звязавъ и повисивъ на кiлóчку. »Якъ же миши пізнати свою »пáру?« — »А ось якъ: Якъ пiйдешъ ти на святкáхъ у корчмý »та заграють музiки, то вона пёрша пiйде вь танецъ, бо вона »охóча до музiкъ: отó жъ твоя й пáра.« А я, грішний, и по- »дúмавъ: »Колі жъ бóде хорóша, то бóду сватать, а якъ-жє по- »гана, то візьмý кáменя зь собóю та и вбóю.« Узявъ кáме- »ня и пішовъ до корчми. Колі жъ, скóро заграли музiки, ажъ и »вийшла, та така жъ нечумáзна! Я якъ хряпну іі кáменемъ по го- »віло, а самъ навтiкача! Та якъ пішовъ, то волочивсь рóківъ,

»може зб'є два, и вже де не св'ятась? ніхто не йде та й не йде за мене. То я собі й думую: »Пійду ще вь инше село, та зачну »св'ятатьця съ крайней хати, не мин'аючи жодної; може, чи не »оддасть хто.« Иду, ажъ стоить сельце. Отъ я вь крайню хату. Дивлюсь — дівчина гарна, чи вже, може, такъ мині тогді »здалось. Ставь св'ятать — оддали. Ото жъ и ставъ я жить изъ »нею. Та разъ у св'ято зібрались жінки до-купы пообідавши, та »й ськаютця собі підъ хатою у холодку, А одна ськае мой жінци вь голові та й питае, а я й чую: »Чого се« , каже, вь тебе »шрамъ у голові?« — »Се я« , каже, »ще дівкою гуляла »разъ на св'яткахъ у корчмі; а одинъ вражий синъ здуривъ, чи »впився, — ухопивъ каменюку та мене по голові; то трохы не вмёрла; та вже якось одх'яли.« А я слухаю та й догадавсь, що се »та сама, що звязавъ мині Богъ у пару!... Отъ за те-то я теперъ »у жару по поясь стою, що пішовъ противъ Божої волі.«

»Идем« , каже, »ще дальшъ, ажъ гайдамака, такий старий та здоровенний, гадъ руками зъ ями до ями носить, а черті б'єстями ёго поганяють. Дідъ и каже: »Сеи« , каже, »багацько натворивъ »гріхівъ на тімъ світі, и покуту велику видержавъ, — и покута ёго не слобоніла. Тяжко великі гріхи ёго! за те вінъ и мучитця гіршъ надъ усі грішні д'уши. Довго розбивавъ вінъ народъ, різавъ старого й малого, далі одумавъ та й пішовъ сповідатьця. Прийшовъ до одного попа: »Вісповідай мене, паноче, та накинъ яку покуту« — »Які жъ твої гріхи?« — »Оттакі й такі: багацько я д'ушъ изъ світа зогнавъ, и отця й матір'я убивъ.« — »Э, на такі гріхи нема вь мене покути!« »Вінъ уз'явъ та и вбивъ того попа. Иде до другого: »Вісповідай мене, паноче, та накинъ покуту.« — »Які жъ твої гріхи?« — »Оттакі й такі.« И той каже: »Нема на їх покути.« Вінъ и того вбивъ. Дали бачить, що ніхто ёго не »вісповідае, почувъ, що есть десь такий піпъ, що ще маленькимъ батько продавъ ёго нечистому, за те, що помігъ у дорозі »вирядовати воза съ калюжи; такъ вінъ и вь пеклі вже бувъ, та

»якось викрутивсь звідти и зробивсь попómъ. »Пійду жъ« , каже,
 »я шукать сёго попа: сей ужé певнае пакіне на менé покúту.«
 »Идé, ажъ той піпъ и иде ёму назустрічъ. Питаётця: »Чи ти бóувъ
 »у пéклі?« — »Бóувъ.« — »А чи бачивъ же ти тамъ мій па-
 »трётъ, мою дýшу?« — »Бачивъ.« — »Що жъ вона тамъ
 »рóбитъ?« — »Гадъ« , каже, »рукáми зъ ями до ями нó-
 »сять, а чортí бóстами и поганяють.« (1) — »Ну« , каже, »ко-
 »лі ти вже и съ того світу вернóувсь, то ти на менé накинешъ
 »покúту.« — »Які жъ твоі грíхі?« — »Оттакі й такі: ба-
 »гáцько я дúшъ изъ світа зогнáвъ и отця й мáтрíъ убíвъ.«
 — »Э, тяжкí« , каже, »твоі грíхі!« Та повíвъ ёго на гó-
 »ру, на могилкí, та й каже: »Вíзьмі жъ« , каже, »ти оцю ябл-
 »нёву пáлку; вона мнi ще одъ мого дiда достáлась; та но садí
 »и отгúтъ на могилкáхъ, та чи бачишъ генъ—генъ у полі крини-
 »ця? Ходí ти рáно й вéчiръ до тi криници, носí вóду рóтомъ
 »и поливáй сю пáлку. Колí вона прійметця и вiросте зъ неí
 »яблуня, и поспíють яблúка, и ти ихъ усi стрóсишъ, тогдi спа-
 »дúтъ съ тебе и всi грíхі твоi.« Сказáвъ та й поiхавъ собi.
 »Отó жъ, рóкiвъ, мóже, черезъ грíдцятъ, иде зновъ той піпъ черезъ
 »той лiсь, мiмо тихъ могилóкъ, иде, та такъ ёму звiдкись запáхли
 »яблúка! Гляне, ажъ на могилкáхъ такá хорóша та рясна яблуня
 »стоiтъ! а на яблунi яблúчка все срiбнi, тiлько двé золотiхъ; а
 »пiдъ яблунею сидiтъ дiдъ, сiвий, сiвий, якъ молоко. Побачивъ
 »попá, пiзнáвъ, да тiлько рукóю на яблуню скiнувъ: вже й слóва не
 »промóвить. Тогдi піпъ: »Эгé! та се жъ« , каже, »той гай-
 »дамака, що я покúту накинóувъ?... »Ну« , каже, »трóси.«

(1) См. Дантовъ «Адъ», пёснь XXXIII: «Какъ! сказалъ я: ты уже умеръ?—Онъ же въ отвѣтъ: Я не знаю, какимъ образомъ тѣло мое еще живетъ на землѣ. Эта Птолемя отличаетъ тѣмъ, что часто душа падаетъ въ нее, прежде нежели Атропосъ дастъ ей толчокъ. Чтобы ты охотнѣе освободилъ глаза мои отъ застывшихъ слезъ, знай, что лишь только душа согрѣшитъ предательствомъ, въ чемъ виновенъ и я, тѣло ея дѣлается немедленно добычею демона, который управляетъ имъ до послѣдняго дня жизни, а душа падаетъ въ этотъ ужасный ледникъ и, можетъ быть, тамъ наверху еще кажется въ живыхъ тѣло души, которая дрожитъ позади меня.»

«Струснѣвъ дїдъ яблуню, — усі серїбні яблука обсіпались, а двѣе золотїхъ висїть. Чого вже не робївъ вінъ? якъ не збивавъ? висїть та й висїть!...» «Оце жъ», каже, «твої два грїхї ви висїть, що ти отця й матїрѣ убївъ.» «Та, набравши въ хусточку яблукъ, и поїхавъ собі. А гайдамака тамъ и сконавъ. И мучитця оттутъ вінъ гїрше надъ усіхъ грїшникївъ, и нїколи не бѣде єму пїльги. Усімъ бѣде колись пїльга, а єму не бѣде.»

«Идемѣ», каже, «дальшъ, ажъ лежить черезъ провалле кладочка така хистка, що вся такъ и колипетця. А провалле такѣ глїбочѣнне, що й дна не вїдно, — тїлько щось гудѣ, такъ якъ у котлі кипїть. Якъ ступїла я на ту кладочку, якъ хитнѣсь, то трѣхи, трѣхи не впала. И впала бѣ такї, колись дїдъ не вхопївъ за рукавъ.» «Э, нї!» каже, «ще тобі не порѣ тудї: ще ти вѣрнєся на той свїтъ. Багато тамъ людѣй погубїлї свої дѣши то лайкою, то бїйкою, то скнаростю, то кражею, то душоубствомъ безбѣжнимъ. Отъ же, якъ вѣрнєся», каже, «то гледї мнї, роскажї людямъ про все, що тутъ бачила; нехай вони знають, що то за мѣки пекельнї, нехай памятають на праведний судъ Божий; бо вже», каже, «мученикъ Иванъ у Кїєві, въ печерахъ, по шїю въ землї стоїть; а якъ увїде зовсїмъ у зѣмлю, тогдї нїколи бѣде каятьця.»

И багато, багато росказувала про той свїтъ старá Дубїниха. Не мѣжна всѣго того жаднимъ розумомъ збагнути. А панї слѣхає-слѣхає, да зновъ: «Бабусю-голубонько! а дїтокъ же моїхъ якъ ти бачила?» А вона: «Да я жъ кажѣ тобі, моя добродїйко, що бачила я їхъ високо, високо въ раю Божому. Мата Бѣжа панчїшку плетѣ, а вони передъ нею золотїї клубѣчки держатъ.»

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПІСНИ О РАЗОРЕНІИ КІИВА БАТЯМИЪ.

Да не славнійший гóродъ Медвѣдівка изъ своїми гóродáми,
Якъ славнійший Пилипъ Орливъ зъ двома козака́ми:
Однѣ Грицько́, другий Андри́й, на віру гонитель,
Всімъ гóродáмъ Українськимъ вінъ бувъ розоритель.

Въ неділю рано-поранѣнку у всі дзвони дзвонять,
И старі́, и малі́ въ весь гóлосъ гóлосять,
На колі́на упадають и Бóга про́сять:
»Поможі́ намъ, Бóже, Кі́евъ гóродъ бороніти,
Дождемо́ Пѣршої Пречы́стої, бóдезь обідь станові́ти.«

Въ неділю рано-поранѣнку гóрода доста́ли,
Всімъ церква́мъ Українськимъ верхі́ позбива́ли,
Полотня́ні обра́зи підъ кульба́ки кла́ли,
Дзвона́ми спи́жовими ко́ні напова́ли,
Въ святи́хъ церква́хъ ко́ні станові́ли.

Примѣчаніе. Пісня эта записана Э. О. Руликовскимъ въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и помѣщена въ его прекрасной книгѣ »Opis Powiatu Wasylkowskiego« (стр. 181).

Онъ объясняетъ ее такъ:

»Думу эту надобно отнести ко времени нашествия хана Батя на Русь и Кіевъ. Хотя въ ея складѣ замѣтно недавнее происхож-

деніе ⁽¹⁾, однакожь она выразительно проникнута этимъ воспоминаніемъ. — О разореніи Кіева, и именно церковей его, Синопись говорить такъ: »Крестъ съ главы церковныя золотокванный свѣща, а верхъ до полу-церкве по окна повелѣніемъ проклятого Батыя испровергоша, такожде и верхъ олтаря великого по церси иконы Пресвятои Богородицы избиша«. Изъ этого ясно, что нынѣшняя пѣсня согласна съ историческимъ преданіемъ, ибо упоминаніе о Пилипѣ Орливѣ и его двоихъ товарищахъ ни сколько тому не противорѣчитъ, такъ какъ извѣстно, что народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми. Народъ не заботится о томъ, такъ, или иначе, назывался богатырь пѣсни: для него важенъ характеръ, выражаемый воспѣтою личностью, важны мысль и слово, которыми запечатлѣна эта личность. Поэтому Пилипомъ Орликомъ (Филиппъ Орликъ) можетъ быть у него здѣсь Батый, а два его товарища суть Манку и Пета.«

II.

СТИХИ НА КАРТИНѢ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗАКОРОЖЦА-КОБЗАРА.

Надъ бандурою:

Струни мої, струни золотїі! заграйте мнѣ стїха,
Ачѣй ⁽²⁾ козакъ нетяжище позабуде лиха!

Надъ кошемъ:

Въ насъ у Сїчі то и вѣровъ, хто *Отче нашъ* знаѣ,
Якъ умївся, встѣвши вранці, то чѣрки шукѣе.

⁽¹⁾ Почтенный авторъ ошибается, думая, что народъ способенъ складывать пѣсни о временахъ давно прошедшихъ: это свойственно однимъ писателямъ. *Медведовка*, прославившаяся гайдамачествомъ, и *Пилипъ Орликъ* показываютъ только смѣсь пѣсенныхъ воспоминаній, происходящую отъ забвенія старины. Примѣръ нерѣдкій. — ⁽²⁾ *Ачѣй* — авось-либо.

Чи чарка то, чи ківшъ бѹде, не глядѣть перемѣни;
Гладко п'ють, якъ зъ лѹка б'ють до ночної тѣни.

Внизу картины:

Дивѣся та гадѣй, та ба, не вгадѣшъ,
Відкѣль рѹдомъ и якъ зовѹть, нѣ чичѣркъ не визнаѣшъ.
Комѹ трапилось хоть разъ-у степѹ гуляти,
То мѹже той и прѣзвище моѹ угадати.
Въ менѣ имѣ не однѹ, а есть їх до кѣта:
Такъ зовѹть, якъ набѣжѣшъ на якогѹ свѣта.
Жидъ зъ бѣди за рѣдного бѣтька почитѣе,
Милостѣвимъ добрѹдіемъ Лѣхъ називѣе;
А ти якъ хѹчъ назовѣ, на всѣ позволяю,
Абѣ тѣлько не крамаремъ, бо за те й подаю.

Відкѣль я рѹдомъ взявся на свѣтѣ,
Всѣкий зъ васъ хѹче знѣти примѣти.
Жѣнокъ въ Сѣчѣ немаѣ,
Всѣкъ те добрѣ знаѣе.
Хибѣ скажешъ — взъ рѣби рѹдомъ,
Абѹ сь пѹгача дѣдъ мѣй плодомъ.
Но въ томъ себѣ мѣлишъ
И на-крѣво цѣлишъ.
У насъ сугакѹвѣ тѣлько слѣди,
А дѣкѣ кѹнѣ намъ сусѣди;
А Днѣпрѹве стрѣмя —
Тѹ наше плѣмя.
Трѹхи Лѣхвѣ угадала,
Що лошака даровала.
Глянь на гербъ сей знаменѣтый, —
Вѣцъ висѣть на дубѹ обвѣтый.
Правда, якъ кѣнь въ степовѣй волѣ,
То такъ козакъ на безъ долѣ:
Кудѣ схѹче, тудѣ скѣче,
За козакомъ нѣхтѹ не заплаче.

Гай-гай! якъ я бувъ мѹлодъ, щѹ въ минѣ булѣ за силѣ!

Ляхівъ нещадно б'ютьчи, рука й разъ не зомліла.
А теперъ и воягъ дужча відъ Ляха здаєтця:
Плечи и нігти болять, якъ день попоб'єєся.
Така-то, бачу, недовга літь нашихъ годіна:
Скоро цвітє, скоро и віне, якъ у полі биліна,
Хоча мині й не страшно на степу вмирати,
Тільки жалко, що нікому буде поховати:
Татаринъ цураєтця, а Ляхъ не приступить,
Хибá яка звирюка за ногу у байракъ поцупить.
Та вже жъ пристарівшись на Русь пийти мушú,
Ачєй такі одпоминають попі мою дúшу.
Тільки жъ мині негодже на лаві вмирати,
Бо ще менє берє охота зъ Ляхами гуляти.
Хочá вже трóхи й зледашивъ, да ще чують плечи —
Кажетця, поборóвся бъ ще зъ Ляхами гъ рєчи,
Ачєй би що-небудь перекинули для смєрти...
Або Жйду, або Ляху жúшу носá втєрти.
Ищє бъ прогнавъ Ляхви хорúговъ за Віслу не трóхи,
Розлетілись би вони всі, якъ одъ пожару блóхи.
Лучалось мині на степу варити пйво:
Пивъ Тúrчинъ, пивъ Татаринъ, пивъ и Ляхъ на-диво.
Багато й теперъ лежить на степу сь похмілля
Мєртвихъ голівъ и кистóкъ одъ того весілля.
Надія вь менє певна — мушкеть-сіромáха,
Ищє не заржавіла и шáбля, моё свáха.
Хоть ужє не разъ пáсокою вмілась,
Такі вона й теперъ якъ-би розозлилась,
То не одинъ катєликъ лóбомъ догорі стáне,
Коли жъ поквáпитця втíкати, на спису застрáне.
Та якъ и лúкъ натягну, брýзну тятивóю,
То мýсить утíкати хáнъ Крймський зъ ордою.

Эй нúте лишъ, степи, горить пожарáми,
Бо вже часъ кожухъ минáти на жунавь зъ Ляхами.
Та якъ йрмарокъ добрий удача покаже,
То вь бариші Жидь зъ Ляхомъ не одинъ поляже.

Цёкъ імь! якъ намóжутца, то мўсншь усту́пнн:
 За шкату́ду черво́ннхъ н за рóнднвкъ (¹), зóлотомъ шн́тнй,
 Кожўхъ скру́плнй скн́нешь імь до кáта,
 Абн́ якъ спурáтнся упрáмого свáта.
 Да вже бн́жн чнмъ дужь до Сн́чн могорн́чў пн́тн...
 Цўрь імь бодáй! якъ звн́кли насъ Ля́хн дурн́тн!

III.

**ШЕСТА ИЗЪ ДУМЫ РИГОРНИКА О ФЕСЬКЪ ДИДЕВЬРЪ, ПЕРВОУВЕДЕНІЯ ВЪ ДОПОЛНЕНІИ
ДУМЫ АНДРЕЯ ШУТА О ТОМЪ ЖЕ ГЕРОЪ.**

»Гей Нáсте Горовáя,
 Шннкáрко молодáя,
 Кабáшннце степóвая!
 Не велю я тобн́ сёгó козакá съ лáтн внганя́тн,
 Хочъ я свн́й осьмáкъ на пн́во внкн́дáю,
 А тн́ ёгó съ лáтн не внбнвáй.«

Ись-пн́дъ нолн́ позлотн́стнй недолн́мокъ (²) внннмáе,
 По столу́ трн́ рáзн затн́ндáе,
 Козáцькў пн́сню спн́вáе:
 »Ой рн́ко козáцькáя!
 Тепёръ мéне абó зодягáй,
 Абó до себé прнннмáй.«

Тодн́ де взя́лнся трн́ джўрн́ малн́хъ-невелн́кннхъ:
 Що пёрвн́й джўра н́дэ,
 Пáру жупáннвъ ёмў не́се;
 Дрўгн́й джўра н́дэ,
 Жóвтн́ сащя́нцн́ ёмў не́се,
 А трéтн́й джўра н́дэ,
 Шн́рóкнн, що н́ слн́дъ замн́тають червóнн шаровáрн не́се,

(¹) Конскій уборъ.

(²) Келепéць. Пр. н.

И оксамітну шапку на голову ёму несé.

Вони ёму приношáли

И до ёго промовляли :

»Гей Феськò Дендебéре ,

Батьку козацький , славний лицаре!

Доки тобі тута пустова́ти?

Чась-пора йти на Україну батькува́ти.«

Тоді Феськò Дендебéря полатану, подрату, узловату одéжу скидає ,

Па́ру жушáнівъ надіває ;

Посто́лі бобро́ві,

Лича́ні, вязо́ві,

Знімає,

Жóвті сапъя́нці обуває,

И на своїхъ джу́рь покликає:

»Гей, джу́ри ви мої малі-невеликі!

Добре ви дба́йте,

Сихъ Ляхівъ ,

Ду́ківъ - срібляниківъ ,

По оди́нцю съ ха́ти вивожда́йте,

Та середъ оболоння їхъ покладáйте,

Хороше́нько въ три берéзи по ду́пахъ затина́йте.«

Тоді ті Ляхи́,

Ду́ки - срібляники́,

Тéе зачува́ли,

Добре дба́ли,

Зъ шінку ути́кали ;

А опісля до ёго приходя́ли,

Соболёвими шубами ёго дарува́ли,

Слова́ми до ёго промовляли :

»Гей Феськò Дендебéря!

Коли́бо ми тебе́ були зна́ли,

Сади́ли бь́ були тебе́, не займа́ли.«

Тоді Феськò Дендебéря на шинка́рку покликає :

»Гей, шинка́рко Горовáя,

На́сте молодáя,

Кабáшницe степовáя!
Гей, кадуки бѣ тоби вѣ м.....!
Теперѣ мені цеберѣ мѣду, а другий горілки насипай,
Велю тоби їх на скам'ї становити;
А я, якъ не могу тоби заплатити,
То стану до тебе на три годи груби топити.»
Шинка́рка Горовáя,
На́стя молодáя,
Кабáшницe степовáя,
Тее зачувае,
Цеберѣ мѣду, другий горілки насипае,
На скам'ї постановляе,
До єго слова́ми промовляе:
»Гей, Фесько́ Дендебе́ря,
Гетьма́нъ Запорозький, Черка́ський,
Това́ришу на́ський,
Якъ-би я тебе бу́ла зна́ла,
То я бѣ тебе съ ха́ти вѣ потилицю не вибивáла
А теперѣ, коли хочѣ ище вѣ мене́ до́вше погуля́ти,
Я тоби могу́ ище вѣ ма́сли кашлу́нивъ зготува́ти.«

Якъ погулявѣ Фесько́ Дендебе́ря тамъ ще чоти́ри неді́лі,
То оттáмъ усі єго́ бі́ті тала́ря засі́ли.

IV.

ПѢСНЯ О КОЗАКЪ ВАСИРЕНКОМЪ.

Да встанѣ, ба́тьку съ того́ світу, вели́кий гетьма́не! (1)
Якъ поиде́мъ до Цари́ці — по пре́жньому́ ста́не.
»Ой Цари́це, на́ша ма́ти! зми́луйся надъ на́ми,
Одда́й же намъ на́ші зе́млі съ те́мними луга́ми.«
»Не на те́е, ми́ле бра́тте, я Сі́чь руйно́вала,

(1) Не помню, где-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по своему народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздно. Здѣсь разумеется Богданъ Хмельницкій.

Ой щобъ я вамъ ваши зѣмли, клейноди вертала.«
Течє рѣчка невеличка, підмиває кручи:
Заплакали Запорозці, одь Царіці йдучи.
Васюрїнський козарлюга все пье та гуляє,
Отамана кошового батькомъ називає:
»Позволь, батьку отамане, намъ на башті стати:
Якъ не стїдно а Царіці та Січъ руйновати!
Не позволишь съ шабелькѣми, позволъ съ кулакѣми:
Нехай наша слава не гине поміжъ козакамі!«

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ, ПРОКЛИНАЮЩІЙ БОГДАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАТАРАМЪ УКРАИНСКИХЪ ПОСЛАНИХЪ ВЪ НЕВОЛЮ.

Кондрать Тарануха, разказавъ легенду о Хмѣльницкомъ (см. выше, стр. 114), прибавилъ, что Хмѣльницкій продавалъ Татарамъ *на ясырь*, т. е. въ неволю, цѣлыя села, и, въ доказательство, припомнилъ слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ забытой имъ пѣсни:

Ой бодай Хмеля Хмельницького
Перва кўля не минула,
Що велївъ брати парубки й дівки
И молодїї молодїці.
Парубки йдуть спиваючи,
А дівчата ридаючи,
А молодїї молодїці
Старого Хмеля проклинаючи:
»Ой бодай Хмеля Хмельницького
Перва кўля не мивула.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

О П Е Ч А Т К И.

СТРАВ.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
XII	9	<i>съ войнати</i>	<i>съ войнами</i>
XIII	27	<i>пѣсь.</i>	<i>пѣсень.</i>
XVII	8	Вовчка.	Вовчка,
XVIII	5	Шѣрба.	Шѣрба.
—	23	<i>Калишцины.</i>	<i>Колішцины.</i>
XXII	9	Стр.	Стр. 315
XXV	1	не съ зозаками,	не съ козаками,
—	19	Запорожцевъ	Запорожцевъ
—	23	къ спокойному	къ покойному
43	22	не я втерплю	я не втерплю
68	2	еказавъ	сказавъ
75	5	топлатця	топлатця
88	4	Александръ и Казиміръ	Казиміръ Ягеллонъ и
		Ягеллонъ	Александръ.
95	7	напѣвшились	напѣвшились
116	9	іхати	іхати
117	19	не давать	не давать
147	1	сѣме ро	сѣмеро
156	7	сказавъ въ, той	сказавъ, то й
162	18	А вон якъй	А воні, якъ
163	22	Запорожцевъ	Запорожець.
164	30—31	продолжнѣе	продолженіе.
244	32—33	людии убра лись	людей и убрались
246	4	бесознательно	бесознательно
247	32	А я — говоритъ	А я — говоритъ —
250	9	й жупанъ, добувъ.	й жупанъ добувъ.
252	11	побижимъ,	побіжымъ,
253	10	каже:	каже:
258	21—22	<i>постолахъ</i> (*).	<i>постолахъ</i> (*).
261	30	въ Троицко	въ Троицкой
265	1	думавъ,	думавъ,
—	25—26	плотника	плотника
268	26	Смилянскому	Смилянскому
272	17	поставлять	поставлять
—	29	козаківъ	козаківъ
278	6	ганчарá	гончарá
280	4	казакъ,	казанъ,
—	8	заразь	заразь
281	17	изъ	изъ
285	28	Жидинять	Жиденять
289	7	давниі	давниі
296	31	оттуда	откуда

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛІДУЄТЬ:
300	32	бросиъ	бросиъ
303	15	кращихъ-дітокъ,	кращихъ дітокъ,
306	14	Лизь!	Лизь!
307	17	вивізь!	вивізь!
—	28—29	папімátko,	папімátko,
308	32—33	по говіло, а самъ навті- кача!	по голові, а самъ нав- тікача!
309	8	у холодукъ,	у холодукъ.
—	29	на їх	на їхъ
—	33	йв- рятовати	вирятовати
310	2	пакіне	пакіне
—	13	по сади	посади
316	28	просходящую	просходящую
317	31	на безъ долі:	не безъ долі:
318	29	поквапитця	поквапитця